

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 23. № 6

2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию

Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 23. No. 6

2024

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

Том 23. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024

Volume 23. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024. Vol. 23. No. 6

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval,*

I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up: *M.Yu. Merkulova, O.N. Yadykina*

Technical editing: *M.Yu. Merkulova,*

E.S. Reshetnikova

Passed for printing on Nov. 1, 2024.

Date of publication: Dec. 31, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 21.7. Published pages 23.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 132. «C» 47.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024. Т. 23. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка *М.Ю. Меркуловой, О.Н. Ядыкиной*
Техническое редактирование *М.Ю. Меркуловой,*
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 01.11.2024 г.

Дата выхода в свет: 31.12.2024 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21,7.
Уч.-изд. л. 23,3. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).
Заказ 132. «С» 47.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Томеллеры В.С.* Молитва Захарии
в двух новгородских переводах конца XV –
первой половины XVI в.:
некоторые размышления
о многократных и повторных переводах 6
- Пентковская Т.В.* Перифрастические конструкции
с глаголом *иметь* и пассивным причастием
в переводе «Истории управления
настоящего империи Оттоманской» П.А. Толстого 28
- Новак М.О.* Церковнославянская версия
«Церковных анналов» Цезаря Барония
и переводы Чудовского круга XVII в.:
сопоставительный анализ лексики 39
- Жолобов О.Ф.** Контрасты квантификации
лексических микросистем
с синонимами *съвѣдѣтель – послухъ*
и дериватами в древнерусской письменности
(на материале исторического корпуса
«Манускрипт») 49
- Пенькова Я.А.* Глаголы *имати* и *бърати*:
дистрибуция и конкуренция
в истории русского языка 63
- Кунавин Б.В.* Древнерусское
придаточное предложение с причастием
в роли единственного предиката:
диахронический аспект 80
- Руднев Д.В., Шарихина М.Г.* Геометрическая
терминология в русском языке начала XVII в.
(на материале «Устава ратных,
пушечных и других дел,
касающихся до воинской науки») 91

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Пименова М.Вас. Семантический синкретизм
как регулятор динамической устойчивости
лексической системы языка 109

Шептухина Е.М. Деловые письма В.Н. Татищева
в жанровом аспекте (на материале документов
Национального архива Республики Калмыкия) 125

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Сунь Ц., Карабулатова И.С., Цзоу Ц., Ко Ч.*
Метафорическая терминология в древних текстах
традиционной китайской медицины:
проблемы понимания и перевода [*На англ. яз.*] 141
- Рабкина Н.В.* Псевдославянские реалии
в жанре псевдоэтнического фэнтези
в переводе на русский язык [*На англ. яз.*] 158
- Леонтович О.А., Ханова А.А.* Исторический нарратив:
конститутивные признаки
и языковые характеристики 167

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Малюга Е.Н., Мадинян Е.И.* Стратегии
манипулятивной риторики в англоязычном деловом
медиадискурсе [*На англ. яз.*] 181
- Сороколетова Н.Ю.* Лингвопрагматика
интерактивности в жанре бизнес-презентации 193
- Данилова В.А.* Ретрансляция культурного кода
в русско-португальском художественном переводе:
переводческий эксперимент 206

ДИСКУССИИ

Нагорная А.В. Язык «тайного ощущения»: перспективы
лингвистического исследования проприоцепции 219

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Tomelleri V.S.* Zacharias's Prayer
in Two Novgorodian Translations
(End of the 15th – First Half of the 16th Century):
Some Reflections on Multiple Translations
and Re-Translations 6
- Pentkovskaia T.V.* Periphrastic Constructions
with the Verb *Imet'* (to Have) and the Passive Participle
in Pyotr Tolstoy's Translation of *The History
of the Present State of the Ottoman Empire* 28
- Novak M.O.* Church Slavonic Version of Caesar Baronius
Annales Ecclesiastici and Chudov Translations
from the 17th Century:
Comparative Analysis of Vocabulary 39
- Zholobov O.F.* Quantification Contrasts
of Lexical Microsystems
with Synonyms *Свѣдѣтель – Послужь*
(a Witness) and Their Derivatives
in the Old East Slavic Written Sources
(Based on *Manuscript* Historical Corpus) 49
- Penkova Ya.A.* The Verbs *Imati* (to Have)
and *Brati* (to Take): Distribution and Competition
in the History of Russian 63
- Kunavin B.V.* Old Russian
Subordinate Clause with a Participle
as the Only Predicative:
A Diachronic Aspect 80
- Rudnev D.V., Sharikhina M.G.* Geometric Terminology
in the Russian Language of the Early 17th Century
(Exemplified by “Charter of Martial,
Cannon and Other Matters Related
to Military Science”) 91

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Pimenova M.Vas.* Semantic Syncretism as a Regulator
of Dynamic Stability in the Lexical System
of a Language 109
- Sheptukhina E.M., V.N.* Tatishchev's Business Letters
in the Genre Aspect (Based on the Documents
of the National Archive of the Republic of Kalmykia) ... 125

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Sun Q., Karabulatova I.S., Zou J., Kuo Ch.* Metaphorical
Terminology in Ancient Texts
of Traditional Chinese Medicine:
Problems of Understanding and Translation 141
- Rabkina N.V.* The Pseudo-Slavic Realia
in Pseudo-Ethnic Fantasy: The Issues of Translation
into the Russian Language 158
- Leontovich O.A., Khanova A.A.* Historical Narrative:
Constituent Features
and Linguistic Properties 167

MATERIALS AND REPORTS

- Malyuga E.N., Madinyan E.I.* Strategies
of Manipulative Rhetoric in English-Language Business
Media Discourse 181
- Sorokoletova N.Yu.* Linguopragmatics of Interaction
in the Genre of Business Presentation 193
- Danilova V.A.* Retranslation of Cultural Code
in Russian-Portuguese Literary Translation:
Translation Experiment 206

DISCUSSIONS

- Nagornaya A.V.* The Language of the “Secret Sense”:
On the Linguistic Study of Proprioception 219

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.1>

UDC 81'25:27-247.7
LBC 81.18

Submitted: 16.07.2024
Accepted: 16.09.2024

**ZACHARIAS'S PRAYER IN TWO NOVGORODIAN TRANSLATIONS
(END OF THE 15th – FIRST HALF OF THE 16th CENTURY): SOME REFLECTIONS
ON MULTIPLE TRANSLATIONS AND RE-TRANSLATIONS¹**

Vittorio Springfield Tomelleri

University of Turin, Turin, Italy

Abstract. The article examines the phenomenon of “multiple” translation using the example of two Church Slavic versions of Zacharias’s prayer, translated from Latin. The interlinear publication of both texts, carried out for the first time, is accompanied by a short philological and linguistic commentary providing a detailed analysis of the principal features of these two translations, which arose independently of each other in Novgorod, with a gap of some decades between them (end of the 15th – first half of the 16th century). When comparing the Novgorodian versions of the prayer, an interesting circumstance was revealed: if some discrepancies between the translations undoubtedly result from differences in the genre and function of the two translated works, certain lexical and grammatical deviations from the Latin model appear to be externally influenced by the existing Church Slavic text of the prayer, which was originally translated from Greek. For the correct understanding of these “new” versions, it is always necessary to constantly consider the possibility of strong interference from the “traditional text”, already existing in the written form as well as in the translators’ minds. Therefore, in this case we can only conditionally refer to translation in the literal sense of the word, designating a similar way of working as a peculiar case of “re-translation”.

Key words: Zacharias’s prayer, Chudov Latin Psalter, Bruno’s Commentated Psalter, Greek text, Latin text, Church Slavic translations, re-translation, Novgorod.

Citation. Tomelleri V.S. Zacharias’s Prayer in Two Novgorodian Translations (End of the 15th – First Half of the 16th Century): Some Reflections on Multiple Translations and Re-Translations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 6-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.1>

УДК 81'25:27-247.7
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 16.07.2024
Дата принятия статьи: 16.09.2024

**МОЛИТВА ЗАХАРИИ В ДВУХ НОВГОРОДСКИХ ПЕРЕВОДАХ
КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.:
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
О МНОГОКРАТНЫХ И ПОВТОРНЫХ ПЕРЕВОДАХ¹**

Витторио Спрингфилд Томеллери

Туринский университет, г. Турин, Италия

Аннотация. В статье рассматривается феномен «многократного» перевода на примере двух церковнославянских версий молитвы Захарии, переведенных с латыни. Интерлинейное воспроизведение обоих текстов осуществлено впервые. Оно сопровождается кратким филологическим комментарием, в котором проводится подробный анализ главных особенностей этих двух переводов, возникших в Новгороде незави-

симо друг от друга и разделенных несколькими десятилетиями (конец XV – первая половина XVI столетия). При сравнении новгородских версий молитвы обнаружено, что отдельные расхождения между переводами обусловлены различиями в жанре и функции двух переведенных произведений, а определенные лексические и грамматические отклонения от латинской модели, вероятно, вызваны внешним влиянием – церковнославянским текстом молитвы, который изначально был переведен с греческого языка. Для правильного понимания этих «новых» версий необходимо учитывать возможность сильной лексической и грамматической интерференции со стороны «традиционного текста», уже существовавшего как в письменном виде, так и в сознании переводчиков. Следовательно, говорить о переводе в прямом смысле слова в данном случае можно лишь условно, обозначая подобный ход работы как особый вид «повторного перевода».

Ключевые слова: молитва Захарии, Чудовская латинская псалтирь, Толковая псалтирь Брунона, греческий текст, латинский текст, церковнославянские переводы, повторный перевод, Новгород.

Цитирование. Томеллеры В. С. Молитва Захарии в двух новгородских переводах конца XV – первой половины XVI в.: некоторые размышления о многократных и повторных переводах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 6–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.1>

Светлой памяти Евгения Михайловича Верецагина
(29.10.1939–07.04.2024)

Предварительные замечания

Наличие нескольких переводов одного текста обеспечивает исследователю возможность параллельного и контрастного изучения лексических особенностей и грамматических конструкций этих различных версий на достаточно твердой основе. При использовании иноязычного подлинника в качестве основания для сравнения (*tertium comparationis*) относительно легко определить различия и сходства между переводами. Подобный анализ может оказаться полезным прежде всего в лексическом плане, но также на уровне морфологии и, в несколько меньшей степени, синтаксиса². Классификация этих различий помогает лучше понять переводческую технику определенной эпохи или школы и выявить, наряду со способностями и недостатками книжников, различия в методах и приемах, тесно связанные, естественно, с конкретной целью и функцией переводного сочинения. Кроме этого, анализ многократных переводов проливает свет на общие тенденции эволюции переводческой теории и практики во времени и пространстве. Таким образом, церковнославянские переводы одного и того же исходного текста представляют собой ценный материал не только для понимания переводческой техники, но и для более глубокого исследования языка и культурной истории в разные эпохи и в разных культурных контекстах.

В старо- и церковнославянской традиции хорошо известны и представлены в литературе случаи многократных переводов; этому явлению посвящались отдельные исследования и целые сборники (см., например: [Trost, 1978; Thomson, Noret, 1994; Keipert, 1999; Stern, 2002; 2016; Преводе..., 2004; Многократните преводи..., 2006]).

Многократные переводы могут возникать по разным причинам и разными способами, обусловленными культурно-историческими условиями и конкретной деятельностью различных книжников или книжных центров: одновременно в нескольких местах (дистрибутивно)³, как Септуагинта, или в одном месте, но в разные моменты времени (итеративно или репетитивно), как наглядно показывает судьба литургических тропарей, посвященных Богоматери (богородичных), или, наконец, в разных местах и в разное время (дистрибутивно-итеративно).

В зависимости от жанровой принадлежности, датировки и локализации, они определяются как (1) «переводы различных источников – греческих или латинских», (2) «отдельные сочинения, проникшие независимым путем в книги различного предназначения и состава», (3) «повторные переводы или обновленные редакции компактных сборников с богослужебной или небогослужебной функцией», или, наконец (4) «параллельные переводы текстовых корпусов, изготовленных в различных центрах» [Многократните преводи..., 2006, с. 19].

Картина становится сложнее и разнообразнее, если новый церковнославянский перевод носит вторичный характер, так как осуществлялся по другому переводу, например латинскому, восходящему к тому же греческому оригиналу, который лежал в основе предыдущего и/или первоначального

славянского перевода. Чтобы такой текстовый треугольник стал понятным, возьмем конкретный текст, на котором и будет сосредоточено наше внимание: в настоящей статье впервые вводятся в научный оборот два церковнославянских перевода с латыни новозаветной молитвы Захарии, отца Иоанна Предтечи (Лк. 1, 68–79), известной в старославянской традиции с древнейших времен в переводе с греческого языка. Здесь перекрещиваются каким-то любопытным образом три первых вышеупомянутых определения, так как речь идет о повторных переводах отдельных сочинений, восходящих к разным источникам и засвидетельствованных в различных по жанру сочинениях.

Особенность этих церковнославянских текстов, находящихся в псалтырном контексте, то есть среди библейских песен, заключается в том, что их перевод был выполнен по латинской версии текста, которая, подобно славянской, восходит к греческому оригиналу. Такой случай представляет собой особый тип «повторного перевода»: в отличие от большинства других примеров, когда переводы создавались независимо друг от друга⁴, их создатели обращаются к одному и тому же новому источнику, содержащему тем не менее давно известный им текст. Ценность «новых» (или обновленных) версий уже существовавших текстов состоит в том, что при работе над переводом славянские книжники находились, вольно или невольно, под сильным влиянием традиционного церковнославянского текста, с которым они были хорошо знакомы благодаря его многовековой истории и частому употреблению.

Нельзя, конечно, исключать возможности случайного совпадения при переводческих решениях. Однако, когда церковнославянский текст значительно отличается от латинской модели, при этом полностью совпадая с «традиционным» переводом с греческого, случайность, на мой взгляд, мало правдоподобна.

При таких обстоятельствах говорить о переводе можно лишь с некоторой долей неуверенности, поскольку вероятность контаминации текстов, как увидим, более чем реальна. Только при внимательном анализе этих «новых» переводов с учетом их взаимодействия как с латинской моделью, так и с традиционной церковнославянской версией (и, через нее, с исходным греческим текстом) можно разобраться в этой интертекстуальной клубке. Такой комплексный подход помогает наблюдать сложные взаимоотношения между различными текстовыми традициями и, следовательно, установить степень влияния латинской модели на новые переводы и, наоборот, выявить преломление в последних традиционного текста. Эти взаимоотношения можно рассматривать как конкуренцию языковых образцов на стыке верности традиции и более или менее сознательного стремления к инновации.

Предмет исследования

Молитва Захарии, как известно, входит в состав девяти канонических библейских песен, следующих за псалтирью. В греческой традиции она составляет девятую и последнюю песнь вместе с молитвой Богородицы, в то время как в латинской традиции она рассматривается как отдельная и самостоятельная единица. Именно в двух переводных памятниках, прямо или косвенно связанных с переводческой деятельностью, осуществлявшейся при дворе новгородского архиепископа Геннадия, появились, в течение полувека, два новых перевода этого текста. Они содержатся в следующих сочинениях:

1. В надстрочном переводе, который был вставлен в текст библейских песен латинской псалтири, полностью записанной в кириллической транскрипции. Единственный рукописный экземпляр этой латинско-славянской версии молитвы хранится в Москве, Государственный исторический музей, Чудовское собрание № 53/29, конец XV в. [Седельников, 1929, с. 18; Протасьева, 1980, с. 37], л. 188 об. – 189 об.;

2. В Толковой псалтири Брунона Вюрцбургского, переведенной Дм. Герасимовым по поручению тогдашнего новгородского архиепископа Макария (текст приводится по списку Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, Собрание Соловецкого монастыря, ф. 717 № 1039/1148, середина XVI в. [Порфирьев, Вадковский, Красносельцев, 1881, с. 146–153], л. 759 об. – 762).

Для облегчения сравнения ниже предлагается интерлинейное издание молитвы. Шестистроочное воспроизведение обеих версий молитвы предусматривает, помимо двух новгородских переводов,

латинский подлинник и его кириллическую транскрипцию, традиционный церковнославянский евангельский текст и греческий подлинник в следующем порядке:

- 1) латинский текст в кириллической транскрипции по Чудовской латинской псалтири (сокр. **Л**);
- 2) обратная транслитерация латинского текста (**L**, см. также приложение 1);
- 3) церковнославянский перевод по Чудовской латинской псалтири (**Ч**);
- 4) церковнославянский перевод по Толковой псалтири Брунона (**Б**);
- 5) новозаветный текст по Геннадиевской Библии 1499 г. (**ГБ** [Библия, 1992]);
- 6) греческий текст по изданию Ральфа (**G** [Rahlf, 1979]).

В круглых скобках указывается номер листа рукописи (конец строки не обозначается) в первой, третьей и четвертой колонках, номер страницы факсимильного издания Геннадиевской Библии в пятой колонке, а также разбивка евангельского текста на стихи по латинскому и греческому текстам во второй и шестой колонках. В конце статьи отдельно издается текст молитвы Захарии с толкованиями по Толковой псалтири Брунона.

Интерлинейное издание молитвы

Л (188 об.)	Кантѣкъ.	захарїа.		Бенедиктоуць	доминоуць	деоуць	їзраель:	квїа
L	Canticum	Zachariae	(1)	Benedictus	dominus	deus	Israel	quia
Ч (188 об.)	пѣ	захарїина ⁵		Блѣнъ	гь	бъ	їзраїлѣ:	їако
Б (759 об.)				Блѣнъ	гь	бгъ	їзраїлевъ	їако
ГБ (194)				Блѣнъ	гь	бъ	їзлѣвъ	їако
G (178)			(68)	Εὐλογητός	κύριος	ὁ θεός	τοῦ Ἰσραηλ,	ὅτι

Л	визѣтавитъ	еть	феситъ	редѣпъсїоннѣмъ	плебисъ	сое		Еть	ереситъ
L	visitavit	et	fecit	redemptionem	plebis	suae.	(2)	Et	erexit
Ч	посѣти	и	сътвори	їзбавленїе	людемъ	свой		и	вззѣвиже
Б	посѣти	и	сътвори	їзбавленїе	людемъ	своимъ		и	вззѣвиже
ГБ	посѣти	и	сътвори	їзбавленїе	людемъ	своимъ.		и	вззѣвиже
G	ἐπεσκέψατο	καὶ	ἐποίησεν	λύτρωσιν	τῷ λαῷ	αὐτοῦ,	(69)	καὶ	ἤγειρεν

Л	корноу	салютисъ	нобисъ:	инь	домо	давидъ	поуѣри	суй	
L	cornu	salutis	nobis	in	domo	David	pueri	sui.	(3)
Ч	рогъ	спсєніа	намъ:	в	домѣ	давыда	ўтрока	своѣ	
Б	рогъ	спсєніа	нѣ	ѣ	домѣ	давидовѣ	ўтрока	своѣго.	
ГБ	рогъ	спсєніа	намъ	в	дѣмоу	дѣдовѣ	ўтрока	своѣго.	
G	κέρας	σωτηρίας	ἡμῖν	ἐν	τῷ οἴκῳ	Δαυὶδ	τοῦ παιδός	αὐτοῦ,	(70)

Л	Сикѣтъ	локоутѣсь	ѣсть	перъ осъ	санкторѣмъ:	кви	а	секоуло	сунтъ
L	Sicut	locutus	est	per os	sanctorum	qui	a	saeculo	sunt
Ч	їако	гѣалъ	ѣсть	ѣсты	сѣыхъ:	їже	ѡ	вѣка	сѣтъ
Б	їакѡ	гѣалъ	ѣсть	ѣсты	сѣыхъ,	їже	ѡ	вѣка	сѣтъ
ГБ	їакоже	гѣа		оусты (так)	сѣи	соуцїхъ	ѡ	вѣка	
G	καθώς	ἐλάλησεν		διὰ στόματος	τῶν ἁγίων	τῶν	ἀπ'	αἰῶνος	

Л	профетароумь	еюсз		Салдѣ	ексз	инимиссез	нострисз:	еть	де	манѣ
L	prophetarum	eius.	(4)	Salutem	ex	inimicis	nostris	et	de	manu
Ч	прѣкз	ѣго		Сѣсеніе	ѡ	врагъ	наши:	и	иъ	рѣкз
Б	прѣковз	ѣгѣ;		Сѣсеніе	ѡ	врѣ	нашихъ.	и	ѡ	рѣки
ГБ	прѣкъ	ѣго,		сѣсеніе	ѡ	врагъ	наши,		иъ	роукы
G	προφητῶν	αὐτοῦ,	(71)	σωτηρίαν	ἐξ	ἐχθρῶν	ἡμῶν	καὶ	ἐκ	χειρὸς

Л	ѡмни ѣмь	кви	ѡдерѣнтъ	носз		Адз	фасиендамь
L	omnium	qui	oderunt	nos.	(5)	Ad	faciendam
Ч	вѣъ хъ (189)		ненавидѣши	нѣ		Кз	сзтворенію
Б	вѣъхъ		ненавидѣ шиъ	нѣсз;		Кз	сзтворенію
ГБ	вѣъхъ		ненавидѣшиъ	нѣ.			сзтворити
G	πάντων		τῶν μισούντων	ἡμῶς,	(72)		ποιῆσαι

Л	мизерикордиамь	коумь	патривоусз	нострисз:	еть	меморари	тестаменти	сѣи
L	misericordiam	cum	patribus	nostris	et	memorari	testamenti	sui
Ч	милости.	сз	ѡѣы	нашими:	и	поманѣти	завѣта	своего
Б	мѣть	сз	ѡѣы	нѣими	и	поманѣти	завѣта	своего
ГБ	мѣть	сз	ѣѣы	нашими.	и	поманѣти	завѣтъ	сѣи
G	ἔλεος	μετὰ	τῶν πατέρων	ἡμῶν	καὶ	μνησθῆναι	διαθήκης	ἁγίας

Л	санкти.		Юсзюрандѣмь	кводз	юравить	адз	авраамъ	патреть
L	sancti.	(6)	Iusiurandum	quod	iuravit	ad	Abraham	patrem
Ч	сѣго.		Клатвою	ѣюже	клатса	кз	ѣврамѣ	ѡѣѣ
Б	сѣго;		Клѣвѣ	ѣюже	клатѣа	кз	ѣвра(а)мѣ	ѡѣѣ
ГБ	свои.		клатвою	ѣюже	клатса	кз	ѣвраѣмоу	ѣѣоу
G	αὐτοῦ,	(73)	ῥρκον	ὄν	ὡμοσεν	πρὸς	Ἀβρααμ	τὸν πατέρα

Л	нострѣмъ:	датѣорѣмъ	се	нобисз		ѣтъ	сине тиморе	де	манѣ
L	nostrum	daturum	se	nobis.	(7)	Ut	sine timore	de	manu
Ч	нашемѣ:	дѣти	са	намъ		Да	вѣ страха	ѡ	рѣкз
Б	нашемѣ	дѣти	сеѣ	намъ		Да	вѣ страха	ѡ	рѣкз
ГБ	нашемѣоу	дати		намъ			вѣстраха	иъ	рѣкы
G	ἡμῶν,	τοῦ δοῦναι		ἡμῖν	(74)		ἀφόβως	ἐκ	χειρὸς

Л	инимикороумь	нострѣрѣмъ	либерати		сервиамосъ	или		инь	санктитате
L	inimicorum	nostrorum	liberati		serviamus	illi.	(8)	In	sanctitate
Ч	врагъ	нашихъ	иъзбавлени		сѣжимъ	томѣ		вз	прѣѣи
Б	врѣгъ	нѣшихъ	иъзбавлени		сѣоужимъ	томѣ		Вз	сѣѣни
ГБ	врагъ	нашихъ	иъзбавльшемса.		сѣоужити	ѣмѣ			прѣѣиёмь
G	τῶν ἐχθρῶν	[ἡμῶν]	ῥυσθέντας	(75)	λατρεύειν	αὐτῷ		ἐν	ὀσιότητι

Л	еть	ιουστιϋα	корамь	ипсо	ωμνιβδςς	дѣвоуєςς	нострисς
L	et	iustitia	coram	ipso	omnibus	diebus	nostris.
Ч	и̑	правдѣ	п̑ре	нимъ	всѣхъ	д̑ни	нашихъ
Б	и̑	п̑равдѣ	п̑ре	нимъ	вса	д̑ни	живота
ГБ	и̑	п̑равдою	п̑ре	н̑имъ	вса	д̑ни	живота
G	καὶ	δικαιοσύνη	ἐνώπιον	αὐτοῦ	πάσας	τὰς ἡμέρας	

Л			ѣть	тѣ	поуерь	профета	алтисими	вокаберисς:	преивисς
L		(9)	Et	tu	puer	propheta	altissimi	vocaberis	preibis
Ч			И̑	ты	в̑троуа	п̑р̑исς	вышнаго	нареуещиса	п̑реидеши
Б	нашего;		И̑	ты	в̑троуа	п̑р̑исς	вышнаго	нареуещиса.	п̑реидеши
ГБ	нашего.		и̑	ты	в̑троуа	п̑р̑исς	вышнаго	нареуещиса.	п̑реидеши
G	ἡμῶν.	(76)	Καὶ	σὺ δέ,	παιδίον,	προφήτης	ὑψίστου	κληθήσῃ	προπορεύσῃ

Л	енимь	анте фасиємь	домини	параре	в̑асς	еиосς		Адъ	дандѧ
L	enim	ante faciem	domini	parare	vias	eius.	(10)	Ad	dandam
Ч	во	п̑ре лицемъ	г̑нимъ	о̑гоговати	п̑ти	ѣго:		Къ	ддан̑ю
Б	в̑	п̑ре лицѣ	г̑нимъ	о̑гоговати	п̑ти	ѣго;		Къ	д̑ю
ГБ	в̑	п̑ре лицемь	г̑немь	о̑гоговати	поути	ѣго.			дати
G	γάρ	πρὸ προσώπου	κυρίου	ἐτοιμάσαι	ὁδοῦς	αὐτοῦ	(77)		τοῦ δοῦναι

Л	сциенѣамь	саллоти (sic)	плеви	еиосς:	инь	ремиссионе	пекатороумь
L	scientiam	salutis	plebi	eius	in	remissione	peccatorum
Ч	раз̑ма	с̑н̑а	люд̑и	ѣго:	въ	в̑ставлен̑е	гр̑х̑
Б	раз̑ма	с̑с̑н̑а	люд̑емъ	ѣго	въ	в̑поуце н̑е	гр̑ховъ
ГБ	раз̑мь	с̑сс̑н̑а	люд̑емь	ѣго	въ	в̑ставлен̑е	гр̑х̑
G	γῶσιν	σωτηρίας	τῷ λαῷ	αὐτοῦ	ἐν	ἀφέσει	ἁμαρτιῶν

Л	ѣвроумь		Перь висера	мизерикорд̑е	деи	ностри:	инь	квибоуєςς
L	eorum.	(11)	Per viscera	misericordiae	Dei	nostris	in	quibus
Ч	и̑хъ		вн̑д̑рънем̑	милосерд̑ю	б̑а	наше̑:	въ	нихъже
Б	и̑хъ;		О̑т̑роуо̑	м̑ти	б̑а	нашего	в	н̑же
ГБ	и̑хъ.		милосерд̑а ради	м̑ти	б̑а	нашего	в	нихъже
G	αὐτῶν,	(78)	διὰ σπλάγχνα	ἐλέους	θεοῦ	ἡμῶν,	ἐν	οἷς

Л	визитав̑и	носς	в̑риенсς	ексς алто		Иллоуминаре
L	visitavit	nos	oriens	ex alto.	(12)	Illuminare
Ч	посѣти	насς	в̑стокъ	с̑вьше [sic]		Просѣтити
Б	посѣти	насς	в̑стокъ	в̑ высоты;		Пр̑вѣтити
ГБ	посѣтилъ ѣтъ	на̑	в̑ стокъ (197)	с̑вьше		просѣтити
G	ἐπεσκέψατο	ἡμᾶς	ἀνατολῇ	ἐξ ὕψους,	(79)	ἐπιφᾶναι

Л	исъ	кви	инь	тенебрисъ	еть	инь	оумбра	мортисъ	седентъ:
L	his	qui	in	tenebris	et	in	umbra	mortis	sedent
Ч	тѣ	иже	въ	тмѣ	и	въ	сѣни	смѣрнѣи	сѣдащаа:
Б			въ	тмѣ	и		сѣни	смѣртнѣи	сѣдацимъ.
ГБ			въ	тмѣ	и		сѣни	сѣмртнѣи [sic]	сѣдащаа.
G	τοῖς		ἐν	σκότει	καὶ		σκιᾷ	θανάτου	καθημένοις,

Л	адъ	диригендось	педесъ	ностросъ	189 об.	инь	виамъ	пасисъ:—
L	ad	dirigendos	pedes	nostros		in	viam	pacis.
Ч	\кз/	направленію	ногъ	нашихъ		на	пѣть	міренъ.
Б	к	напрѣлѣ нію	ногъ	наши		на	поу	міра;
ГБ		напрвити	ногы	наша		на	поуть	сѣмиренѣа.
G		τοῦ κατευθῦναι	τοὺς πόδας	ἡμῶν		εἰς	ὁδόν	εἰρήνης.

Некоторые наблюдения над особенностями новгородских переводов

В этой части будут кратко охарактеризованы самые интересные особенности двух новгородских версий молитвы Захарии по отношению как друг к другу, так и к латинскому и греческому образцам. В некоторых случаях наблюдается совпадение обоих переводов в лексических и грамматических инновациях, в которых явно чувствуется влияние латинской модели. Иногда, напротив, обнаруживаются отклонения, когда одна версия более или менее последовательно придерживается традиции, в то время как другая подвергается влиянию латинского текста. Представлены случаи, когда Толковая псалтирь Брунона следует за традиционным текстом, в то время как Чудовская латинская псалтирь, напротив, верно (дословно) передает латинский подлинник. Встречаются, однако, и обратные случаи, когда Толковая псалтирь Брунона удаляется от традиции, следуя латинской модели, а Чудовская латинская псалтирь совпадает с текстом Геннадиевской Библии.

Нельзя при этом пренебрегать тем фактом, что в Чудовской латинской псалтири церковнославянский перевод сопровождается латинским текстом, записанным кириллицей, в виде надстрочной лексической и морфологической глоссы⁶: поскольку церковнославянский надстрочный перевод устанавливает прямое наглядное соотношение к основному тексту, неудивительно, что он часто следует латинскому оригиналу.

Общие инновации, обусловленные латинской моделью

Употребление в обоих новгородских переводах перфектной формы глагола вместо аориста традиционного текста можно с определенной долей вероятности оценить как дань латинскому тексту, в котором выступает сложная (отложительная) форма глагола:

(1a) Перфект vs аорист
 ꙗко глалъ естъ (Ч, Б) ≠ ꙗкоже гла (ГБ)
sicut locutus est – καθὼς ἐλάλησεν (стих 70).

При этом не поддается однозначной оценке совпадение новгородских версий (ꙗко) против традиционного текста (ꙗкоже) при переводе относительного союза.

Обратную картину представляет использование аориста вместо перфектной формы традиционного текста в следующем примере:

(1б) Аорист vs перфект
 посѣти насъ (Ч, Б) ≠ посѣтилъ естъ на (ГБ)
visitavit nos – ἐπεσκέψατο ἡμᾶς (стих 78).

В стихе 74 выбор указательного местоимения выявляет ориентацию новгородских книжников на латинский текст:

(2) Указательное местоимение
 томѣ (Ч, Б) ≠ ѣмѣ (ГБ)
illi – αὐτῷ (стих 74).

Латинский подлинник мог также обусловить отличия в порядке слов:

(3) Другой порядок слов
 поманѣти завѣта своего сѣго (Ч, Б) ≠ поманѣти завѣтъ сѣги свои (ГБ)
memorari testamenti sui sancti – μνησθῆναι διαθήκης ἁγίας αὐτοῦ (стих 72).

Любопытно при этом выражение прямого дополнения при переходном глаголе поманѣти в родительном падеже, который засвидетельствован как в греческом, так и в латинском образцах. Кроме этого, во всех трех церковнославянских версиях выступает рефлексивная форма притяжательного местоимения, стоящая ближе к латинскому подлиннику (*sui*).

Латинской моделью обусловлено также появление относительного местоимения со связкой *іже ... сѣтъ*. Этой конструкции противопоставляется в традиционном тексте причастная форма *соуцихъ*, передающая греческий артикль в атрибутивной функции:

(4)
 ѣсты сѣхъ: іже ѿ вѣка сѣтъ (Ч, Б) ≠ оусты (так) сѣи соуцихъ ѿ вѣка (ГБ)
per os sanctorum qui a saeculo sunt – διὰ στόματος τῶν ἁγίων τῶν ἀπ' αἰῶνος (стих 70).

То же относится к возвратному местоимению *са / себе* в синтаксической конструкции винительного с инфинитивом латинского текста, в которой подлежащее придаточного предложения всегда должно быть эксплицитно выражено с помощью местоимения *se* при кореферентности с подлежащим главного предложения. В славянском переводе, однако, глагольная форма становится возвратной, существенно искажая смысл предложения:

(5а) Винительный с инфинитивом
 клатса къ абраамѣ ѿцѣ нашемѣ дати са [Б себе] намъ (Ч, Б) ≠
 клатса къ абраамѣ ѿцу нашемѣ дати намъ (ГБ)
iuravit ad Abraham patrem nostrum daturum se nobis
Ἰμωσεν πρὸς Ἀβραάμ τὸν πατέρα ἡμῶν τοῦ δοῦναι (стих 73).

Обе новгородские версии вторят традиции в стихе 71, где относительное местоимение латинского оригинала переведено причастной конструкцией, как и в традиционном тексте, соответствующем греческому оригиналу:

(5б) Причастная форма
 всѣхъ ненавидѣши на (Ч, Б) = ГБ
omnium qui oderunt nos – πάντων τῶν μισούντων ἡμᾶς (стих 71).

В отличие от приведенного примера (5б), в Чудовской латинской псалтири имеется показательный пример контаминации: наряду с повтором предлога *въ*, явно восходящим к латинской модели, присутствует как указательное местоимение *тѣхъ*, так и относительное местоимение *іже*. Последнее, однако, сочетается с синтаксически неправильным сохранением причастной формы традиционного текста:

(5в) Сочетание относительного местоимения с причастием
 Просвѣтити тѣ іже въ тмѣ и въ сѣни смртнѣи сѣдѣцима (Ч) ≠
 Прѣсвѣтити въ тмѣ и сѣни смртнѣи сѣдѣцима (Б) ≠

просвѣтити въ тѣмѣ и сѣни смѣрти сѣдаща (ГБ)
illuminare his qui in tenebris et in umbra mortis sedent
 ἐπιφάναι τοῖς ἐν σκότει καὶ σκιᾷ θανάτου καθημένοις (стих 79).

Следует также отметить в Толковой псалтири Брунона прямое дополнение при глаголе просвѣтити в дательном падеже, выражающем, как в латинском и греческом текстах, актанта, для которого совершается действие. В обеих новгородских версиях, к тому же, употребляется имя прилагательное смѣртный для передачи латинского родительного *mortis*, как это происходит также в конце молитвы, но только в Чудовской латинской псалтири:

(5в) Имя прилагательное vs родительный падеж при лексическом совпадении
 на пѣть миренъ ≠ на поѹ мѣра (Б) ≈ на поѹть сѣмиренѣа (ГБ)
in viam pacis – εἰς ὁδὸν εἰρήνης (стих 79).

Такие на первый взгляд странные явления показывают сложность и разнообразие переводческих стратегий и языкового взаимодействия в различных версиях текстов.

Беспредложный целевой инфинитив греческого текста заменен в латинском переводе герундивом; последнему соответствует в новгородских переводах с латыни предложная конструкция, состоящая из отглагольного имени действия и прямого дополнения в родительном падеже [Томеллери, 2013, с. 199]:

(6а) Предложная конструкция с отглагольным существительным
 Къ даданію разѹма сѣніа (Ч, Б) ≠ дати разѹмъ сѣсеніа (ГБ)
Ad dandam scientiam salutis – τοῦ δοῦναι γινῶσιν σωτηρίας (стих 77);

(6б)
 къ направленію ногъ нашихъ (Ч, Б) ≠ направити ноги наша (ГБ)
ad dirigendos pedes nostros – τοῦ κατευθῆναι τοὺς πόδας ἡμῶν (стих 79).

В Толковой псалтири Брунона сохранение традиционного текста обнаруживается в синтаксически несогласованной форме винительного падежа милость, в то время как в толковании (см. ниже комментарий к пятому стиху) имеется ожидаемая форма родительного падежа Къ сотвѣрѣнію мѣти:

(6в) Синтаксическая неувязка в Толковой Псалтири Брунона
 Къ сѣтворенію милости (Ч) ≈ Къ сотвѣрѣнію мѣти (Б) ≠ сѣтворити мѣти (ГБ)
Ad faciendam misericordiam – ποιῆσαι ἔλεος (стих 72).

Другой тип греческого инфинитива, распространяющего содержание предыдущей клятвы, переводится, в соответствии с латинской конструкцией (*ut...serviamus*), финитной формой глагола в изъявительном наклонении, предваряемой подчинительным союзом да:

(7) Финитная vs нефинитная форма глагола
 Да... изъбавлени сѣдимъ томѣ (Ч, Б) ≠ изъбавльшемса. слоужити (ГБ)
Ut... liberati serviamus illi – ῥυσθέντας λατρεύειν αὐτῷ (стих 74).

При этом заслуживает особого внимания правильная замена дательного падежа причастия прошедшего времени страдательного глагола, относящегося к подлежащему действия инфинитивного предложения, на именительный.

**Отклонения от латинского текста,
 связанные с традиционным церковнославянским текстом**

К данной рубрике относятся те отклонения между новгородскими версиями, при которых традиционный церковнославянский текст греческого происхождения сохраняется лишь в одной из них.

Ч = ГБ против Б

В молитве Захарии встречаются примеры, когда версия Чудовской латинской псалтири лексически (но не грамматически) сохраняет традиционный текст, в то время как Толковая псалтирь Брунона, разделяющая с Геннадиевской Библией единственное число имени существительного *рука*, выделяется стремлением к инновации, например, в употреблении предлога *отъ* для передачи латинского *de*:

(8а) Различия при выборе предлога и числа
 ѿ рѣки вѣхъ (Б) ≠ ѿ рѣкъ вѣхъ (Ч) ≈ ѿ рѣкъ вѣхъ (ГБ)
de manu omnium – ἐκ χειρὸς πάντων (стих 71).

В Чудовской латинской псалтири, в выборе предлога стоящей ближе к традиционному тексту, выделяется форма множественного числа *рукъ*, представляющая собой, возможно, опisku или же адаптацию семантического (по смыслу речь идет о множестве рук) или синтаксического рода (согласование со следующим за ней местоимением *вѣхъ*).

На другом же месте, при тождественной коллокации, две новгородские версии совпадают как лексически (предлог ѿ), так и грамматически (множественное число *рукъ*):

(8б) Полное совпадение
 ѿ рѣкъ врагъ (Ч, Б) ≠ ѿ рѣкъ врагъ (ГБ)
de manu inimicorum – ἐκ χειρὸς ἐχθρῶν (стих 74).

Подобный случай имеется также в примере (9), в котором предлог *отъ* Толковой псалтири Брунона противопоставляется традиционной (и более правильной) наречной форме с предлогом *съ*, указывающей на движение сверху вниз:

(9) Наречие места с различными предлогами
 ѿ высоты (Б) ≠ съвыше (Ч) = ГБ
ex alto – ἐξ ὕψους (стих 78).

Другой пример «новаторского» характера Толковой псалтири Брунона, на самом деле дословно воспроизводящей латинскую модель, имеется в стихе 77, в котором использовано существительное *ѿпоуцненіе* вместо *ѿставленіе*, хотя эти лексемы являются синонимами уже в старославянском языке (см., например: <http://gorazd.org/gulliver/?recordId=17583>):

(10а) Лексическая вариативность
 въ ѿставленіе грѣхѣ (Ч) ≈ въ ѿставленіе грѣхъ (ГБ) ≠ въ ѿпоуцненіе грѣховъ (Б)
in remissione peccatorum – ἐν ἀφέσει ἁμαρτιῶν (стих 77).

В этом примере выступает форма родительного падежа множественного числа на *-овъ*, которая в предыдущем стихе (10б) засвидетельствована только в Толковой псалтири Брунона:

(10б) Родительный падеж множественного числа на *-овъ*
 прѣковъ (Б) ≠ прѣкъ (Ч) = ГБ
prophetarum – προφητῶν (стих 70).

В одном примере Чудовская латинская псалтирь колеблется между новаторством и сохранением традиции. Разделяя с Толковой псалтирью Брунона, в отличие от традиционного текста, употребление предложной конструкции, как в латинском тексте (а также в греческом оригинале!), она соблюдает при этом лексическую близость к традиционному тексту:

(11) Синтаксическая инновация при сохранении лексики
 Въ сѣѣни и правдѣ (Б) ≠ въ прѣвѣи и правдѣ (Ч) ≈ прѣвѣемъ и правдою (ГБ)
in sanctitate et iustitia – ἐν ὁσιότητι καὶ δικαιοσύνη (стих 75).

Б = ГБ против Ч

Здесь приведем явные случаи влияния латинской модели в Чудовской латинской псалтири, в то время как Толковая псалтирь Брунона стоит ближе к традиционному тексту. Вызывает некоторое недоумение использование родительного падежа для выражения временной длительности:

(12) Зависимость vs независимость от латинской модели
 всѣхъ днѣи нашихъ (Ч) ≠ вса днѣи живота нашего (Б) = ГБ
omnibus diebus nostris – πάσασι ταῖς ἡμέραις ἡμῶν (стих 75).

Особого внимания заслуживает также следующий пример, в котором притяжательное прилагательное традиционного текста (см. также в Пражском словаре старославянского языка, http://gorazd.org/gorazd_viewer/?df=35&sc=0&im=43) сохраняется в Толковой псалтири Брунона, тогда как в Чудовской латинской псалтири оно заменяется родительным падежом личного имени:

(13) Родительный падеж vs. притяжательное прилагательное
 в домѣ давыда ѡтрока своѣ (Ч) ≠ в домѣ давидовѣ ѡтрока своѣго (Б)⁷ = ГБ
in domo David pueri sui – ἐν οἴκῳ Δαυὶδ παιδὸς αὐτοῦ (стих 69).

Здесь представлено интересное явление согласования в старославянском языке, которое в лингвистической литературе сравнивалось с так называемым *Suffixaufnahme* ([Corbett, 1995]; об этом явлении в старославянском см.: [Huntley, 1984]): именная синтагма в родительном падеже, в нашем случае *отрока своего*, примыкает к форме личного имени, представленному в виде прилагательного в местном падеже *давидове*. Есть веские основания предполагать ориентацию на латинскую модель в Чудовской латинской псалтири.

То же самое относится, возможно, и к примеру (14), в котором винительный падеж имени существительного и относительного местоимения *Клѣвѣ юже* следует латинской модели управления, тогда как форма *клатвоу*, читающаяся в ГБ, является скорее всего вторичным чтением, возникшим в результате бытования текста⁸:

(14) Винительный vs творительный
 Клѣвѣ юже клатѣа кѣ дврамѣ ѡцѣ нашемѣ дѣти са намѣ (Б)
 Клатвоу юже клатса кѣ дврамѣ ѡцѣ нашемѣ дѣти са намѣ (Ч)
 клатвоу юже клатса кѣ дврадѣмоу дѣоу нашемоу дати намѣ (ГБ)
Iusiurandum quod iuravit ad Abraam patrem nostrum daturum se nobis
Ѡрков ѡν ѡμοσεν πρὸς Ἀβραὰμ τὸν πατέρα ἡμῶν, τοῦ δοῦναι ἡμῖν (73 стих).

Здесь латинский текст, в котором, как, впрочем, и в греческом оригинале, глагол *iuro* управляет внутренним дополнением в винительном падеже (*iusiurandum – Ѡрков*), обусловил в Толковой Псалтири Брунона появление при непереходном глаголе *клатиса* формы винительного падежа как имени существительного *клѣвѣ*, так и относительного местоимения *юже*, в отличие от традиционного церковнославянского текста, в котором с кирилло-мефодиевского времени засвидетельствована форма творительного падежа, полностью охватывающего именную синтагму. При этом инфинитив греческого подлинника (*τοῦ δοῦναι*), вероятно, следует считать приложением к существительному, раскрывающим содержание божественной клятвы [Mendez, 2013, p. 61]. Схожий текст имеется в книге пророка Иеремии. В церковнославянском переводе, здесь приведенном по тексту Острожской Библии (1581), глагол *клатиса* употребляется как непереходный:

(15) Книга пророка Иеремии 11, 5
 Ѡπως στήσω τὸν ὄρκον μου, ὃν ὡμοσα τοῖς πατέρασιν ὑμῶν, τοῦ δοῦναι αὐτοῖς γῆν ῥέουσαν γάλα καὶ μέλι καθὼς ἡ ἡμέρα αὐτῆ
 да въздвигнѣ клѣтвѣ еѡ же клѣса ѡцѣмѣ вѣши, дѣти ми имѣ зѣмлю люциѣ млѣко и мѣ, тѣ ко ѣсть днѣ сѣи (<https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/ostrozhskaia-biblija/jeremiah.pdf>)
ut suscitem iuramentum quod iuravi patribus vestris, daturum me eis terram fluentem lacte et melle, sicut est dies haec.

дѣволенѡ дѣржашеса. при|шѣ оубо гѣ немощнаго посѣти, зане || (760) ѿ грѣховъ свободи, и пленѣнаго искѡ|пи зане ѿ власти дѣвола исторже. |искѡпивъ²¹ сотвори его²² своего; бѣда; |Знамени ѡбѡ при семъ стисѣ. еже |блжѣнныи захарїа²³ пррѣскимъ ѡбѡ |члѣмъ, еже еше въ дѡсѣ бѣдѡще. и |влѣзъ сотворѣмо прѡвидѡше. по |вѣдѣтѣ дѡси бѣше, глѡ, глѡкѡ | посѣти, сирѣчь въплѡтился естѣ;

(2) Ex erexit cornu salutis nobis: In domo David pueri sui.

(2) B Et erexit cornus salutis, firmam celsitudinem salutis dicit. Omnia enim ossa carne involuta sunt, cornu autem excedit carnem, et ideo cornu salutis regnum Salvatoris Domini vocatur, quo vocabulo spiritualis et quae carnis gaudia superet altitudo nuntiatur et quo regno mundus et carnis gaudia superantur.

(в) сѡщесе; И възвиже рогъ спсѣніа на | в домѡ давидовѣ отрока своего; — |

(в) толкованіе. бѣда прѡзвѣтера; — | И възвиже рогъ спсѣніа, твердѡ вы | собою спсѣніа глѣтѣ. всѡ во кѡсти | плѡтїю²⁴ ѡблѡжѣни²⁵ соѡ. рогъ же прѣ | восхѡдитъ плѡтїю, и того рѡ рогъ | спсѣніа, црѣво спсѡ хѡ²⁶ нарицѣтѣся. | тѣмъ прозванїемъ дѡвнаа, и глѡ | плѡскїа радѡсти ѡдолѣвѡтѣа²⁷. вы | соа възвѣщѣтѣа²⁸. и коимъ црѣвѡ | миръ и плѡскїа радѡсти ѡдолѣвѡ | ютѣа;

(3) Sicut locutus est per os sanctorum: Qui a saeculo sunt prophetarum eius.

(3) Sicut locutus est. A saeculo inquit propterea quod tota veteris instrumenti scriptura prophetia de Christo praecessit, non soli enim Ieremias et Isaias caeterique prophetae de eius adventu manifeste locuti sunt, verum ipse pater Adam, Abel et Enoch, eius dispensationi testimonium reddunt.

(в) сѡщесе; Глѡ глѡлз естѣ дѣты | сѣхъ, иже ѿ вѣка сѡтъ пррѣковъ | егѡ;

(в) толкованіе; Глѡкѡ глѡлз естѣ. | ѿ вѣка рече того рѡ. еже все вѣтѡго || (760 об.) завѣта писанїе пррѣество ѡ хѣ прѣва | ри. не едини бѡ. іеремѣа и исайа. и | прѡчїи пррѣцы. ѡ егѡ пришѣствїи глѡ | глѡли соѡ. нѡ и самъ ѡцѣ дѡамъ дѡе | і егѡ смѡтрѣніѡ свидѣтѣство²⁹ | въздѡитѣ;

(4) Salutem ex inimicis nostris: Et de manu omnium qui oderunt nos.

(4) Salutem iungendum est superiori versiculo. Exerit nobis, scilicet salutem ex inimicis nostris. Omnes autem qui oderunt nos vel homines perversos vel immundos spiritus significat.

(г) сѡщесе; Спсѣніе ѿ врагѡ нашихъ. и ѿ рѡки вѣхъ ненавидѡ | цнхъ насъ;

(г) толкованіе; Спсѣніе, | прилагѣмо естѣ вѣшьшемѡ стїхѡ. | възвиже на сирѣчь спсѣніе ѿ врагѡ | шїхъ. всѣ же ненавидѡщїи насъ. и ли | члѣкъ развѣраченїи, и ли нечїстїхъ | дѡховъ назнѡменуѣтѣ;

(5) Ad faciendam misericordiam cum patribus nostris: Et memorari testamenti sui sancti.

(5) Ad faciendam³⁰ misericordiam dixerat enim Dominum iuxta eloquia prophetarum in domo David nasciturum et ita misericordiam factam cum eis, cum impletum esset promissum.

(д) сѡщесе; Къ сотвѡрѣніѡ млтъ сѡ ѡцы ншїимї | и помѡлїти завѣта своего стѡ;

(д) толкованіе; Къ сотвѡрѣніѡ млти | глѡше бо глѡ по слѡвесемъ пррѣскїи | в домѡ дѡвовѡ рѡдитисѡ. и тѡко | млтъ вѣвѣщѡтѣ с нїимї. егдѡ исплѡ | нїтѣа³¹ ѡбѣщанїе;

(6) Iusiurandum quod iuravit ad Abraham patrem nostrum: Daturum se nobis.

(6) Iusiurandum dicit eundem Christum iuxta iusiurandum quod Deus iuravit, nos esse liberatum, ad explendum testamentum quod Abrahae disposuit. Quia videlicet his praecipue patriarchis de suo semine, vel congregatio gentium vel incarnatio est repromissa.

(е) сѡщесе; Клѡвѡ | іже клѡтѣа къ дѡраамѡ³² ѡцѡ нашѡмѡ | дѡти себе намъ;

(е) толкованіе; — | клѡтѣа глѣтѣ того хѡ³³. покѡтѣа | еже бѣ клѡтѣа насъ бѣти ижедѡ | ти³⁴ ко исплнѣніѡ завѣта еже дѡраамѡ (761) завѣта. понеже глѡкѡ сї наипаче | патрїѡрхомъ ѡ своѡмъ сѣмени. и ли | соврѡнїе глѡзїковъ. и ли воплнѣнїе | естѣ ѡбѣщано;

(7) Ut sine timore de manu inimicorum nostrorum liberati: Serviamus illi.

(7) Ut sine timore, nam qui vel ante mortem a Domini servitio discedit, vel coram hominibus tantum et non coram Deo sanctus perdurare contendit, necdum de manu spiritalium inimicorum perfecte liberatur Domino servit (IV Reg. xvii), sed exemplo Samaritanorum diis gentium pariter et Domino servire conatur.

(ж) *сѣще; Да бѣ страха | ѿ рѣкъ врагъ нѣиныхъ избавлени слоу | жимъ томъ;*

(ж) толкованіе; Да безъ страха. ꙗко ѿже ѿи прѣже смѣрти. | ѿ гнѣа слоуѣнїа ѿидетъ. ѿи прѣ члѣки | тоуѣно ꙗ не прѣ бѣомъ. прѣпѣнъ, прѣ длъжитъ ѿчѣститиса³⁵ не ѿ; | ѿ рѣ | дѣховны врагъ совершенъ свободѣ | гѣи слѣжитъ. но подбѣемъ сама | ранъ боу ꙗсыческимъ. тꙗко же | ѿ гѣ работати³⁶ тѣитиса;

(8) In sanctitate et iustitia coram ipso: Omnibus diebus nostris.

(8) In sanctitate. Aperte et breviter quomodo sit Do||mino (555) serviendum designat, videlicet in sanctitate et iustitia, et coram ipso et omnibus diebus nostris.

(с) *сѣще; Въ сѣини ѿ прѣдѣтъ прѣ нимъ вса дѣни | живота нашего;*

(с) толкованіе; Въ | сѣини, ѿкровенъ ѿ възрꙗтцѣ, кꙗ | ко бѣдетъ гѣи слоуѣти назнаменѣтъ. | сирѣчь во сѣни ѿ прѣдѣтъ. ѿ прѣд, нѣ | ѿ въ вса дѣни живота нашего;

(9) Et tu, puer, propheta Altissimi vocaberis: Praeibis enim ante faciem Domini parara vias eius.

(9) Et tu puer. Pulchre cum de Domino loqueretur, ad prophetam repente sua verba convertit, ut hoc quoque beneficium esse Domini designaret. A Sed quomodo alloqui puerum poterat, cum eum vel audire vel intelligere non potuerit? Sed poterat eum intelligere, quia Spiritu Sancto plenus erat: si enim adhuc utero matris clausus adventum Domini cognovit, iam natus intelligere valebat.

(з) *сѣще; | И ты ѿтроуа прѣкъ вышнаго нарече | шиса. прѣидеши бѣ прѣ лице гнѣимъ | оуготовати пѣти его;*

(з) толкова | нїе; И ты ѿтрѣча крꙗснѣ. егда сꙗ | гдѣмъ глꙗше. кꙗ прѣкъ дѣтѣ своѣ слѣ|вса (761 об.) ѡбрати. да сѣ оуѣво блꙗгодѣнїе | вѣти гнѣ назнаменѣтъ³⁷; дꙗвѣстї; | Но кꙗко сꙗглꙗти ѿтрокꙗ³⁸ можаше. ꙗ | его ѿи оуѣлышати ѿи рауѣмѣти не | мѣжетъ³⁹. нѣможаше его рауѣмѣти. | зане дѣха сѣаго исплꙗненъ бѣ. дѣце бѣ | еце въ чꙗрвѣ мѣри закꙗченъ, при | шѣствїе гнѣ пѣзна. нѣтъ же роженъ | рауѣмѣти мѣжаше;

(10) Ad dandam scientiam salutis plebi eius: In remissionem peccatorum eorum.

(10) Ad dandam scientiam. Cum dandam commemorat, ne carnalem temporalemque promitti salutem putares, in remissionem inquit peccatorum eorum.

(и) *сѣще; Кꙗ дѣю | рауѣма сѣенїа людемъ его въ ѿпоуце | нїе грѣховъ ѿхъ;*

(и) толкованіе; — | Кꙗ дѣнїю рауѣма. кꙗ⁴⁰ дѣмомъ възпоми | наетъ да не плѣскоѣ ѿ времѣннѣоѣ ѿ | вѣщати⁴¹ сѣенїе почꙗеши⁴² въ ѿпѣ | цїенїе рече грѣховъ ѿхъ;

(11) Per viscera misericordiae Dei nostri: In quibus visitavit nos oriens ex alto.

(11) Per viscera. Viscera non solum vitalia dicuntur interioris corporis, verum etiam omne quod corio et pelle tegitur, et per viscera occulta eius miseratio designatur. In quibus, scilicet occultis miserationibus visitavit nos oriens ex alto. Qui ideo recte oriens vocatur, quod nobis ortum verae lucis aperiens, filios noctis et tenebrarum lucis effecit filios (I Thess. v).

(ї) *сѣще; — | Оуѣробоу мѣти бѣ нашего в нїже⁴³ | посѣти насъ възтокъ ѿ выкоты;*

(ї) толкованіе; Оуѣробоу, не токмо | живꙗцꙗ глꙗтꙗ възнѣтрени⁴⁴ те | леси. но ѿ вѣе ꙗ коженѣ⁴⁵ покрꙗдѣтꙗ. | ѿ ѣтробоу таїноѣ егѣ мꙗрдїе назна | менѣтꙗ. в нїже сирѣчь в ꙗ таїны | мꙗрдїихъ. посѣтилъ насъ възтѣ | сꙗвыше. ѿже сего рꙗди прѣвѣвъ | стокъ нарицѣтꙗ. ѿже нꙗ възтѣ⁴⁶ | (762) истиннꙗго свѣта ѿкрꙗвъ чꙗ нѣци | ѿ темнотꙗ свѣта сотꙗври снꙗ;

(12) Illuminare his qui in tenebris et in umbra mortis sedent: Ad dirigendos pedes nostros in viam pacis.

(12) Illuminare. Domini illuminare est his qui in peccatis et ignorantiae caecitate vixerint, agnitionis amorisque sui radios infigere. Pedes autem nostri in viam pacis diriguntur, cum actionum nostrarum iter per omnia cum redemptoris illuminatorisque nostri gratia concordat.

(к) *сѣще; Прѣвѣтити въ тмѣ ѿ сѣ | ни смѣртнѣи сѣдꙗцимъ. к напꙗрꙗлѣ | нїю ногъ нашꙗ на поуѣ мїра;*

(к) толкованіе; | Прѣвѣтити, гѣи просѣтити ѣ | тѣъ, ѿже въ грѣсѣ. ѿ невѣдѣнїа⁴⁷ | слѣпотѣ живѣтꙗ⁴⁸ познаниа ѿ любве | своѣа лоуѣа възрꙗзити. ноги же нꙗ | ша на пѣтъ мїра да напꙗрꙗтꙗ⁴⁹. еѣа | дѣланїи наші поуѣ кꙗ искꙗ | питела ѿ просѣтитела нашего | блꙗгїїо согласꙗетꙗ;

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа написана при финансовой поддержке фонда PNRR – Missione 4 “Istruzione e Ricerca” – Componente C2 Investimento 1.1 “Fondo per il Programma Nazionale di Ricerca e Progetti di Rilevante Interesse Nazionale (PRIN)” – Decreto Direttoriale n. 104 del 02-02-2022 (CUP H53D23006810006).

This work was completed with financial support from the National Recovery and Resilience Plan (PNRR), Missione 4 “Istruzione e Ricerca” – Componente C2 Investimento 1.1 “Fondo per il Programma Nazionale di Ricerca e Progetti di Rilevante Interesse Nazionale (PRIN)” – Decreto Direttoriale n. 104 del 02-02-2022 (CUP H53D23006810006).

Автор выражает свою искреннюю благодарность Институту иностранных языков и литератур Гётеборгского университета, пригласившему его на трехмесячное пребывание в качестве visiting scholar, предоставив ему прекрасные условия для научной работы.

² Общеизвестно, что средневековые книжники стремились следовать порядку слов подлинника. Стремление к количественному и позиционному совпадению между единицами оригинала и перевода [Trost, 1973, S. 508] имело два важных последствия: «...зависимый от языка оригинала синтаксис, в частности, порядок слов и последовательную (зависимую от контекста) лексическую вариацию в переводящем языке при переводе одного и того же слова текста оригинала. Определим этот метод как пословно-семантический» [Оgren, 1995, с. 166].

³ Использованные здесь названия восходят к классификации, предложенной И.А. Мельчуком при описании аспекта П, релевантного для множественных ситуаций [Мельчук, 1998, с. 100–101]. Вопрос многократных переводов в связи с бытованием текстов обсуждается в статье Р. Марти [Martí, 2006].

⁴ Здесь не принимается во внимание редакторская сверка древних переводов с оригиналом и правка текста.

⁵ Внизу на полях: мѡ захарїѣна. ѿ лѣкы еѣе еѣаліе.

⁶ Это обстоятельство было рассмотрено на материале другого переводного сочинения, Te Deum [Томеллери, 2023, с. 34].

⁷ Таким же образом (Въ домѣ дѣдовѣ) передана конструкция *in domo David* в толковании к 5-му стиху.

⁸ Эта форма дошла через Острожскую Библию и другие печатные издания до современного Синодального текста. Ср., напротив, Маринское евангелие: Клатвож ѣнѣже клатъ са къ двраммоу ([Jagić, 1883, р. 195], см. также: http://gorazd.org/gorazd_viewer/?df=68&sc=4&im=654).

⁹ Существует три ранних издания Толковой Псалтири Брунона: первое, в основе которого лежала рукопись из бенедиктинского монастыря в Тегернзее [Smith, 2007, р. 106–107], вышло из типографии Георга Рейзера, два других, существенно отличавшихся от предыдущего в размещении текста и толкований, выпустил известный нюрнбергский печатник Антон Кобергер в 1494 и 1497 годах.

¹⁰ «Also, Koberger adds lower-case letters (a, b, c, etc.) before each comment which refer to similar letters at the left-hand side of the Psalter text. These are tie letters, linking the text to its relevant commentary, and they make his editions especially useful» [Smith, 2007, р. 109].

¹¹ захарїѣ] У захарїа.

¹² ѧ.] Соф, Тр, У прѣвад.

¹³ D егг. *humana*.

¹⁴ K егг. *eam*.

¹⁵ Герундивная конструкция *notandum est* уместно передана формой повелительного наклонения Знамени. В других случаях герундив передается с помощью причастия настоящего времени страдательного залога, см., например: *faciendum* – сотвораемо (толкование к 1-му стиху), *iungendum est* – прилаглемо естъ (толкование к 4-му стиху). В толковании к 8-му стиху содержится сомнительный перевод, несмотря на его грамматическую правильность: *quomodo sit Domino serviendum* – како бѣдетъ гѣи слоѣти.

¹⁶ Блѣнѣ] Тр ant. сѣщеѣ.

¹⁷ ѣзбѣвлѣнїе] Соф ѣзбѣвлѣнїа.

¹⁸ вѣ] Тр var. оѣво.

¹⁹ присто | ѧтъ] У егг. присто | ѣтъ.

²⁰ члѣтъ рѣдѣ] Соф transp. рѣ члѣтъ sicut lat. (*genus humanum*).

²¹ ѣскоупивѣ] в славянском тексте гаплография, ожидалось бы ѣ искоупивѣ.

²² ѣго] Тр om.

²³ захарїа] У егг. запѣрїа.

²⁴ плѣтїю] У om.

²⁵ ѡблѣжѣнї] Тр егг. ѣ блѣжени.

²⁶ В латинском тексте *Domini*.

²⁷ ѡдолѣваѣтъсѧ] Здесь церковнославянский перевод неверен: латинский глагол *superet* является формой действительного залога и единственного числа. Возможно, путаница произошла из-за параллелизма со следующим придаточным предложением, в котором используется страдательная форма множественного числа *superantur*.

²⁸ възвѣщаѣтъсѧ] У егг. възвыша | ѣтсѧ.

²⁹ свидѣтельство] Соф, У свѣ | тельство; Тр свѣтельство.

³⁰ К егг. *faciendum*.

³¹ ѡплъ | нитсѧ] В латинском тексте глагольная форма *impletum esset* выражает значение преждевременности по отношению к главному предложению.

³² ѡвраамѣ] Сол ѡвраамѣ, ем. Соф, Тр, У ѡвраамѣ.

³³ хѧ] У ом.

³⁴ Инфинитив будущего времени *esse liberaturum* ошибочно переведен двойным инфинитивом.

³⁵ ѡчиститисѧ] Соф, Тр, У ѡчистисѧ; Сол add. in marg. ѡчисти | очисти. Это место вызывает некоторое недоумение: инфинитив и финитная форма глагола переведены, казалось бы, в обратной последовательности.

³⁶ Чуть выше глагол *servire* передан как *сложити*.

³⁷ назнаменѣтъ] Соф, Тр, У назнаменѣтъ.

³⁸ ѡтрокѣ] Тр add. соглѧти.

³⁹ В латинском тексте глагольная форма *potuerit* выражает предшествование.

⁴⁰ Придаточный союз времени *cum* был неправильно оценен как предлог.

⁴¹ В латинском тексте имеется инфинитивная форма страдательного залога.

⁴² почѣши] У егг. поучѣши. Церковнославянский перевод темен.

⁴³ нѣже] Соф, Тр, У егг. нѣ.

⁴⁴ Здесь ожидалось бы единственное число.

⁴⁵ В латинском тексте *corio et pelle*.

⁴⁶ Лексема *востокъ* передает латинские лексемы *oriens* и *ortus*.

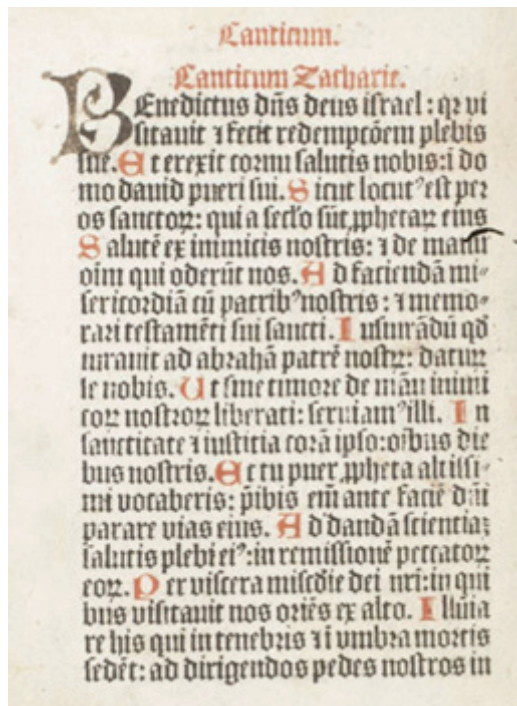
⁴⁷ невѣдѣнїѧ] Соф, Тр, У егг. неви | дѣнїѧ.

⁴⁸ В латинском тексте глагольная форма *vixerint* выражает значение предшествования.

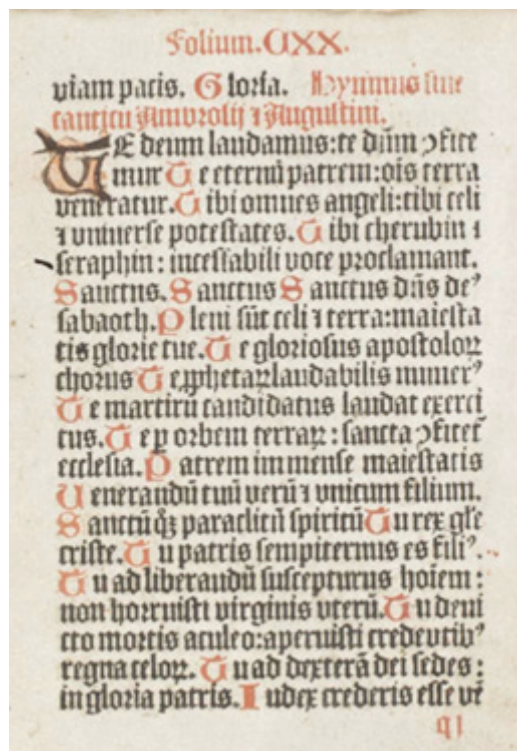
⁴⁹ В латинском подлиннике изъявительное наклонение *diriguntur*, по-видимому, прочитано как *dirigantur*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Латинский текст молитвы Захарии по печатному изданию: *Psalterium cum canticis*. Augsburg : Johann Schönsperger, ca. 1480 (Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel, H: Yv 146.1.8° Helmst., <https://vfr.mww-forschung.de/web/psalter/1480-psalterium-cum-canticis-augsburg-johann-schönsperger>)

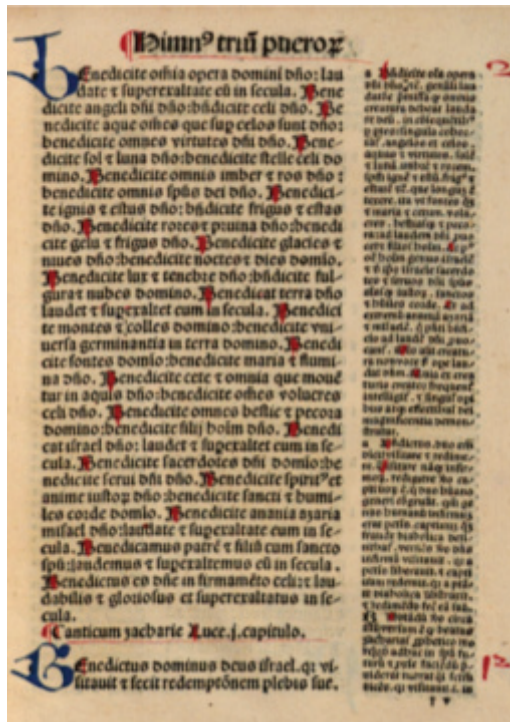

Изображение 240

Изображение 241

Приложение 2. Латинский текст молитвы Захарии по печатному изданию: *Psalterium beati Brunonis episcopi Herbipolensis. Nürnberg : Anton Koberger, 1497 (München, Bayerische Staatsbibliothek, Inc.c.a. 1080, https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb11303153?page=,1)*

Изображение 387

Изображение 388

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д. И., 1905. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной Академии. Софийская библиотека. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, х, 331 с.
- Арсений и Иларий, иеромонахи, 1878. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М. : Тип. Т. Рис. хix, 352 с.
- Библия 1499 года и библия в синодальном переводе с иллюстрациями. В 10 т. Т. 7. Библия, книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, 1992. М. : Изд. отд. Моск. Патриархата. 400 с.
- Иосиф, архимандрит, 1892. Подробное оглавление Великих Четиих Миней Всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М. : Синод. тип. iv, 502 с.
- Мельчук И. А., 1998. Курс общей морфологии. В 2 т. Т. 2. Ч. 2. Морфологические значения / пер. с фр. В. А. Плунгяна ; общ. ред. Н. В. Перцова, Е. Н. Саввиной. М. ; Вена : Яз. рус. культуры. 544 с.
- Многочисленные переводы в южнославянском средневековье, 2006 : доклады от Международной конференции, София, 7–9 июля 2005 г. / отговорен редактор Л. Тасева ; ред. Р. Марти, М. Йовчева, Т. Пентковская. София : ГорексПрес. 538 с.
- Огрен И., 1995. К вопросу о теоретическом и практическом базисе древнейших славянских переводов // *Подобаетъ памать сътвори-ти. Essays to the Memory of Anders Sjöberg* / ed. by P. Ambrosiani, B. Nilsson, L. Steensland. Stockholm : Almqvist & Wiksell International. S. 157–172.
- Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф., 1881. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Ч. 1. Казань : Тип. Императ. ун-та. xlvii, xiv, 368 с.
- Преводите през XIV столетие на Балканите, 2004 : доклады от Международная конференция, София, 26–28 юни 2003 / отговорен редактор Л. Тасева ; ред. М. Йовчева, К. Фос, Т. Пентковская. София : ГорексПрес. 518 с.
- Протасьева Т. Н., 1980. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 232 с.
- Седельников А. Д., 1929. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV – начале XVI века (Представлено Академиком М.Н. Сперанским в ОГН 12 XII 1928 г.) // Доклады Академии Наук СССР. Л. : [б. и.]. С. 16–19.
- Томеллер В. С., 2013. О некоторых синтаксических особенностях Толковой Псалтири Брунона (1535). Дательный самостоятельный, инфинитивные и причастные конструкции, герундий и герундив // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2012–2013* : сб. ст. М. : Древлекхранилище. С. 196–225.
- Томеллер В. С., 2023. Те Deum в кириллической транскрипции с подстрочным церковнославянским переводом // *Slavistica Vilmensis*. Т. 68, № 1. С. 24–43.
- Corbett G. G., 1995. Slavonic's Closest Approach to Suffixaufnahme: The Possessive Adjective // *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme* / ed. by F. Plank. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press. P. 265–282.
- Denzinger H., 1880. Sancti Brunonis opera post Reyseri et Cochlei curas recensuit Henricus Denzinger in universitate Herbipolensi theologiae professor. Parisiis : Apud Garnier fratres. 1460 cols.
- Huntley D., 1984. The Distribution of the Denominative Adjective and the Adnominal Genitive in Old Church Slavonic // *Historical Syntax* / ed. by J. Fisiak. Berlin [etc.] : Mouton Publishers. P. 217–236.
- Jagić V., 1883. Quattuor evangeliorum versionis palaeoslavicae codex Marianus glagoliticus. Characteribus cyrillicis transcriptum / ed. by V. Jagić. Berolini : Apud Weidmannos = Памятник глаголической письменности Марийское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб. : Тип. Императ. акад. Наук. xxx, 607 с.
- Keipert H., 1999. Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des «Codex Suprasliensis» // *Prace filologiczne*. Vol. 44. P. 275–280.
- Marti R., 2006. Mehrfachübersetzungen als Sonderfall der Textüberlieferung // *Многочисленные переводы в южнославянском средневековье : доклады от Международная конференция, София, 7–9 июля 2005 г. / отговорен редактор Л. Тасева ; ред. Р. Марти, М. Йовчева, Т. Пентковская. София : ГорексПрес». С. 23–34.*
- Mendez H. E., 2013. Canticles in Translation: The Treatment of Poetic Language in the Greek, Gothic, Classical Armenian, and Old Church Slavonic Gospels : A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty of the University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree: Doctor of Philosophy. Athens, Georgia. 234 p. URL: https://getd.libs.uga.edu/pdfs/mendez_hugo_e_201308_phd.pdf
- Psalterium, 1494. Psalterium beati Brunonis episcopi Herbipolensis. Nürnberg : Anton Koberger

- (München, Bayerische Staatsbibliothek, 4 Inc. c.a. 1080). URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb11303153?page=,1>
- Rahlfs L., 1979. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit A. Rahlfs. Vol. 2. Libri poetici et prophetici. Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft. 1184, 941 p.
- Smith L., 2007. Bruno of Würzburg in the Bodleian Library // The Bodleian Library Record. Vol. 20, № 1–2 (April/October). P. 102–117.
- Stern D., 2002. Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen // Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik. Beiträge zu einem Symposium in Münster 10./11. Mai 2001 / hrsg. von B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede. Hamburg : Kovač. P. 167–184.
- Stern D., 2016. Slavonic Double Translations of Byzantine Hagiographic Texts: The Life of St Eupraxia // Cyrillo-Methodianum. Vol. 21. P. 21–51.
- Thomson Fr. J., Noret J., 1994. L'évolution de la manière de traduire chez les Slaves au Moyen-Âge. Comparaison et édition de deux traductions slavonnes (Xe–XIVe siècles) de passages d'Irénée et d'un Pseudo-Augustin // Revue d'histoire des textes. Bulletin № 24. P. 313–336.
- Trost K., 1973. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des cyrillisch-mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des Exarchen Johann. // Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973/ hrsg. von J. Holthusen, E. Koschmieder, R. Olesch, E. Wedel. München : Dr. Dr. Rudolf Trofenik. S. 497–525.
- Trost K., 1978. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späten Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. München : Wilhelm Fink. 381 S.
- REFERENCES**
- Abramovich D.I., 1905. *Opisanie rukopisey S.-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii. Sofiyskaya biblioteka* [Description of the Manuscripts of the St. Petersburg Spiritual Academy. Sophia's Library]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. x, 331 p.
- Arseniy i Ilariy, ieromonakhi, 1878. *Opisanie slavyanskikh rukopisey biblioteki Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry* [Description of the Slavic manuscripts of the Library of the Holy Trinity Sergius Lavra]. Moscow, Tip. T. Ris. xix, 352 p.
- Bibliya 1499 goda i bibliya v sinodalnom perevode s illyustratsiyami. V 10 t. T. 7. Bibliya, knigi svyashchennogo pisaniya Vekhhogo i Novogo Zaveta. Gospoda nashego Isusa Khrista Svyatoe Evangelie ot Matfeya, Marka, Luki, Ioanna* [The Bible of 1499 and the Bible in Synodal Translation with Illustrations. In 10 Vols. Vol. 7. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. The Holy Gospel of Our Lord Jesus Christ According to Matthew, Mark, Luke, John], 1992. Moscow, Izd. otd. Mosk. Patriarkhata. 400 p.
- Iosif, arkhimandrit, 1892. *Podrobnoe oglavlenie Velikikh Chetiikh Mineiy vserossiyskogo mitropolita Makariya, khranyashchikh v Moskovskoy Patriarshey (nyne Sinodalnoy) biblioteke* [A Detailed Table of Contents of the Great Four Reading Menaia by All-Russian Metropolitan Macarius, Kept in the Moscow Patriarchal (Now Synodal) Library]. Moscow, Sinod. tip. iv, 502 p.
- Melchuk I.A., 1998. *Kurs obshchey morfologii. V 2 t. T. 2. Ch. 2. Morfologicheskie znacheniya* [Course of General Morphology. In 2 Vols. Vol. 2. Pt. 2. Morphological Meanings]. Moscow, Vienna, Yaz. rus. kultury Publ. 544 p.
- Taseva L., Marti R., Yovcheva M., Pentkovskaya T., eds., 2006. *Mnogokratnite prevodi v yuzhnoslavianskoto srednevekovie: dokladi ot Mezhdunarodnata konferentsiya, Sofiya, 7–9 yuli 2005 g.* [Multiple translations in the South Slavic Middle Ages. Reports of the International Conference, Sofia, 7–9 July 2005]. Sofiya, GoreksPres Publ. 538 p.
- Ogren I., 1995. *K voprosu o teoreticheskom i prakticheskom bazise drevneyshikh slavyanskikh perevodov* [On the Question of the Theoretical and Practical Basis of the Oldest Slavic Translations]. Ambrosiani P., Nilsson B., Steensland L., eds. *Podobaet pamat stvoriti. Essays to the Memory of Anders Sjöberg* [Подобаєть памать Create. Essays to the Memory of Anders Sjöberg]. Stockholm, Almqvist & Wiksell International, pp. 157–172.
- Porfiryev I.Ya., Vadkovskiy A.V., Krasnoseltsev N.F., 1881. *Opisanie rukopisei Solovetskogo monastyrja, nakhodyashchikh v biblioteke Kazanskoi Dukhovnoi Akademii Ch. 1* [Description of the Manuscripts of the Solovetsky Monastery, Located in the Library of the Kazan Theological Academy Pt. 1]. Kazan, Tip. Imperat. un-ta. xlvii, xiv, 368 p.
- Taseva L., Yovcheva M., Voß Ch., Pentkovskaya T., eds., 2004. *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite: dokladi ot Mezhdunarodnata konferentsiya, Sofiya, 26–28 yuni 2003* [Translations in 14th Century in the Balkans. Reports of the

- International Conference, Sofia, June 26–28, 2003]. Sofiya, GoreksPres Publ. 518 p.
- Protasyeva T.N., 1980. *Opisanie rukopisey Chudovskogo sobraniya* [Description of the Manuscripts of the Chudov Collection]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie Publ. 232 p.
- Sedelnikov A.D., 1929. Ocherki katolicheskogo vliyaniya v Novgorode v kontse XV – nachale XVI veka (Predstavleno Akademikom M. N. Speranskim v OGN 12 XII 1928 g.) [Essays on Catholic Influence in Novgorod at the End of the 15th – Beginning of the 16th Century (Presented by Academician M.N. Speransky in OGN Dec. 12, 1928)]. *Doklady Akademii Nauk SSSR* [Reports of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad, s.n., pp. 16-19.
- Tomelleri V.S., 2013. O nekotorykh sintaksicheskikh osobennostyakh Tolkovoy Psaltiri Brunona (1535). Datelnyy samostoyatelnyy, infinitivnye i prichastnye konstruktzii, gerundi i gerundiv [On Some Syntactic Features of the Commentated Psalter of Brunon (1535). Dative Absolute, Infinitive and Participial Constructions, Gerund and Gerundive]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka 2012–2013: sb. st.* [Linguistic Source Studies and the History of the Russian Language 2012–2013. Collection of Articles]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., pp. 196-225.
- Tomelleri V.S., 2023. Te Deum v kirillicheskoj transkriptsii s podstrochnym tserkovnoslavjanskim perevodom [Te Deum in Cyrillic Transcription with an Interlinear Church Slavonic Translation]. *Slavistica Vilnensis*, vol. 68, no. 1, pp. 24-43.
- Corbett G.G., 1995. Slavonic’s Closest Approach to Suffixaufnahme: The Possessive Adjective. Plank F., ed. *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme*. New York, Oxford, Oxford University Press, pp. 265-282.
- Denzinger H., 1880. *Sancti Brunonis opera post Reyseri et Cochlei curas recensuit Henricus Denzinger in universitate Herbipolensi theologiae professor*. Parisii, Apud Garnier fratres. 1460 cols.
- Huntley D., 1984. The Distribution of the Denominative Adjective and the Adnominal Genitive in Old Church Slavonic. Fisiak J., ed. *Historical Syntax*. Berlin, etc., Mouton Publishers, pp. 217-236.
- Jagić V., 1883. Quattuor evangeliorum versionis palaeoslavicae codex Marianus glagoliticus. Characteribus cyrillicis transcriptum. *Berolini: Apud Weidmannos = Pamyatnik glagolicheskoy pismennosti Mariynskoye chetveroyevangeliye s primechaniyami i prilozheniyami* [Berolini. Apud Weidmannos = Monument to Glagolitic Writing Mariin Quadruple Gospels with Notes and Appendices]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. Nauk. xxx, 607 p.
- Keipert H., 1999. Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des „Codex Suprasliensis”. *Prace filologiczne*, vol. 44, pp. 275-280.
- Marti R., 2006. Mehrfachübersetzungen als Sonderfall der Textüberlieferung. Taseva L., Marti R., Yovcheva M., Pentkovskaya T., eds. *Mnogokratnite prevodi v yuzhnoslavjanskoto srednevekovie: dokladi ot Mezhdunarodnata konferentsiya, Sofiya, 7–9 yuli 2005 g.* [Multiple Translations in the South Slavic Middle Ages. Reports of the International Conference, Sofia, July 7–9, 2005]. Sofiya, GoreksPres Publ., pp. 23-34.
- Mendez H.E., 2013. *Canticles in Translation: The Treatment of Poetic Language in the Greek, Gothic, Classical Armenian, and Old Church Slavonic Gospels. A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty of the University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree: Doctor of Philosophy*. Athens, Georgia. 234 p. URL: https://getd.libs.uga.edu/pdfs/mendez_hugo_e_201308_phd.pdf
- Psalterium, 1494. *Psalterium beati Brunonis episcopi Herbipolensis*. Nürnberg, Anton Koberger (München, Bayerische Staatsbibliothek, 4 Inc. c.a. 1080). URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb11303153?page=1>.
- Rahlfs L., 1979. *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit A. Rahlfs. Vol. 2. Libri poetici et prophetici*. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft. 1184, 941 p.
- Smith L., 2007. Bruno of Würzburg in the Bodleian Library. *The Bodleian Library Record*, vol. 20, no. 1-2 (April/October), pp. 102-117.
- Stern D., 2002. Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen. Symanzik B., Birkfellner G., Sproede A., Hrsg. *Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik. Beiträge zu einem Symposium in Münster 10./11. Mai 2001*. Hamburg, Kovač, pp. 167-184.
- Stern D., 2016. Slavonic Double Translations of Byzantine Hagiographic Texts: The Life of St Eupraxia. *Cyrillo-Methodianum*, vol. 21, pp. 21-51.
- Thomson Fr.J., Noret J., 1994. L’évolution de la manière de traduire chez les Slaves au Moyen-Âge. Comparaison et édition de deux traductions slavonnes (Xe-XIVe siècles) de passages d’Irénée et d’un Pseudo-Augustin. *Revue d’histoire des textes*, Bulletin no. 24, pp. 313-336.
- Trost K., 1973. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des cyrillich-mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des

Exarchen Johann. Holthusen J., Koschmieder E., Olesch R., Wedel E., Hrsg. *Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973*. München, Dr. Dr. Rudolf Trofenik, pp. 497-525.

Trost K., 1978. *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späten Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*. München, Wilhelm Fink. 381 p.

Information About the Author

Vittorio Springeld Tomelleri, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Slavonic Philology, Department of Foreign Languages, Literatures and Modern Cultures, University of Turin, Sant’Ottavio St, 18, 10124 Turin, Italy, vittoriospringfield.tomelleri@unito.it, <https://orcid.org/0000-0001-7513-7587>

Информация об авторе

Витторио Спрингфильд Томеллери, доктор филологических наук, профессор славянской филологии кафедры иностранных языков и литератур и современных культур, Туринский университет, ул. Сант’Оттавио, 18, 10124 г. Турин, Италия, vittoriospringfield.tomelleri@unito.it, <https://orcid.org/0000-0001-7513-7587>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.2>

UDC 811.161.1'04:81'25
LBC 81.411.2-5

Submitted: 28.02.2024
Accepted: 08.07.2024

PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS WITH THE VERB *IMET'* (*TO HAVE*) AND THE PASSIVE PARTICIPLE IN PYOTR TOLSTOY'S TRANSLATION OF *THE HISTORY OF THE PRESENT STATE OF THE OTTOMAN EMPIRE*¹

Tatiana V. Pentkovskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the periphrastic constructions, which consist of the verb *imet'* (*to have*) in the form of the present or past tense and the passive participle with the suffix *-n-* in *The History of the Present State of the Ottoman Empire* translated by P.A. Tolstoy in the early 18th century. They are noted to appear in certain cases instead of the forms of *passato prossimo* and *trapassato prossimo* of the Italian version of this text. First of all, they are used in a meta-text function when referring to the above mentioned or to someone's words. Such verbal periphrases occur when there is a direct complement in the sentence. The participle in this construction is most often coordinated with the direct object, but in some examples, it can take the form of the neuter singular. This kind of the construction has a typological similarity with the second, or possessive, perfect in a number of Slavic languages (Czech, Kashubian, Macedonian). But unlike the possessive perfect proper, participial forms in such constructions in the translation of *The History* are formed only from Perfective or Imperfective of transitive verbs. Their use remains characteristic of a specific text, and it is not a part of the grammatical system of the language itself. However, the presence of different models of participle coordination in them indirectly reflects the process of grammaticalization of the passive participle form of the past tense in the Old Russian language.

Key words: Paul Rycout, Pyotr Tolstoy, translation, *passato prossimo*, *trapassato prossimo*, periphrastic predication, possessive perfect, metatext.

Citation. Pentkovskaia T.V. Periphrastic Constructions with the Verb *Imet'* (*to Have*) and the Passive Participle in Pyotr Tolstoy's Translation of *The History of the Present State of the Ottoman Empire*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 28-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.2>

УДК 811.161.1'04:81'25
ББК 81.411.2-5

Дата поступления статьи: 28.02.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ *ИМЕТЬ* И ПССИВНЫМ ПРИЧАСТИЕМ В ПЕРЕВОДЕ «ГИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ НАСТОЯЩАГО ИМПЕРИИ ОТТОМАНСКОЙ» П.А. ТОЛСТОГО¹

Татьяна Викторовна Пентковская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются перифрастические конструкции, состоящие из глагола *иметь* в форме настоящего или прошедшего времени и пассивного причастия с суффиксом *-n-*, в переводе П.А. Толстого «Гистории управления настоящего империи Оттоманской» начала XVIII века. Показано, что они используются в определенных случаях на месте форм *passato prossimo* и *trapassato prossimo* итальянского оригинала «Гистории» прежде всего в метатекстовой функции при отсылке к вышеизложенному или к чьим-то словам. Установлено, что такие глагольные перифразы встречаются при наличии в предложении прямого дополнения. Причастие в составе данной конструкции чаще всего согласовано с прямым объектом, но в отдельных примерах может стоять в форме среднего рода единственного числа. Устройство такой конструкции имеет типологическое сходство со вторым, или посессивным, перфектом в ряде славянских языков (чешском, кашубском, македонском). В отличие от настоящего посессивного перфекта причастные формы в таких конструкциях в переводе «Гистории» образованы только от переходных глаголов совершенного и несовершенного вида. Их употребление не выходит за рамки конкретного текста и не является при-

надлежностью грамматической системы языка. В то же время наличие в них разных моделей согласования причастия косвенно отражает процесс грамматикализации пассивной причастной формы прошедшего времени в старорусском языке.

Ключевые слова: Пол Рико, Петр Толстой, перевод, *passato prossimo*, *trapassato prossimo*, перифрастическая предикация, посессивный перфект, метатекст.

Цитирование. Пентковская Т. В. Перифрастические конструкции с глаголом *иметь* и пассивным причастием в переводе «Гистории управления настоящего империи Оттоманской» П.А. Толстого // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 28–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.2>

Введение

«Гистория управления настоящего империи Оттоманской» была переведена П.А. Толстым с итальянской версии книги Поля Рико «The History of the Present State of the Ottoman Empire» (Ricaud, 1686) в период его пребывания в Османской империи с 1702 по 1714 год. Перевод сохранился в двух списках XVIII в.: БАН, ф. 31.3.22 (в этой рукописи имеется запись с указанием имени переводчика) и БАН, ф. 34.5.28. Последняя рукопись содержит редакторскую правку, внесенную при подготовке перевода к печати, которая, однако, была осуществлена лишь в 1741 г. (Рикот, 1741). Печатный текст перевода имеет другое название – «Монархия Турецкая», что связано с привлечением на последнем этапе работы польской версии (Русаут, 1678) этого сочинения, которая, как и итальянская (Русаут, 1672), восходит к французскому оригиналу (Русаут, 1670) [Николаев, 2020; Соколов, 2023, с. 22].

Перевод П.А. Толстого, не будучи вполне буквальным, тем не менее достаточно близко следует своему оригиналу, в ряде случаев отражая его грамматические структуры. Так, в «Гистории» встречаются аналитические конструкции с глаголом *иметь* и пассивным причастием прошедшего времени типа *имеем / имели сказано*. Они соотносятся с различными временными формами глагола *avere* с причастием в итальянском оригинале. Однако итальянские формы со вспомогательным глаголом *avere* переводятся такого рода кальками далеко не всегда.

Ниже мы попытаемся выявить закономерности в употреблении данных аналитических конструкций в переводном тексте Петровской эпохи, а также продемонстрировать такие особенности их употребления, которые можно интерпретировать как проявление

языковой личности переводчика, знакомого с традициями церковнославянского и делового старорусского языка, а кроме того, уверенно владеющего иностранным неславянским языком. Рассматриваемый частный феномен перевода дает нам также возможность на конкретном примере продемонстрировать некоторые тенденции развития грамматических форм и конструкций, общих для ряда славянских и неславянских языков (формы перфекта и пассивного причастия прошедшего времени).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили две упомянутые выше рукописи «Гистории» в сопоставлении с текстом издания 1741 года. Текст русского перевода цитируется по рукописи БАН, ф. 31.3.22, которая, хотя и является беловиком, по нашим наблюдениям, содержит текст, максимально близко из всех имеющихся источников отражающий работу самого переводчика. При привлечении правленной рукописи БАН, ф. 34.5.28 и печатного текста обсуждаются только исправления, имеющие отношение к рассматриваемой конструкции. Стратегии русского переводчика в выборе глагольных форм и конструкций раскрываются на фоне польского перевода, который, как это уже было показано исследователями, привлекался на финальном этапе подготовки перевода к печати. В свою очередь это потребовало подведения параллелей французской версии «Гистории», от которой зависит и итальянский перевод.

Результаты и обсуждение

Наиболее многочисленные случаи появления перифрастических конструкций с глаголом *иметь* – ссылка на вышесказанное,

а также чьи-то слова. Чаще всего здесь вслед за итальянским оригиналом выбирается форма 1 л. мн. ч. в значении ед. ч. (авторское «мы»). В этих случаях с помощью кальки переводчиком маркируется метатекстовая функция данной формы.

БАН 31.3.22 *оное что Имъемъ сказано есть довольно для показания корреспон'денциу каторую имъють татары со уп'равление^м турец'кимъ* (гл. 13, ч. 1, л. 77), то же БАН 34.5.28 (л. 48 об.) – *Quello che habbiamo detto è bastevole à dimostrare le correlazioni che hanno i Tartari col Governo de'Turchi* (с. 83). В печатном тексте форма исправлена на прошедшее время: *Оное что имъли сказано* (с. 77).

В польском переводе «Монархии» используется перфект: *To com powiedział / do być będzie do wyrozumienia / iákie ie'st między Turkámi à Tátárámi ziednoczenie* (с. 75) – *Ce que nous venons de dire suffit, pour faire voir quelle relation ont les Tartares avec le gouvernement des Turcs* (р. 191). Французский переводчик выбрал в данном контексте форму *passé récent* 'то, что мы только что сказали...'

Строго однозначного соответствия итальянских и русских форм причастий в таких конструкциях не наблюдается, однако можно выделить предпочтительный перевод: так, наиболее часто встречающаяся в таких контекстах форма *сказано* 13 раз переводит форму *detto*, 10 раз форму *parlato*, 1 раз *raccontato*, 1 раз *notato*. Причастие *говорено* 2 раза переводит форму *parlato*, 1 раз форму *detto*. Дважды отмечается форма *показано*, которой 1 раз переводится причастие *dimostrato*, и еще один – каузатив (*habbiamo*) *fatto vedere*. Причастие *detto*, помимо названного, 1 раз переводится как *писано*. Отметим, что причастные формы образованы от переходных глаголов обоих видов.

В рукописях зафиксировано всего 30 форм 1 л. мн. ч. типа *имъемъ сказано*, из них в 15 случаях в печатном тексте читается форма прошедшего времени *имъли сказано*. Только в 3 случаях для таких исправлений есть лексическая поддержка, в частности, БАН 31.3.22 *По везире аземъ Или п^евомъ везире о которомъ Имъемъ говорено в'проше'шеи главъ послъдуютъ бегле'беи каторые могутъ стъло добро [печ. текст добръ] приро'нятися [печ. текст уподобитъ], а'цы дукамъ (!) европ'скимъ*

(гл. 12, ч. 1, л. 64 об. – 65), то же БАН 34.5.28 (л. 39 об.) – *Dopo il Visir Axem, ò primo Visir, del quale habbiamo parlato nel precedente Capitolo; Seguono gli Beglierbeijs, li quali possono molto bene paragonarsi à gli Arciduchi d'Europa* (р. 71). В печатном тексте читается *имъли говорено* (с. 65). Наличие в предложении парентетического обстоятельства (в прошедшей главе) позволяет интерпретировать рассматриваемую форму как имеющую событийное (фактическое) значение.

В польском переводе и в этом случае используется форма перфекта в соответствии с формой *passé composé*: *Po Wezyr Azem, álbo nauwyższym Wezyrze / o ktorymem w Rozdziele prześlým mowil / pierwsi sá Beglerbejowie, ktorych może niby do Arcy=Xiążąt iákich w Ewropie przyrownác* (с. 62) – *Après le Visir Axem, ou Premier Visir, dont nous avons parlé dans le Chapitre précédent, viennent les Beglerbeys, que l'on peut assez bien comparer à quelques Archiducs de l'Europe* (р. 160–161).

Исправления настоящего времени вспомогательного глагола на прошедшее время вместе с тем не являются регулярными, о чем свидетельствует следующий пример, в котором время осталось без замены: БАН 31.3.22 *<генералу>...послан'ному в'заточение въ бос'форъ в'предреченную фортцу о каторои Имъемъ уже сказано* (гл. 19, ч. 1, л. 117), то же БАН 34.5.28 (л. 75) и в печатном тексте (с. 114) – *e mandato prigione sopra il Bosforo nello steffo Castello di cui habbiamo già pariato* (р. 118). Ср. *...wsádzony był do Kafztelu nád Morzem / com go dopiero wspomniál* (с. 109) – *...et envoyé prisonnier sur le Bosphore, dans le Château dont nous venons de parler* (р. 279). Во французском тексте находится *passé récent* 'о котором мы только что говорили', которую польский переводчик передает перфектом с добавлением нар. *dopiero* 'только что', 'сейчас'.

При достаточной систематичности подобного перевода встретился и случай передачи такой формы отсылочного характера обычным (неанатилическим) прошедшим временем: БАН 31.3.22 *и понеже величество салтаново есть [какъ уже сказали] чїні^м имъти чиновъ и степеней множеству бѣс'конечному людеи каторые обрътаются бли' его...* (гл. 17, ч. 1, л. 103), то же БАН 34.5.28 (л. 67) и печатный текст (с. 102) – *E perche la grandezza del*

Sultano è (come già habbiamo detto) di prouedere di Cariche, ed impieghi vn'infinità di gente, che gli latrano vicino... (p. 108). Не исключено, что в данном случае переводчик не использует перифрастическую кальку, чтобы избежать повтора глагола *имѣти*.

Четкое различие отсылочного авторского «мы» и повествования от 1-го лица хорошо видно в следующем примере, в котором формы прошедшего времени *я видел* и *я слышал*, относящиеся к собственным наблюдениям повествователя, соседствуют с аналитической формой 1 л. мн. ч. при ссылке на написанное выше: БАН 31.3.22 *сие что я слышалъ о^m единаго ихъ сехиджи или каⁿнодея началника сего устава. Оные имѣють мнѣтьрь в' константинополи какъ и другие о каторыхъ имѣемъ сказано и не видель я ни в' семь граде столичномъ ни в како^m иномъ мѣсте в' земле владения тѣрецаго во европе что бы были иные монастыри сего устава кромѣ вышеереченныхъ можетъ быть что есть бли³ вавилона во егип'тѣ и во странахъ далечайишѣхъ асиї каторыхъ не написахъ з'дѣсь имянъ и правилъ* (гл. 20, ч. 2, л. 194 об.) – *Questo è quel che hō vditō raccontare da vno de' loro Scheigi, ò predicatori, superiore di quest'ordine. Eglino hanno vn Monastero à Costantinopoli, come gli altri de' quali habbiamo parlato; e non hō veduto, ne in questa Città Dominante, ne in alcun'altro loco delle Terre, che'l Turco possiede in Europa, che vi siano altre Tekes ò Cafe religiose di quelli ordini. Può esser che ve ne siano verso Babilonia in Egitto, e nelle parti più lontane dell'Asia, de' quali non hō qui rapportato li nomi, nè le regole* (p. 208). БАН 34.5.28 *я слышаⁿ... имѣⁿ сказано... не видаль я... не написаⁿ* (л. 137 об. – 138), то же в печатном тексте (с. 198), то есть аорист 1 л. ед. ч. заменяется л-формой. Во всех случаях в итальянском тексте находятся формы *passato prossimo*, однако при отсылке к вышеизложенному употреблена форма 1-го л. мн. ч., и именно ее буквально воспроизводит Толстой.

В польском переводе указанная форма никак не выделяется из ряда других, причем переводчик не использует форму 1 л. мн. ч., которая есть в его французском оригинале: *dal informáciq... o ktorychem powiedział... niemogłem widzieć... niewiem... ktorych... opisać nie mogę* (s. 183) – *j'en ay appris... dont nous*

avons parlé... je n'ay point remarqué... dont je n'ay pas rapporté (p. 477–478). Последняя форма *passé composé* переводится настоящим временем: «названий которых не знаю и правила описать не могу».

Обнаружен также случай появления калькированной аналитической формы 3 л. ед. ч. при субъекте в Им. п.: БАН 31.3.22 *Понеже какъ Имѣеть сгъло добриц² написано великии каⁿцль^p баконъ во единомъ своемъ Испытаніи всякая монаⁿхия [глаголетъ онъ] въ каторои не есть ни едино блгоро^oство есть едино совеⁿшенное мучитеⁿство яко есть оная Турецкая* (гл. 16, ч. 1, л. 89), то же БАН 34.5.28 (л. 87 об.) и печатный текст (с. 90) – *perche come hā molto ben descritto il Gran Cancelliere Baccon in vna delle fue proue; ogni Monarchia (difs' egli) in cui non è alcuna Nobiltà è vna pura Tirannia, come è quella delli Turchi* (p. 96).

В польском переводе форма *passif* *composif* переведена, как и в других случаях, перфектом: *Gdyż iáko dobrze namienil wielki Kánclerz Bacon* (s. 87) – *comme l'a fort bien remarqué le grand Chancelier Bacon* (p. 222). Вставное предложение в этом переводе отсутствует, как и во французском тексте. В английском оригинале находится настоящее экспозиционное время: *as my Lord Verulam³ says, Essay 14* (p. 128).

Важно отметить, что для передачи формы 3 л. *passato remoto disse* Толстым используется настоящее экспозиционное *глаголетъ*. Настоящее экспозиционное время глаголов речи, мысли и передачи информации вне последовательности оконченных действий отсылает к действию, совершившемуся в прошлом, однако имеющему, скорее, надвременной характер: *Как говорит Экклизиаст...; как пишет В.В. Виноградов...; Гоголь изображает мелкопоместное дворянство*. Оно используется в современном языке при цитировании, интерпретации чужого мнения, научном анализе [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 29; Петрухина, 2009, с. 138]. Традиция использования этой разновидности настоящего неактуального восходит к раннему периоду функционирования церковнославянского языка на Руси. Так, оно широко представлено в старшем восточнославянском по происхождению переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, появившемся в конце XI в. Толкование на Ин. 1:3 Γραβῶς

γὰρ ἐνταῦθα ἄλλον εἶναι τὸν Λόγον, καὶ ἄλλον τὸν Πατέρα, **κηρύττει** ὁ μέγας Ἰωάννης / точно во зде иного быти слова. иного же и оца **проповѣдуетъ** великїи Іоаннъ ТСП110 (л. 215). В этом переводе при ясной тенденции к отражению форм настоящего неактуального оригинала формами настоящего же времени фиксируются случаи, когда греческим аористу и имперфекту соответствуют в переводе формы настоящего времени, и наоборот «презент в этих значениях используется наряду с аористом и имперфектом и в их окружении» [Метлова, 2021, с. 112]. С использованием настоящего экспозиционного П.А. Толстой вполне мог быть знаком по подобного рода церковнославянским текстам. Такое употребление функционально сближается с рассматриваемыми перифрастическими конструкциями в отсылочной функции: *как пишет / имеет написано канцлер Бакон*.

Прочие случаи употребления аналитической конструкции не составляют монолитной группы с семантической точки зрения. Их, однако, объединяет наличие во фразе прямого дополнения.

При наличии в предложении зависимого от глагола *имѣть* прямого объекта, выраженного им. сущ. или мест., причастие согласуется с ним по числу: БАН 31.3.22 *Магомѣтъ посланникъ Бж҃їи посланныи для научения людеи І для изъяснения Истинного его Божественные воли **Имѣю написаны въщи** поꙋльдоующие еже есть что вера хриꙋтияꙋская саповѣдаꙋна ѿ Бга можетъ быти свободна во всеꙋ странахъ восточныхъ и запаꙋныхъ* (л. 131 об.), то же БАН 34.5.28 (л. 88–88 об.) и печатный текст (с. 132) – *Mahometto Messaggiere di Dio inuiato per addottrinare gli huomini, e per dichiarare loro realmente la sua Diuina volontà, **hà scritto*** (3 л. ед. ч.) *le cose seguenti, cioè. Che la causa della Religione Cristiana, ordinata da Dio possa restare libera in tutte le parti dell’Oriente, e dell’Occidente* (р. 136).

В польском переводе, вслед за французским оригиналом, используется перфект 3 л., относящийся к субъекту предложения: *Mahomet Poślániec Boży... **napisal** rzeczy tu położone* (с. 125) – *Mahomet Messager de Dieu... **a écrit** les choses suivantes* (р. 320).

Таким образом, в воспроизведении документа происходит изменение лица глагола с 3-го на 1-е в интитуляции, что, вероятно, мо-

жет быть связано со спецификой оформления документов в русской среде. При этом, как и в итальянском тексте, в русском переводе не используется так называемое «множественное величия», в принципе характерное для княжеских и царских грамот уже в предшествующий период [Ельчанинова].

БАН 31.3.22 *повѣствованіе каторое Имѣемъ учинено о управленіяхъ и о ихъ доходахъ служитъ к показанію силы и величества иꙋперїи отаманскоу* (гл. 12, ч. 1, л. 72), то же БАН 34.5.28 (л. 45 об.) и печатный текст (с. 72) – *Il racconto, **che abbiamo fatto** de Gouverni, e delle loro entrate, serue à dimostrarre la forza, e grandezza dell’Imperio Ottomano* (р. 78). В польском переводе перфект отсутствует: *Tak okoliczne wyliczenie wytykich Prowinciy / y Powiatow / z opifaniem ich rządow / y dochodow / śnádno koźdemu pokazác moze potegę y wielkość Páństwá Ottomáńskiego* (с. 70) – ‘так обстоятельный подсчет всех провинций и областей с описанием их управлений и доходов может легко показать каждому силу и величие Османской империи’. Во французской версии употребляется *passé récent*: *Le dénombrement que **nous venons de faire** de ces Gouvernemens, et de leur revenu fert à faire voir la puissance et la grandeur de l’Empire Ottoman* (р. 178) – ‘Подсчет, который мы только что провели’.

Подобные закономерности характерны и для перевода *trapassato prossimo*. Как правило, формы *trapassato prossimo* переводятся обычным прошедшим временем. В некоторых случаях, однако, появляется калькированная аналитическая форма со вспомогательным глаголом *иметь* и пассивным причастием, которое согласовано с дополнением по роду и по числу: БАН 31.3.22 *Сеи члѣвкъ **имѣль собрано** такъ великое множество вещей драгоценныхъ о которыꙋ поꙋробну сказывати докучило бы читателю* (гл. 12, ч. 1, л. 73), то же в БАН 34.5.28 (л. 46) и в печатном тексте (с. 73) – *quest’huomo **haueua vnita** si gran quantità di cose preziose, che l’Inuentario riuiscirebbe noiofo* (р. 79). В польском находится форма перфекта: *Ten... **názbierał*** (с. 71) – *Cet homme avoit entaffé* (р. 181).

В следующих примерах причастие согласуется с прямым дополнением по числу: БАН 31.3.22 *понеже не видимъ никогда въ ихъ Историяхъ чтобы были намерены опу-*

стоишь провинции каторые Имгють завоеванны (гл. 15, ч. 1, л. 86 об.), БАН 34.5.28 каторые имгли завоеванны (л. 55), то же печатный текст (с. 87) – *perche non veggiamo mai nelle loro Istorie, che si siano applicati à spopolare i paesi, che haueuano acquistati* (р. 93). В польском переводе, как и во многих других случаях, употреблен перфект: *Pánstvá ktorych doftáli* (с. 84) – *les país, qu'ils avoient conquis* (р. 215).

Ниже находится схожий контекст: БАН 31.3.22 понеже римляне строили Их города в средине мира учинили законь каторои водрерживаль ихъ гдрей чинили по хотению народовъ каторыхъ имгли завоеванны (гл. 15, ч. 1, л. 87), БАН 34.5.28 каторыхъ имгли завоеванны^x (л. 55 об.), то же печатный текст (с. 87) – *perche i Romani edificarono le loro Città nel mezzo della Pace; fecero leggi che moderauano l'arbitrio de' loro Principi, s'aggiustauano al genio de' popoli, che haueuano soggiogati* (р. 93). В печатном тексте отражается чтение рукописи БАН 34.5.28, где причастие согласовано и в числе, и в падеже с мест. *который*. На изменение формы причастия, вероятно, оказала влияние известная в церковнославянском языке конструкция Accusativus duplex, поскольку здесь Вин. п. прямого дополнения находится рядом с Вин. п. именной части сказуемого.

Как и в прочих случаях, польский перевод не повлиял на русский, ср. *do honori Narodow zwyćięzonych* (с. 84) – *des peuples qu'ils avoient conquis* (р. 216). В данном случае польский переводчик выбрал форму причастия в атрибутивной функции 'побежденных народов', не воспроизводя придаточное предложение французского оригинала.

В одинаковых контекстах при одинаковых формах *trapassato prossimo* в первом случае вспомогательный глагол *haueuano* переводится настоящим временем (с последующей правкой на прошедшее), а во втором – прошедшим. На выбор формы настоящего времени вспомогательного глагола мог повлиять аналогичный перевод *passato prossimo*.

Наконец, отмечаются единичные примеры, когда при передаче форм *passato prossimo* с помощью рассматриваемой аналитической конструкции причастие в ней ставится в форму ед. ч. ср. р.

БАН 31.3.22 *Варварство и ложное мнение махомета^uское не было такъ против'но вешемъ священ'нымъ чтобы о^uнять ее [церкви] доходы но еще против'но Имгють охранено и возвращено в'такои мѣре что можетъ справ'няться со основаниями богатеишими во все^u христия^uст'ве* (гл. 7, ч. 2, л. 148), то же БАН 34.5.28 (л. 103) и печатный текст (с. 149) – *La Barbarie, e la Superfizione Mahomettana non è stata così sacrilega, che habbia toccate le sue entrate; anzi al contrario le hà conferuate, ed accresciute in guisa tale, che può andar del pari, con le fondazioni più ricche di tutta la Cristianità* (р. 155). В итальянском тексте форме *passato prossimo* предшествует дополнение, в русском переводе формально оно не выражено, но подразумевается (*доходы*).

В польском переводе, как обычно, находятся формы перфекта: *záchowála u przyczyniła* (с. 140) – *elle les a au contraire conservez, et augmentez* (р. 361).

Во втором обнаруженном случае от аналитической конструкции с причастием на *-н-* зависит прямое дополнение: БАН 31.3.22 *ту^uки мнили противность священству о^uлучить сове^uшенно о^u служения божественнаго х' каторому была определена хотя мѣсто оно дивное не по^uволяло чтобы другои вещи служило токмо для строения пребывания са^uтанскаго Имгють приложено едину аспру бо^uши чтобы показати что тыщи не было довол'но за оную землю и чтобы могло прибавлятися по милости са^uтанскои* (гл. 7, ч. 2, л. 148 об.), то же в БАН 34.5.28 (л. 103 об.) и в печатном тексте (с. 150) – *li Turchi ftimarono vn sacrilegio di separare totalmente dal seruigio Diuino, al quale era destinato; ancorche il fito suo ammirabile non permetteffe, ch'ad'altra cosa seruiffe, che à fabricare l'abitazione del Sultano. Gli hanno giunto vn'Aspro di più, per far vedere, che li mille non erano bastevoli per l'vfo, che si faceua delle terre della Chiesa, e che si poteuano accrescere, conforme la pietà, e la deuozione de gl'Imperadori* (р. 156). В польском переводе употреблен перфект: *Przydáli iednę ásprę ná wzwyß* (с. 141) – *Ils ont ajoûté vne Aspre de plus* (р. 363).

Прямого соответствия этой конструкции в русских диалектах не обнаруживается, но нельзя не отметить определенное сходство формы причастий в этих конструкциях с пре-

дикативными конструкциями с причастиями на *-н/-т-* от переходных глаголов преимущественно СВ в форме ср. р.: *У самого на-складывано песен; У соседки овцу на план выпущено* (с прямым доп. в ед. ч. ср. р.) [Соболев, 2000, с. 211].

Выводы

Обзор материала показывает, что в переводе «Истории» встречается несколько разновидностей аналитической конструкции с глаголом *иметь* и причастием на *-н-* (от переходных глаголов преимущественно совершенного вида):

1) аналитическая форма глагола без формально выраженного субъекта и без прямого объекта; причастие стоит в ед. ч. ср. р. (*имеем написано*);

2) аналитическая форма глагола с субъектом в Им. п. и без прямого объекта; причастие стоит в ед. ч. ср. р. (*канцлер имеет написано*);

3) аналитическая форма глагола с прямым объектом, причастие в составе данной конструкции согласуется с ним в роде, падеже, числе (*провинции, которые имеют завоеваны; имеет собрано множество вещей*);

4) аналитическая форма глагола с прямым объектом, причастие в составе данной конструкции стоит в ед. ч. ср. р. (*имеют приложено едину аспру*).

Рассматриваемая конструкция в целом обнаруживает типологическое сходство с так называемым славянским перфектом, точнее, с конструкцией типа Перфект II. Эта конструкция имеет два ареала распространения – средневропейский и балкано-средиземноморский, а ее возникновение рассматривается как один из конвергенционных процессов в европейских языках [Načeva-Marvanová, 2010, s. 175]. Так, конструкции с глаголом *иметь* (в любой форме, в том числе и в настоящем времени) в сочетании с причастием на *no-/to-* характерны для чешского языка: *Jsem rád, že mám dopřáno*. ‘Я рад, что я уже дописал (букв. имею дописано)’; *Ten má naplánováno stát v čele společnosti*. ‘Он запланировал (букв. имеет запланировано) возглавить компанию’. При отсутствии в предложении прямого объекта используются краткие причастия ср. р. ед. ч. на *no-/to-*: *máme věci sbalené / máme sbaleno* ‘у нас вещи собра-

ны / мы собраны’. При этом в конструкциях без прямого объекта встречаются глаголы, от которых не должны образовываться страдательные причастия: *má na mě spadeno* ‘он на меня зол’ (от *spadnout* ‘упасть’, ‘обрушиться’) [Изотов, 2018, с. 62–63; Скорвид, 2017, с. 268–269]. На развитие таких форм в западнославянских языках, вероятно, оказал влияние немецкий язык, так как калькированные перфектные конструкции известны также в кашубском: *On mó zeźniwiony / zeźniwioné* ‘Он сжал (поле)’, а также в полабском, где подобные формы со страдательным причастием прошедшего времени имели активное (перфектное) значение: *to vojĭdoně* ‘он съел’, букв. ‘имеет съедено’, ср. нем. *hat aufgegessen* [Дуличенко, 2017, с. 421; Супрун, 2017, с. 441].

Подобное устройство имеет и так называемый второй, или посессивный, перфект в македонском – это конструкции типа *имам дојдено* ‘я пришел’ (букв. я имею прийдено), которые состоят из полноспрягаемого вспомогательного глагола *има* ‘иметь’ и пассивного причастия в форме ср. р. ед. числа. Такой перфект, в отличие от зафиксированных у Толстого форм, может быть образован от переходных и непереходных глаголов обоих видов. В западномакедонских диалектах он выражает весь спектр значений перфекта [Макарова, 2016, с. 223, 229].

Появление таких конструкций в македонских диалектах относится как раз к периоду раннего Нового времени. Старший пример употребления подобной формы находится в приписке в рукописи из монастыря Кррино, датированной 1706 г.: *кои кетъ мислитъ да го оукрадетъ имамъ гв афоресанъ и проклетъ и завезанъ до страшенъ сътъ* ‘Кто подумает его украсть, того я объявляю (букв. имею) отлученным, проклятым и обреченным до Страшного суда’ (перевод А.Л. Макаровой). На начальном этапе своего распространения, как видно в данном случае, такие конструкции могли быть согласованы по роду [Конески, 2021, с. 205–206; Макарова, 2016, с. 224–225].

Примечательно, что посессивный перфект «с ярким результативным оттенком значения» и только от переходных глаголов совершенного вида изредка встречается и в других южнославянских языках – сербском и болгарском (фракийские диалекты), но его

функционирование в них не является нормативным. Его появление в болгарских диалектах объясняют контактами с греческим языком, не исключается также и влияние албанского. В то же время считается наиболее вероятным, что македонский язык мог калькировать посесивный перфект из арумьнского, где, однако, причастие ставится в ж. р. [Конески, 2021, с. 205; Макарова, 2016, с. 225, 231].

Таким образом, употребление рассматриваемых форм в языке Толстого и македонские формы типа *имам дојдено* объединяются влиянием романской грамматической системы – арумьнской в одном случае и итальянской в другом. Однако такие формы у Толстого оказываются принадлежностью только одного его перевода, то есть функционируют на уровне текста, а в македонском они с течением времени входят в языковую систему.

Важнейшим функциональным сдвигом, отмечаемым для македонского языка, является потеря причастием в составе второго перфекта залогового значения пассива. Это сближает западномакедонскую систему с севернорусскими диалектами, где пассивное причастие на *-н/-т-* выходит за рамки категории залога, то есть используется за пределами пассивных конструкций (см. об этом.: [Макарова, 2016, с. 231; Соболев, 2000, с. 214]).

Следует отметить, что уже с конца XVI в. в старорусских памятниках фиксируется употребление причастных форм на *-н/-т-* в аористном значении, для обозначения действия, «целиком отнесенного к прошлому». В зависимости от сочетаемостных свойств причастия выделяется пять типов такого использования [Ермолова, 2023]:

1) причастие согласуется с объектом действия в Им. п.: *запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь*;

2) причастие в ср. р. с объектом в Род. п., обозначающим неопределенное количество вещества или предметов: *покупано овса и сена*;

3) причастие в ср. р. в безличном предложении (объект отсутствует). Такое причастие могло быть образовано как от переходных, так и от непереходных глаголов: *никому ни в чем не сълыгивано ни манено ни пересрочено*;

4) причастие в ср. р., не согласуемое с объектом в Им. п.: *И земля, и пожни, и всякие угодыя не делено и не межevano*;

5) причастие в ср. р. с объектом в Вин. п.: *кровлю укрыто*. Этот тип конструкции традиционно считался полонизмом, однако в настоящее время предполагается, что это общая инновация, присущая ареалу от польского до севернорусского, которая включает в себя украинский, белорусский, литовский и латышский языки [Seržant, 2012, р. 371].

М.В. Ермолова полагает, что данный тип конструкции был присущ старорусскому языку в целом и отражает процесс грамматикализации причастий на *-н/-т-* и их превращения в финитную форму (при отсутствии необходимости указания на субъект). Этот процесс проходит три стадии: 1) причастие в аористном значении согласуется с объектом действия в Им. п.; 2) причастие стоит в несогласуемой форме ср. р. при объекте в Им. п.; 3) причастие стоит в несогласуемой форме ср. р. при объекте в Вин. падеже. Первый и второй этапы прослеживаются хорошо, тогда как третий этап представлен единичными примерами [Ермолова, 2023, с. 57–61].

В тот же период аналогичный процесс превращения причастия на *-н/-т-* в финитную форму начался в украинском и белорусском языках. Если в настоящее время в белорусских говорах отмечаются только реликты подобных форм, то в украинском такие формы, управляющие Вин. п., употребляются как в претеритном (событийном), так и в результативном значении (*обмежено рух транспорту*). В претеритном значении причастия на *-но/-то-* употребляются в польском, где процесс их грамматикализации достиг финальной стадии [Ермолова, 2023, с. 59; Seržant, 2012, р. 365, 383]. Важно отметить, что процесс грамматикализации причастной формы на *-н/-т-* как в аористную, так и в результативную формы проходил одинаковые этапы, причем сначала причастие согласуется с объектом, потом утрачивает согласование, а объект может получать форму Вин. п. [Ермолова, 2023, с. 61]. Как представляется, именно наличие в старорусской языковой системе данного процесса и дает возможность Толстому в некоторых случаях использовать кальки итальянских аналитических форм.

Определенную поддержку рассматриваемым конструкциям у Толстого оказывает и длительная экспансия глагола *иметь* в со-

ставе различных сочетаний с инфинитивом и с им. сущ. в русском языке XVIII в., которая подпитывалась, с одной стороны, влиянием различных европейских языков, а с другой – церковнославянским наследием [Хютль-Ворт, 1974, с. 149–151].

Таким образом, у русского переводчика появляется дополнительная возможность использовать маркированные аналитические формы в различных аспектах, прежде всего в отсылочной (метатекстовой) функции. Наличие глагольной перифразы выделяет форму в ряду других, то есть в определенных случаях позволяет использовать кальку как стилистический прием. Примечательно, что польский перевод в данном случае (как и во многих других) не оказывает никакого влияния на русский текст при редактировании, а сам польский переводчик не калькирует аналитические глагольные формы своего оригинала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П.А. Толстой как переводчик».

The research was carried out as a part of the Russian Science Foundation Project no. 23-28-00314 “Linguistic personality in the Petrine era: Pyotr Tolstoy as a translator”.

² БАН 34.5.28 *добро* испр. на *добръ*, печатный текст *добръ*.

³ То есть лорд-канцлер Англии Фрэнсис Бэкон, барон Вереуламский (<https://www.fbrt.org.uk/bacon/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дуличенко А. Д., 2017. Кашубский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб. : Нестор-История. С. 410–432.
- Ельчанинова О. Ю., 2016. Специфика формуляра и видовое многообразие русских грамот XVII века // Актуальные проблемы российского права. № 10 (71). С. 21–26. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.021-026
- Ермолова М. В., 2023. К вопросу о грамматикализации страдательных причастий прошедшего времени в старорусском языке // Вопросы языкознания. № 4. С. 47–64. DOI: 10.31857/0373658X.2023.4.4764
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д., 2000. Введение в русскую аспектологию. М. : Яз. рус. культуры. 225 с.

- Изотов А. И., 2018. Чешский язык. М. : МАКС Пресс. 160 с.
- Конески Б., 2021. Историја на македонскиот јазик. Скопје : Македонска академија на науките и уметностите. 459 с.
- Макарова А. Л., 2016. О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб. : Наука. Т. 12, ч. 2. С. 217–234.
- Метлова Е. Д., 2021. К проблеме выделения некоторых значений форм настоящего времени в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на материале Толкового Евангелия от Иоанна) // Stephanos. № 3 (47). С. 107–114. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-47-3-107-114
- Николаев С. И., 2020. Титульный лист русского издания «Монархии турецкой» 1741 года // Analecta Literackie i Językowe. Т. 14. С. 385–391.
- Петрухина Е. В., 2009. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М. : МАКС Пресс. 208 с.
- Скорвид С. С., 2017. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб. : Нестор-История. С. 250–292.
- Соболев А. Н., 2000. О залоговых значениях славянских причастий на *-и/-т* // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. S. 209–215.
- Соколов А. И., 2023. «Монархия турецкая» Поля Рико: роль польского перевода в работе справщиков над русской версией трактата // XXXV чтения памяти Ю. С. Сорокина и Л. Л. Кутиной : тез. Междунар. науч. конф. СПб. : ИЛИ РАН. С. 21–22.
- Супрун А. Е., 2017. Полабский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб. : Нестор-История. С. 433–448.
- Хютль-Ворт Г., 1974. О западноевропейских элементах в русском литературном языке XVIII в. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М. : Наука. С. 144–153.
- Načeva-Marvanová M., 2010. Perfektum v současné češtině: korpusová studie jeho gramatikalizace na bázi Českého národního korpusu. Praha : Nakladatelství Lidové noviny. Vyd. 1. 224 s.
- Seržant I. A., 2012. The So-Called Possessive Perfect in North Russian and the Circum-Baltic Area. A Diachronic and Areal Account // Lingua. Vol. 122, № 4. P. 356–385. DOI:10.1016/j.lingua.2011.12.003

ИСТОЧНИКИ

- БАН, ф. 31.3.22 – История управления настоящего империи Оттоманской // Библиотека Академии наук. Ф. 31.3.22. XVIII в. 262 л.
- БАН, ф. 34.5.28 – История управления настоящего империи Оттоманской // Библиотека Академии наук. Ф. 34.5.28. XVIII в. 193 л.
- Рикот П. Монархия турецкая, описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Перев. с польского на российской язык. СПб. : [Тип. Акад. наук]; 1741. 278 с.
- ТСЛ 110 – Евангелие толковое блаж. Феофилакта Болгарского на Евангелия от Матфея и от Иоанна // Российская государственная библиотека. Ф. 304/1. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 110. XIV – нач. XV в. 366 л.
- Ricaut P. The History of the Present State of the Ottoman Empire. London : Printed for Charles Brome, 1686. 406 p.
- Rycaut P. Histoire de l'état présent de l'empire Ottoman. Seconde éd. Paris : Séb. Mabre-Cramoisy; 1670. 661 p.
- Rycaut P. Istorja dello stato presente dell'Imperio Ottomano. Venetia : Presso Combi, & La Noù; 1672. 296 p.
- Rycaut P. Monarchia turecka opisana przez Ricota Sekretarza Posła Angielskiego u Porty Ottomańskiej residującego z francuskiego języka na polski przetłumaczona przez szlachcica polskiego y do druku podana w roku 1678. W Słucku : [s. n.], 1678. 299 c.

REFERENCES

- Dulichenko A.D., 2017. Kashubskiy yazyk [Kashubian Language]. *Yazyki mira. Slavyanskiye yazyki* [Languages of the World. Slavic Languages]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 410-432.
- Yelchaninova O.Yu., 2016. Spetsifika formulyara i vidovoye mnogoobraziye russkikh gramot XVII veka [Specificity of the Form and Diversity of Types of Russian Letters of the 17th Century]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], no. 10 (71), pp. 21-26. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.021-026
- Yermolova M.V., 2023. K voprosu o grammatikalizatsii stradatelnykh prichastiy proshedshego vremeni v staroruskom yazyke [On the Grammaticalization of Past Passive Participles in Middle Russian]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 47-64. DOI: 10.31857/0373658X.2023.4.4764
- Zaliznyak A.A., Shmelev A.D., 2000. *Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 225 p.
- Izotov A.I., 2018. *Cheshskiy yazyk* [Czech]. Moscow, MAKS Press Publ. 160 p.
- Koneski B., 2021. *Istorija na makedonskiot jazik* [History of the Macedonian Language]. Skopje, Makedonska akademija na naukite i umetnostite Publ. 459 p.
- Makarova A.L., 2016. O formakh i funktsiyakh perfekta v zapadnomakedonskikh dialektakh [On the Forms and Functions of Perfect in Western Macedonian Dialects]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. Saint Petersburg, Nauka Publ., vol. 12, pt. 2, pp. 217-234.
- Metlova Ye.D., 2021. K probleme vydeleniya nekotorykh znacheniy form nastoyashchego vremeni v drevneyshe perevode Tolkovogo Yevangeliya Feofilakta Bolgarskogo (na materiale Tolkovogo Yevangeliya ot Ioanna) [Problem of Distinction Some Meanings of the Forms of the Present Tense in the Oldest Translation of the Explanatory Gospel of Theophylact of Bulgaria (Based on the Explanatory Gospel of John)]. *Stephanos*, no. 3 (47), pp. 107-114. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-47-3-107-114
- Nikolayev S.I., 2020. Titulnyy list russkogo izdaniya «Monarkhii turetskoy» 1741 goda [Title Page of the Russian Edition of the Turkish Monarchy in 1741]. *Analecta Literackie i Jzykowe*, vol. 14, pp. 385-391.
- Petrukhina Ye.V., 2009. *Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [Russian Verb: Categories of Aspect and Time (In Context of the Modern Research)]. Moscow, MAKS Press Publ. 208 p.
- Skorvid S.S., 2017. *Cheshskiy yazyk* [Czech]. *Yazyki mira. Slavyanskiye yazyki* [Languages of the World. Slavic Languages]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 250-292.
- Sobolev A.N., 2000. O zalogovykh znacheniyakh slavyanskikh prichastiy na -n/-t [On the Voice Meanings of Slavic Participles on -n/-t]. *Wyraz i zdanie w jezykach slowianskich*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrociawskiego, s. 209-215.
- Sokolov A.I., 2023. «Monarkhiya turetskaya» Polya Riko: rol polskogo perevoda v rabote spravshchikov nad russkoy versiyey traktata [“Turkish Monarchy” by Paul Ricaut: Role of the Polish Translation in the Work of the Revisers on the Russian Version of the Treatise]. *XXXV chteniya*

- pamyati Yu. S. Sorokina i L. L. Kutinoy: tez. Mezhdunar. nauch. konf.* [35th Readings in Memory of Yu. S. Sorokin and L. L. Kutina. Abstracts of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 21-22.
- Suprun A. Ye., 2017. Polabskiy yazyk [Polabian]. *Yazyki mira. Slavyanskiye yazyki* [Languages of the World. Slavic Languages]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 433-448.
- Khyutl-Vort G., 1974. O zapadnoyevropeyskikh elementakh v russkom literaturnom yazyke XVIII v. [On Western European Elements in the Russian Literary Language of the 18th Century]. *Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochnoslavjanskikh yazykov* [Questions of historical lexicology and lexicography of the East Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 144-153.
- Načeva-Marvanová M., 2010. *Perfektum v současné češtině: korpusová studie jeho gramatikalizace na bázi Českého národního korpusu* [Perfect Tense in Contemporary Czech: Corpus Study of Its Grammaticalization Based on the Czech National Corpus]. Praha, Nakladatelství Lidové noviny. 224 s.
- Seržant I.A., 2012. The So-Called Possessive Perfect in North Russian and the Circum-Baltic Area. A Diachronic and Areal Account. *Lingua*, no. 122 (4), pp. 356-385. DOI: 10.1016/j.lingua.2011.12.003
- Present Ottoman Empire]. *Biblioteka Akademii nauk* [Library of the Russian Academy of Sciences], f. 31.3.22 (18th cent.). 262 l.
- Gistoriya upravleniya nastoyashchago imperii Ottomanskoj* [History of the Management of the Present Ottoman Empire]. *Biblioteka Akademii nauk* [Library of the Russian Academy of Sciences], f. 34.5.28 (18th cent.). 193 l.
- Rikot P. *Monarkhiya turetskaya, opisannaya chrez Rikota byvshego aglinskogo sekretarya posolstva pri Ottomanskoj Porte. Perv. s polskogo na rossiyskoy yazyk.* Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1741. 278 p.
- Yevangeliye tolkovoye blazh. Feofilakta Bolgarskago na Yevangeliya ot Matfeya i ot Ioanna [Explanatory Gospel of Blessed Theophylact of Bulgaria on the Gospel of Matthew and John]. *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka* [Russian State Library], f. 304/I. Glavnoye sobraniye rukopisey biblioteki Troitse-Sergiyevoy Lavry, no. 110. XIV – nach. XV v. 366 l.
- Ricaut P. *The History of the Present State of the Ottoman Empire.* London, Printed for Charles Brome. 1686. 406 p.
- Rycaut P. *Histoire de l'état présent de l'empire Ottoman.* Paris, Séb. Mabre-Cramoisy, 1670. 661 p.
- Rycaut P. *Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano.* Venetia, Presso Combi, & La Noù; 1672. 296 p.
- Rycaut P. *Monarchia turecka opisana przez Ricota Sekretarza Posła Angielskiego u Porty Ottomańskiej residującego z francuskiego języka na polski przetłumaczona przez szlachcica polskiego y do druku podana w roku 1678.* W Słucku, s.n., 1678. 299 p.

SOURCES

Gistoriya upravleniya nastoyashchago imperii Ottomanskoj [History of the Management of the

Information About the Author

Tatiana V. Pentkovskaia, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119234 Moscow, Russia, slav_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1095-0187>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Пентковская, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Россия, slav_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1095-0187>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>

UDC 811.163.1:81'373.45
LBC 81.416.1

Submitted: 12.07.2024
Accepted: 16.09.2024

**CHURCH SLAVONIC VERSION OF CAESAR BARONIUS
ANNALES ECCLESIASTICI AND CHUDOV TRANSLATIONS
FROM THE 17th CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS OF VOCABULARY¹**

Maria O. Novak

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article presents linguistic arguments in favour of a following hypothesis: a Church Slavonic translation of Caesar Baronius *Annales Ecclesiastici* (from the Polish adaptation made by Piotr Skarga), preserved in a 1689 manuscript (being kept in RSL, f. 256, no. 15), belonged to Moscow Chudov Monastery translators. By comparing the language of the manuscript at the lexical level with the translations reliably attributed earlier, the author discovers several parameters common to this version of *Annales* and Chudov translations, particularly, the translation of Piotr Skarga *The Word for Mercy* sermon and the New Testament translation accomplished by Epiphaniy Slavinetskiy. The common features are as follows: the widespread use of composita (compounds) not supported by the Polish text; equally widespread use of verbs with the *-stvo-* formant; the choice of words of Greek origin as equivalents for lexical units of Slavic and German origin; elimination of Latin borrowings, familiarized in the Polish text, and their translation through Slavic derivatives. Among the lexical units, there are non-trivial formations not recorded in lexicographic editions. In each of the positions mentioned, one can observe free variability that complicates the overall picture and introduces the Church Slavonic version of *Annales* to the centuries-old tradition of the ancient Slavonic translated Christian literature.

Key words: *Annales Ecclesiastici*, Church Slavonic translation, Chudov monastery translations, lexis, comparative analysis.

Citation. Novak M.O. Church Slavonic Version of Caesar Baronius *Annales Ecclesiastici* and Chudov Translations from the 17th Century: Comparative Analysis of Vocabulary. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 39-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>

УДК 811.163.1:81'373.45
ББК 81.416.1

Дата поступления статьи: 12.07.2024
Дата принятия статьи: 16.09.2024

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ВЕРСИЯ «ЦЕРКОВНЫХ АННАЛОВ»
ЦЕЗАРЯ БАРОНИЯ И ПЕРЕВОДЫ ЧУДОВСКОГО КРУГА XVII в.:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ¹**

Мария Олеговна Новак

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены лингвистические аргументы в пользу гипотезы о принадлежности книжникам Чудова монастыря церковнославянского перевода «Церковных анналов» Цезаря Барония, выполненного с польского переложения Петра Скарги и сохранившегося в рукописи 1689 г. (РГБ, ф. 256, № 15). Путем сопоставления языка рукописи на лексическом уровне с теми переводами, атрибуция которых была надежно установлена ранее, выявлен ряд параметров, общих для данной версии «Анналов» и Чудовских переводных текстов – в первую очередь «Слова о милости» (перевод «Kazania o miłosierdziu» Петра Скарги) и Нового Завета в переводе Епифания Славинецкого. К объединяющим чертам относятся следующие: широкое употребление словосложений, не поддерживаемых польским текстом; столь же широкое употребление глаголов с формантом *-ство-*; выбор гречизмов в качестве эквивалентов к лексическим единицам славянского и германского происхождения; устранение латинизмов, хорошо освоенных в польском тексте, и перевод их посредством славянских образований. Среди лексических единиц обнаружены окказиональные образования, не зафиксированные в лексикографических изданиях. В каждой из этих позиций наблюдается

свободная вариативность, усложняющая общую картину и приобщающая церковнославянскую версию «Анналов» к многовековой традиции древнеславянской переводной литературы.

Ключевые слова: «Церковные анналы», церковнославянский перевод, переводы Чудова монастыря, лексика, сравнительный анализ.

Цитирование. Новак М. О. Церковнославянская версия «Церковных анналов» Цезаря Барония и переводы Чудовского круга XVII в.: сопоставительный анализ лексики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 39–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>

Введение

В данной статье пойдет речь о церковнославянском переводе «Церковных анналов» Цезаря Барония, сохранившемся в рукописи, датированной 1689 г. (РГБ, ф. 256, № 15, далее – *Рум15*). Наша цель – представить ряд лингвистических доказательств принадлежности данного текста к переводам с польского языка, выполненным книжниками московского Чудова монастыря – Епифанием Славинецким, Евфимием Чудовским и другими.

Поскольку рукопись содержит владельческую запись окольного А.А. Матвеева, еще в XIX столетии с легкой руки И.П. Сахарова сложилось ничем не подтвержденное мнение, что владелец был также автором перевода, причем с латинского языка [Записки..., 1841, с. IV]. Эта точка зрения некритически воспроизводится и в современных исследованиях [Соловьев, 2022, с. 490]. Однако знакомство с языком рукописи заставляет атрибутировать перевод книжникам Чудова монастыря, чьи филологические установки детально анализировались в работах Т.А. Исаченко и Т.В. Пентковской. Предварительные наблюдения небольшого объема были представлены в [Новак, 2023; 2024]. Ниже предлагается развернутый анализ лексического уровня перевода в сравнении с другими переводами Чудовского круга; в частности, будет рассматриваться «Слово о милости» – перевод проповеди Петра Скарги «Kazanie o miłosierdziu».

Прежде чем обратиться к конкретным языковым фактам, скажем несколько слов об источниках. Как известно, обширная хроника авторства выдающегося деятеля католической Церкви, кардинала Цезаря Барония «*Annales ecclesiastici*», посвященная истории христианства, создавалась на протяжении почти 20 лет (1588–1607) и охватила 12 столетий; только кончина автора воспрепятствовала ее

продолжению. По мере публикации томов хроники, написанной на латыни, ее суммировал и переводил на польский язык Петр Скарга. «Анналы» получили распространение у православных славян [Сляский, 1991], и во второй половине XVII в. появился ряд восточнославянских переводов [Николаев, 2008, с. 158–160].

Рукопись *Рум15* представляет, по мнению С.И. Николаева, третий перевод из идентифицированных им четырех [Николаев, 2008, с. 159] и содержит лишь часть хроники, а именно – исторические сведения за пять столетий по Рождестве Христове. Вместе с тем перевод весьма подробен и дает достаточно материала для лингвистического анализа (рукопись in folio содержит 827 листов). Польское переложение приводится по второму краковскому изданию (*Rocznе dzieie...*, 1607); рукопись *Рум15* – по фотокопии из интернет-коллекции РГБ (*Лѣтодѣаніа...*, 1689). К анализу привлекается также еще один церковнославянский перевод «Анналов», отредактированный и опубликованный в 1719 году, цитируется по репринтному изданию (*Дѣаніа 1913–1915*).

«Слово о милости» довольно долго считалось оригинальным произведением и атрибутировалось то Епифанию Славинецкому, то Евфимию Чудовскому; Т.В. Пентковская, однако, убедительно доказала переводной характер «Слова», сопоставив его с польским текстом проповеди Петра Скарги «Kazanie o miłosierdziu» [Пентковская, 2016], а также определила основные специфические черты перевода [Пентковская, 2018]. В последующем анализе мы будем учитывать выявленные ею особенности в качестве критериев. Польский оригинал «Слова» приводится по первому краковскому изданию (*Bractwo*, 1588), церковнославянский перевод – по изданию (Брайловский, 1894), сверенному по рукописи XVII в. ГИМ Син. 716 Т.В. Пентковской, любезно

предоставившей нам результаты сверки текста. При цитатах даются ссылки на страницу и/или столбец источника. Цитаты из польских изданий XVI–XVII вв. приводятся с незначительным графическим упрощением.

Результаты и обсуждение

На лексическом уровне для целого ряда переводов книжников Чудова монастыря с польского языка и латыни характерны те же стилистические черты, что и для переводов с греческого языка: обилие *composita*, восходящих к калькам с греческого языка, и иных сложных словообразовательных структур; в области взаимодействия исконной и иноязычной лексики отмечается наличие гречизмов, не поддерживаемых оригиналом, и устранение латинизмов, присутствующих в польском тексте. Именно таким образом эти переводы встраиваются в общую традицию переводной церковнославянской книжности [Пентковская, 2018]. В основной части статьи мы продемонстрируем присутствие этих черт и в версии «Церковных анналов» Барония, представленной в рукописи *Рум15*.

Словосложения в *Рум15*

Для анализа словосложений в *Рум15* была сделана случайная выборка, включившая 100 вхождений. Среди польских соответствий лишь 16 представляют ту же двухосновную модель, которая характерна для церковнославянского: *świętokradzki, kacermistrz, cudotworca, wielomowstwo, błogosławiony, pierworodny, złoczyńca, czarnoksiężstwo, cudzołostwo, cudzołożnik, starowieczność, dobrowolnie, dobrodzieystwo, bałwochwalstwo, iedynowładzca, zakonodawca*.

В основном *Рум15* представляет образования, весьма далекие от структуры, а порой и от семантики польских коррелятов, например: *(temu) się zabiegało* ‘(ему) было важно, было предметом его усилий’ (s. 36) – *сему блгожелате(л)ствовашесея* (л. 82 об.) *bluźnił* ‘хулил’ (s. 76) – *блядословствоваше* (л. 146 об.), *szaleństwo* ‘безумие, сумасшествие’ (s. 108) – *бѣснодѣйствѣ* (л. 191 об.). Отход от конкретной семантики польского оригинала происходит в сторону предельной

абстракции – вплоть до неясности. Подобную ситуацию можно наблюдать и в «Слове о милости» – переводе «*Kazania o miłosierdziu*» Петра Скарги. Ср. в пределах всего одной страницы рукописи: *gospodarstwem* ‘хозяйством’ – *рукохудожествомъ*, *dochody* ‘доходы’ – *народомытство*, *poszczęści* ‘посчастливится’ – *побл̄гоупутстви^мся* (л. 29 об., или н̄с по кириллической фолиации) [Брайловский, 1894, с. 21–22; *Bractwo*, 1588, s. 6].

Одна и та же польская лексема может передаваться в *Рум15* различными лексическими единицами, например: *uczony* ‘ученый’ – *бл̄горазумный* (л. 175), *бл̄гоискусный* (л. 187 об.), *доброразумный* (л. 213 об.); *nabożny* ‘набожный, благочестивый’ – *бл̄гочестивый* 124 об., *бг̄оподражателень* (л. 249 об.), *бл̄гоговѣйный* (л. 583 об.); *wytowa* ‘красноречие’ – *велеречіе* (л. 90 об.), *бл̄горазуміе* (л. 166 об.), *краснорѣчіе* (л. 536 об.), *бл̄гословесіе* (л. 708); *wytowny* ‘красноречивый’ – *доброглаголивый* (л. 176 об.), *бл̄гвязычный* (л. 213 об.); *snota* ‘добродетель’ – *добродѣтель* (лл. 13 об., 287), *бл̄гвстыни* (л. 296); *bałwochwalstwo* ‘идолопоклонство’ – *идѣлослуженіе*, *идѣлопоклоненіе* (л. 22 об. и др.); *szczęście* ‘счастье, удача’ – *бл̄гоповеденіе* (л. 163), *бл̄гоулученіе* (л. 163 об.). Даже в этом небольшом перечне обращают на себя внимание образования с начальным элементом *благо-*, столь характерные для переводных церковнославянских текстов и восходящие к калькам с греческого языка.

В редких случаях наблюдается вариативность, в которой участвуют *compositum* и заимствование: *Poeta* ‘поэт’ – *noeta* (л. 29), *stixomworecъ* (л. 29 об.); *Astrolog* ‘астроном, астролог’ – *астрологъ* (л. 22 об.), *звѣздочитатель* (л. 186).

Также в отдельных случаях одна и та же лексема в *Рум15* соответствует разным польским: *(proszę) przyzwolcie* ‘(пожалуйста) позвольте’ (s. 94) – (молю вы) *бл̄говолити* (л. 170 об.), *chciał* ‘хотел’ (s. 95) – *бл̄говолу* (л. 172); *(lud) pospolity* ‘простолюдины’ (s. 3) – *всенародство* (людей) (л. 12), *и pospolstwa* ‘у простых людей’ (s. 58) – *у всенародства* (л. 119 об.).

Сопоставление с изданием 1719 г. показывает преобладание сложений в *Рум15*: хотя первое в целом не уклоняется от использования двухосновных образований, они составля-

ют лишь 41 % в выборке; из них 10 совпадают с употреблением *Рум15*. Вместе с тем возможны нечастые ситуации, когда в *Рум15* сложение отсутствует, при наличии такового в издании 1719 г., например: *świeżo narodzonego* ‘только что родившегося’ (s. 7) – *абіе рождиася* (*Рум15*, л. 21 об. – 22) – *новорожденнаго* (1719, с. 9); *kacermistrz* ‘глава еретиков’ (s. 150) – *еретикъ* (*Рум15*, л. 265) – *ересіархъ* (1719, с. 179).

Таким образом, широкое нерегламентированное употребление *composita* и свобода выбора лексических решений вводит версию *Рум15* внутрь традиции церковнославянской переводной книжности, для которой в высшей степени характерна вариативность средств выражения (подробнее об этом см., например: [Кайперт, 2017]).

Глаголы с формантом *-ство-* в *Рум15*

Глагольные формы со словообразовательным показателем *-ство-*, соотносящиеся с именными основами, представляют собой яркую черту Чудовских переводов, причем с разных языков. Т.А. Исаченко отмечала их присутствие в языке перевода с греческого Нового Завета, выполненного Епифанием Славинецким: *утробствова*, *бл̄говременствоваху*, *демонствуемый*, *мирствуйте*, *скудствуеть* и т. п. [Исаченко, 2009, с. 288–289]. Столь же частотны они и в переводе с польского – «Слово о милости», при этом налицо некоторые лексические совпадения с переводом Нового Завета: *drogi podeytniŃ* ‘отправляются в дорогу’ (s. 3v) – *путствуютъ* (л. 24, или *мѣ*); *zchodzi (im na oney wodzie)* ‘(у них) становится меньше (воды)’ (s. 10v) – *скудствуютъ* (водою оною; л. 40, или *о̄з̄*); *zachorzał* ‘заболел’ (s. 15v) – *занемоществова* (л. 50 об., или *ч̄ӣ*); *(dzieci) się morzą* ‘(дети) умирают от голода’ (s. 18v) – *(д̄ѣтцици) гладствую^m* (л. 56 об., или *р̄і̄*); *szalopetu* ‘безумному’ (s. 19v) – *демонствуемому* (л. 59 об., или *р̄сі̄*); *miałaby* ‘должна была бы’ (s. 19v) – *должнствуеть* (л. 60 об., или *р̄і̄ӣ*), *temu co rożyczył* ‘тому, кто дал взаймы’ (s. 23v) – *залогствующему* (л. 68 об., или *р̄л̄д*) и др.

В *Рум15* наблюдается картина, аналогичная описанной выше. В группе из 70 вхождений, также сформированной по принципу случайной выборки, большинство глаголов

не окказиональны; при этом некоторые встречаются в древних памятниках, например, *царствовати* известен текстам старославянского корпуса (Slovník..., t. 4, s. 844–845), *памятствовати* – памятнику XII в. (Словарь..., 1988, с. 139), другие – в более поздних, в том числе современных нашему переводу, например, *волишебствовати*, *годствовати*, *гонительствовати* встречаются в текстах XVI–XVII вв., в том числе в произведениях Симеона Полоцкого (Словарь..., вып. 3, с. 15; вып. 4, с. 59, 74). Тем не менее употребление форм таких глаголов служит средством введения перевода в русло славянской книжной традиции и его «славянизации», благодаря которой он воспринимается, также как и «Слово о милости», как стилистически контрастный по отношению к польскому тексту, лишенному подобных средств выражения, например: *za tym uproget* ‘из-за этого упорства’ (s. 98) – (*сице*) *упо^oствова^e* (л. 176); *okrutnym był* ‘был жестоким’ (s. 120) – *свир̄пнствва* (л. 212); *nie potrzeba* ‘не нужно’ (s. 258) – *не л̄пнотствует* (л. 445) и т. п.

В выборке также представлены 16 окказиональных глаголов, которых не удалось обнаружить в исторических словарях: *бл̄гожелательствоватися*, *престолствовати*, *приравенствовати*, *см̄гхотворствовати*, *соистинствоватися*, *удобствовати*, *узничествовати*, *уистинствоватися*, *усмарствовати*, *учувствоватися* и т. д. Они несут печать индивидуального словотворчества, обнаруживая склонность к усложнению структуры и подражанию калькам с греческого (ср. начальное *благо-* в форме *бл̄гожелательствовася* как эквиваленту польск. *zabiegało się* ‘было предметом желаний и забот’ или префикс *co-* в форме *соистинствовася* при польск. *ziściło się* ‘сбылось’), что также характерно для переводов Чудовского круга.

Заслуживает внимания способность глаголов на *-ствовати* передавать разнохарактерные единицы оригинала. Во-первых, это могут быть глагольные формы: *uiścił się* ‘сделал себя реальным, удостоверил’ (s. 2) – *уистинствовася* (л. 11); *pamiętali* ‘помнили’ (s. 4) – *памятствоваху* (л. 16); *(aby się) nie ubezpieczał* ‘чтобы он не чувствовал себя в безопасности’ (s. 11) – *(да ниже) безвпнаствуеть* (л. 30); *(Apostołowie chcą)*

się ulacnić ‘(апостолы, желая) облегчить себя’ (s. 19) – *(an(c)толи хотяци) удобствовати* (л. 48); *prześadowali* ‘преследовали’ (s. 300) – *гонителствоваху* (л. 523 об.); *siedział* ‘сидел (= занимал престол епископа)’ (s. 147) – *np(еc) толствѣва* (л. 260 об.); *więźnił* ‘заключал в тюрьму’ (s. 311) – *узничествоваше* (л. 543 об.) и т. п. В выборке из 70 позиций таких случаев больше половины – 41, хотя следует принять во внимание, что некоторые вхождения представляют одни и те же лексические параллели с разными грамматическими параметрами: *panował* ‘царствовал’ (s. 64) – *z(осно)дѣствова, z(осно)дѣствоваше* (л. 128); *przyrownał* ‘сравнил’ (s. 33) – *приравенствова* (л. 77 об.); *przyrownywali* (s. 41) ‘сравнивали’ – *приравенствоваша* (л. 92); *idąc* ‘идя’ (s. 95) – *шествоваый* (л. 171 об.), *puściwszy się* ‘отправившись’ (s. 100) – *шествоваый* (178 об.). Таким образом, аспектуальные различия, в том числе те, что в древности могли быть маркированы противопоставлением имперфекта аористу, не всегда релевантны в данной глагольной группе.

Во-вторых, в качестве эквивалентов возможны словосочетания с опорным глагольным элементом: *dzięki oddawał* ‘воздавал благодарение’ (s. 25) – *бл̑годарствоваше* (л. 60); *skory zszuwał* ‘сшивал кожи’ (s. 38) – *усмарствоваше* (л. 86); *na państwie siedział* ‘сидел на царстве’ (s. 67) – *z(осно)дѣствова* (л. 133); *używał czarnoksięstwa* ‘использовал черную магию’ (s. 76) – *волшебствоваше* 146 об.; *tryumf czynili* ‘праздновали победу’ (s. 87) – *торжествова*⁸ (л. 162 об.); *pochlebstwa czynili* ‘лестили’ (s. 97) – *ласкательствоваху* (л. 174) и т. п. Таких случаев всего девять. Не трудно заметить, что лексическая семантика церковнославянского эквивалента зависит от семантики именного элемента в польском словосочетании.

Третья группа (20 вхождений) – это глагольные формы, передающие польские словосочетания с центральным именным элементом: *za tym uporem* ‘из-за этого упорства’ (s. 98) – *(сице) уно⁹ствова*⁸ (л. 176); *(kościół) powinien iest* ‘(церковь) должна’ (s. 118) – *(цр̑квь) дѣжнствуеъ* (л. 208); *więcej chciał być* *Philozophem niżli Chrześcianinem* ‘он больше хотел быть философом, чем христианином’ (s. 118) – *паче философ[во]ва неже хр̑стианствѣва* (л. 209); *(iakięgo) było potrzeбно*

‘какого было нужно’ (s. 177) – *(якоже) го⁹ствоваше* (л. 308 об.) и т. п.

Таким образом, глаголы с формантом *-ство-* выступают в Рум15 не только как стилистически выразительное, но и как синтаксически экономное средство, позволяющее передавать более объемные конструкции польского текста.

Издание 1719 г., материал которого также привлечен к сравнению в выборке, показывает лишь 12 случаев (из 70) употребления глагольных форм от следующих глаголов: *довольствовати, епископствовати, исхода-тайствовати, приятствовати, царствовати, чародѣйствовати*. В передаче синтаксических конструкций данная версия предпочитает идти за польским текстом, например: *za tym uporem* (s. 98) – *при семъ упоръ* (с. 119 об.), *(kościół) powinien iest* (s. 118) – *должна естъ (церковь)* (с. 142 об.); *więcej chciał być* *Philozophem* (s. 118) – *паче хотяше явитися философъ* (с. 143) и т. п.

Реакции на заимствованную лексику в Рум15

Еще одна неотъемлемая черта переводов Чудовских книжников с польского языка – специфическое отношение к заимствованной лексике как в переводимом, так и в результирующем тексте. Т.В. Пентковская показала, что для «Слова о милости» характерны две тенденции: с одной стороны, это наличие грецизмов, не поддерживаемых польским текстом, но хорошо известных церковнославянскому книжному узусу (*powiat, wołość – епархiа; kapłan – иереу; biskup, Pralat – архиепеу; komora – ф̑в̑лакiонь*); с другой – это устранение латинизмов польского текста и замена их различными славянскими эквивалентами или грецизмами (*przywilej – прономiа, власть, пре⁹узаконенiе; szpital – нищопиталище, недужнопиталище, всепрiятелище; mandat – заповѣдь, законъ* и т. п.) [Пентковская, 2018]. Список латинизмов, приведенных Т.В. Пентковской, и их коррелятов можно расширить: *possessya – стяжанiе* (л. 42 об., или п̑в̑); *protestacya – засвидѣтелство* (л. 44 об., или п̑с̑); *kollekta – слвгъ* (л. 53 об., р̑д̑), *собрание* (л. 65 об., или р̑к̑i); *ехекуса – совершение* (л. 55 об., или р̑i); *исполнение* (л. 62, или р̑к̑a); *iurisdicya – правина* (л. 55 об., или р̑i).

Обе тенденции обнаруживаются в обсуждаемой версии «Церковных анналов», с поправкой на иной ряд реалий, упоминаемых в переводимом тексте.

Ранее мы уже отмечали в *Рум15* регулярные параллели с участием грецизмов: *starosta* – *епаpxъ*, *kaplan* – *иереи* / *презвитеръ*, *konsul* / *consul* – *внать*, *senator* – *сигклитикъ* [Новак, 2023, с. 204]. Перечень можно расширить, при этом коррелятами грецизмов в польском тексте могут быть слова как славянского, так и германского происхождения: *wutowca* – *риторъ* (л. 336); *hetman* – *страмигъ* (л. 491 об.), *страмитатъ* (л. 317 об.); *rotmistrz* – *хилиархъ* (л. 268, 268 об.). Следует, впрочем, иметь в виду, что такие параллели в *Рум15* единичны, в отличие от устойчивых пар типа *kaplan* – *иереи* или *senator* – *сигклитикъ*: *wutowca* передается разнообразными словосложениями – *красногла́тель*, *краснословецъ*, *hetman* гораздо чаще переводится как *воевода*, *rotmistrz* – как *военачальникъ* или *ротмистръ*.

Сосредоточимся теперь на второй тенденции, а именно – на передаче латинизмов, хорошо освоенных в польском.

В *Рум15* не обнаруживается буквальных совпадений с решениями «Слова о милости», однако принцип перевода за редким исключением остается тем же. При этом одни латинизмы могут иметь какую-либо устойчивую параллель (например, *Doktor* всегда передается словом *учитель*), другие – целый ряд коррелятов:

– *mandat* ‘распоряжение’: *повелѣние* (л. 308 об., 314 об., 429, 474, 520 об., 523, 547 об., 639 об., 657, 734), *указъ* (л. 647 об., 653), *завѣщание* (л. 668), *уставъ* (л. 792 об.);

– *przywilej* ‘привилегия; право, в том числе подтвержденное письменно’: *урокъ* (л. 31 об.), *грамота по̀твержаема*, *подтвержение* (л. 159 об.), *свидѣ[те]льствованная грамота* (л. 527), *бл̄годать* (л. 682 об.), *привилеи* (л. 458, 786, 792 об.);

– *szpital* ‘больница, богадельня’: *бг̄адг̄ля* / *бг̄одг̄ля* (л. 421 об., 641 об., 660 об., 774 об.), *страннопріятелище* (л. 450 об.), *нищехранителница* (л. 597 об.), *болница* (л. 532 об.);

– *pielgrzym* ‘паломник’: *пришелецъ* (лл. 532 об., 551, 552 об., 467), *страннопришелецъ* (л. 450 об.), *странный* (л. 817 об.);

– *orator* ‘оратор’: *вътии* (л. 192), *бл̄гоязычникъ* (л. 353), *красногл(а)голатель* (л. 683 об.);

– *processya* ‘процессия, крестный ход’: *ходъ* (л. 437 об., 438, 562, 614, 767), *стръча* (л. 632 об.), *хождение* (л. 788 об.), *крестное происхождение* (л. 789), *происхожденная* (субстантиват, л. 789 об.), *исхождение* (л. 803);

– *supplikacya* ‘(письменное) прошение’ – *челобитна(я)* (л. 613, 820), *челобитіе* (л. 706), *прошение* (л. 58 об.), *писаніе* (л. 336), *молителное писаніе* (л. 335 об.), *молитвенное писаніе* (л. 420).

Лексемы *mandat* и *przywilej* могут выступать у Скарги в составе устойчивых парных формул: *wyrok u mandat* ‘постановление и распоряжение’, *przywileie u wolności* ‘привилегии и свободы’. Первая может передаваться в *Рум15* либо как *правило и повелѣние* (л. 520 об., 523), либо как *завѣщание и уставъ* (л. 792 об.), или одиночным эквивалентом *правила* (л. 757). При переводе второй формулы неславянский элемент может игнорироваться, а славянский – получать уточнение, например: *professorom wielkie nadat przywileie u wolności* (с. 203) – *учителемъ велія даде свободы* (л. 353); *przywileie u wolności* (с. 283) – *писменные свободы* (л. 491). Не исключается и редкая возможность полонизирующего перевода: *przywileie u wolności* (с. 458) – *привилеи и волности* (л. 792 об.).

Что обнаруживается в издании 1719 года? С одной стороны, как уже было выяснено ранее, в некоторых случаях оно не использует грецизмы так же широко, как версия *Рум15*, но тяготеет к латинизмам [Новак, 2024]; с другой стороны, принцип перевода хорошо освоенных латинизмов там в целом тот же, что и в *Рум15*: используются лексические единицы славянского происхождения и реже – заимствования. Так, *szpital* получает параллели *болница* и *гостин(н)ица* (последнее гораздо более частотно); *mandat*, как правило, передается существительным *повелѣние*, при единичном употреблении *указъ* (с. 450); *pielgrzym* – лексемами *стран(н)ый* (с. 307, 371 и др.) и *пришелецъ* (с. 318); *przywilej* – *крѣпость* (с. 15), *опредѣление* (с. 104), *привилегія* (с. 239), *изволение* (с. 283); *processya* – *ходъ* (с. 439 об., 538, 538 об.), *хождение* (с. 523), *крестохождение* (с. 298 об.), *провождение* (с. 430 об.), *срѣтение* (с. 547 об.).

У лексем, общих для «Анналов» и «Слова о милости» – *mandat, przywiley, szpital*, – в обоих переводах различные, не совпадающие друг с другом соответствия; это несовпадение может, с одной стороны, объясняться той контекстной обусловленностью, о которой упоминала Т.В. Пентковская [Пентковская, 2018, с. 92]. Если, например, *przywiley* в «Слове о милости» чаще имеет метафорическое значение («*przywiley miłościernych*» как духовный дар благотворителей), то в хронике Барония и ее переводах преобладают конкретно-исторические контексты, включающие самые разные предметы и ситуации, например: *Быть сие украшение яко урокъ ѿ Бг̃а* (о ризе иудейского первосвященника, л. 31 об.); *Кесарь... повелъ же ему [епископу] дати грамоту подтвержаму* (л. 159 об.). Еще одним фактором, обуславливающим варьирование в переводах, можно считать исконную вариативность языковых средств как неотъемлемое свойство церковнославянской переводной книжности, которое уже упоминалось выше в связи со словосложениями.

Отдельного комментария заслуживают различия в переводе существительного *kollekta*; если в «Слове о милости» это слово обозначает только благотворительный сбор средств для нуждающихся и передается как *собрание* или *слогъ*, то в «Анналах» оно может выступать в трех значениях: ‘сбор средств для нуждающихся’ (что наиболее частотно), ‘молитва’, ‘литургическое собрание христиан’. Лишь в последнем случае наблюдается синонимия: *собрание* (л. 284), *свбвръ* (л. 284, 284 об.). В остальных значениях употребляется слово *собрание* (л. 67 об., 68, 69, 70 об., 93, 576).

Выводы

В статье была поставлена цель привести лингвистические аргументы в пользу гипотезы о принадлежности перевода «Церковных анналов» Цезаря Барония с польского языка, сохранившегося в рукописи (РГБ, ф. 256, № 15), 1689 г. (*Рум15*), книжникам Чудовского круга. В результате сопоставления лексики рукописи с другими Чудовскими переводами по критериям, выявленным ранее в исследованиях Т.А. Исаченко и Т.В. Пентковской,

были обнаружены следующие черты, роднящие *Рум15* с упомянутыми переводами и приобщающие данную версию «Церковных анналов» к огромной традиции церковнославянской переводной литературы с ее «цветущей сложностью»:

1) широкое вариативное употребление словосложений, структура которых не подерживается польскими параллелями, в том числе с начальным элементом *благо-*; весьма часто одной польской лексической единице соответствует несколько церковнославянских образований;

2) широкое употребление глаголов с формантом *-ство-*, в том числе окказиональных, способных передавать различные единицы переводимого текста: отдельные глагольные формы, словосочетания с опорным глагольным компонентом, словосочетания с опорным именным компонентом;

3) почти полный отказ от воспроизведения латинизмов, хорошо освоенных польским языком, и передача их посредством славянских образований; при этом наблюдается вариативность, когда одна и та же польская лексическая единица переводится различными лексемами или словосочетаниями.

Сопоставление *Рум15* с версией перевода, представленной изданием 1719 г., показало, что последнее довольно далеко от решений, предпочитаемых в *Рум15* и ведущих, как правило, к структурному усложнению церковнославянских лексических единиц. Единственное, что сближает два церковнославянских перевода, – подход к передаче латинизмов.

Кроме того, выяснено, что выбор эквивалентов для лексем, общих для «Церковных анналов» в переложении Петра Скарги и его же «*Kazania o miłosierdziu*» («Слова о милости»), отличается в переводах. Это можно объяснить, с одной стороны, тематическими различиями двух текстов, с другой – реализацией того же принципа вариативности, который определял «лицо» церковнославянской переводной литературы в целом и Чудовских переводов в частности.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект

№ 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».

The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00240 «Cultural and Linguistic Interaction in the Pre-Petrine Era: Translations from Polish by the Scribes of Moscow Chudov Monastery».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Записки русских людей. События времен Петра Великого. [Ч. 1], 1841. СПб. : Тип. И. Сахарова. 529 с.
- Исаченко Т. А., 2009. Московская книжность XV–XVII вв.: переводческая школа митрополитского и патриаршего скриптория : дис. ... д-ра филол. наук. М. 580 с.
- Кайперт Г., 2017. Церковнославянский язык: круг понятий // *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*. № 6 (1). С. 8–75.
- Николаев С. И., 2008. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб. : Нестор-История. 248 с.
- Новак М. О., 2023. Лексика церковнославянского перевода «Церковных Анналов» Барония (XVII в.): влияние Чудовского круга // Комплексный подход в изучении Древней Руси : сб. материалов XII Междунар. конф. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». С. 204–205.
- Новак М. О., 2024. Наименования должностных лиц в славянских переводах «Церковных анналов» Барония (XVII в.) // LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 19–26 марта 2024 г., Санкт-Петербург : сб. тез. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 1075–1076.
- Пентковская Т. В., 2016. «Слово о милости» книжного круга Епифания Славинецкого: проблемы и перспективы изучения // *Stephanos*. № 5 (19). С. 100–111.
- Пентковская Т. В., 2018. «Слово о милости» в московском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: особенности языка и переводческой техники // XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 авг. 2018 г. : докл. рос. делегации. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. С. 82–101.
- Сляский Я., 1991. Из истории италяно-польско-восточнославянских литературных связей XVI–XVIII веков // Советское славяноведение. № 2. С. 51–62.
- Соловьев А. Ю., 2022. Встреча русского человека с Европой в путевых заметках Петровского

времени (А. А. Матвеев) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 19, вып. 3. С. 486–496. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Брайловский С. Н. Слово Чудовского инок Евфимия о милости // Памятники древней письменности. Т. 101. СПб. : [б. и.], 1894. 76 с.
- Дѣваніа церковныа и гражданскіа. Кн. 1–3. М. : Тип. П.П. Рябушинского, 1913–1915. (Приложение к журналу «Старообрядческая мысль» ; воспр. изд. 1719 г.).
- Лѣтодѣваніа црковныа ... избранныа из лѣтодѣяній црковныхъ Кесаря Бароніа // РГБ. Ф. 256. № 15. 1689 г. 827 л. 1°, скоропись. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-15>
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975– . Вып. 3 : (Володѣнье – Вяцьшина). 1976. 288 с. ; Вып. 4 : (Г – Д). 1977. 403 с. ; Вып. 14 : (Отрава – Персоня). 1988. 311 с.
- Bractwo Miłosierdzia W Krakowie V S. Barbary Zaczęte Roku Pańskiego 1584. Miesiąca Oktobra ... Do którego ... wydane iest naprzod Kazanie o Miłosierdziu ... Krakow, Roku. 216 s.
- Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusu Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsz... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę ... Krakow, Roku P. 1607.
- Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1–4. Praha, 1966–1997. 1159 s.

REFERENCES

- Zapiski russkikh lyudey. Sobytiya vremen Petra Velikogo. Ch. 1* [Russians' Memories. Events from the Petrine Era. Pt. 1], 1841. Saint Petersburg, Typ. I. Sakharova. 529 p.
- Isachenko T.A., 2009. *Moskovskaya knizhnost XV–XVII vv.: perevodcheskaya shkola mitropolichyego i patriarshego skriptoriya: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Moscow Written Culture from 15th – 17th Centuries: Translation School of Metropolitan and Patriarch Scriptorium. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 580 p.
- Keipert H., 2017. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk: krug ponyatiy* [Conceptions of Church Slavonic]. *Slověne = Slovene. International Journal of Slavic Studies*, no. 6 (1), pp. 8–75.
- Nikolaev S.I., 2008. *Polsko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish and Russian Literary Contacts from 16th – 18th Centuries: Bibliographical Materials]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 248 p.

- Novak M.O., 2023. Leksika tserkovnoslavjanskogo perevoda «Tserkovnykh Annalov» Baroniya (XVII v.): vliyanie Chudovskogo kruga [Vocabulary of the Church Slavonic Translation of Baronius “Annales Ecclesiastici” (17th Century): Chudov Circle Influence]. *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi: sb. materialov XII Mezhdunar. konf. Prilozhenie k zhurnalu «Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki»* [Integrated Approach to the Study of Ancient Rus’. Collection of Materials of the 12th International Conference. Supplement to the journal “Ancient Rus’. Questions of Medieval Studies”]. Moscow, pp. 204-205.
- Novak M.O., 2024. Naimenovaniya dolzhnostnykh lits v slavyanskikh perevodakh «Tserkovnykh annalov» Baroniya (XVII v.). [Naming of Officials in Slavic Translations of Baronius “Annales Ecclesiastici” (17th Century)]. *LII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoy. 19–26 marta 2024 g., Sankt-Peterburg: sb. tez.* [52nd International Scientific Philology Conference Named After Lyudmila Verbitskaya. March 19–26, 2024, St. Petersburg. Collection of Abstracts]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 1075-1076.
- Pentkovskaya T.V., 2016. «Slovo o milosti» knizhnogo kruga Epifaniya Slavinetskogo: problemy i perspektivy izucheniya [“Word for Mercy” of Epiphany Slavinetskiy Book Circle: Problems and Prospects for Research]. *Stephanos*, no. 5 (19), pp. 100-111.
- Pentkovskaya T.V., 2018. «Slovo o milosti» v moskovskom perevode vtoroy poloviny XVII v. i ego polskiy original: osobennosti yazyka i perevodcheskoy tekhniki [“Word for Mercy” in the Moscow Translation from the Second Half of the 17th Century and Its Polish Original: Language Features and Translation Techniques]. *XVI Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Belgrad, 20–27 avg. 2018 g.: dokl. ros. delegatsii* [16th International Congress of Slavists. Belgrade, August 20–27, 2018. Report of the Russian Delegation]. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, pp. 82-101.
- Slyaskiy Ya., 1991. Iz istorii italyano-polsko-vostochnoslavjanskikh literaturnykh svyazei XVI–XVII vekov [On the History of Italian-Polish- East Slavic Literary Relations from the 16th– 18th Centuries]. *Sovetskoe slavyanovedenie*, no. 2, pp. 51-62.
- Solovyov A.Yu., 2022. Vstrecha russkogo cheloveka s Evropoy v putevykh zametkakh Petrovskogo vremeni (A.A. Matveev) [Meeting of a Russian with Europe in the Travel Writings of Peter the Great’s Era (A. A. Matveev)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 19, iss. 3, pp. 486-496. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>

SOURCES AND DICTIONARIES

- Brailovskiy S.N. Slovo Chudovskogo inoka Evfimiya o milosti [Chudov Monk Euphimiy’s Sermon for Mercy]. *Pamyatniki drevney pismennosti. T. 101* [Monuments of Ancient Writing. Vol. 101]. Saint Petersburg, s.n., 1894. 76 p.
- ДЪАЛІА tserkovnyя i grazhdanskiя. Kn. 1–3 [Church and Civil Affairs. Books 1–3]. Moscow, Typ. P.P. Ryabushinskogo, 1913–1915. (Prilozhenie k zhurnalu «Staroobryadcheskaya mysl» [Supplement to the Journal “Old Believer Thought”]; reproduced from 1719).
- ЛѠтодѠаніа tsrkǒvnyя ... izbrannyya iz лѠтодѠyaniy tsrkǒvnykh Kesarя Baronia [Church Years ... Selected from the Church Years of Caesar Baronius]. *RGB* [Russian State Library], f. 256, no. 15, 1689. 827 l. 1°, skoropis. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-15>
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–, iss. 3: (VolodѠnye – Vyashchshina), 1976. 288 p.; iss. 4: (G – D). 1977. 403 p.; iss. 14: (Otrava – Personya), 1988. 311 p.
- Bractwo Miłosierdzia W Krakowie V S. Barbary Zaczęte Roku Pańskiego 1584. Miesiąca Oktobra ... Do ktorego ... wydane iest naprzod Kazanie o Miłosierdziu....* Krakow, Roku. 216 s.
- Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivszu... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę ...* Krakow, Roku P. 1607.
- Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1–4.* Praha, 1966–1997. 1159 s.

Information About the Author

Maria O. Novak, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Department of Linguistic Source Studies and the History of Literary Russian Language, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

Информация об авторе

Мария Олеговна Новак, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.4>

UDC 811.16'0
LBC 81.41-03

Submitted: 30.04.2024
Accepted: 08.07.2024

**QUANTIFICATION CONTRASTS OF LEXICAL MICROSYSTEMS
WITH SYNONYMS *SVĚDĚTELĚ* – *POSLUKHĚ* (A WITNESS)
AND THEIR DERIVATIVES IN THE OLD EAST SLAVIC WRITTEN SOURCES
(BASED ON *MANUSCRIPT* HISTORICAL CORPUS)¹**

Oleg F. Zholobov

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article makes the first attempt to describe transformations of lexical series with a synonymous pair *svědětělě* – *poslukhě* ('a witness') and their derivatives *svědětěl'stvo*, *svědětěl'stvoovati* – *posluš'stvo*, *posluš'stvoovati* in Old East Slavic written sources. The study uses the *Manuscript* Historical Corpus. For analysis, the author chose Gospel, Apostolos, Parimejnik, Parenesis of Ephraim the Syrian, and chronicles subcorpora; the data from everyday writing and documentation were also studied. Quantification is a measurement of synonymous lexemes ratio that enables discovering lexical microsystems' status in texts and the trends of their transformations in the Old East Slavic period, which predetermined the position of the lexemes in the contemporary vocabulary. The lexeme *svědětělě* was not used in birch bark letters and early East Slavic documentation, neither were its derivatives *svědětěl'stvo* and *svědětěl'stvoovati*. In church-associated written sources, the pair *svědětělě* – *poslukhě*, together with their derivatives, correlate with the Cyril-and-Methodius and Preslav translation traditions. In the church written tradition, the ratio of lexemes in the corresponding lexical series is expressed by contrasting quantitative formulas that reflect the text-critical history, genre-stylistic nature, and discursive dominants of the texts. Thus, quantitative formulas are shown to be important characterizing markers of written sources. The article specifies grounds and chronology of the first examples of the bookish lexeme *svědětělě* transforming into the neutral *svidětělě*, which replaced the East Slavic analogue *posluchě* during the competitive confrontation of denotative images.

Key words: transformation, quantification, contrast, lexical series, lexical microsystem, East Slavic written sources, *Manuscript* historical corpus.

Citation. Zholobov O.F. Quantification Contrasts of Lexical Microsystems with Synonyms *SVĚDĚTELĚ* – *POSLUKHĚ* (a Witness) and Their Derivatives in the Old East Slavic Written Sources (Based on *Manuscript* Historical Corpus). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 49-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.4>

УДК 811.16'0
ББК 81.41-03

Дата поступления статьи: 30.04.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

**КОНТРАСТЫ КВАНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ МИКРОСИСТЕМ
С СИНОНИМАМИ *СВѢДѢТЕЛЬ* – *ПОСЛУХЪ* И ДЕРИВАТАМИ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРПУСА «МАНУСКРИПТ»)¹**

Олег Феофанович Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье предпринят первый опыт описания трансформаций лексических рядов с синонимической парой *свьѣдѣтель* – *послухъ* 'свидетель' и дериватами *свьѣдѣтельство*, *свьѣдѣтельствовати* – *послушьство*, *послушьствовати* в древнерусской письменности. Исследование выполнено на материале исторического корпуса «Манускрипт». Для анализа избраны подкорпусы Евангелия, Апостола, Паримейника, Паренесиса Ефрема Сирина и летописей, привлекаются также данные бытовой и деловой письменности. Квантификация как количественное измерение соотношения синонимических лексем в текстах позволяет охарактеризовать статус лексических микросистем и тенденции их трансформаций в древнерусский период,

© Жолобов О.Ф., 2024

которые предопределили положение лексем в современном словаре. Берестяным грамотам и ранним восточнославянским деловым текстам лексема *свьѣдѣтель* была неизвестна, как и дериваты *свьѣдѣтельство*, *свьѣдѣтельстввати*. В книжной письменности пара *свьѣдѣтель* и *послухъ* вместе с дериватами соотносится с кирилло-мефодиевской и преславской традициями переводов. В книжных источниках соотношение лексем в соответствующих лексических рядах выражается в контрастных количественных формулах, которые отражали лингвотекстологическую историю, жанрово-стилистическую природу и дискурсивные доминанты текстов. Показано, что количественные формулы являются важными маркерами памятников письменности. В статье установлены основания и хронология первых примеров преобразования книжной лексемы *свьѣдѣтель* в нейтральную *свидѣтель*, которая заменила восточнославянский аналог *послухъ* в ходе конкурентного противостояния денотативных образов.

Ключевые слова: трансформация, квантификация, контраст, лексический ряд, лексическая микросистема, восточнославянские памятники письменности, исторический корпус «Манускрипт».

Цитирование. Жолобов О. Ф. Контрасты квантификации лексических микросистем с синонимами *свьѣдѣтель* – *послухъ* и дериватами в древнерусской письменности (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 49–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.4>

Введение

Современному лексическому ряду *свидетель*, *свидетельство*, *свидетельствовать* в древнерусской письменности соответствуют отличные от него два синонимических ряда – *свьѣдѣтель*, *свьѣдѣтельство*, *свьѣдѣтельстввати* и *послухъ*, *послушьство*, *послушьствовати*, которые являются вместе с тем словообразовательными цепями. *Свьѣдѣтель* образовано от *свьѣдѣти* ‘знать’ (SJS, t. 4, s. 240), так что *свьѣдѣтель* – это ‘тот, кто знает’. М. Фасмер связывает *послухъ* со *слухъ*, это ‘тот, кто слышал’ (Фасмер, т. 3, с. 340]. Слово соотносится с денотативной ситуацией, опирающейся на органы слуха и восприятие того, что услышано, прежде всего речь. Если лексема *свьѣдѣтель* является старославянизмом, то *послухъ* имеет праславянское происхождение, что подтверждается южно- и восточнославянскими примерами. В то же время существовал и праславянский аналог первой лексемы с тем же корнем **woid-*, судя по западно- и южнославянским данным: польск. *świadek* ‘свидетель’, чеш. *svědek*, словц. *svedok*, сербохорв. *svjèdok* (Фасмер, т. 1, с. 283; т. 3, с. 577); см. также: [Семереньи, 1980, с. 53]. В позднерусских юго-западных грамотах отмечается лексема *свьѣдѣкъ* ‘свидетель’ (см.: СДРЯ, т. 12, с. 258), которую, судя по старопольской параллели, следует признать полонизмом.

В древнерусском языке лексема, восходящая к родственному корню **weid-*, со-

относилась с иной денотативной ситуацией, опирающейся на органы зрения: в архаичном памятнике светского права «Русской Правде», наряду с *послухъ*, фигурирует лексема *видокъ* ‘свидетель’ (СДРЯ, т. 1, с. 413–414; 10 примеров), которая имела книжную параллель *видѣць* ‘очевидец, свидетель, наблюдатель’ (СДРЯ, т. 1, с. 416; 14 примеров). Таким образом, в древнерусском языковом сознании изначально конкурировали два денотативных образа, которые были дополнены третьим образом вместе с заимствованием старославянизма *свьѣдѣтель*. В этой третьей денотативной ситуации объединяются первые две: *свьѣдѣтель* знает, потому что видел и (или) слышал. См.: иже видѣ/ и слыша • се свѣдѣтель/свѣоучѣть ЕТ 142.1.1 «и что Он видел и слышал, о том и свидетельствует» (Иоанн 3:32). Преимуществом существительного *свьѣдѣтель*, кроме того, была словообразовательная суффиксальная форма, указывающая на значение лица.

Встает вопрос об исторических обстоятельствах и причинах радикальной перестройки указанной выше лексической микросистемы. Неординарность исторической трансформации ярко проявляется в том факте, что собственно древнерусским бытовым и деловым текстам лексема *свьѣдѣтель* была неизвестна, как и весь связанный с ней лексический ряд. В берестяных грамотах употреблялась только лексема *послухъ* ‘свидетель, очевидец, тот, кто удостоверяет, подтверждает что-либо’ при отсутствии производных *послушьство* и *послушьствовати* (см. 6 приме-

ров: [Зализняк, 2004, с. 784, 795]). В «Русской правде» и пергаменных грамотах лексема *послухъ* тоже зафиксирована, но здесь sporadически встречается и лексема *послушьство* ‘свидетельство, признание, подтверждение; свидетельствование на суде’ (см.: СДРЯ, т. 7, с. 248–250, 256–257; т. 12, с. 261–265, 266–269). Неслучайно в четырехтомном «Словаре русского языка» лексема *послух* дается с пометой «историзм» и значением ‘свидетель на суде в древней Руси’ (СлРЯ, т. 3, с. 318).

Вместе с тем некоторые книжные источники также могут содержать только второй лексический ряд – *послухъ, послушьство, послушьствовати*, при том что большинство славяно-русских рукописей включает оба лексических ряда, однако в контрастно расходящихся количественных пропорциях (см. ниже). Квантитативные формулы распределения лексем в текстах являются маркерами лингвотекстологической и жанрово-стилистической природы, а также дискурсивных доминант текстов. Оба лексических ряда в старославянском языке функционировали как синонимические (SJS, t. 3, s. 184, 186–187; t. 4, s. 238–240). Существование двух лексических рядов было обусловлено в славяно-русских источниках двумя традициями перевода греч. слова *μάρτυς* ‘свидетель’ и связанных с ним лексем с той же основой: ряд *свьѣдѣтель, свьѣдѣтельство, свьѣдѣтельстввати* восходит к кирилло-мефодиевскому переводу, унаследованному охридской школой книжности, а ряд *послоухъ, послоушьство, послоушьствовати* – к преславскому типу перевода (см.: [Илиев, 2017, с. 127, 539; Пенкова, 2008, с. 24; Славова, 1989, с. 100–103; Jagić, 1913, s. 275, 399–400; Voss, 1996, S. 101, 103]). Восточноболгарскому, преславскому, *послоухъ* в то же время соответствовала та же лексема у восточных славян.

В дальнейшем изложении предпринимается первый опыт квантификации названных рядов и интерпретация количественных формул распределения входящих в них лексем на материале наиболее объемного исторического корпуса «Манускрипт» (Манускрипт; см. список источников). В исследовании используются показания пяти подкорпусов – подкорпусов Евангелия, Апостола, Паримейника, Паренесиса Ефрема Сирина и летописей (см. список источников). В исследуемый период влияние

богослужебных текстов на языковой узус обусловлено их авторитетностью, а также тем, что они были постоянно на слуху. В гибридном языке летописей происходило соединение книжных и разговорных лексических единиц, и в этом отношении они являлись прообразом будущей литературной нормы. Динамика лексических рядов демонстрирует важность изучения лексикона славяно-русских источников разной жанрово-стилистической принадлежности для истории русского лексического состава.

Результаты и обсуждение

Лексические ряды свьѣдѣтель, свьѣдѣтельство (свьѣдѣтельствоиѣ, свьѣдѣтние), свьѣдѣтельстввати – послоухъ, послоушьство, послоушьствовати в подкорпусе Евангелия

В подкорпусе Евангелия количественное распределение лексем имеет следующий вид (см. табл. 1, 2, 3).

В подсчеты включены также две формы существительного *свьѣдѣтельствоиѣ*, которые по разу встречаются в ЕО (291.1.1) и ЕС (5.2.1).

Контрасты квантификации соответствуют трем типам богослужебных евангелий с постепенным ростом количества преславских лексем – четвероевангелию с указателем богослужебных чтений (ЕТ), краткому апракосу (ЕО, ЕП) и полному апракосу (ЕМ, ЕПн, ЕМз, ЕС). Три типа евангелий отражают три последовательные этапы в становлении основного богослужебного текста (подробно об этом см.: [Пентковский, 2019, с. 106–110]).

Если в ЕТ лексический ряд, связанный с лексемой *послоухъ*, целиком отсутствует, то в кратких апракосах ЕО, ЕП появляются единичные примеры из лексического ряда с лексемой *послоухъ*, а в полных апракосах ЕМ, ЕПн, ЕМз, ЕС количество их нарастает. Приведем контексты с варьированием лексем по подкорпусу евангелий в списках XI–XIII веков. В ссылке на источник первая цифра обозначает номер листа, вторая – лицевую (1) или оборотную (2) сторону листа, третья – столбец; косая черта в цитируемых контекстах обозначает строчный перенос, двойная косая черта – перенос на новый столбец):

Таблица 1. Количественное распределение лексем *сѣвѣдѣтель* + *лѣже-*, *лѣжисѣвѣдѣтель* / *послouxъ* + *лѣжипослouxъ*

Table 1. Quantitative distribution of the lexemes *sъvĕdĕtelъ* + *lѣže-*, *lѣžisъvĕdĕtelъ* / *poslukkъ* + *lѣžiposlukkъ*

Показатель	ЕТ	ЕО	ЕП	ЕМ	ЕПн	ЕМз	ЕС
Количество лексем	7+2 / 0	10+1 / 0	8+2 / 1	13 / 1+1	3 / 5+1	5+1 / 1+2	9 / 1+2

Таблица 2. Количественное распределение лексем *сѣвѣдѣтельство* + *лѣжесѣвѣдѣтельство* / *послouxъство*

Table 2. Quantitative distribution of the lexemes *sъvĕdĕtelъstvo* + *lѣžesъvĕdĕtelъstvo* / *poslušъstvo*

Показатель	ЕТ	ЕО	ЕП	ЕМ	ЕПн	ЕМз	ЕС
Количество лексем	27 / 0	26 / 0	15 / 1	24 / 10	19 / 8	16+2 / 8	18 / 8

Таблица 3. Количественное распределение лексем *сѣвѣдѣтельствовать* + *лѣже-*, *лѣжисѣвѣдѣтельствовать* / *послouxъство* + *лѣжепослouxъствовати*

Table 3. Quantitative distribution of the lexemes *sъvĕdĕtelъstvovati* + *lѣže-*, *lѣžisъvĕdĕtelъstvovati* / *poslušъstvovati* + *lѣžeposlušъstvovati*

Показатель	ЕТ	ЕО	ЕП	ЕМ	ЕПн	ЕМз	ЕС
Количество лексем	41+2 / 0	40+1 / 2	44 / 4	38 / 11+2	37+1/8+2	31 / 11+2	39 / 8+3

(1) Архїере/и же и старьци • и сѣнь/мъ вѣсь • искаахъ лѣ/жа **сѣвѣдѣтеля** на/ іса • іако да оубьютъ/и • и не обрѣтоша • и/многомъ лѣжемъ/ **сѣвѣдѣтели**мъ прї/стоупльшемъ не о/брѣтоша • Послѣдъ// же прїстоупльша/дѣа лѣжа **сѣвѣдѣте/ля** рекоста • съ рече мо/гоу разорити црїкъвѣ/бжїю • и трьми днѣ/ми сѣзждю ю • и вѣ/ставъ архїерей рече/немъ • ничѣоже ли не/ ѡвѣщаваеши • ѡто/ сїи на тѣ **сѣвѣдѣте/льствоуютъ** • іс же мѣ/лѣааше • и ѡвѣщаваѣ/ архїерей рече немюу • / заклинаю тѣ бѣмъ/ живїимъ да речеши/ намъ • аще тѣи неси хѣ/снѣ бжїи • глѣ немюу/ ісѣ тѣи рече • Обаче/ глїю вамъ • ѡселѣ оузъ/рїте снѣ члѣскааго/ сѣдѣща о десноу ю сї/лзи • и градоуца на о/блацѣхъ нѣсїкъхъ • / Тѣгда архїерей расѣ//рѣз рїзѣ своа глѣа • іа/ко владсїимїю рече • / ѡто еце трѣвѣжемъ **сѣ/вѣдѣтель** • Се нзїнѣ/ слзїшадте владсїимїю іо іего • ѡто са вамъ мѣ/нїтъ • оїи же ѡвѣща/вѣше рекоста • повїнѣ/нѣ іестъ сѣмърїи ЕТ 54.1.2-55.1.1 (Матфей 26:59-66)

vs

(2) архїереи же и старьци и сѣ/воръ вѣсь искаахоу лѣжа **сѣвѣдѣтеля** на іса • ако да оумора/тѣ и • и не обрѣтоша • и многомъ/ лѣжемъ **послouxомъ** прїстоу/пльшемъ • не обрѣтоша послѣ/дѣ же прїстоупльша дѣва **сѣ/вѣдѣтеля** рекоста сѣ рече • мо/гоу разорити црїкъвѣ бжїю и трѣ/ми днѣми сѣзждати ю • и вѣста/вѣ архїереи рече емюу • ничѣо/же ли не отъвѣщаваеши ѡто/ сїи на тѣ **сѣвѣдѣтельствую/тѣ** • ісѣ же мѣлѣааше • и отъвѣ//

цѣавъ архїереи рече емюу • за/клинаю тѣ вѣмъ живїимъ • / да намъ речеши тѣи еси хѣ • / снѣ бѣ живааго • глѣ емюу и/сѣ • тѣи рече глѣоу вамъ • отъ/селѣ оузърїте • снѣ члѣра сѣ/дѣща о десноу ю сїлзи • и гра/доуца на облацѣхъ нѣсїкъхъ/и хѣ • тѣгда архїереи расѣ/рѣз рїзѣ своа глѣа ако хоу/лзїнѣ рече ѡто еце трѣвоу/емъ **сѣвѣдѣтель** • се нзїнѣ/ слзїшадте хоуленїе • ѡто/ са вамъ мнїнѣ они же ѡ/вѣщаваѣше рѣша повїнѣ/нѣ сѣмърїи естѣ ЕП 157.2.1-158.1.1 (Матфей 26:59-66)

vs

(3) архїереи же/и старьци и сѣворъ/ѣбѣ • искахоу лѣжа **по/слouxа** на іса іако да/ оубїюти и • и не обрѣ/тоша и многомъ/ лѣжемъ **послouxомъ**/ прїстоупльшемъ/ не обрѣтоша • послѣ/дѣ же прїстоупльша/ дѣва лѣжа **послouxа**/ рекоста • съ рече могу/ разорити// црїкъвѣ бжїи/ю и трьми днѣми сѣ/зждати ю • и вѣставаѣ/ архїерѣи рече емюу/ ничѣоже ли не отъ/вѣщаваеши ѡто/ сїи на тѣ **сѣвѣдѣ/тельствуютъ** • ісѣ/ же мѣлѣааше и отъ/вѣщаваѣ архїере/и рече немюу • закли/наю тѣ бѣмъ живїи/имъ да речеши намъ/ аще тѣи неси хѣсѣ снѣ/ бжїи • глѣ немюу ісѣ/ тѣи рече обаче глїю/ вамъ • ѡселѣ оузърї/те снѣ члѣвѣскааго • / сѣдѣща о десноу ю оїца • и градоуца на/ облацѣхъ нѣсїнѣ/хѣ • тѣгда архїерѣи/и расѣрѣз рїзѣ • своа// глѣа ако хоу/лоу рече • ѡто и іеце/ трѣвоуемъ **по/слouxъ** • се нзїнѣ слзї/шадте хоулоу іего ѡто са вамъ мнїнѣ/тѣ • оїи же отъвѣща/вѣше рѣша повїнѣ/нѣ іестъ сѣмърїи ЕПн 178.2.2-179.1.2 (Матфей 26:59-66).

Замены в полных апракосах не совпадают. Так, в ЕМ приведенное выше чтение, в отличие от ЕПн, содержит только лексемы из ряда, связанного со *свѣдѣтель*, однако в сходном чтении Марк 14:55-64 все полные апракосы, включая ЕМ, содержат исключительно лексемы ряда, связанного со словом *послухъ*:

(4) старѣиши/нѣи же жрьцьскыи и весь съ/боръ искааху на іѣд послу/шьства да и оуморать и/ не обрѣтааху • мнози бо/ лъжепослушьствоваа/ху на нѣ • и не вѣдааху ра/вѣна послушьства ихъ • // друзѣи же вѣстаѣше лъ/жепослушьствовааху/ на нѣ глѣюще • тако мзи слзи/шахомзи и глѣюще • тако д/зъ разорю храмъ съ роука/ми творензи • и трѣми/ дѣньми инъ не роуками/творенъ съгражду • и та/ко же не вѣ равно послу/шьство ихъ • и старѣи/шина жрьцьскыи посре/дѣ въпроси іѣд глѣа • не о/тѣвѣцаиши ли ничесо/же что си на та послушь/ствѣють • іѣъ же мзлчд/аше и ничесоже не отъвѣ/цавааше • и пакзи старѣи/шина жрьцьскыи въ/проси и глѣа немю • тѣи ли/ неси хѣъ сѣъ блгословане/нааго • іѣъ же рече азъ не/смь і оузрите сѣа члѣта/ о десноую сѣдаща силзи/ и градоуца на облацѣхъ/ нбснъинхъ • старѣиши// на же жрьцьскыи растѣр/за риззи своа глѣа • что ѳ/це трѣбоуемъ послухъ/ слышасте него хоульнзи гла/голзи • что са вамъ гавла/иеть • они же вси осудиша/ и повинью възгнъ смъ/рги ЕМ 114.2.2-115.1.1-2.

Приведенные чтения указывают на значимость именно денотативной ситуации слышания: тако мзи слзи/шахомзи и глѣюще; слышасте него хоульнзи гла/голзи; слышасте власвими/ю іего.

Несмотря на постепенное введение преславизмов, в евангелиях полностью преобладает кирилло-мефодиевский тип перевода – лексический ряд, связанный со словом *свѣдѣтель*. По-видимому, к кирилло-мефодиевскому переводу восходит синонимия *свѣдѣтель* и *свѣдѣнне*. См., в частности:

(5) никомуже ни/чесоже не рѣци/ нѣ шьдъ • пока//жиса иеревви • / и принеси за/ очищение тво/е • такоже повелѣ/моуси **въ свѣ/дѣнне** имъ ЕО 129.2.1-2 (Марк 1:44)

vs

(6) ни/комуже ничесоже не рѣци • нѣ шьдъ покажиса дрѣхнѣрѣ/ю • и принеси за ѡчищеніе/ іеже повѣлѣ мойси **въ свѣ/дѣтельство** имъ ЕС 112.2.2 (Марк 1:44)

vs

(7) ни/комуже ничесоже/ не рѣци нѣ шьдъ по/кажиса жрьцо и/ принеси за очище/нне твоѣ • іеже пове/лѣ мойси **на послу/шьство** имъ ЕМз 122.1.1 (Марк 1:44).

Неравномерно представлены преславизмы: почти нет замен в Евангелии от Иоанна, лишь в ЕП, напротив, лексема *послушьство* и все четыре формы глагола *послушьствовати* представлены в стихах из Евангелия от Иоанна – 238.1.1 (Иоанн 1:32, 1:34), 5.1.1 (Иоанн 3:11), 249.1.1 (Иоанн 21:24). Кроме того, одна форма глагола *послушьствовати* встречается в ЕО на листе 182.2.1 (Иоанн 18:37).

В новгородском ЕС весь лексический ряд связан с исходной лексемой *свѣдѣтель*. Формы на *-итель* аналогического происхождения, по модели типа *спаситель*, *учитель*, поскольку в рукописи наблюдается смешение *ѣ* и *ѳ*, но отсутствует переход *ѣ > и*. Известно, что формы на *-итель* были распространены в южнорусских источниках, откуда проникли в источники другой региональной принадлежности [Ушаков, 1961, с. 56]. По одному разу формы на *-итель* отмечаются в новгородских рукописях – ЕМз и ЕПн:

(8) взѣ же іесте/ свѣдѣтели симъ ЕМз 25.2.2 (Лука 24:48); не лъжисъ/вѣдѣтельствоуи ЕПн 130.2.1 (Лука 18:20).

Тем не менее, несмотря на рост количества преславизмов, во всех евангелиях лексический ряд, связанный с лексемой *свѣдѣтель*, преобладает. Более того этот ряд характеризуется высокой частотностью, так что образует одну из дискурсивных доминант текста Евангелия, которую следует определить как аргументативную (об этом типе дискурса см., например: [Григорьева, 2008]; об аргументирующем типе проповеди см.: [Гомилетика]). В то же время это юридически обосновывающая доминанта, поскольку рассматриваемые лексические ряды являются ключевыми лексическими единицами юридических текстов. Неслучайно в СДРЯ (СДРЯ, т. 7, с. 248–250, 256–259; т. 12, с. 261–270) данные лексические ряды иллюстрируются наибольшим количеством примеров из юридических текстов – как светских, так и церковных.

В Евангелии обращает на себя внимание особенно высокая частотность глагольного члена лексического ряда, который как носитель предикативности обеспечивает движение смыслов в тексте.

Лексические ряды съвѣдѣтель,
 съвѣдѣтельство (съвѣдѣтельствѣние, съвѣдѣнїе),
 съвѣдѣтельствѣвати — послуухъ, послушьство,
 послушьствѣвати *в подкорпусе Апостола*

В подкорпусе Апостола распределение лексем резко контрастирует: если в АХ абсолютно преобладает ряд, связанный с лексемой съвѣдѣтель, то в АТ данный ряд отсутствует, он полностью замещен рядом с исходной лексемой послуухъ (см. табл. 4, 5, 6).

Христинопольский Апостол XII в. принадлежит к древнейшей редакции, а АТ — к преславской [Новак, 2014, с. 11–12]). Он является самым древним из сохранившихся полных списков Апостола, отражая вместе с тем его толковую версию. АХ включен в число источников SJS с сиглом Christ (SJS, t. 1, s. LXXI). Таким образом, количественное распределение рассматриваемых лексических рядов маркирует расхождения между древнейшим типом богослужебных текстов и их преславским вариантом. См., в частности, показательные разночтения во фрагменте, который перенасыщен лексемами из рассматриваемых рядов:

(9) съ ксть при/шьдѣзи водою и крѣвию и дѣхъ
 ꙗко ѿ хѣ / не водою тѣкмо • нѣ водою и крѣвь/ю • и дѣхъ
 ксть **съвѣдѣтельствѣвати**/и • ꙗко дѣхъ ксть истина • ꙗко
 трѣ/не соуть **съвѣдѣтельствѣвающи** • / дѣхъ и вода и
 крѣвь • и трѣ въ еди/но соуть • аще **съвѣдѣтельство**
 ꙗко/ловѣчьско приемѣмъ • **съвѣдѣте/льство** бѣже боле
 ксть • ꙗко се ксть/ **съвѣдѣтельство** бѣже • еже **съвѣ//**
дѣтельствѣвати о снѣ своемъ • въ/роути въ снѣ бѣже •
 имать **съвѣ/дѣтельство** о немъ • не въроути/ бѣи лѣжа
 и створи лѣ ксть • ꙗко/ не върова въ **съвѣдѣтельство**
 • ꙗже **съвѣдѣтельствѣвати** бѣ о снѣ сво/емъ • и се **ксть**
съвѣдѣтельство • / ꙗко жизнь въчнѣю дасть намъ/
 бѣ • и си жизнь о снѣ своемъ кемоу/ ксть • имѣи снѣ
 бѣже имать/ животъ • а не имѣи снѣ бѣже • / живота
 не имать АХ 89.1.1-89.2.1 (1 Иоанна 5:6-12)

vs

(10) се ѣсть пришедъ водо/ю и кровию ꙗко хѣ
 • не водою то/кмо но водою и кровию • и дѣхъ ѣ/сть
послушьствѣвати • ꙗко дѣхъ/ ѣсть истина • ꙗко три суть
по/слушьствѣющии • дѣхъ и вода/ и кровь • и трѣ въ
 ѣдино суть/ аще **послушьство** члвчко приѣ/млемъ •
послушьство бѣе боле/ ѣсть • ꙗко се ѣсть **послушьство**/
 бѣе • еже **послушьствѣвати** о снѣ/ своемъ • върути въ снѣ
 бѣи/ имать **послушьство** о немъ • не/ върути бѣ ложь
 створи лѣ и ѣ/сть • ꙗко не върова въ **послушь/ство** • еже
послушьствѣвати бѣ/ о снѣ своемъ • и се ѣсть **послушь/ство**
 ꙗко жизнь въчнѣю да/ намъ бѣ • и си жизнь въ снѣ ѣ/го
 ѣсть • имѣи снѣ имѣи/ жизнь • не имѣи снѣ не имѣ/
 ть жизни АТ 59.1.2 (1 Иоанна 5:6-12).

Таблица 4. Количественное распределение лексем съвѣдѣтель + лѣжисъвѣдѣтель / послуухъ + лѣжипослуухъ

Table 4. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel' + l'žis'vědětel' / poslukkъ + l'žiposlukkъ*

Показатель	АХ	АТ
Количество лексем	12+1 / 4	0 / 24+1

Таблица 5. Количественное распределение лексем съвѣдѣтельство + съвѣдѣтельствѣние / послушьство

Table 5. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel'stvo + svědětel'stvie / poslušstvo*

Показатель	АХ	АТ
Количество лексем	13+3 / 1	0 / 19

Таблица 6. Количественное распределение лексем съвѣдѣтельствѣвати / послушьствѣвати + лѣжисъвѣдѣтельствѣвати / послушьство + лѣжипослушьствѣвати

Table 6. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel'stvovati / poslušstvovati + l'žiposlušstvovati*

Показатель	АХ	АТ
Количество лексем	47 / 6+1	0 / 47

Ряды с лексемами *свѣдѣтель* и *послухъ* имеют в списках Апостола высокую частотность и, как и в Евангелии, выражают дискурсивные доминанты аргументативного и юридически обосновывающего характера. Близость к тексту Евангелия проявляется также в особо высокой частотности глагольных членов лексических рядов.

Показательно, что в АХ частотной является лексема *свѣдѣтельство* (14 примеров), обозначающая цитаты из Св. Писания в указателях чтений. Эти 14 примеров исключены из подсчетов. В 31 примере, которые также не включены в подсчеты, данная лексема приводится в сокращенном виде – *свѣдѣтель*, в одном случае вместо нее встречается форма Род. п. мн. ч. *свѣдѣтельствъ*, кроме того, один раз в том же значении употреблена лексема *послушество*. Заметим, что данное значение не зафиксировано в исторических словарях. См., в частности:

(11) главопочитаниа чтениемъ • коликождо еписко/лиа главъ имать • и *свѣдѣтельствъ* и гранесъ • / Чтение •ѣ• главъ •і• *свѣдѣтельствъ*/ ѿи• гранесъ АХ 102.1.1; Чтение второе • главъ • / дъ• ѣ• ꙗ• *свѣдѣтель* •дъ• / гранесъ •сѿи 102.2.1; Чтении •ѣ• главъизъ • / дъ• *послушество* •ізъ• гранесъ •ѿи• и •о 182.2.1 и др.

В АХ, наряду с *послушество*, по одному разу встречаются однокоренные лексемы с

синонимическим значением *послухование* и *послушание*; см.:

(12) и рѣжа неопослухованиае вѣмъ боудеть АХ 62.2.1 (Иакова 5:3); вѣрнѣ въ/ всемъ домуо своемъ • тѣко оутг/ дникъ въ послушаниае глѣ/ нѣмъ 272.2.1 (Евреям 3:5).

Лексические ряды *свѣдѣтель*,

свѣдѣтельство (*свѣдѣтельство*, *свѣдѣтвие*), *свѣдѣтельствовати* – *послухъ*, *послушество*, *послушествовати* в подкорпусе *Паримейника*

Перевод Паримейника – богослужебного сборника избранных ветхозаветных и отдельных новозаветных чтений – восходит к кирилло-мефодиевскому периоду книжности [Киас, 1955, с. 374; Пичхадзе, 1991, с. 147; Žholobov, 2016, р. 305–306]. Древнейший датированный список – древнерусский Захариинский паримейник 1271 г. (ПЗ) – включен в число источников SJS с сиглом Zach (SJS, t. 1, s. LXXIII). В подкорпусе Паримейника распределение лексем представлено следующими количественными формулами, при этом все рукописи имеют утраты листов (см. табл. 7, 8, 9).

В списках Паримейника зафиксирована самая архаичная и близкая кирилло-мефодиевскому типу лексическая микросистема. Только в одном списке обнаружилась преславская лексема *послушествовати*. Эта замена

Таблица 7. Количественное распределение лексем *свѣдѣтель* / *послухъ*

Table 7. Quantitative distribution of the lexemes *svědětelʹ* / *posluchъ*

Показатель	ПЛ	ПЗ	ПК	ПТ
Количество лексем	10 / 0	12 / 0	12 / 0	10 / 0

Таблица 8. Количественное распределение лексем *свѣдѣтельство* + *свѣдѣтвие* / *послушество*

Table 8. Quantitative distribution of the lexemes *svědětelʹstvo* + *svědětelʹstvie* / *poslušestvo*

Показатель	ПЛ	ПЗ	ПК	ПТ
Количество лексем	1 + 2 / 0	1 + 1 / 0	4 + 1 / 0	1 + 1 / 0

Таблица 9. Количественное распределение лексем *свѣдѣтельствовати* / *послушествовати*

Table 9. Quantitative distribution of the lexemes *svědětelʹstvovati* / *poslušestvovati*

Показатель	ПЛ	ПЗ	ПК	ПТ
Количество лексем	1 / 0	2 / 0	2 / 1	1 / 0

маркирует список Козминской редакции (ПК), в то время как расхождения в грамматических формах глагола *сѣвѣдѣти* / *тельствовати* – списки древнейшей (ПЛ) и Семеновской (ПТ) редакций (о редакциях Паримейника см.: [Пичхадзе 1991, с. 151–157]). См.:

(13) и мзи видѣ/хомъ и *послушьсь/твоуемъ* • ѿко ѿць / посла сѣа своего сѣси/тела мироу ПК 136.1.1 (1 Иоанна 4:14)

vs

(14) и мзи ви/дѣхомъ и *сѣвѣдѣ/тельствовахомъ* • ѿко ѿць посла сѣз/сѣтель мироу ПЛ 114.2.2

vs

(15) и мзи вѣдѣхомъ і *сѣвѣ/дительствуемъ* ѿко / ѿць посла сѣа сѣтла / мироу ПТ 117.2.1.

Как и в списках Евангелия, в подкорпусе Паримейника наблюдается синонимический ряд *сѣвѣдѣтельство* – *сѣвѣдѣтельство* – *сѣвѣдѣтние*. Использование той или иной лексемы совпадает с противопоставлением трех редакций – древнейшей, Козминской и Захариинской (ПЗ):

(16) оустънзи / правьднъхъ испра/вляють *сѣвѣдѣ/тельство* • сѣвѣдѣтель / же скоръ • ѿзъикъ // имать неправьднъ ПК 55.2.2-56.1.1 (Притчи 12:19)

vs

(17) оу/стънзи истинънзи / исправляють *сѣвѣдѣтельство* • / сѣвѣдѣтель же ско/ръ ѿзъикъ имать / невѣрънъ ПЛ 50.1.2

vs

(18) оустънзи исти/нзи исправля/ють *сѣвѣдѣтние* / *те* • сѣвѣдѣтѣ/ль же скоръ • ѿзъико имать / неправьднъ ПЗ 100.1.1.

В ПК псковского происхождения представлены исключительно формы на *-итель*, исходящие из формы *сѣвѣдѣтель*, которая образована по морфологической аналогии, поскольку фиксируется в рукописях без перехода *ѣ > и*. Единичная форма на *-итель* зафиксирована в ПЛ (см. пример (17)).

В ПТ галицко-волынского происхождения второй половины XIV в. встречается, по видимому, наиболее ранняя в древнерусской письменности форма *свидѣтель*. См., наряду со *сѣвѣдѣтель* и *свидѣтель*, где последняя форма является контаминацией двух предыдущих:

(19) *свидѣтель* вѣрънъ не / лжетъ р аз и з а е т ѣ же / лжа *свидѣтель* непра/веденъ ПТ 47.1.1 (Притчи 14:5);

(20) взи мнѣ сѣвѣдѣтели / і азъ ѣ въ ПТ 114.1.1 (Исайя 43:12);

(21) *разидаетъ/са* *свидѣтель* непра/веденъ ПТ 26.1.1 (Притчи 6:19).

В СДРЯ первая форма *свидѣтель* фиксируется в «Палее» 1406 г. (СДРЯ, т. 12, с. 261). В примерах (16) и (17) представлено смешение генетически родственных и паронимически близких форм *видѣхомъ* и *вѣдѣхомъ*. Смешение глаголов *вѣдѣти* и *видѣти* встречается уже в старославянских текстах и отдельно отмечено в (SJS, t. 1, s. 375).

Если частотность лексемы *сѣвѣдѣтель* в подкорпусе Паримейника соотносительная с таковой в подкорпусах Евангелия и Апостола, то низкая частотность других членов лексического ряда в подкорпусе Паримейника резко контрастирует с их высокой частотностью в подкорпусах Евангелия и Апостола. Таким образом, эти ряды оказываются контрастно противопоставленными в ветхозаветных и новозаветных текстах и в Новом Завете выступает новый тип текста с особыми дискурсивными доминантами.

Лексические ряды сѣвѣдѣтель,

сѣвѣдѣтельство, сѣвѣдѣтельстввати – послухъ,

послушьство, послушьствовати

в подкорпусе Паренесиса Ефрема Сирина

Паренесис Ефрема Сирина – учительный сборник наставлений, который читался на великопостном вечернем богослужении и, как и другие богослужebные тексты, повлиял на оригинальную древнерусскую литературу (см.: [Жолобов, 2007]). В подкорпусе Паренесиса распределение рядов имеет следующий вид (см. табл. 10, 11, 12).

В обеих рукописях есть утраченные листы, чем и объясняются небольшие различия в количестве лексем. Оба ряда представлены сопоставимым числом членов лексических рядов. Совокупная численность обоих рядов выражается в заметной частотности, подтверждая значимость соответствующих лексем для учительной литературы. Присутствие непреславских лексем и их преобладание в глагольном ряду доказывает непреславское, охридское, происхождение перевода. В этом

Таблица 10. Количественное распределение лексем *свѣдѣтель / послухъ*

Table 10. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel' / posluchъ*

Показатель	ПП	ПТр
Количество лексем	3 / 5	3 / 4

Таблица 11. Количественное распределение лексем *свѣдѣтельство / послушьство*

Table 11. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel'stvo / posluš'stvo*

Показатель	ПП	ПТр
Количество лексем	2 / 1	1 / 2

Таблица 12. Количественное распределение лексем *свѣдѣтельствовать / послушьствовати*

Table 12. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel'stvovati / posluš'stvovati*

Показатель	ПП	ПТр
Количество лексем	3 / 1	5 / 2

случае возможно допустить лишь последующее преславское редактирование первоначального перевода. В обеих рукописях преобладают формы на *-итель*, при том, что сохраняется корень *-вѣд-*.

Лексические ряды свѣдѣтель, свѣдѣтельство, свѣдѣтельствовать – послухъ, послушьство, послушьствовати в подкорпусе летописей

Лаврентьевская летопись (ЛЛ) и Ипатьевская летопись (ЛИ), как известно, являются компиляциями. В состав ЛЛ, помимо Повести временных лет (ПВЛ-ЛЛ, лл. 1 об. – 96), входит Суздальская летопись (ЛС, л. 96–173). В состав ЛИ входит ПВЛ (ПВЛ-ЛИ, л. 3 – 106 об.), Киевская летопись (ЛК, л. 106 об. – 245), Галицко-Волынская летопись (ЛГВ, л. 245–307). ЛК отражает княжеский социолект, а ЛГВ является наиболее светской [Жолобов, 2022, с. 88, 95]. В подкорпусе летописей распределение лексем представлено следующими количественными формулами (см. табл. 13, 14, 15).

Контрастное отношение по сравнению с другими летописями демонстрируют ЛК и ЛГВ: в них полностью отсутствует старославянская по происхождению лексическая

микросистема *свѣдѣтель – свѣдѣтельство – свѣдѣтельствовать*, которая, напротив, преобладает в книжных контекстах Повести временных лет. В ЛК и ЛГВ представлена только восточнославянская лексема *пслухъ*. Суффиксальное образование *пслушьство* в ЛГВ семантически переосмыслено и выступает со значением ‘послушание, повиновение’ (СДРЯ, т. 7, с. 257):

(22) и вѣдѣсть емоу • из дани • ятѣва / жьской ддръ сингнѣвоу воево / дѣ • послушьства ради ЛГВ 279.1.2.

Тем самым обнаруживается новая соотношенность – с глаголом *пслушати* ‘слушаться, повиноваться’ (СДРЯ, т. 7, с. 253), которая ослабляет связь лексемы *пслушьство* с существительным *пслухъ*.

В ЛИ в целом уже унифицирован лексический ряд с корнем *-вид-* вместо исходного *-вѣд-* и, таким образом, денотативный образ с опорой на зрительное восприятие стал ведущим. Хотя в ЛИ спорадически встречается замена *ѣ > н*, в случае со *свидѣтель* это не фонетический, а смысловой переход, поскольку данная огласовка в ЛИ регулярна и имеет параллели в рукописях без изменения *ѣ > н* (см. выше). Вместе с тем фонетический переход мог поддерживать семантическое переосмысление. См., например:

Таблица 13. Количественное распределение лексем *свѣдѣтель / послухъ*

Table 13. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel' / poslukhъ*

Показатель	ПВЛ-ЛЛ	ПВЛ-ЛИ	ЛС	ЛК	ЛГВ
Количество лексем	2 / 1	2 / 2	0 / 0	0 / 2	0 / 3

Таблица 14. Количественное распределение лексем *свѣдѣтельство / послушьство*

Table 14. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel'stvo / posluš'stvo*

Показатель	ПВЛ-ЛЛ	ПВЛ-ЛИ	ЛС	ЛК	ЛГВ
Количество лексем	0 / 0	1 / 0	0 / 0	0 / 0	0 / 3

Таблица 15. Количественное распределение лексем *свѣдѣтельствovati / послушьствовати*

Table 15. Quantitative distribution of the lexemes *svědětel'stvovati / posluš'stvovati*

Показатель	ПВЛ-ЛЛ	ПВЛ-ЛИ	ЛС	ЛК	ЛГВ
Количество лексем	1 / 0	2 / 0	1 / 0	0 / 0	0 / 0

(23) възь бо оуклонитеса / ѿ пути моего глѣть гѣъ • и совла / знисте мнози • сего ради буду / **свѣдѣтель** скоръ на противъ / нъна ПВЛ-ЛЛ 57.1.1; и ре володарь бѣ **свѣдѣтель** тому 90.1.1; междоуди же **свѣдѣтельствоуе** ѿ нихъ 77.2.2

vs

(24) възь бо оуклони / стеса ѿ пути моего • глѣть / гѣъ • совлазнитса мнози / сего ра **свидетель** скоро на / противънъна ПВЛ-ЛИ 62.2.2; и рече володарь бѣ **свидетель** / тому 91.2.2; мефедий же **свидѣтельствоуе** ѿ нихъ 86.1.1.

Новая денотативная соотнесенность способствовала утверждению лексемы *свидетель* вместо *послух*.

Заключение

Результаты проведенного анализа показали, что лексические синонимические ряды *свѣдѣтель*, *свѣдѣтельство*, *свѣдѣтельствovati* и *послухъ*, *послушьство*, *послушьствовати* связаны с контрастным количественным распределением, которое определялось лингвотекстологической историей, жанрово-стилистической природой, региональной принадлежностью и дискурсивными доминантами текстов. Первый ряд был связан с кирилло-мефодиевским переводом греч. слова *μαρτυς* 'свидетель' и лексем с той же основой, а второй ряд – с восточноболгарской преславской

школой книжности, но вместе с тем и с восточнославянским узусом, в котором, однако, существовали параллели *видокъ* и *видыць*. Ряды соотносятся с денотативными ситуациями или образами, опирающимися на органы зрения и слуха или на знание, полученное при помощи этих органов чувств.

Подкорпусы Евангелия и Апостола характеризуются наибольшей частотностью лексем данных рядов, при том что варьирование лексем отражает логику развития богослужебных текстов с нарастанием количества преславских лексем, в четьем Апостоле преславской редакции представлен только второй лексический ряд, а в подкорпусе Паримейника отсутствуют преславские лексемы, за исключением одной глагольной формы в Козминском паримейнике. Высокая частотность членов лексических рядов – прежде всего глаголов – выражает новый текстовый тип с дискурсивными аргументативной и юридически обосновывающей доминантами Нового Завета, в отличие от ветхозаветных чтений в подкорпусе Паримейника, в котором сопоставимо с новозаветным лишь употребление лексемы *свѣдѣтель*. В ряде летописей – Киевской и Галицко-Волынской – представлены только восточнославянские лексемы.

Лексические ряды подверглись радикальному историческому преобразованию.

Оно наметилось в позднерусский период, когда под влиянием денотативного образа с опорой на зрение произошла замена раннего *свѣдѣтель* на *свидѣтель*. Конкурирующий лексический ряд с исходной лексемой *послухъ* должен был утратиться, поскольку производные *послушьство* и *послушьствовати* оказались семантически двусмысленными в силу вторичной мотивации глаголом *послушати* ‘слушаться, повиноваться’. Кроме того, имелось юридическое обоснование этой утраты. В «Законе судном людем» говорится: *Свѣдѣтель послухъ, да не свидѣтельствуютъ глѣще ѿко слышахо(м). ѿ кого се должна суть. и сего причѣстника ЗС XIV², 28 об. (СДРЯ, т. 12, с. 262); свѣдѣтели ѿ слуха да не свѣдѣтельствуютъ глѣще. ѿко слышахомъ ѿ кого сего должника ЗС 1285–1291, 340г (СДРЯ, т. 12, с. 267).*

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is given a financial support by The Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 entitled “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гомилетика // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166109.html>
- Григорьева В. С., 2008. Аргументативный дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (14). С. 24–31.
- Жолобов О. Ф., 2007. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38 // Russian Linguistics. Vol. 31, № 1. P. 31–59.
- Жолобов О. Ф., 2022. Лексический ряд *брань – воина – рать* в старославянских и восточнославянских источниках XI–XV вв.: интерпретация квантитативных формул (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // Palaeobulgarica. Вып. 46, № 4. С. 79–99.
- Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. М.: Яз. слав. культуры. 872 с.
- Илиев И. И., 2017. Тълкуванието на книга на пророк Даниил от Иполит Римски в старобългарски превод. София: Ин-т за литература при БАН. 627 с.
- Киас В., 1955. Положение исследования в области византийско-славянского паримейника // Byzantinoslavica. Vol. 16, iss. 2. P. 374–376.
- Новак М. О., 2014. Апостол в истории русского литературного языка: лингвостилистическое исследование. Казань: Отечество. 316 с.
- Пенкова П., 2008. Речник-индекс на Синайския евхологий. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов». 400 с.
- Пентковский А. М., 2019. Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) – XI вв. // Наслеђе и стварање. Свети Тирило. Свети Сава: 869–1219–2019. 1. Београд: Ин-т за српски језик САНУ. С. 73–148.
- Пичхадзе А. А., 1991. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян / отв. ред В. П. Вомперский. М.: Наука. С. 147–173.
- Семереньи О., 1980. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс. 408 с.
- Славова Т., 1989. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София: [s. n.]. С. 15–129.
- Ушаков В. Е., 1961. О языке Устюжской кормчей XIII–XIV вв. Киров: КГПИ. 68 с.
- Jagić V., 1913. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. 540 S.
- Voss Chr., 1996. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränese Ephraims des Syrers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung // Anzeiger für slavische Philologie. Bd. 24. S. 95–127.
- Žolobov O., 2016. Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 61, № 2. P. 305–321.

ИСТОЧНИКИ И ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ

- AT – Толстовский Апостол XIV в. // РНБ. Q.п.I.5. 93 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93372247
- AX – Христинопольский Апостол XII в. // Национальная библиотека Украины. ИР. Ф. VIII. № 3. Л. 1–8; Библиотека Чарторыйских. Краков, Польша. Л. 9–12; Львовский исторический музей. ОР. № 37. Л. 13–303. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=94065041

- ЕМ* – Мстиславово евангелие, до 1117 г. // ГИМ. Син. 1203. 213 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377
- ЕМз* – Евангелие апракос полный (РГБ, Рум. 104, кон. XII – нач. XIII (?) в.). URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819
- ЕО* – Остромирово евангелие, 1056–1057 г. // РНБ. Ф.п.1.5. 294 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436
- ЕП* – Погодинское евангелие, XI–XII вв. // РНБ. Погод. 11. 264 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96056342
- ЕПн* – Пантелеймоново евангелие, XII–XIII вв. // РНБ. Соф. 1. 224 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270
- ЕС* – Симоновское евангелие, 1270 г. // РГБ. Рум. 105. 167 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484
- ЕТ* – Типографское евангелие, XII в. // РГАДА. Тип. 1. 193 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871
- ЛГВ* – Галицко-Волынская летопись // ИЛ. Л. 245–307.
- ЛИ* – Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. // БАН. 16.4.4. 307 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080
- ЛК* – Киевская летопись // ИЛ. Л. 106 об. – 245.
- ЛЛ* – Лаврентьевская летопись 1377 г. // РНБ. Ф.п.IV.2. 173 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902
- ЛС* – Суздальская летопись // ЛЛ. Л. 96–173.
- Манускрипт* – Исторический корпус «Манускрипт». URL: <http://manuscripts.ru>
- ПВЛ-ЛИ* – Повесть временных лет // ИЛ. Л. 3 – 106 об.
- ПВЛ-ЛЛ* – Повесть временных лет // ЛЛ. Л. 1 об. – 96.
- ПЗ* – Захариинский паримейник, 1271 г. // РНБ. Q.п.I.13. 264 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005
- ПК* – Козминский паримейник, 1312–1313 г. // РГАДА. Тип. 61. Л. 1–151 ; ГИМ. Син. 172. Л. 198–202. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=100603725
- ПЛ* – Лазаревский (Сковородский) паримейник, 2-я пол. XII в. // РГАДА. Тип. 50. 126 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=99829379
- ПП* – Паренесис по Погодинскому списку – Паренесис Ефрема Сирина, 1269–1289 гг. // РНБ. Погод. 71а. 328 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=87272654
- ПТ* – Троицкий I паримейник, 2-я пол. XIV в. // РГБ. Тр. 4. 142 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88206084
- ПТр* – Паренесис по Троицкому списку – Паренесис Ефрема Сирина, ок. сер. XIV в. // РГБ. Тр. 7.

245 л. Изд. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88512667

СЛОВАРИ

- СДРЯ* – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–4. М. : Рус. яз., 1988–1991 ; т. 5–13. М. : Азбуковник, 2002–2023.
- СлРЯ* – Словарь русского языка. В 4 т. М. : Рус. яз., 1985–1988. 4 т.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987. 4 т.
- SJS* – Slovník jazyka staroslověnského. Ve 4 svazcích. Praha : Nakl. Československé akademie věd, 1956–1997.

REFERENCES

- Gomiletika [Homiletic]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166109.html>
- Grigoryeva V.S., 2008. Argumentativnyy diskurs v kognitivno-kommunikativnom aspekte [Cognitive Aspect of Argumentative Communication]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiky* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1 (14), pp. 24–31.
- Zholobov O.F., 2007. Korpus drevnerusskikh spiskov Parenisisa Efrema Sirina. I: RGADA, Sin. 38 [Corpus of the Old Russian Lists of the Parenisis of Efrema Sirin. I: RGADA, Sin. 38]. *Russian Linguistics*, vol. 31, no. 1, pp. 31–59.
- Zholobov O.F., 2022. Leksicheskiy ryad bran – voina – rat v staroslavjanskikh i vostochnoslavjanskikh istochnikakh XI–XV vv.: interpretatsiya kvantitativnykh formul (na materiale istoricheskogo korpusa «Manuskript») [Lexical Row of bran – voina – rat in Old Church Slavonic and East Slavonic Sources from 11th – 15th Centuries: Interpretation of Quantitative Formulas (Based on the Material of the Historical Corpus “Manuskript”)]. *Palaeobulgarica*, iss. 46, no. 4, pp. 79–99.
- Zaliznyak A.A., 2004. *Drevnenovgorodskiy dialect* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 872 p.
- Iliev I.I., 2017. *Talkuvanieto na kniga na prorok Daniil ot Ipolit Rimski v starobalgarski prevod* [Interpretation of the Book of Daniel by Hippolytus of Rome in Old Bulgarian Translation]. Sofia, In-t za literature pri BAN. 627 p.
- Kias V., 1955. Polozhenie issledovaniya v oblasti vizantijsko-slavyanskogo parimejnika [State of Research in the Field of the Byzantine-Slavic Pareomiaron]. *Byzantinoslavica*, vol. 16, iss. 2, pp. 374–376.
- Novak M.O., 2014. *Apostol v istorii russkogo literaturnogo yazyka: lingvostilisticheskoe issledovanie* [Apostolus in the History of the Russian

- Literary Language: Linguostylistic Research]. Kazan, Otechestvo Publ. 316 p.
- Penkova P., 2008. *Rechnik-indeks na Sinayskiya evk-hologiy* [Dictionary-Index of Sinai Euchology]. Sofia, Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov». 400 p.
- Pentkovskiy A.M., 2019. Slavyanskiy perevod Evangeliya i ego ispolzovanie v bogoslužhenii v IX (posl. tret) – XI vv. [Slavic Translation of the Gospel and Its Use in Worship in the 9th (Last Third) – 11th Centuries]. *Nasleđe i stvaranje. Sveti Ćirilo. Sveti Sava: 869–1219–2019. I* [Heritage and Creation. Saint Cyril. Saint Sava: 869–1219–2019. 1]. Belgrade, In-t za srpski jezik SANU, pp. 73-148.
- Pichkhadze A.A., 1991. K istorii slavyanskogo parimejnika (parimejnye chteniya knigi Iskhod) [On the History of the Slavic Paroemiaron (Paroemiatic Readings of the Book of Exodus)]. Vomperskiy V.P., ed. *Traditsii drevneyshey slavyanskoy pismennosti i yazykovaya kultura vostochnykh slavyan* [Traditions of Ancient Slavic Writing and Linguistic Culture of the Eastern Slavs]. Moscow, Nauka Publ., pp. 147-173.
- Szemerényi O., 1980. *Vvedenie v sravnitelnoe yazykoznanie* [Introduction to Comparative Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 408 p.
- Slavova T., 1989. Preslavska redaktsiya na Kirilo-Methodieviya starobălgarski evangelski prevod [Preslav Edition of the Cyril-Methodius Old Bulgarian Gospel Translation]. *Kirilo-Methodievski studii. Kn. 6* [Cyril and Methodius Studies. Book 6]. Sofia, s.n., pp. 15-129.
- Ushakov V.E., 1961. *O yazyke Ustyuzhskoy kormchey XIII–XIV vv.* [About the Language of the Ustyug Kormchaya of the 13th – 14th Centuries]. Kirov, KGPI. 68 p.
- Jagić V., 1913. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung. 540 S.
- Voss Chr., 1996. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränese Ephraims des Syrer. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung. *Anzeiger für slavische Philologie*, Bd. 24, S. 95-127.
- Žolobov O., 2016. Present Tense Forms Variability in the Paroemiaron Zacharianum d. 1271 (To the Parchment Internet-Edition). *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 61, no. 2, pp. 305-321.
- SOURCES AND ELECTRONIC DATABASES**
- Tolstovskiy Apostol XIV v. [Tolstoy Apostolos of the 14th Century]. *RNB* [National Library of Russia], Q. n. I.5. 93 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93372247
- Khristinopolskiy Apostol XII v. [Christinopolis Apostolos of the 12th Century]. *Natsionalnaya biblioteka Ukrainy. IR* [National Library of Ukraine. IR], f. VIII, no. 3, l. 1-8; *Biblioteka Chartoryyskikh, Krakov, Polsha* [Czartoryski Library, Krakow, Poland], l. 9-12; *Lvovskiy istoricheskiy muzey. OR* [Lvov Historical Museum. OR], no. 39, l. 13-303. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=94065041
- Mstislavovo evangelie, do 1117 g. [Mstislav Gospel, Before 1117]. *GIM* [State Historic Museum], sin. 1203. 213 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377
- Yevangeliye aprakos polnyy (RGB, Rum. 104, kon. XII – nach. XIII (?) v.)* [Gospel Aprakos Complete (RSL, Rum. 104, End of the 12th – Beginning of the 13th (?) Century)]. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819
- Ostromirovo evangelie, 1056–1057 g. [Ostromir Gospel, 1056–1057]. *RNB* [National Library of Russia], f. p.1.5. 294 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436
- Pogodinskoe evangelie, XI–XII vv. [Pogodin Gospel, 11th– 12th c.]. *RNB* [National Library of Russia], Pogod. 11, 264 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96056342
- Panteleymonovo evangelie, XII–XIII vv. [Panteleimon Gospel, 12th – 13th c.]. *RNB* [National Library of Russia], Sof. 1. 224 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270
- Simonovskoe evangelie, 1270 g. [Simonov Gospel, 1270]. *RGB* [State Library of Russia], Rum. 105. 167 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484
- Tipografskoe evangelie, XII v. [Typographic Gospel, 12th c.]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], Tip. 1. 193 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871
- Galitsko-Volynskaya letopis [Galich-Volyn Chronicle]. *IL* [Ipatiev Chronicle], l. 245-307.
- Ipatyevskaya letopis, ok. 1425 g. [Ipatiev Chronicle, Circa 1425]. *BAN* [Library of the Academy of Sciences], 16.4.4. 307 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080
- Kievskaya letopis [Kiev Chronicle]. *IL* [Ipatiev Chronicle], l. 106 r.-245.
- Lavrentyevskaya letopis, 1377 g. [Laurentian Chronicle, 1377]. *RNB* [National Library of Russia], f.n.IV.2. 173 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902
- Suzdalskaya letopis [Suzdal Chronicle]. *LL* [Laurentian Chronicle], l. 96-173.
- Istoricheskiy korpus «Manuskript»* [Historic Corpus “Manuskript”]. URL: <http://manuscripts.ru>
- Povest vremennykh let [Tale of Bygone Years]. *IL* [Ipatiev Chronicle], l. 3-106 r.

- Povest vremennykh let [Tale of Bygone Years]. *LL* [Laurentian Chronicle], l. 1 r.-96.
- Zakhariinskiy parimeynik, 1271 g. [Zachariinsky Parimeynik, 1271]. *RNB* [National Library of Russia], Q.п.И.13. 264 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005
- Kozminskiy parimeynik, 1312–1313 g. [Kozminsky Parimeynik, 1312–1313]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], Tip. 61, l. 1-151; *GIM* [State Historic Museum], Sin. 172, l. 198-202. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=100603725
- Lazarevskiy (Skovorodskiy) parimeynik, 2-ya pol. XII v. [Lazarevsky (Skovorodsky) Parimeynik, 12th c.]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], Tip. 50. 126 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=99829379
- Parenesis po Pogodinskomu spisku, 1269–1289 gg. [Parenesis of Ephraim the Syrian, 1269–1289]. *RNB* [National Library of Russia], Pogod. 71a. 328 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=87272654
- Troitskiy I parimeynik, 2-ya pol. XIV v. [Troitsky I Parimeynik, the 2nd Half of the 14th c.]. *RGB* [State

Library of Russia], Tr. 4. 142 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=99829379

- Parenesis po Troitskomu spisku – Parenesis Yefrema Sirina, ok. ser. XIV v. [Parenesis of Ephraim the Syrian, 14th c.]. *RGB* [State Library of Russia], Tr. 7. 245 l. Ed. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88512667

DICTIONARIES

- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 1–4* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th Centuries). Vol. 1–4]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1988–1991; vol. 5–13. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002–2023.
- Slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1985–1988.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987.
- Slovník jazyka staroslověnského. Ve 4 svazcích.* Praha, Nakl. Československé akademie věd, 1956–1997.

Information About the Author

Oleg F. Zholobov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, ozolobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7178-1890>

Информация об авторе

Олег Феофанович Жолобов, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, ozolobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7178-1890>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.5>

UDC 811.161.1'0:81'367.625
LBC 81.411.2-03

Submitted: 10.07.2024
Accepted: 16.09.2024

THE VERBS *IMATI* (TO HAVE) AND *BRATI* (TO TAKE): DISTRIBUTION AND COMPETITION IN THE HISTORY OF RUSSIAN ¹

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The paper examines the semantic evolution of the verbs *imati* and *brati* in the 11th – 17th century Russian writing. The research is based on the data from Old and Middle Russian subcorpora of the Russian National Corpus. It is argued that the verb *imati* gradually lost its iterative semantics and its correlation with the verb *yati* and claimed the role of an aspectual pair of the verb *vzyati*. The verb *vzimati* did not compete for performing the function of an aspectual pair of the verb *vzyati*, since it occurred very rarely in writings and belonged to the high code of written records. In the 15th – 17th centuries, the verb *brati* was gradually expanding its semantics, compatibility and, as a consequence, increased in frequency and acquired the properties of the verb *imati* by the 17th century. In the Old Ukrainian language, the verb *brati* occupied the niche of the verb of contact *imati* already in the 14th – 15th centuries. In Middle Russian, the original paradigm of *imati* (*emlyu*) was preserved, which prevented the attraction between *imati* and *iměti* and delayed the semantic convergence of *imati* and *brati*, supported by the influence of Southwestern Rus in the 16th – 17th centuries. The marginalization of the verbs *imati* and *yati* and the final formation of the aspectual pair *brati* – *vzyati* occurred in the history of the Russian language no earlier than the 18th century.

Key words: aspectual pair, verbs of contact, historical lexicology, history of Russian, semantics, collocability.

Citation. Penkova Ya.A. The Verbs *Imati* (to Have) and *Brati* (to Take): Distribution and Competition in the History of Russian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 63-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.5>

УДК 811.161.1'0:81'367.625
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 10.07.2024
Дата принятия статьи: 16.09.2024

ГЛАГОЛЫ *ИМАТИ* И *БРРАТИ*: ДИСТРИБУЦИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ¹

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Работа посвящена семантической эволюции глаголов *имати* и *брьрати* в русской письменности XI–XVII веков. Исследование выполнено на материале древнерусского и старорусского подкорпусов Национального корпуса русского языка. Показано, что глагол *имати* постепенно утрачивал итеративность, теряя соотнесение с глаголом *яти* и претендуя на роль видовой пары глагола *възяти*. Глагол *възимати* не конкурировал за эту позицию, поскольку был редок в письменности и ограничен книжными памятниками. Выявлено, что в XV–XVII вв. происходило постепенное расширение семантики, сочетаемости и, как следствие, частотности глагола *брьрати*, который к XVII в. приобрел свойства, характерные для глагола *имати*. Установлено, что в староукраинском языке глагол *брьрати* занял нишу полнозначного глагола контакта *имати* уже в XIV–XV вв.; в старовеликорусской письменности исконная парадигма *имати* (*емлю*) сохранилась, что препятствовало аттракции между *имати* и *имѣти* и задержало семантическое сближение *имати* и *брьрати*, которое в среднерусской письменности XVI–XVII вв. было поддержано влиянием языка Юго-Западной Руси. Маргинализация глаголов *имати* и *яти* и окончательное формирование видовой пары *брьрати* – *възяти* произошли в истории русского языка не ранее XVIII века.

Ключевые слова: аспектуальная пара, глаголы контакта, историческая лексикология, история русского языка, семантика, сочетаемость.

Цитирование. Пенькова Я. А. Глаголы *имати* и *брьати*: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 63–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.5>

Введение

Работа посвящена эволюции семантики глаголов контакта *имати* и *брьати*² в истории русского языка, сходствам и различиям в их дистрибуции и истории их конкуренции, в результате которой глагол *имати* вышел из употребления, а глагол *брьати*, напротив, существенно расширил свою семантику и сочетаемость, вытеснив глагол *имати* и превратившись в видовую пару глагола *взяти*.

Глагол *брать* в современном русском языке имеет очень высокую частотность. По данным основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), она составляет 222,9 ipm³ (83 460 примеров на 374 449 975 слов). Этот глагол в современном русском литературном языке также обладает очень широкой многозначностью: у него выделяется 14 значений, для большинства из которых видовой парой служит глагол *взять*, ср.: «БРАТЬ, беру́, берёшь; прош. брал, -ла, бра́ло; несов., перех. (сов. **взять**)» (МАС, т. 1, с. 113).

Глагол *имать* в современном русском литературном языке отсутствует и сохраняется только в говорах в значениях ‘брать; хватать, ловить; обхватывать; задерживать; набрать, собрать; отнимать; снимать (урожай); брать с собой’ и др. (СРНГ, с. 189).

В древнерусской письменности ситуация была совершенно иной. По данным (СДРЯ, т. 1, с. 351), в картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. содержится всего 18 карточек с контекстами употребления глагола *брьати*, а в древнерусском корпусе (на момент обращения содержащем 838 928 слов) обнаруживается 17 примеров. При этом в берестяных грамотах этот глагол не зафиксирован вовсе, хотя контекст бытовых писем для него оказывается весьма подходящим. Невысока частотность этого глагола и в объемном (9 251 633 слова) старорусском корпусе: всего 417 примеров.

Глагол *брьати* не был таким многозначным в древнерусском языке, как в современ-

ном русском, у него выделялось всего четыре значения: ‘брать, собирать что-л. руками’, ‘взирать’, ‘приобретать, присваивать’ и ‘переносить’, причем последние два проиллюстрированы в СДРЯ всего одним примером каждое (СДРЯ, т. 1, с. 351).

В среднерусской письменности *брати* известен также в значении ‘вышивать, ткать узорами’:

(1) А которая женьщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати: рубашка дѣлати или **убрусъ брати**, или ткати (Домострой, 1500–1560)⁴.

Несмотря на то что этимологически *брати* в этом значении представляет собой тот же глагол, что и в перечисленных выше значениях (Аникин, с. 172), в настоящей работе такое специальное употребление мы не рассматриваем, так как оно не пересекается с семантикой глагола *имати*. Мы также исключаем из рассмотрения омоним *брати* как неполногласный вариант к *бороти*, ср.:

(2) кротъкаго оученика ороужають дхѣ добръ **брати** могоуше. (полѣмѣѣв). ПНЧ XIV, 216 (СДРЯ, т. 1, с. 321).

Ситуация с глаголом *взять*, который в современном русском языке является видовой парой *брать*, в древнерусском языке была иной: в древнерусском корпусе *взяти* встречается в 1477 контекстах, в (СДРЯ, т. 2, с. 148) указано, что примеров в картотеке более двух тысяч, а в старорусском корпусе этот глагол представлен более чем в 20 тысячах контекстов (20 673 примера на момент обращения).

Уже на основании этих данных можно с уверенностью говорить о том, что *брьати* и *взяти* в древне- и даже среднерусский периоды еще не являлись видовой парой, и такая ситуация сложилась в русском литературном языке достаточно поздно – не ранее XVIII века. Кандидатами на роль аспектуальной пары для глагола *взяти* были сразу несколько глаголов: *взимати*, *имати* и *брьати*. На словообразо-

вательном уровне имперфективом от *взяти* являлся именно глагол *взимати*, тогда как *имати* был имперфективом глагола *яти*.

Необходимыми условиями к семантическому сближению *брати* и *взяти* должны были стать, во-первых, утрата глаголом *взяти* древнего пространственного значения ‘поднять’ (3), обусловленного семантикой приставки *въз-*; во-вторых, расширение семантики *брати* (о которой пойдет речь ниже), в-третьих, выход из употребления глагола *имати*, в-четвертых, ограничение семантики глагола *взимати*, который в русском языке XI–XVII вв. употреблялся намного шире, чем в современном, и также мог претендовать на роль видовой пары глагола *взяти*, ср.:

(3) **Възмѣте**, врата, **кънѣзи** ваши (SJS, v. I, p. 298);

(4) **Взимае**т в руку свою **крохи**, яко гладна. Пов. П. и Февронии (Скр.), 237. XVI в. ~ XV в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 151).

Важно отметить, что низкая частотность глагола *брати* не связана с тем, что перед нами инновация – напротив, *брати* является праславянским образованием, восходящим к праиндоевропейскому, ср.:

«Из прасл. **bъrati* **berq* ‘брать, отбирать, хватать, срывать, собирать (ягоды и др.)’, ‘получать, занимать, принимать’, ‘заключать брачный союз’, **bъrati se* ‘братся; отправляться, собираться’ ‘бороться’, ‘сочетаться браком’... ~ и.-е. **bher(ə)* ‘нести, приносить; вынашивать плод, рожать’» (Аникин, с. 172).

Глагол *имати* исконно представляет собой итератив глагола *яти* (ст.-сл. *яти*). Первый имеет в истории русского языка два набора презентных форм: древняя парадигма по типу *емлю*, *емлещи* и аналогическая парадигма *имаю*, *имаещи*, возникшая под влиянием форм от основы инфинитива (о конструкциях с *имати* в истории русского языка см. [Пенькова])⁵. Постепенно глагол *имати* утрачивал итеративную семантику: ср. форму вторичного имперфектива *имывати* (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 231), с очевидностью свидетельствующую о том, что глагол *имати* уже не ассоциировался с выражением узуальности и хабитуальности (о вторичных имперфективах см.: [Шевелева, 2016]). Показательно, что *имати* мог даже развивать перфективные употребления (см. не-

которые примеры ниже). В среднерусской письменности такие примеры sporadически встречаются и у производных (ср. *взимати* ‘поймать, схватить’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 32, с. 411)), а также зафиксированы в архангельских говорах (СРНГ, с. 189).

У глагола *имати* в древнерусском языке, согласно СДРЯ, представлены не полностью совпадающие наборы значений в зависимости от типа парадигмы. У форм с исконной парадигмой *емлю*, *емлещи* (*имати*₁) выделяются значения ‘брать, хватать’, ‘получать в собственность’, ‘захватывать, овладевать’, ‘иметь’ и семантически выветренное употребление, в котором этот глагол означает действие по значению абстрактного существительного (СДРЯ, т. 4, с. 144–145):

(5) [половцы] **емлюще** иконы зажигаху двери. ЛЛ 1377, 77 об.;

(6) а дарь **имати** тебе ѿ техъ волости. Гр 1264–1265 (1, твер.);

(7) и побѣгоша л(ю)дѣ изъ града. и повелѣ въльга во емь своимъ **имати** е. ЛЛ 1377, 17;

(8) и шьдъ прода все ѿже **имаше** Пр 1383, 33а;

(9) послаше новѣгоро(д) юрья и ѿжима къ кнѣзю к михаилѣ на тѣрѣ а велѣлѣ **миръ имати** на семь. Гр. 1372 (новг.).

В примере (8), однако, форма *имаше* может быть прочитана и как имперфект глагола *имѣти* без обозначения мягкости сонорного /м/.

У глагола *имати* с парадигмой *имаю*, *имаещи* (*имати*₂), согласно (СДРЯ, т. 4, с. 145), выделяются значения ‘схватывать, захватывать’, ‘привлекать, приглашать’, ‘иметь’ и употребление в качестве вспомогательного глагола для образования будущего времени, ограниченное южно- и западнорусскими памятниками (последний тип употребления мы в настоящей работе не рассматриваем, см. о нем: [Пенькова]):

(10) а наши по ни(х) погнаша. ввы сѣкуща. ввы **имающе**. и ѿша ихъ. руками. ЛЛ ок. 1425, 199 (1172);

(11) незаконно бо есть тако свѣдительство. но да **имаить** инѣхъ свѣдителей. РПрМус сп. XIV, 2;

(12) М(с)ць апри(л). рекомыи берозозоль **имають** дни ·л̄. Пр 1383, 26г.

Однако, как видно из примеров, которыми в СДРЯ иллюстрируются соответствующие

значения, в ряде случаев приводятся контексты с формами инфинитива и прошедшего времени, которые не могут быть однозначно атрибутированы *имати*₁ или *имати*₂. Поэтому данные словаря следует немного скорректировать: формы типа *емлю*, *емлеши* никогда не встречаются в источниках в значении ‘иметь’. Такое употребление зафиксировано только у форм типа *имаю*, *имаеши* и у формы имперфекта, если мы интерпретируем ее как форму глагола *имати*, а не *имѣти*, то есть надежно только у *имати*₂, что, по-видимому, не случайно и объясняется паронимической аттракцией с глаголом *имѣти*, которая развивается за счет фонетического сходства форм презенса.

Таким образом, *имати*₁ представлен в письменности в значениях ‘братъ, хватать’, ‘получать в собственность’, ‘захватывать, овладевать’, а *имати*₂ – в значениях ‘схватывать, захватывать’, ‘привлекать, приглашать’, ‘иметь’ и в качестве вспомогательного глагола в конструкции с инфинитивом.

Обратим внимание на то, что у глагола *имати*₁ выделяются, с одной стороны, значения, которые хорошо коррелируют с семантикой *възяти* ‘взять в руки’, ‘взять в собственность, отнять’, ‘принять, получить’, ‘захватить’, ‘забрать, отобрать’, а с другой, – такие, которые хорошо соответствуют значениям глагола *ѣти* ‘схватить, взять в плен’ (17), ‘привлечь’ (18), который очень рано закрепился как глагол СВ [Шевелева, 2021, с. 34–35]. Например:

(13) самъ же **възьмь** съчиво нача съчи дръва. ЖФП XII, 42в (СДРЯ, т. 2, с. 148);

(14) Игорь... **вземь** оу Грекъ злато и паволоки. ЛЛ 1377, 11 (944) (СДРЯ, т. 2, с. 148);

(15) дароуи малое и **възьми** вѣчьное. Изб 1076, 13 об. (СДРЯ, т. 2, с. 148);

(16) **взалъ** кнѣзь михаило. горо(д) торжокъ Гр 1373 (2, новг.) (СДРЯ, т. 2, с. 149);

(17) али же ни то аще **имуть** ма не погубать мене. но ѣкоже прѣже ркохъ ведут ма къ брату (Нестор Печерский. Сказание о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику, вторая пол. XI в.);

(18) оже **иметь** на желѣзо по свободныхъ людии речи... аже не вжъжеться то про моуки не платити ѣмоу нѣ вдино желѣзное кто будеть **ѣль** (Русская правда, середина XI в.).

Различия между *възяти* и *ѣти* в древнерусский период, по наблюдениям М. Н. Шевелевой, заключались в том, что *възяти* выражал «нейтральное значение ‘взять’ без дополнительной коннотации резкого и быстрого... захватывания во владение» [Шевелева, 2021, с. 35], тогда как последнее как раз характерно для глагола *ѣти*, который «преобладает в значении ‘взять в плен, арестовать’» [Шевелева, 2021, с. 36], т.е. «обнаруживает тенденцию к семантической специализации» [Шевелева, 2021, с. 36], ср. также ниже наше указание на то, что *възяти* в древнерусской письменности практически не фиксируется с одушевленным существительным в позиции прямого дополнения. Напротив, для *имати*, как показано М. Н. Шевелевой, такой тенденции к специализации не усматривается [Шевелева, 2021, с. 37].

Помимо семантической близости к *възяти*, глагол *имати*, как и *възяти*, был достаточно частотным в узусе (20 примеров в берестяных грамотах, 258 примеров в древнерусском и 4523 примера в старорусском корпусе).

Обобщим количественные данные по употреблению *брати*, *имати*, *ѣти*, *възимати* и *възяти* (табл. 1).

Цель настоящей работы – исследовать процессы и выявить причины, в результате которых глагол *брати* превратился в аспект-

Таблица 1. Количественная представленность глаголов *брати*, *имати*, *възимати*, *ѣти*, *възяти* и в различные периоды истории русской письменности

Table 1. Frequency of the verbs *brati*, *imati*, *yati*, *vzimati*, *vzyati* in different historical periods of Russian writing

Глагол	Древнерусский корпус	Старорусский корпус	Корпус XVIII в.
<i>брати</i>	17	417	1405
<i>имати</i>	258	4523	529
<i>ѣти</i>	666	1188	7
<i>възяти</i>	1477	20673	5467
<i>възимати</i>	84	237	34

туальную пару к *възяти*, вытеснив из данной позиции итератив *имати*, который вовсе вышел из употребления, и итератив *възимати*, который существенно сузил свою семантику.

Проблема семантического сближения *брьати* и *имати* уже становилась предметом исследования (см.: [Добромыслова, 1968; Пятаева, 1997; 2007; 2009]). Наиболее значимыми из перечисленных работ являются докторская диссертация и монография Н. В. Пятаевой [2007; 2009], где показаны основания для семантического сближения этимологических гнезд с корнем **ber-* и **em*, состоявшие в том, что гнездо с корнем **ber-* в праславянском языке утрачивало связь с индоевропейской семантикой 'нести', приобрело значения 'брать (в руки), хватать', что обеспечило синонимию с этимологическим гнездом корня **em* [Пятаева, 2009]. В качестве причины вытеснения глагола *имати* глаголом *брьати* Н.В. Пятаева называет то, что объем значений последнего превысил объем значений первого [Пятаева, 2009]. Полагаем, что это стало следствием, а не причиной вытеснения *имати*. О других возможных причинах распространения глагола *брьати* в русской письменности см. ниже. Н.В. Пятаева также отмечает дублетность глаголов *брьати* и *ьати* и выход из употребления наименее емкого *ьати* в языке XVIII века. Необходимо сделать уточнение: *ьати*, как показано М.Н. Шевелевой, достаточно рано начинает вести себя как глагол совершенного вида [Шевелева, 2021, с. 34–35], поэтому о дублетности *брьати* и *ьати* говорить не приходится, а скорее следует иметь в виду конкуренцию между перфективами *възяти* и *ьати*. Видовая пара *брать – взять* формируется, по мнению Н.В. Пятаевой, за счет того, что *възимати* семантически существенно расходится с *възяти*. Однако *възимати* недолго претендовал на роль видовой пары к *възяти*, поскольку в среднерусский период имел низкую частотность в письменности и, по-видимому, был маркирован как книжный глагол: так, согласно древнерусскому и старорусскому корпусу, он не фиксируется ни в берестяных грамотах, ни в памятниках деловой письменности.

Масштабное исследование Н.В. Пятаевой безусловно ценно именно тем, что оно выполнено с акцентом на анализ этимологи-

ческих гнезд, благодаря чему в нем показаны семантические связи внутри генетической парадигмы «дать – брать – взять – иметь – нести – давать».

В настоящей работе фокус будет на глаголах *имати* и *брьати*, их семантической сочетаемости и особенностях дистрибуции в памятниках русской письменности на общевосточнославянском фоне с привлечением статистических данных из исторических корпусов, что позволит глубже понять историю конкуренции глаголов *имати* и *брьати*.

Материалом исследования послужили исторические корпуса НКРЯ (древнерусский и старорусский) и исторические словари. Для исследования мы отобрали все контексты употребления глаголов *брьати* и *имати* из древнерусского корпуса, все контексты с *брьати* из старорусского корпуса и 450 примеров с глаголом *имати* – количество, сопоставимое с объемом контекстов с *брьати*, поскольку *имати* в старорусском корпусе чрезвычайно частотен: встречается более 4 тыс. раз (см. табл. 1).

Результаты и обсуждение

Сочетаемость глагола *брьати* в древнерусской письменности (XI–XIV вв.)

В древнерусский период субъект при глаголе *брьати* всегда был одушевленным. Возможные в современном русском языке употребления с абстрактным именем существительным в позиции субъекта (вроде *тоска, зло берет*) для древнерусского глагола были нехарактерны. Они фиксируются только в русском языке XVIII в. (СлРЯ XVIII, с. 130–133), ср.:

(19) Я без пива курить не могу, ибо с табаку жажда берет. Дом. разг. 53;

(20) [Стародум:] Я боялся разсердиться. Теперь смѣх меня берет. Фнв. Недор. 67.

Та же особенность отмечается и для глагола *имати*. Возможность присоединять пропозициональное имя в позиции субъекта отмечается у данного глагола крайне редко, словарь XVIII в. такие употребления не фиксирует, единственный пример из источника XVIII в. приведен в (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 225):

(21) Бес притчи тряса не емлетъ. Послов. Паус., 2. XVIII в.

Различия между *имати* и *брати* связаны с тем, какие имена существительные употребляются в позиции прямого дополнения.

По данным НКРЯ и СДРЯ, в качестве прямого дополнения в контексте с *брати* встречаются следующие имена существительные (табл. 2).

Как видно из данного списка, в текстах представлены только неодушевленные существительные. Показательно также, что большое количество слов в приведенном выше перечне – собирательные имена существительные (*овоць, вино, товарь, злато, скоть, имъние, богатъство, туска, дань*). Этот факт, судя по всему, объясняется сохранением у *брати* древнего значения ‘сбирать’; это же значение сохраняется и во многих южнославянских языках (см.: ЭССЯ, т. 3, с. 163). По-видимому, данное значение, связанное с идеей накопления, реализуется и в контекстах с существительными типа *имъние, богатъство*: в последнем случае в [Добромыслова, 1968, с. 222] также предлагается значение ‘накапливать’, хотя СДРЯ рассматривает здесь *брати* в значении ‘приобретать’ (СДРЯ, т. 1, с. 351):

(22) А мы сѣници ѿ людии кормлю и вдежу приемлемъ всегда не трюдася чюжаѧ грѣхы ѣмы. хлѣбъ приимаѧ ѿ людии небреженьемъ не имамъ книгѣ. ни готовыхъ почитаемъ. толико **имѣние беремъ** села кони различье ризъни (Поучения св. Евсевия, до середины XII в.);

(23) инии же по морю плавающи. по земли гостѣбы дѣюще и **бероуще батѣство**. Пр 1383, 1326 (СДРЯ, т. 1, с. 351).

В контексте со словом *товарь* глагол *брати* употребляется в очень архаичном значении ‘переносить’, восходящем к значению ‘нести’, которое реконструируется у данного глагола в еще в праиндоевропейском:

(24) **Товарь** иж то потополь **брати** оу место своею дружиною из воды на берегъ (Договор Смоленска с Ригой и Готландом (готландская редакция, список С), 1229, 1284, 1333–1341).

Сочетаемость глагола *имати* в древнерусской письменности

Согласно древнерусскому корпусу и материалам СДРЯ (СДРЯ, т. 4, с. 144–145), прямое дополнение глагола *имати* в этот период может быть выражено следующими именами существительными, субстантивированными прилагательными и количественными сочетаниями (см. табл. 3).

Как видно из приведенного ниже перечня, глагол *имати* в древнерусский период имел достаточно широкую сочетаемость: он мог употребляться как с неодушевленными, так и с одушевленными объектами. В роли первого могли выступать собирательные имена существительные (*темьянь, пѣськъ, вълна, млѣко*). Отличие *имати* от глагола *брати* в таких сочетаниях заключается в том, что *имати* называет не сам процесс сбора, а его результат – получение, добывание того или иного продукта:

(25) да не на на(с) сбудуть(с) ре(ч)ное. пасту-си **волну** и **млеко** ѿ овецъ **смлють**. а в стадѣ небрегутъ (Поучения св. Евсевия, до середины XII в.);

(26) и многымъ караблемъ приходѧщимъ, и **смлющимъ**. не wskоудѣтъ бо вѣтръ беспрестани. привѣваеъ **пѣсокъ** и исплнѧеъ (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.).

Глагол *имати* также сочетался с различными названиями отчуждаемого имущества, сборов и пошлин (*дань, мытъ*), обозначениями различных видов дохода (*лихва, рѣзь*) и собирательными названиями имущества и ценностей (*злато, сребро, богатъство*), употреблялся с количественными сочетаниями (*рѣ талантъ*;

Таблица 2. Сочетаемость глагола *брати* в древнерусской письменности

Table 2. Collocation of the verb *brati* in Old Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>овоць, плевы, вино</i> ‘виноград’, <i>злато, глазъки (стъляныи), треба (дивья)</i>
Названия мер	<i>колода</i> (овса), <i>куны, куницы</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>товарь</i> (утонувший), <i>скоть</i> ‘деньги’, <i>имъние</i> ‘имущество’, <i>богатъство, туска</i> ‘особый вид дани’, <i>дань, пошьлины</i>

нѣ съ полоуторы тысаце грѣнѣ), в том числе с дистрибутивными сочетаниями с предлогом *по* (*имати* по чему: *по бѣлѣ и въверицѣ ѿ дыма, по ѿ ногатѣ за возъ, по ѿ векиши, по единой чаши, по моужю*). Такая сочетаемость у *бърати* в древнерусский период не отмечена и развивается не ранее XV в. (см. об этом ниже).

В отличие от *бърати*, в большом количестве контекстов *имати* употребляется с одушевленными именами существительными в значении ‘ловить, хватать; брать в плен’:

(27) ѿздаху по оной сторонѣ днѣпра. **люди смлюще**. а другыа съкуше (Киевская летопись, 1119–1199);

(28) а кромѣ того иже по рови ѿзда **ималь** юсмъ своима рукама тѣ же **кони** дикѣ (Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха, 1090-е – 1110-е).

Кроме того, глагол *имати* уже в древнерусский период употребляется с именами, которые называют абстрактные сущности, а также состояния или события (*мирѣ, вѣра, желание, прощение, соромѣ* и др.):

(29) <п>ослаше новѣгоро(д) юрья. и ѿжима. къ кнз<ю> к михаилѣ. на тѣрѣ. а велѣлѣ. **мир<ъ>** <и>**мати** на семь аже бра(т)ю. нашю попуща<ти> без окупа (Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем, 1374 – начало 1375).

Показательно, что глагол *възяти* в древнерусский период также не сочетается с одушевленным объектом в значении ‘поймать, захватить, взять в плен’. В единственном примере с одушевленным именем существительным в позиции прямого дополнения *възяти* имеет значение ‘принять к себе в дом’ (СДРЯ, т. 2, с. 148):

(30) Того же лѣ(т)... родиса дщи оу Ростислава оу Рюриковича... приеха Мьстиславъ Мьстиславичъ. И тетка еи Предислава. и **въста ю**. к дѣдоу и бабѣ. ЛИ ок. 1425, 242 об. (1199).

В этот период в значении ‘схватить, поймать; взять в плен’ в контексте с одушевленным объектом еще широко употребляется глагол *ѣти* [Шевелева, 2021]. Например:

(31) Которыи роусинѣ или латинескыи **имѣть тата** надѣ тѣмъ ѣмоу своа вѣла (Договор Смоленска с Ригой и Готландом (готландская редакция, список А), 1229, 1284);

(32) к семоу же блѣжному нѣколи приведоша **разбоиникъ** свазанъ. ихже **бѣша ѣли** въ единомѣ селѣ манастырьско(м) хоташ(а) красти (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.);

(33) аже оударить по лицу или за волосы **иметь** или батогомъ шибеть платити бесѣ четверти гривна серебра (Договор Смоленска с Ригой и Готландом (рижская редакция, список Е), 1229).

Таблица 3. Сочетаемость глагола *имати* в древнерусской письменности

Table 3. Collocation of the verb *imati* in Old Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>темианѣ, тѣсокъ, вино</i> ‘виноград’, <i>смокъвы, вѣлна</i> ‘шерсть’, <i>млеко, злато, сѣребро, желѣза, камень, печати, паволоки, вружѣе, дора, иконы, брашьна, ѣ хлѣбовъ, три чаши</i>
Названия мер	<i>куны, ѣ коунѣ, ѣ оубороковѣ, ѣ лоуконѣ, р гривенѣ (новыхѣ), р талантѣ, нѣ съ полоуторы тысаце грѣнѣ</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>богатѣство, имѣние, задѣница, свое, данѣ, хлѣбное, пошлины, обилье, икупѣ, придатѣкъ, мѣсачина, десѣтина, уроки, приносѣ, съборное, откупѣ, изгоиство, погонѣ, мытѣ, повозѣ, лихва, рѣзѣ, мѣзда, наимѣ, переемѣ, товары / товарѣ, сорокоустѣ, руга, устанокѣ, пѣрстѣ, часть, наклады, дары / дарѣ</i>
Названия территорий	<i>города</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>наставники, языки, люди, (человѣкъ) добраго рода, добрыи моужи, храбрѣ, выходящие (на събрания зѣлия), коньчакѣ, кобакѣ, половцы, немчичѣ, смольнянинѣ, челѣди, колодники, кони</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний и событий	<i>вѣра, душа, желанѣе, причащение, прощение, соромѣ, съмѣртѣ, мирѣ</i>
Другое	<i>голова, задѣ (дружины)</i>

Также именно глагол *ѡти* выступает в роли аспектуальной пары глагола *имати* в сочетаниях с существительным *вѣра*. Напротив, в контекстах с названиями различных сборов, а также с абстрактным существительным *миръ* употребляется *вѣзати*, а не *ѡти*:

(34) а холопъ или роба почнетъ вадити на господу. тому ти **вѣры не ѡти**. а на низоу тобѣ княже новгородча не соудити. ни волости роздавати. а кто почнетъ вадити к тобѣ. тому ти **вѣры не ѡти** (Договор Новгорода с князем Михаилом Ярославичем, 1307);

(35) **Не ѡмли вѣры** врагомъ своимъ въ вѣки (Изборник 1076 г., перевод X в. [Болгария]);

(36) **возьми дань** юже **ималь** влегъ (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1110-е);

(37) повелѣше. весь новѣгоро(д). юрюю. и ѡкиму. **миръ взати**. съ кнѣзмъ. с михаиломъ. а повелѣша. печати. приложити. изо всихъ пати кончевъ. къ сеи грамотѣ (Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем, 1374 – начало 1375).

Исконно представляющий собой итератив, глагол *имати* в значении ‘ловить, хватать; брать в плен’ уже в древнерусский период может утрачивать итеративную семантику, превращаясь в полный эквивалент глагола *ѡти*, дериватом которого изначально является. Отсутствие итеративности наиболее очевидно в формах аориста, называющих однократное действие в прошлом в контексте с единичным объектом, однако возможно и в других формах, ср.:

(38) вн же **има** и, и вкова и, и посла и в волость свою володимѣрь. и пристави емоу сторожѣ (Киевская летопись, 1119–1199);

(39) и посла Бенедикта со воими. и ѡ Романа в бани мьющаса (Галицкая летопись, 1201–1260);

(40) а ѡзъ по немъ иду **ѡмла задъ** дружины ѡго (Лаврентьевская летопись, 1111–1305);

(41) <п>ослаше новѣгоро(д) юрюю. и ѡкима. къ кнз<ю> к михаилѣ. на тѣфѣрь. а велѣлѣ. **мир<ъ>** <и>**мати** на семь аже бра(г)ю. нашю попуща<ти> без окупа (Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем, 1374 – начало 1375).

С другой стороны, *имати*, утрачивая итеративность, семантически мог сближаться не только с *ѡти*, но и со стативом *имѣти*. Такая особенность отмечается, однако, исключительно для аналогических форм типа *имаю*, *имаеши* преимущественно в юго-западных памятниках, что, по-видимому, способствовало грамматикализации конструкции «*имати* + инфинитив», выражающей деонтическую модальность, ср.:

(42) слышю же се. ѡко сестроу **имаете** дѣво. да аще ея не вдасте за ма. то створю гра(д) вашему ѡко и сему створихъ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е);

(43) в соу(б)тоу по взитии слѣнца. дѣѡ моѡ **ѡлоучитса имаетъ** в телесе сего (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.);

(44) а они **имають держати**. так(о) долго докола... имо тыхо ‘д’ тисачи рублиі исполна не в(т)дамы. Гр 1390 (2, ю.-р.) (СДРЯ, т. 4, с. 145).

Сочетаемость глагола *брати* в среднерусской письменности

Мы разделили существительные, встретившиеся хотя бы один раз в контексте с глаголом *брати* в позиции прямого дополнения, на три группы в зависимости от датировки источника (XV в., XVI в. и XVII в.). В этой позиции в текстах XV в. представлены следующие существительные, субстантивированные прилагательные и количественные сочетания (табл. 4).

Как видно из данного перечня, в текстах XV в. у глагола *брати* сохраняется преимущественная сочетаемость с неодушевленными

Таблица 4. Сочетаемость глагола *брати* в русской письменности XV в.

Table 4. Collocation of the verb *brati* in the 15th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>ягоды, губы</i> ‘грибы’, <i>злато</i>
Названия мер	<i>5000 рублевь</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>поборы, туска</i> ‘особый вид дани’, <i>дань</i> , (<i>черный</i>) <i>боръ</i> ‘вид дани’, <i>тамга</i> ‘вид подати’, <i>десятина</i> ‘вид налога’, <i>гостинное</i> ‘вид пошлины’, <i>пошлины</i> , <i>поворотное</i> ‘вид пошлины’
Названия лиц	<i>третий</i> (судья), <i>одинъ</i> (из трех)

собираТЕЛЬНЫМИ именами существительными. Редкие употребления в контексте с одушевленным объектом – *третий (судья)* – связаны со значением ‘выбирать’ (ср. также глагол *избрати* в том же контексте), которое является производным от древнего ‘собирать’, также сохраняющегося в этот период, ср.:

(45) А о чем судья мой, князя великог[о], з брата моего судьей, брата моего молодшог[о], княз[а] Дмитрея Юрьевича Болшог[о], сопрутся, и они зовутся на третии, а **берут** себ[ѣ] третьего из моих боляр, великог[о] княз[а], дву боляринов, изо княжих из Дмитриевых Юрьевич[а] боляр Болшого, одного болярина из боляр. А воимануеть третьих тот, которой ищет, а тот берет, на котором ищут. А не **изберуть** себѣ третьего ис тѣхъ трех боляринов, ино имь третии язъ, княз[ь] велики (Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем. Грамота в. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу, 1436.06.13);

(46) А хто ослышится сеи нашей грамоты... а почнетъ лѣсъ сѣчи и пожни косити, и заяци гоняти или рыбы ловити, или **ягоды и губы брати**, а безъ игуменскаго благословеніа, ино тотъ будетъ лишень лотки и сѣтеи, а за свою вину дасть намъ рубль (Грамота Вяжицкого монастыря монастырскому ключнику в Толвуе Якиму и монастырским толвуйским крестьянам с запрещением промышлять в принадлежащих Палеостровскому монастырю островах Пальем и других островах, 1477–1478).

В текстах XV в. преобладают сочетания *брати* с именами существительными, обозначающими различные виды сборов, пошлин, дани, поборов и т.д. По-видимому, именно такого рода употребления могли стать локусом семантических изменений, поскольку подобные словосочетания допускают две интерпретации: *брати дань* может означать как ‘собирать дань’ – с фокусом на процессе сбора (видимо, именно таковым было первоначальное значение этого словосочетания), так и ‘взимать дань’ – с фокусом на результате, ср. также весьма частотные употребления *figura etymologica* *брати поборы*, *брати борь*, подтверждающие изначальную связь с семантикой собиранія:

(47) ні кормов оу ніх не смлют, ні доводиши[ки] оу них **поборов не беруот** (Жалованная тарханная и несудимая грамота в. кн. Вас. Васильевича Троице-Сергиева монастыря иг. Зиновию на с. Сватковское с дерр., в Верхдубен. стану Переясл. у., 1439.09).

Амбивалентность сочетаний глагола *брати* с названиями различного рода сборов хорошо видна на следующих примерах ниже. В примере (48) (*серебро браша на всеи Заволоцкой земли*) *брати* еще сохраняет дистрибутивное значение ‘собирать’, тогда как в примере (49) фокус с процесса собиранія смещается на факт присвоения объекта, обладания им, на что дополнительно указывает возвратное местоимение *себѣ*:

(48) И приехаша владыка Евфимей, а с ним послы новгородские, и докончаша другую 5000 сребра, а шестую тысячу на полону даша, а то **серебро браша на всеи Заволоцкой земли**, с десяти человекъ рубль (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка, первая половина XV в.);

(49) И по том гардиналовѣ часто начаша приходити от папы къ царю и патриарху, даже и к Сидору митрополиту, и съ многими лестными рѣчми о сих, да не преодолѣвает Марко, ниже пререкует Латынѣ: да сотворите, рече, волю нашу, **берущи себѣ злата** множество, елика хочете (Московский летописный свод, 1479–1492).

В XV в. также появляются дистрибутивные конструкции «*брати по чему*», характерные и для *имати* (см. выше) и также амбивалентные, поскольку они могут иметь две интерпретации (‘собирать’ и ‘взимать’), ср.:

(50) А **брати** князя великого чернборцемъ на новоторжскихъ волостехъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи **по гривнѣ** по новой (Грамота Великого Новгорода о предоставлении на год «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу, 1448–1461).

В источниках XVI в. в позиции прямого дополнения с глаголом *брати* употребляются следующие имена существительные, субстантивированные прилагательные и количественные сочетания (см. табл. 5).

Как видно из представленного перечня, с XVI в. *брати* расширяет свою сочетаемость, распространяясь также на существительные, не предполагающие идею множественности объектов сбора (*вода*, *чаша* в форме ед. ч.), на одушевленные имена (*вои*, *веселые люди*) и даже на абстрактные состояния (*перемирие*). В контексте *брати вои* (51) рассматриваемый глагол, расширяя сочетаемость, все еще сохраняет древнее значение ‘собирать’, тогда как в контексте *брати перемирие* (52) ситуация уже

не подразумевает никакого вида множественности (ни дистрибутивности, ни итеративности):

(51) И се рек, утеша Всеволода, и повеле **брати вои** от мала и до велика, и бысть вой бесчислено (Холмогорская летопись, 1540–1560);

(52) А что твои панове говорят, коли бы то земля наша была и нам было што с нею **перемире брать?** (Иван Грозный. Послание польскому королю Стефану Баторию, 1581).

В текстах XVI в. появляются конструкции «*брати* чем», также свидетельствующие о смещении фокуса с процесса ('собирать') на результат ('взимать в виде чего-л.'):

(53) дасть и **берет ценою**, и **мерою**, и **вагою** и прославлень добром (Тайная Тайных, последняя треть XV в. – первая половина XVI в.).

Приведем перечень имен существительных, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *брати* в источниках XVII в. (см. табл. 6).

Как видно из приведенного перечня, в XVII в. еще сохраняется исконное значение 'собирать' (ср. *ягоды, грибы, рыжики, цветы, землеплодное, ленъ*) и производное от него значение 'добывать' (ср. *земля, руда, камень*). Также представлен довольно широкий перечень существительных, называющих различные сборы, пошлины и денежные единицы, при этом данная группа пополняется существительными других близких семантических классов (ср., например, *жалованье, плата*; названия документов *отписи, листы, памяти*), связанных уже не с процессом сбора, а только с получением:

(54) И мы сена, г(о)с(у)д(а)рь, не отдавали и **памяти не брали**, а по сена к нам не бывали (Грамотка приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова из с. Чубарово, 1669.12.05).

В приведенном ниже списке представлены и имена, называющие одушевленные объекты, при этом *брати* в таких контекстах

Таблица 5. Сочетаемость глагола *брати* в русской письменности XVI в.

Table 5. Collocation of the verb *brati* in the 16th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>овоць, злато, серебро, чаша, вода</i>
Названия мер	<i>5.000 рублей, мѣхъ</i> 'разновидность торговой меры'
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>деньги, мзда, поборы, дань, пошлины, тамга</i> 'вид подати', <i>мытъ</i> 'вид пошлины', <i>пятно</i> 'вид пошлины', <i>кормъ / кормы</i> , (<i>черный</i>) <i>боръ</i> 'вид дани', <i>полавочное</i> 'вид пошлины', <i>поворотное</i> 'вид пошлины', <i>бражное</i> 'вид пошлины'
Названия лиц и животных	<i>вои, веселые люди</i> 'скоморохи', <i>кони</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, событий	<i>перемире</i>
Другое	<i>от пророков и апостолов вкратце</i>

Таблица 6. Сочетаемость глагола *брати* в русской письменности XVII в.

Table 6. Collocation of the verb *brati* in the 17th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>ягоды, грибы, рыжики, цветы, землеплодное, ленъ, земля, руда, камень, серебро, хлѣбъ, рожь, лубья, столъ, кормъ, шти, варанчюгъ, соль, кожи, подвода, секраментъ, антидоръ</i>
Названия документов	<i>отписи, листы, памяти</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>товары, доходы, запасы, поборы, дань, пошлины, спусковое, оброкъ, поминки, выходы, пяттина, руга, подати, деньги, казна, полонъ, ясакъ, жалованье, плата, посулы</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>гетманъ, дѣти, десять человек, полонгъники, турки, дѣвки, лошади, бораны, пчелы</i>
Названия абстрактных сущностей, процессов, событий	<i>вышина, ширина, (псовая) охота, потребности</i>

означает уже не ‘собирать’, а ‘ловить, хватать’, что семантически сближает его с *имати* и *яти*.

В этот период *взяти* также приобретает способность сочетаться с одушевленным объектом, тогда как в более раннюю эпоху такие контексты были закреплены за глаголом *яти*:

(55) Боярину ж князю Алексею Микитичю за конотопскую службу 167-го и 168-го году за большой бой с крымским ханом, и что он **брал гетмана Юрья Хмельницкого**, придачи двесте рублев (Боярская книга, 1658);

(56) А же **имаху пленники**, овѣх поѣкаху, другыя мучяху, ини же растрѣяху, а другыя в море метяху (Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка, первая половина XV в.);

(57) Како Кучюмова сына **царевича Маметкула взяша** жива (Строгановская летопись по списку Спасского, 1630–1640).

В источниках XVII в. шире употребляются дистрибутивные конструкции «*брати* по чему» (по дватцати алтынѣ, по рублю да по пуду меду, по четыре копейки, по четверику, по 1600 дукатов) и «*брати* чем» (всякими товарами; лисицами черными, чернобурыми, бобрами и выдрами и всякимъ звѣремъ).

В текстах конца XVII в. также появляются новые конструкции «*братъ* кого в кого» и «*братъ* кого за руку»:

(58) Да он же, старец, **берет нас**, сирот, насильством от сох и от кос в гребцы, и в кормицики, и в прорезные лотки, и в караульцики, и ко всякому рыбному промыслу. (Крестьяне патриаршего с. Тарки Ярымовской вол. Муромского у. патриарху Адриану о злоупотреблениях посельского старца Иоанна Святоозерского, 1694.12.01–1694.12.07);

(59) И когда сойдутся в машкарах на площадь к соборному костелу святого Марка, тогда многие девицы **берут** в машкарах за руки **иноземцов** приезжих, и гуляют с ними, и забавляются без стыда (П. А. Толстой. Путешествие по Европе, 1699).

Следует также отметить и сочетаемость с абстрактными существительными, еще не настолько широкую, как в современном русском языке, но уже не невозможную:

(60) і когда бокъ і половина съверху готова, тогда шпаньгоуты дѣлай: **бери вышину** вьсемь мѣстамъ о(тъ) боковой ѳигуры, а **ширину** отъ половины, і такъ добро (Петр I. Отрывок из учебных записок по кораблестроению, 1697.08–1697.12).

Таким образом, сочетаемость глагола *брати* в XVII в. продолжала расширяться, приближаясь к той, которая характерна для него в современном русском языке, однако древние значения в этот период еще не были утрачены. Семантически *брати* в этот период приобретает ряд свойств, которые были характерны для глагола *имати* еще в древнерусский период, и существенно сближается с глаголом *взяти*, претендуя на роль его видовой пары, ср.:

(61) Да он же [п]риказной ч(е)л(о)в(е)к выпустил из вашей, г(о)с(у)д(а)ри, три [д]ѣвки, а **брал** за дѣвку выводу по дватцати алтын и бол(ь)ши, и за три дѣвки **взял** два рубли с четвертью (Челобитная крестьян д. Ивашкова, 1670.03.13);

(62) И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку **взяла за руку** и отвела от тех девиць и стала ей говорить искусно: «Что ты надо мною зделала?» (Повесть о Фроле Скобееве, конец XVII в. – первая треть XVIII в.);

(63) Потомъ по широкомъ шпаньтгоуть **взять ширину** противъ шхерганта і поставить отъ черты выше, а назади половина шпигиля, а напереди на адтрокъ ѳорштевену (Петр I. Отрывок из учебных записок по кораблестроению, 1697.08–1697.12).

Показательно, что глагол *брати* приобретает значение ‘брать в руки’ достаточно поздно⁶, в то время как для глаголов с корнем *им-* (*имати*, *яти* и *взяти*) это значение исходное.

Сочетаемость глагола *имати* в среднерусской письменности

Приведем перечень имен существительных, субстантивированных прилагательных и количественных сочетаний, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *имати* в источниках XV в. (см. табл. 7).

Как видно из приведенного перечня, сочетаемость глагола *имати* в XV в. во многом сохраняет особенности, которые отмечаются в текстах древнерусского периода. Одно из немногих отличий – сочетание с существительными, обозначающими определенную территорию (*отчина*, *украина*), хотя и в древнерусский период зафиксированы контексты со словом *городъ*. Другое отличие – сочетание с абстрактными существительными, которые не употреблялись в позиции прямого объекта глагола *имати* в древнерусской письменности (*помочь*, *любовь*, *слово*, *речь*).

Приведем перечень имен существительных, субстантивированных прилагательных и количественных сочетаний, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *имати* в источниках XVI в. (см. табл. 8).

Существенных изменений в сочетаемости *имати* в письменности XVI в. в сравнении с текстами XV в. не отмечается. Можно обратить внимание на более широкое вовлечение имен существительных, обозначающих ту или иную территорию (*украина, Клобуково, волость, Полоцкъ, Заволочье, селище, пустошь*),

а также на появление устойчивых формул *имати* кого *на государство* – контексты, не отмеченные для *брати*, ср.:

(64) Того же лета **имали** татарове тульскую **украину**, Сежу (Постниковский летописец, 1560–1570);

(65) Изначала же, тебя **емлючи** панове **на государство**, на том тебе к присяже приводили, что тебе всех давно зашлыхъ дел отыскивати, – ино на што было и послов посылати? (Иван Грозный. Послание польскому королю Стефану Баторию, 1581).

Таблица 7. Сочетаемость глагола *имати* в русской письменности XV в.

Table 7. Collocation of the verb *imati* in the 15th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>сребро, подводы, осетръ, костки, браино, хлѣбъ, соль, медъ, пиво, брага, якори, ужи, пря ‘паруса’, дрова, вода, мощи, оружие</i>
Названия мер	<i>9 литръ, куны, виры, пять коробеи (ржи, овса и т. д.)</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>дань, выходъ, убытки, мытъ, тамга, ямъ, погонъ, пересудъ, пошлины, оброкъ, вирное, поралье, пеня, окупъ, поборы, гостиное, рыбное, вѣсчее, побережное, явлено, слѣбное, мѣсячина, десятина, повозъ, накладъ, закладъ, даръ, посулы, празга, площка, вина, полонъ, гостинець, кормъ</i>
Названия территорий	<i>отчина, украина</i>
Названия документов	<i>ярлыки</i>
Названия лиц и животных	<i>люди, дѣти боярские, князь, Лука, приставъ, проводникъ, плѣнники, вороны, куры</i>
Названия частей тела	<i>рука</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, процессов и событий	<i>вѣра, помочь, любовь, dokonчание, миръ, душа, словеса, рѣчи</i>

Таблица 8. Сочетаемость глагола *имати* в русской письменности XVI в.

Table 8. Collocation of the verb *imati* in the 16th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>подводы, тафта, простыня, сребро, лубье, часть (жита), хлѣбъ, рожь, овесь, масло, сыръ, яйца, овчина, кровь, двоеколка, книги</i>
Названия мер	<i>бочка</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>поборы, пошлины, десятина, хоженое, прикладъ, головщина, наймъ, окупъ, оброкъ, дань, ясакъ, выходъ, мытъ, тамга, мзда, деньги, убытки, казна, доходъ, подать, товары, кормъ, запасы, рухлядъ, жалованье, животы, статки, руга, посулы, явка, поминки</i>
Названия территории	<i>Клобуково, Полоцкъ, Заволочье, волость, украина, селище, пустошь</i>
Названия документов	<i>грамоты, заповѣди, отпись</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>дѣти боярские, сестра, братия, сродники, старецъ, жены, жонки, дѣти, робята, мнихи, приставъ, возжи, стрѣльцы, сторожи, провожалъники, проводники, дворники, крестьяне, хрестьянишки, зажигальникъ, люди, казаки, языки, воры, послы, купцы, ругатели, рыба, кура, поярки</i>
Названия частей тела	<i>рука</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, процессов, событий	<i>миръ, порука, словеса развращенныя</i>

Приведем перечень имен существительных, субстантивированных прилагательных и количественных сочетаний, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *имати* в источниках XVII в. (табл. 9).

Как видно из приведенного перечня, сочетаемость *имати* с XV по XVII в. стабильна. Основные изменения происходят именно в сочетаемости глагола *брати*, который к XVII в. превращается практически в дублет глагола *имати*, так что оба глагола начинают конкурировать между собой за роль видовой пары глагола *взяти*, ср.:

(66) **взяли** де вы подужных денег супроти деревни Рыбиной, **брал** Гришка Сучка с дуги по две деньги и всех денег **взял** четыре рубля два гроша (Грамотка приказчика А. Казакова и старост П. Найденова и Е. Калинина из д. Тельчья, 1682.02.06);

(67) А воеводы великаго государя с воинством во многих местех будужи остаточных татар всюду побиваху, и живых **емлюще** к государю прислаша, и лошадей болши пятидесяти тысяч **взяша** (А. Лызлов. Скифская история, 1692).

Семантическая эволюция глаголов *имати* и *брати* на общевосточнославянском фоне

Если мы сопоставим ситуацию в русской письменности с тем, как эволюционировала пара глаголов *имати* и *брати* в староукраинской письменности, то обнаружим, что вытеснение *имати* глаголом *брати* на юго-западе восточнославянской зоны произошло гораздо раньше, чем на остальной восточнославянской территории. Об этом свидетельствуют данные Словаря староукраинского языка XIV–XV вв. (СУМ), в котором, как и в СДРЯ, указывается частотность (табл. 10).

Таблица 9. Сочетаемость глагола *имати* в русской письменности XVII в.

Table 9. Collocation of the verb *imati* in the 17th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>сѣно, земля, дрова, зола, хлѣбъ, вино, шерсть, подводы, табакъ, клейноты, серебро, злато, жемчугъ, камень, перстень, одежды, сѣмена, пепель, вода, кость рыба, соль, щитъ, труба, Святые Тайны</i>
Названия мер	<i>пять алтынъ, пѣнязь, по 5-ти и по 3 и по 2 рубли (и т. п.), по полполтинъ</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>запасы, руга, пошлыны, поборы, дань, взятки, оброкъ, задатокъ, пеня, тягло (на себя) доходъ, деньги, цѣна, кормъ, чужая, пожитки</i>
Названия территории	<i>дворъ, города, пустоши</i>
Названия документов	<i>грамота, запись, память, крѣпости, прогъжие листы, выпись, накладная, сказки</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>Андрѣй Никифоровъ, ханъ, воеводы, служилые люди, дворовые люди, подьячий, сборицики, цѣловальники, мирские люди, дворяне, дѣти боярскіе, крестьяне, сынишко, сынъ, дщерь, дѣти, братья, сестра, племянники, отрокъ, дѣвица, мужикъ, гулящий человекъ, гости (Колыванские), емлющие (чужая), живые, татары, языки, иноземцы, раскольники, знакомцы, птица, змия, скорпия, жаба, черепаха, рыба, лошадь, стада</i>
Названия частей тела	<i>кишки</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, процессов и событий	<i>подмога</i>

Таблица 10. Частотность глаголов *имати* и *брати* в древнерусской и староукраинской письменности

Table 10. Frequency of the verbs *imati* and *brati* in Old Russian and Old Ukrainian writing

Глагол	СДРЯ	СУМ
<i>бьрати</i>	18	135
<i>имати (имаю)</i> ⁷	31	3
<i>имати (емлю)</i>	325	0

Как видно из таблицы, в юго-западных восточнославянских диалектах глагол *имати* в своей исконной парадигме утрачивается достаточно рано. Он сохраняется только в старовеликорусской и старобелорусской письменности (ГСБМ, с. 205).

По-видимому, именно юго-запад был центром распространения новой – аналогической – парадигмы типа *имаю, имаеши*. Так, *имати* с новыми формами в независимом употреблении находим в основном в древнерусских памятниках, происхождение которых преимущественно связано с юго-западными территориями ⁸:

(68) слышу же се. ѡко сестроу **имаете** двѡю. да аще еѡ не вѡдате за мѡ. то створю гра(д) вашему ѡко и сему створихъ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е);

(69) р(ч)е же внѣ ко мнѣ. дѡвѣнаго вѣѡа твоего еже къ боу мѡтва. на се мѡсто приведе тѡ. показати ти ѡже преже желаніе **имасши** (Житие Василия Нового, конец XI в.) ⁹;

(70) а наши по ни(х) погнаша. ввы сѣкуща. ввы **имающе**. и ѡша ихъ. руками. польторы тысячѣ а прокъ ихъ изъбиша (Киевская летопись, 1119–1199).

В этих же памятниках глагол *имати* семантически уподобляется глаголу *имѣти*, превращаясь в глагол состояния (о глаголе *имѣти* в восточнославянской письменности см.: [Шевелева, 2019]), а также представлен в качестве вспомогательного глагола в конструкции с инфинитивом, семантически идентичной конструкции с глаголом *имѣти*:

(71) аще того пустиши. **не имаеши быти** другъ кесареви (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е) [ср. (Ин. XIX, 12) Остр. Ев., 184: нѣси другъ кесареви; в Лаврентьевском списке: **имаши**];

(72) в соу(б)тоу по взитии слѣнца. дѡѡа моѡ **ѡлоучитса имають** в телесе сего (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.).

Выводы

Как показало проведенное исследование, на роль аспектуальной пары глагола *взяти* претендовали *взимати*, *имати* и *брати*. Глагол *взимати*, исконный имперфектив от *взяти*, не занял эту позицию, поскольку был редок в письменности и ограничен книж-

ными памятниками. Глагол *имати* постепенно утрачивал итеративность, теряя соотношение с глаголом *яти* и в целом ряде значений выступая в качестве видовой пары глагола *взяти*. Выявлено, что в XV–XVII вв. происходило постепенное расширение семантики, сочетаемости и, как следствие, частотности глагола *брати*, который к XVII в. приобрел свойства, характерные для глагола *имати*.

Основанием для семантического сближения между *брати* и *имати* стало, по-видимому, то, что оба этих глагола можно отнести к глаголам контакта с инкорпорированным участником ¹⁰ *руки*, а также связь их семантики с понятиями части, целого и множественности. Различия между *брати* и *имати* в исходной системе заключались в том, что *брати* помещал в фокус процесс, постепенное накопление, сложение (сбор) некоторого целого из множества частей ¹¹, а у *имати* в фокусе был результат, обладание некоторой частью, отделяемой от целого.

Возможно, расширение сочетаемости и постепенное вытеснение глаголом *брати* глагола *имати* на периферию как минимум было поддержано влиянием языка Юго-Западной Руси, которое, как известно, наиболее значительным было именно в позднесреднерусский период (XVI–XVII вв.). Глагол *имати* (*емлю*) в староукраинском языке оказался полностью утрачен уже к XIV в., *имати* (*имаю*) представлял собой глагол состояния, дублет *имѣти*, тогда как глагол контакта *имати* (*имаю*) практически вышел из употребления в этот период. По-видимому, данный процесс был связан в староукраинском с взаимодействием глаголов *имати* и *имѣти*, поэтому здесь нишу глагола контакта *имати* очень рано занял глагол *брати*.

В старовеликорусской письменности долго сохранялась исконная парадигма *имати* (*емлю*), что препятствовало аттракции между *имати* и *имѣти* и надолго удерживало *брати* от экспансии в исконной семантической зоне глагола *имати*.

При этом необходимо отметить, что ситуация в языке XVII в. была еще не вполне аналогична современной, поскольку *имати* в это время оставался более частотным и служил основной видовой парой глагола *взяти*. Изменение соотношения в пользу *брати* отмечается только в XVIII в., именно в этот

период происходит маргинализация глаголов *имати* и *яти*, а *брати* и *възяти* окончательно формируют видовую пару.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is supported by the Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora.”

² Здесь и далее для древнерусского периода используются инфинитивы *брати*, *възяти*, *възимати* с редуцированным в корне или префиксе, для более поздних эпох – *брати*, *взяти*, *взимати* и *братъ*, *взять*, *взимать* соответственно.

³ Items per million words.

⁴ Цитаты из НКРЯ сопровождаются указаниями на источник и датировку в соответствии с метаданными, которые приводятся в корпусе. Цитируемые по НКРЯ памятники в список источников не вносятся.

⁵ В памятниках отражается и противоположное явление – влияние презентной основы на формы от основы инфинитива, ср. формы *емляху*, *емати*. Формы причастий типа *емь*, *емши* являются, по-видимому, контаминированной формой действительного причастия прошедшего времени от глагола *яти* (*имь*, *имьши*), на которую повлияла презентная основа *имати* (*емлю*, *емлещи*).

⁶ В работе [Добромыслова, 1968, с. 225] утверждается отсутствие у глагола *брати* такой сочетаемости в письменности XI–XVII в. Все-таки на основании данных корпуса мы можем отнести развитие этих употреблений у глагола *брати* уже к XVII веку.

⁷ В СУМ соответствует словарной статье *имати*¹, описывающей глагол контакта, тогда как *имати*² представляет собой глагол состояния, семантически почти полностью повторяющий особенности глагола *имѣти* [СУМ, с. 433–439].

⁸ Некоторое количество форм с новой парадигмой обнаруживается также в памятниках новгородско-псковского происхождения: *аще и многы наставники имаете ѿ хѣтъ · нъ не многы ѿ отцѣ · ѿ хѣтъ бо їсѣвъ еѿгангильемь азъ вы роди хъ · молю же вы са подобьници ми боудете* (Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере (XI в.)); *аще имаетши ѿко твоє лоукаво истъкни є* (Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере (XI в.)).

⁹ О возможном происхождении перевода Жития Василия Нового см.: [Пентковская и др., 2018].

¹⁰ Об инкорпорированном участнике см. [Падучева, 2004, с. 57].

¹¹ Семантическая связь с идеей множества, восходящей к мотивирующему глаголу *братъ*, сохраняется, согласно [Зализняк, 2006, с. 237–238], даже у современного глагола *добраться* ‘перебирая разные предметы, найти нужный’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добромыслова А. Н., 1968. Глагол *братъ* в русском языке // Русская историческая лексикология / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука. С. 221–228.
- Зализняк Анна А., 2006. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Яз. слав. культур. 672 с.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры. 608 с.
- Пентковская Т. В., Щеголева Л.И., Иванов С.А., 2018. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. 1. Исследования. Тексты. М. : Изд. дом ЯСК. 784 с.
- Пенькова Я. А. *Имамь*, *имѣю*, *имаю*, *иму*: конструкции с глаголами с корнем *им-*//*ем-* в восточнославянской деловой письменности XV в. // Slověne. (В печати).
- Пятаева Н. В., 1997. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em и *ber в истории русского языка // Этимология 1994–1996 / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука. С. 140–147.
- Пятаева Н. В., 2007. Генетическая парадигма «Давать // дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа. 643 с.
- Пятаева Н. В., 2009. Генетическая парадигма «Давать // дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка : монография : в 2 ч. Стерлитамак : Стерлитамакс. гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой. 320 с.
- Шевелева М. Н., 2016. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал*, *бивал*, *бирал* // Русский язык в научном освещении. № 2 (32). С. 71–90.
- Шевелева М. Н., 2019. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имюу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. № 6. С. 32–50. DOI: 10.31857/S0373658X0007545-8
- Шевелева М. Н., 2021. О глаголе *яти* и конструкциях *иму* + инфинитив по данным древнерусских памятников // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : сб. ст. к 70-летию акад. А.М. Молдована / под

ред. А. А. Пичхадзе [и др.]. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 31–50.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 4. М. : Знак, 2011. 328 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 14 / А. І. Жураўскі (гл. ред.). Мінск : Навука і тэхніка, 1996. 301 с.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Остр. Ев. – Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1843.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Р. И. Аванесов (гл. ред.). Т. 1. М. : Рус. яз., 1988. 526 с. ; Т. 2. 1989. 494 с. ; Т. 4. 1991. 559 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М. : Наука ; Азбуковник ; Нестор-история ; ЛЕКСРУС, 1975–2023 ; Вып. 2. М. : Наука, 1975 ; Вып. 6. М. : Наука, 1979 ; Вып. 32. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2023.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 / Ю. С. Сорокин (гл. ред.). Л. : Наука, 1985. 247 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Ф. П. Филин (гл. ред.). Л. : Наука, 1977. 368 с.

СУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1 (а – м) / Л. Л. Гумцька, І. М. Керницький (ред.). Київ : Наукова думка, 1977. 630 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 3 / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1976. 199 с.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol. Praha : Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

REFERENCES

Dobromyslova A.N., 1968. Glagol brat v ruskom yazyke [Verb “To Take” in Russian]. Barkhudarov S.G., ed. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian Historical Lexicology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 221–228.

Zaliznyak Anna A., 2006. *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and Ways of Representing It]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 672 p.

Paducheva E.V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics

of Lexis]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 608 p.

Pentkovskaya T.V., Shchegoleva L.I., Ivanov S.A., 2018. *Zhitie Vasiliya Novogo v drevneyshem slavyanskom perevode. T. 1. Issledovaniya. Teksty* [Life of Basil the New in the Oldest Slavic Translation. Vol. 1. Research. Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK Publ. 784 p.

Penkova Ya.A. Imam, imëyu, imayu, imu: konstruktсии s glagolami s kornem im-//em- v vostochnoslavjanskoy delovoy pismennosti XV v. [Imam, imëyu, imayu, imu: Structures with Verbs with the Root im-//em- in the 15th Century East Slavic Official Writing]. *Slovëne*. (In print).

Pyataeva N.V., 1997. Opyt dinamicheskogo opisaniya sinonimichnykh etimologicheskikh gnezd *em i *ber v istorii russkogo yazyka [Experience of Dynamic Description of Synonymous Etymological Nests *em and *ber in the History of the Russian Language]. Trubachev O.N., ed. *Etimologiya 1994–1996* [Etymology 1994–1996]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140–147.

Pyataeva N.V., 2007. *Geneticheskaya paradigma «Davat // dat → brat → vzyat → imet → nesti → davat» v istorii russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Genetic Paradigm “To Give → to Take → to Have → to Bear → to Give” in the History of the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Ufa. 643 p.

Pyataeva N.V., 2009. *Geneticheskaya paradigma «Davat // dat → brat → vzyat → imet → nesti → davat» v istorii russkogo yazyka: monografiya: v 2 ch.* [Genetic Paradigm “To Give → to Take → to Have → to Bear → to Give” in the History of the Russian Language. Monograph. In 2 Pts.]. Sterlitamak, Sterlitamaks. gos. ped. akad. im. Zaynab Biishevoy. 320 p.

Sheveleva M.N., 2016. K istorii grammaticheskoy semantiki form tira хаживал, бивал, бирал [Upon the History of the Grammatical Semantics of Verbal Forms Like хаживал, бивал, бирал in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (32), pp. 71–90.

Sheveleva M.N., 2019. O drevnerusskom glagole imëti, possessivnykh konstruktсийakh i slozhnom budushchem s imam’ / imou v rannikh vostochnoslavjanskikh tekstakh [On Old Russian Verb imëti, Possessive Constructions and Complex Future with imam’ / imou in Early East Slavic Texts]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 32–50. DOI: 10.31857/S0373658X0007545-8

Sheveleva M.N., 2021. O glagole yati i konstruktсийakh imu + infinitiv po dannym drevnerusskikh

pamyatnikov [On the Verb *yati* and the Constructions *imu* + Infinitive According to data from Ancient Russian Monuments]. Pichkhadze A.A., Yuryeva I.S., Mishina E.A., Mushinskaya M.S., Kagarlitskiy Yu.V., eds. *Slova, konstruktzii i teksty v istorii russkoy pismennosti: sb. st. k 70-letiyu akad. A.M. Moldovana* [Words, Constructions and Texts in the History of Russian Writing. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Academician A.M. Moldovan]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 31-50.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Anikin A.E. *Russkiy etimologicheskiy slovar. Vyp. 4* [Russian Etymological Dictionary. Iss. 4]. Moscow, Znak Publ., 2011. 328 p.
- Zhuražski A.I., ed. *Gistarychny sloŭnik belaruskay movy. Vyp. 14* [Historical Dictionary of Belorussian Language. Iss. 14]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1996. 301 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999, vol. 1. A–Y. 702 p.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Ostromirovo Evangelie 1056–1057 gg.* [Ostomir Gospel of 1056–1057]. Saint Petersburg, 1843.
- Avanesov R.I., ed. *Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian Language (11th – 14th Centuries)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., vol. 1, 1988. 526 p.; vol. 2, 1989. 494 p.; vol. 4, 1991. 559 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–32* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 16th Centuries. Iss. 1–32]. Moscow, Nauka Publ., Azbukovnik Publ., Nestor-istoriya Publ., LEKSRUS Publ., 1975–2023; iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975; iss. 6. Moscow, Nauka Publ., 1979; iss. 32. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, 2023.
- Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 2* [Dictionary of Russian Language of the 18th Century. Iss. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 247 p.
- Filin F.P., ed. *Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 12* [Dictionary of Russian Dialects. Iss. 12]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 368 p.
- Gumtska L.L., Kernitskiy I.M., eds. *Slovnnyk staroukrayinskoj movy XIV–XV st. T. 1 (a – m)* [Dictionary of Old Ukrainian Language of the 14th – 15th Centuries. Vol. 1 (a – m)]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1977. 630 p.
- Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskiy slovar slavjanskih jazykov (praslavyanskiy leksicheskiy fond). Vyp. 3* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Common Slavic Lexical Fund. Iss. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 199 p.
- Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol.* Praha, Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

Information About the Author

Yana A. Penkova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Tatarstan St, 2, 420021 Kazan, Russia, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

Информация об авторе

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Татарстан, 2, 420021 г. Казань, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.6>

UDC 811.161.1'04:81'367
LBC 81.411.2-03

Submitted: 30.08.2023
Accepted: 08.07.2024

OLD RUSSIAN SUBORDINATE CLAUSE WITH A PARTICIPLE AS THE ONLY PREDICATIVE: A DIACHRONIC ASPECT

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article investigates complex sentences, in the subordinate part of which the nominal active participle is the only predicative. Its relevance is expressed in the great importance of these constructions, in understanding the originality of Old Russian syntax in general and the features of the evolution of the syntactic functions of nominal active participles on the way of their transformation into gerunds in particular, and in the inconsistency of linguistic interpretation of their structure, functions, and genesis by various researchers. The study aims at providing comprehensive description of syntactic constructions with a nominal active participle as the only predicative and determination of the dynamics of their use throughout the history of the Russian language, starting with the written tradition up to the 18th century. To achieve the goal, descriptive, comparative-historical, and comparative-typological methods were applied to the analysis of literary texts of the 11th – 17th centuries, which enabled the identification of various conjunctions and connective words, used to provide joining a subordinate clause to the main part of the sentences under study. The types of participial clauses were identified; the reasons for their distribution in the Old Russian language were established, their originality was proved; the genesis, genre and stylistic marking, the reasons for the loss were determined, amid the elimination of simple preterit forms, the development of hypotaxis and the structure of a simple sentence.

Key words: nominative independent clause, participial predicative, finite form, hypotaxis, main predicative, participle, Old Russian language.

Citation. Kunavin B.V. Old Russian Subordinate Clause with a Participle as the Only Predicative: A Diachronic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 80-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.6>

УДК 811.161.1'04:81'367
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 30.08.2023
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИЧАСТИЕМ В РОЛИ ЕДИНСТВЕННОГО ПРЕДИКАТА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье исследуются древнерусские сложноподчиненные предложения, в придаточной части которых именное действительное причастие выступает в функции единственного предиката. Структура, функции и генезис таких предложений противоречиво трактуются в лингвистике. Актуальность работы обусловлена большой значимостью конструкций с причастием-предикатом для понимания своеобразия древнерусского синтаксиса в целом и особенностей эволюции синтаксических функций именных действительных причастий на пути их трансформации в деепричастия в частности. Цель исследования – комплексное описание синтаксических построений с именным действительным причастием как единственным предикатом и определение динамики их употребления на протяжении истории русского языка с начала письменной традиции вплоть до XVIII века. На материале литературных текстов XI–XVII вв. с применением описательного, сравнительно-исторического, сравнительно-типологического методов выявлено многообразие союзов и союзных слов, которые использованы для соединения главной части с придаточной в иссле-

двумя предложениями; охарактеризованы типы причастных клаузы; установлены причины их распространения в древнерусском языке; доказана их оригинальность; определены генезис, жанрово-стилистическая маркированность и причины утраты на фоне устранения простых претеритов, развития гипотаксиса и строя простого предложения.

Ключевые слова: именительный самостоятельный оборот, причастный предикат, финитная форма, гипотаксис, главный предикат, причастие, древнерусский язык.

Цитирование. Кунавин Б. В. Древнерусское придаточное предложение с причастием в роли единственного предиката: диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 80–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.6>

Введение

Сложноподчиненные предложения, в составе зависимой части которых в роли единственного сказуемого выступает именное действительное причастие, являются характерной особенностью древнеславянского синтаксиса. Составляя его далекую периферию, они, тем не менее, находили употребление в различных славянских языках – старославянском, древнерусском, древнепольском, древнечешском и др. Одним из первых на них обратил внимание А.Х. Востоков [Востоков, 1863, с. 109]. Основы их изучения заложил А.А. Потебня, утверждавший, что придаточная часть с причастием в вершине соединена с главной не непосредственно, а при помощи союзов или относительных слов [Потебня, 1958, с. 230]. Точка зрения А.А. Потебни была поддержана многими исследователями (см., например: [Белоруссов, 1901, с. 57; Истрина, 1919, с. 89; Пигин, 1955, с. 190; и др.]).

Данные конструкции представляли собой разновидность именительных самостоятельных оборотов (далее – ИС) [Кунавин, 2022] и характеризовались основным для ИС конститутивным признаком – общим субъектом главной и придаточной части [Потебня, 1958, с. 220; Miklošič, 1883, S. 823, 834–836]. Возможно, подобные обороты речи существовали уже в балто-славянский период, о чем свидетельствуют данные литовского языка, в котором причастное сказуемое в придаточной части сложноподчиненного предложения служит трансляции чужой речи. Однако в отличие от древнерусского языка в литовском языке они характеризуются наличием разных субъектов в глагольной и причастной частях. [Потебня, 1958, с. 224]. При этом так же, как и в случае с ИС, части которого соединены сочинительным союзом, в анализируемой кон-

струкции с причастным предикатом в придаточном предложении, присоединенном к главному посредством подчинительного союза или относительного слова при едином логическом субъекте в главной и придаточной частях подлежащие могут быть выражены разными словами, обозначая один и тот же субъект.

Семантическая связь между подлежащими ИС и глагольной части маркирует зависимость ИС от последней, поэтому возникает вопрос: с какой целью в придаточной части древнерусские книжники использовали причастное сказуемое, если указанная зависимость выражается относительными словами и подчинительными союзами?

А.Н. Стеценко справедливо утверждает, что причастный предикат в придаточной части представляет собой своеобразный индикатор ее зависимости от главной, однако ничего не говорит о роли относительных слов и подчинительных союзов [Стеценко, 1978, с. 4–5]. Большинство исследователей признают высокую степень предикативности причастного сказуемого в исследуемой конструкции [Потебня, 1958, с. 221; Будде, 1917, с. 63; Истрина, 1919, с. 87; Barnet, 1965, s. 163; Růžička, 1963, S. 198, 231; и др.].

Однако некоторые языковеды, находясь под впечатлением современного им языкового восприятия, не признают такие клаузы с причастием в вершине в качестве самостоятельных. Так, А. Вайан вслед за А.Х. Востоковым считал, что в подобных клаузах причастие употреблено вместо финитной формы в изъявительном наклонении. Между тем уже А.А. Потебня скептически относился к подобному суждению, возражая А.Х. Востокову: «...справедливо разве в обратном смысле, что позже здесь ставилось изъявительное» [Потебня, 1958, с. 210]. Е.А. Карский и Ф. Травничек утверждали, что в данных кла-

узах при причастии опущен вспомогательный глагол. Однако А.А. Потебня обоснованно протестовал против таких допущений [Потебня, 1958, с. 221]. Наличие указанных суждений свидетельствует о недостаточной разработке проблемы в трудах классиков славистики, не исследуется она и в современных работах. Так, в трудах, посвященных истории причастий, указанные конструкции не анализируются [Абдулхакова, 2007; Сахарова, 2007; Эгипти, 2002]. Определенные сведения по данной проблеме содержатся лишь в нашей докторской диссертации [Кунавин, 1993].

Актуальность статьи заключается в существенной значимости указанных оборотов в истории русского синтаксиса, в раскрытии его своеобразия, в определении общего направления истории развития именных действительных причастий на пути их преобразования в деепричастия, в противоречивом толковании их структуры в языковедческой литературе.

Цель работы – комплексное описание синтаксических построений с именным действительным причастием как единственным предикатом и определение динамики их употребления на протяжении истории русского языка, начиная с письменной традиции вплоть до XVIII в., стилистической принадлежности, особенностей генезиса и причин утраты на фоне устранения простых претеритов, а также развития гипотаксиса и строя простого предложения.

Материал и методы

В работе в качестве основных применялись описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический методы. Материалом исследования послужила личная картотека автора, составленная методом сплошной выборки из памятников литературы Древней Руси XI–XVII вв. сложноподчиненных предложений, в зависимой части которых в роли единственного сказуемого выступает именное действительное причастие.

Исследованные обороты в синтаксической системе причастий занимали на всех этапах истории русского языка употреблялись необычайно редко, так как уже к началу письменной традиции были вытеснены конструкциями с финитными формами глаголов.

В общей сложности картотека включает 207 примеров, что составляет около 1 % от общего количества конструкций с именными действительными причастиями в именительном падеже. Наибольшая употребительность была им свойственна в XI–XII вв., что свидетельствует о их архаичности. В картотеке имеется 33 контекста из памятников письменности XI–XII вв. и 43 – из текстов XII века. При этом важно подчеркнуть, что в текстах указанного периода исследуемые конструкции характеризовались также значительным структурным многообразием. В текстах XIII в. употребительность указанных оборотов снижается – 22 примера; XIV в. – 22; XV – 19; в текстах XVI в., массив которых в 3 раза выше, чем в памятниках XII в., – 58 случаев. В текстах XVII в. было выявлено 45 примеров употребления исследуемых конструкций. С учетом того, что объем указанных текстов в 4 раза выше, чем объем текстов XII в., можно сделать вывод, что анализируемые обороты в XVII в. использовались в 4 раза реже, чем в XII в., и в 2 раза реже, нежели в XVI веке. Следовательно, в XVII в. зачастую уже с несогласованными формами причастий (деепричастиями) исследуемые синтаксические построения почти полностью утратились.

Результаты жанрово-стилистического анализа конструкций с придаточной частью с причастием в вершине показали, что наибольшее употребление она находила в летописных погодных записях (Галицко-Волынская, Лаврентьевская и др.), повестях (летописные повести о походе князя Игоря и другие фрагменты Повести временных лет, Казанская история, Повесть о Савве Грудцыне и др.), менее употребительна эта конструкция в памятниках с народными особенностями языка (Поучение Владимира Мономаха, Послания Ивана Грозного, сочинения Аввакума и др.). То, что анализируемая конструкция находила употребление в древнерусских памятниках, отражающих живую разговорную речь, подтверждается данными русских диалектов. Единично они встречаются в житиях (Житие Феодосия Печерского, Житие Сергия Радонежского и др.), в посланиях, словах, поучениях, хождениях и др., в переводных текстах (Девгениево деяние, Из «Римских деяний», Из «Измарагда»,

Повесть о Варлааме и Иосаафе и др.). Все-го было проанализировано свыше 100 произведений.

Результаты и обсуждение

Именные действительные причастия настоящего времени, находящиеся в вершине зависимой клаузы сложноподчиненного предложения, выражают действие, одновременное с действием финитной формы в роли сказуемого главной части. Формы прошедшего времени в той же роли в препозиции относительно глагольной части обозначают действие, предшествующее действию предиката в спрягаемой форме, в постпозитивном положении анализируемые причастные предикаты обозначают результат действия главного предиката. Таким образом, наблюдается полная аналогия с одноподлежащими оборотами с причастием в роли второстепенного сказуемого [Кунавин, 1993].

Среди анализируемых причастных клауз было выявлено восемь типов.

В конструкциях первого типа в главной части в роли сказуемого выступает глагол *быти*, при котором отсутствует подлежащее, а в придаточной – причастный предикат в форме настоящего времени как совершенного, так и несовершенного вида. Правомерность квалификации таких оборотов в качестве сложноподчиненных предложений впервые обосновал А.А. Потебня [1958, с. 203–209]. Затем эта точка зрения была поддержана многими отечественными и зарубежными языковедами [Gebauer, 1929, s. 598; Růžička, 1963, S. 231; и др.].

В исследованных текстах встретилось восемь таких конструкций: 7 – в памятниках XI–XIII вв. и одна – в тексте XVI века. Три оборота с причастиями совершенного вида, причем глагольный предикат в двух случаях выражен формой аориста и однажды – формой настоящего времени:

(1) ...А о наших **не бысть кто** и **вѣсть принеса** (ПЛДР, вып. 2, с. 368);

(2) ...И **нѣсть кто помилуя** их (ПЛДР, вып. 7, с. 66).

Впрочем, с учетом особенностей развития категории вида в древнерусском языке о совершенном виде подобных причастий мож-

но говорить лишь со значительной долей условности (см. об этом: [Budich, 1969]).

В пяти конструкциях причастия употреблены в форме несовершенного вида:

(3) ...**Нѣсть, кѣто** воды **нося** (ПЛДР, вып. 1, с. 342);

(4) По смерти же великаго князя Болеслава **не бысть кто княжа** в Лядьской земли (ПЛДР, вып. 3, с. 374).

В свое время В. Ягич, исходя из современного ему языкового восприятия, не учитывал в данном обороте специфику относительного слова и определял причастие в качестве предикатива при глагольной связке [Jagič, 1899, S. 68]. И.И. Срезневский считал, что причастие здесь подверглось субстантивации и выступает в роли подлежащего [Срезневский, 1959, с. 59]. Однако подобные трактовки причастия были убедительно отвергнуты [Потебня, 1958, с. 209; Růžička, 1963, S. 31]. Причем А.А. Потебня приводит такие конструкции не только из древнерусского языка, но и древнечешского, и древнепольского [Потебня, 1958, с. 203].

В конструкциях второго типа зависимая часть с причастным предикатом соединяется с главной при помощи относительного слова в форме именительного падежа. Предикат главной части может быть выражен как глаголом (обычно в форме инфинитива или, реже, императива), так и именем. Если он обозначен глаголом *быти*, то при нем (в отличие от структур первого типа) непременно наличествует подлежащее. Такие конструкции в древнерусском языке употреблялись от начала письменной традиции до XVII века.

В исследованных материалах встретилось 23 примера с указанными оборотами: 12 с формами причастий прошедшего времени и 11 – настоящего. Наиболее часто причастная клауза присоединяется к глагольной посредством относительного слова *иже*, являющегося подлежащим при причастном сказуемом [Александров, 1958, с. 153; Růžička, 1963, S. 230]. Генетически оно является результатом объединения указательного местоимения *и, я, е* с союзом *же* и функционально совпадает с относительными словами *который, что, кто* [Потебня, 1958, с. 210; Карский, 1913, с. 71]. При этом проблема проис-

хождения лексемы *иже* (*яже, еже*) до настоящего времени не решена. Некоторые языковеды возводят ее к греческому языку [Буслаев, 1844, с. 316; Алимпиева, Ваулина, 1980, с. 57], Ф. Александров считает ее индоевропейской, унаследованной из праславянского языка отдельными славянскими языками [Александров, 1958, с. 153].

Причастная часть указанного типа обычно располагается после главной:

(5) И се **видѣша** вси **мниси**, **иже** къ заутрени **идуше** (ПЛДР, вып. 2, с. 444);

(6) Где **есть** **Василий** царь, **иже** **имея** желание видетесь со мною? (ПЛДР, вып. 3, с. 62).

В придаточной части изредка могли располагаться два причастия:

(7) Се **есть** добротазумный **другъ** и благий, **иже** горкое наше добротазитие в память **износя** и с лихвою намъ вся **отдаваа** (ПЛДР, вып. 2, с. 203).

В подобных случаях трудно установить предикативный центр: то ли причастные предикаты являются однородными, то ли один из них зависит от другого.

Необычайно редко придаточная часть с причастием в вершине могла находиться в препозиции относительно главной части или располагаться в ее интерпозиции:

(8) **Иже** бо не **видѣвъ** тоа радости въ ть день, **то не иметь** въѣры сказающим (ПЛДР, вып. 2, с. 112);

(9) **Те** же паки, **иже** **чтяще** боги, на три роды **разделяются** (ПЛДР, вып. 2, с. 214).

Чрезвычайно редко употребляются в данной конструкции другие относительные слова: *который, каков, какой, елицы, чьто, кьто*. Это объясняется их принадлежностью деловой речи, для книжных текстов они не характерны [Сумкина, 1954, с. 172]. В проанализированном литературном материале в указанном типе оборотов с подобными словами встретился всего один пример:

(10) То же **слышавше** новгородстии **людие**, **бояре** их, и **посадници**, и **тысяцкие**, и житии **люди**, **котори не хотяще** первого своего обычая и крѣстнаго цѣлования **преступити**, ради быша вси сему (ПЛДР, вып. 4, с. 380).

Особенностью приведенной конструкции в (10) является зависимость придаточной ча-

сти с причастным предикатом от именительного самостоятельного оборота, причем субъект придаточной части *котори* складывается из суммы субъектов именительного самостоятельного, а субъект главного предложения, к которому относится именительный самостоятельный, также представляет собой сумму субъектов именительного самостоятельного. Случаи употребления подобных конструкций в древнерусском языке приводит А.А. Потебня [1958, с. 220].

Характерной приметой конструкций третьего типа представляется соединение придаточной клаузы с причастием в вершине с главной посредством относительного местоимения в прямом падеже и относительного местоимения в косвенном:

(11) ...А **они** и сами **бежаша** друг друга бяуще, **кои с кого мога** (ПЛДР, вып. 5, с. 390).

Употребление таких оборотов в литературном языке редко, это объясняется их тяготением к разговорной речи, на что уже указывал В. Ягич, приводя соответствующие примеры русских пословиц: *Кто кого смога, тот того в рога* [Ягич, 1899, S. 69]. Такие конструкции употреблялись и в украинских грамотах [Коломиец, Мельничук, 1957, с. 203; Безпалько и др., 1962, с. 395].

В конструкциях четвертого типа придаточная часть с причастием в вершине соединяется с главной при помощи относительного местоимения в косвенном падеже. В. Ягич и Р. Вечерка, исходя из современного им языкового восприятия, считали причастие в придаточной части компонентом составного сказуемого с опущенной связкой [Ягич, 1899, S. 68; Večerka, 1959, S. 41]. Между тем уже А.А. Потебня, а позже Р. Ружичка аргументированно отвергли подобное допущение [Потебня, 1958, с. 211; Růžička, 1963, S. 198].

Эти обороты речи в исследованных текстах были употреблены 11 раз. В пяти конструкциях связь между главной и придаточной частью осуществляется посредством относительного местоимения *иже*. Причастное сказуемое могло быть как в форме настоящего, так и прошедшего времени, причем преобладают конструкции с причастием настоящего времени:

(12) ...И все **еже** **имея**, на церковную потребу истроши (ПЛДР, вып. 2, с. 508);

(13) ...Начать повѣдати женѣ своей великая чюдеса Христова, **яже видѣвъ** (ПЛДР, вып. 3, с. 228).

Иногда данное местоимение употребляется в несогласованной форме, что указывает на его постепенную утрату (см. об этом.: [Александров, 1958, с. 154]):

(14) Обаче же уже на първое съповѣдание възвратимся, **яже** (вместо *еже*) о блаженѣмъ Феодосии **исповѣдающе** (ПЛДР, вып. 1, с. 366).

Иные относительные местоимения для данной связи используются единично:

(15) Володимеръ же из Берестья посла к нимъ жито в лодьяхъ по Бугу с людьми с добрыми, **кому вѣбря** (ПЛДР, вып. 3, с. 374);

(16) ...Яко велику честь приялъ от царя, **при которомъ приходивъ** цари (ПЛДР, вып. 2, с. 20);

(17) ...А завѣтра приношаху по ней, **что владуче** (ПЛДР, вып. 2, с. 30).

В конструкциях пятого подтипа придаточная причастная клауза соединяется с главной посредством относительного наречия и относительного местоимения:

(18) ...И начаша избивати татарь, **где которого застропивъ** (ПЛДР, вып. 4, с. 64), (ед. ч. вм. множ.);

(19) ...А друзии разбѣгошася, **камо кто видя** (ПЛДР, вып. 4, с. 64).

Характерной чертой конструкций шестого типа является осуществление связи придаточной причастной части с главной глагольной посредством относительного наречия:

(20) ...Не вѣдяху бо, **камо бѣжаще** (ПЛДР, вып. 3, с. 238);

(21) ...И прозвашася имены своими **гдѣ сѣдше** на которомъ мѣстѣ (ПЛДР, вып. 2, с. 24).

В конструкциях седьмого типа придаточная причастная клауза соединяется с глагольной главной частью при помощи подчинительного союза. Такие конструкции среди анализируемых оборотов многочисленны (75 случаев). Наиболее активен в указанной функции полисемантический союз *яко*, выражающий следующие значения между частями исследуемой конструкции:

временное:

(22) **Яко пришедше** сѣдоша на рѣцѣ именьемъ Марава (ПЛДР, вып. 2, с. 24);

изъяснительное:

(23) Сий же кленяшеся, **яко** николи же **читавъ** книгъ (ПЛДР, вып. 2, с. 520);

сравнительное:

(24) **Яко** же николи же **боле**в поиде ко образу (ПЛДР, вып. 10, с. 53);

причинное:

(25) ...И надълзѣ плакастася, **якоже** много врѣмья **не видѣвъшася** (ПЛДР, вып. 1, с. 342);

атрибутивное:

(26) Азь же молебные глаголы со слезами глаголахъ ей, **якоже** и вы **слышавше** (ПЛДР, вып. 10, с. 53);

причинно-целевое:

(27) Се бо на ны богъ попусти поганья, **не яко милуя** ихъ, но нас кажа (ПЛДР, вып. 2, с. 232).

Вторым по степени употребительности в данной функции является однозначный союз *егда* (17 употреблений), например:

(28) ...Ту паки на осля всѣл Христос, **егда** Лазаря **въсресивъ** (ПЛДР, вып. 2, с. 44).

В приводимой ниже конструкции один и тот же субъект в придаточном и главном предложениях манифестирован тождественными подлежащими:

(29) А **егда постився Христосъ** надъ Ерданомъ (своима очима видѣлъ есмь постницу его), сто фупник **Христос** посадил (ПЛДР, вып. 4, с. 46).

Такой повтор подлежащих обусловлен разделением главной и придаточной частей вставным (вводным) предложением. Гипотаксис в древнерусском языке только формировался под влиянием старославянского языка, а в последнем не без воздействия греческого. Однако подчинительные в современном понимании средства связи (относительные слова и подчинительные союзы), обозначая разнообразные смысловые отношения между главным

и придаточным предложениями, еще не были достаточными для выражения грамматической зависимости придаточной части от главной. Нередко с точки зрения современного языкового восприятия являющиеся гипотактическими синтаксические конструкции были слабо дифференцированы от соответствующих паратактических, о чем свидетельствует использование для связи главной части с придаточной наряду с подчинительным союзом сочинительного, а иногда и такого архаичного способа, как повторение одинаковых подлежащих для выражения одного и того же субъекта, подобно примеру (29). На недостаточное развитие гипотаксиса в древнерусском языке указывают и многочисленные обороты, в которых главное (глагольное) и второстепенное (причастное) сказуемые соединяются посредством сочинительного союза. Наиболее часто анализируемые конструкции с союзом *егда* встречаются в памятниках XVI–XVII веков.

В отличие от книжного союза *егда*, высоко употребительного в анализируемой функции, временной союз *когда* в исследуемых конструкциях встретился всего дважды:

(30) Притча къ мужемъ, иже от бѣдъ **когда** спасшеся благодателемъ же сицевая воздают злобою благодать (ПЛДР, вып. 11, с. 54);

(31) Адамъ **когда** прьвозданный женѣ **покорився**, из раа изгнан бысть (ПЛДР, вып. 2, с. 544).

Относительно высокую динамику в исследованных материалах показал в данной функции книжный союз *аще*, транслирующий условную семантику:

(32) Сыну, **аще** въ знаемых людехъ **сѣдѣ**, худобы своя не являй (ПЛДР, вып. 2, с. 254).

Придаточные причастные предложения с книжным союзом *акы* обычно имеют сравнительное значение:

(33) И тако идяшьеть назадъ с великою гордостью, **аки** всю землю **вземъ** (ПЛДР, вып. 3, с. 380).

Значительно реже указанный союз выражал семантику причины:

(34) ...По верху гроба его дѣсками деревянными вышши лакти покрыша, **аки** **вѣровавшие** добръѣи жизни его (ПЛДР, вып. 5, с. 372).

Союз *како* в исследуемой функции выражает изъяснительное значение:

(35) Слыши, сыне мой, про царя Давида, **како** блуда ради **хотя** смерть **приятн** (ПЛДР, вып. 4, с. 494).

Лишь однажды данный союз в исследуемых конструкциях встретился с семантикой времени:

(36) А **как** **пришедши** князи Рязполовские начаша говорити... (ПЛДР, вып. 4, с. 514).

Несколько реже союза *како* с изъяснительной семантикой в анализируемых оборотах речи встречается союз *что*:

(37) И нерцы, **что** злотворя (ПЛДР, вып. 3, с. 460).

Союзы *занеже* и *понеже* в исследуемых конструкциях выражают семантику причины:

(38) **Понеже** сами **имуше** совесть непостоятельную и крестопреступную и малаго ради блистания злата прременну, се убо и нам **совѣтуете** (ПЛДР, вып. 8, с. 58).

Конструкции с союзом *елико* выражают семантику степени:

(39) Сыну, его же богъ обогатить, то не звиди ему, но боле, **елико** **мога**, почѣсти и (ПЛДР, вып. 2, с. 256).

Придаточные предложения с союзом *рекше*, синонимичным современному *то есть*, имеют пояснительное значение:

(40) Отець бо сего Володимеръ землю взора и умягчи, **рекше** крещеньемъ **просвѣтивъ** (ПЛДР, вып. 2, с. 166).

Конструкции восьмого типа характеризуются тем, что в них придаточная часть с причастием в вершине связывается с глагольной частью без участия подчинительного союза, однако семантика придаточной части отчетливо указывает на ее зависимое положение от главной:

(41) Половци же видѣвши **одолевше** (= увидев, что одолели) пустиша (ПЛДР, вып. 2, с. 230);

(42) ...Другъй же страха ради пред архиерѣи с клятвою отвержеся, **не зная** тебе человѣка (ПЛДР, вып. 2, с. 312).

Следует заметить, что такое бессоюзное соединение придаточной части предложения с главной впервые в русистике отметил Ф.И. Буслаев, указав на его архаичность [Буслаев, 1844, с. 316–317]. Многие исследователи также обоснованно видели в таких конструкциях остаток глубокой древности, когда еще отсутствовали соответствующие средства подчинительной связи [Корш, 1877, с. 16; Белоруссов, 1901, с. 36; Сумкина, 1954, с. 142]. Согласно наблюдениям А.И. Сумкиной, количество подобных оборотов без союзных слов и союзов в древнерусских письменных памятниках незначительно, чаще они имеют место в диалектах [Сумкина, 1954, с. 142]. Примечательно, что такое своеобразие диалектного синтаксиса отмечал еще В. Мансикка [1912, с. 279]. В древнерусских литературных материалах встретилось всего пять указанных конструкций.

Важно подчеркнуть, что субъект главной и придаточной частей обычно был один и тот же. Только в 18 конструкциях из 207 субъекты причастной и глагольной частей являются разными: в памятниках XI–XII вв. было обнаружено всего 4 конструкции, XIII в. – 1, XIV в. – 1, XV в. – 2, XVI в. – 1, XVII в. – 8:

(43) И сему чюду дивуемъся, **како** от персти **создавъ** (господь) челоуѣка (ПлДР, вып. 1, с. 398).

При этом следует учитывать, что чем ближе к нашему времени, тем объем текстов больше.

Таким образом, исследованные синтаксические конструкции на всех этапах истории русского языка сохраняли односубъектность причастной придаточной части и главной глагольной. На фоне трансформирования именных действительных причастий в деепричастия и устранения исследованных оборотов из синтаксической системы древнерусского языка незначительное усиление динамики употребления разносубъектных оборотов в памятниках XVII в. следует рассматривать не как эволюцию типа, а как утрату им своего дифференциального признака.

Заключение

Придаточное предложение с именным действительным причастием в вершине в древнерусском языке соединялось с главной

глагольной частью удивительным многообразием союзных слов и союзов, а само предложение характеризовалось значительным конструктивным богатством. Данный факт убедительно свидетельствует о том, что исследованные конструкции не являются случайностью или эпизодическим отклонением от хорошо известных традиционных синтаксических построений, а знаменуют собой оригинальное явление древнерусского синтаксиса. Однако к началу письменной традиции такие обороты речи были уже глубоко архаичными, что подтверждается не только чрезвычайной редкостью их употребления, но и вплоть до XVII в. почти полным отсутствием в придаточной части несогласуемого причастного предиката.

Генезис проанализированных синтаксических структур был обусловлен потребностью однозначного выражения подчинительных отношений между второстепенным и главным сказуемыми. Их развитие восходит к соответствующим односубъектным бессоюзным структурам, отличающимся неоднозначностью выражаемых отношений. Данное утверждение обосновывается последовательной односубъектностью второстепенного и главного предикатов в составе изученной конструкции. Именно односубъектность была особенностью бессоюзных оборотов с именным действительным причастием в функции второстепенного сказуемого. По причине неразвитого гипотаксиса в древнерусском языке они в определенной мере восполняли недостаток в истинных предложениях, в грамматическом смысле занимая промежуточное место между широко распространенными бессоюзными причастными оборотами и глагольными придаточными предложениями, соединенными с главными при помощи союза или относительного слова. Именно развитие средств выражения подчинительной связи между главным и придаточным предложениями стало основной причиной устранения исследованных конструкций из древнерусского языка. Во все периоды его истории они были принадлежностью книжных жанров и стилей, о чем свидетельствует и сугубо литературный характер союзных слов и союзов, используемых для их связи с главной глагольной частью. Однако ограниченное использование для данной связи подчинительных средств с народными чертами,

редкое использование оборотов с деепричастиями на месте древнерусских причастий в русских и украинских диалектах (*нидписуе, що поповши, робить, як здумавши*) позволяют предположить, что такие конструкции не были чужды и народной речи.

В литовском языке подобные конструкции сохранились, видимо потому, что приобрели особый модальный оттенок, получив специфическое значение, отличное от семантики финитной формы.

При дальнейшем изучении данных оборотов в древнерусском языке важно их сопоставление с соответствующими глагольными с целью выявления сходств и различий в их семантике, прагматике. Существенно проведение сравнительного исследования указанных конструкций с такими же оборотами в других древнеславянских языках, что поможет более глубокому осознанию их сущности и функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулхакова Л. Р., 2007. Категория деепричастия в русском языке. Казань : Казан. гос. ун-т. 186 с.
- Александров Ф., 1958. О значениях и функциях местоимений «который», «иже» и «кый» в основных памятниках древнеболгарского языка // Славистичен сборник. По случай IV международен конгрес на славистите в Москва. Т. 1. Езикознание. София : Издание на Българската Академия на науката. С. 146–163.
- Алимпиева Р. В., Ваулина С. С., 1980. К вопросу о функционировании относительных конструкций в древних славянских языках // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. С. 53–58.
- Безпалько О. П., Бойчук М. К. и др., 1962. Исторична граматика української мови. Київ : Видавництво Радянська школа. 510 с.
- Белоруссов И., 1901. Синтаксис русского языка в исследованиях Потемни. Орел : Тип. Хализева. 258, XIV с.
- Будде Е. Ф., 1917. Вопросы методологии русского языкознания : пособие для преподавателей рус. яз. в сред. шк. и для самообразования. Казань : Кн. маг. М. А. Голубева 169 с.
- Буслаев Ф. И., 1844. О преподавании отечественного языка. Ч. 1. М. : Унив. тип. 336 с.
- Востоков А. Х., 1863. Грамматика церковнославянского языка. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. 135 с.
- Истрина Е. С., 1919. Синтаксические явления I Новгородской летописи // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Кн. 2. С. 1–172.
- Карский Е. Ф., 1913. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским. Варшава : Тип. Варшав. учеб. окр. 104 с.
- Коломиец В. Т., Мельничук А. С., 1957. Fr. Trávníček. Historická mluvnice česka. III. Praha, SPN, 1956 // Вопросы языкознания. № 5. С. 145–151.
- Корш Е. Ф., 1877. Способы относительного подчинения : Глава из сравнительного синтаксиса. М. : Унив. тип. (Катков). 110 с.
- Кунавин Б. В., 1993. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 702 с.
- Кунавин Б. В., 2022. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>
- Мансикка В., 1912. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии // Русский филологический вестник. № 4. С. 271–279.
- Пигин М. И., 1955. Причастное сказуемое в древнерусском языке, выраженное нечленным действительным причастием // Ученые записки Карело-Финского университета. Т. 5, вып. 1. С. 175–201.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 536 с.
- Сахарова А. В., 2007. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: Критерии распределения предикаций на причастные и финитные в Комиссионном списке Новгородской первой летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Срезневский И. И., 1959. Мысли об истории русского языка. М. : Учпедгиз. 135 с.
- Стеценко А. Н., 1978. История именных действительных причастий и образование деепричастий в русском языке // Проблемы стилистики и лексики русского языка. М. : [б. и.] С. 3–11.
- Сумкина А. И., 1954. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды института языкознания АН СССР. Т. 5. С. 139–202.
- Эгипти И. А., 2002. Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в. : дис. ... канд. филол. наук. М. 192 с.
- Barnet V., 1965. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Praha. Universita Karlova. 191 s.
- Budich W., 1969. Aspekt und verbale Zeitlichkeit in der 1. Novgoroden Chronic. Graz : [s. n.]. 288 S.

- Gebauer I., 1929. *Historická mluvnice jazyka češkeho*. Dil. 4. Praha : [s. n.]. 763 s.
- Jagič V., 1899. Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46. Wien. 88 S.
- Miklošič F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošič. Band 4. Syntax. Wien : [s. n.]. 895 S.
- Růžička R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanskich konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1 // Sbornik praci filosof. fak. Brnenske university. Ročník 8. Rady jazykovedne. A. 7. S. 37–49.
- Bezпalko O.P., Boychuk M.K. et al., 1962. *Istorychna gramatyka ukrayinskoyi movy* [Historical Grammar of the Ukrainian Language]. Kyiv, Vydavnyctvo Radyanska shkola. 510 p.
- Belorussov I., 1901. *Sintaksis russkogo yazyka v issledovaniyakh Potebni* [Syntax of the Russian Language in Potebny's Studies]. Orel, Tip. Khalizeva. 258, XIV p.
- Budde E.F., 1917. *Voprosy metodologii russkogo yazykoznanija: posobiye dlya prepodavateley rus. yaz. v sred. shk. i dlya samoobrazovaniya* [Questions of Methodology of Russian Linguistics]. Kazan, Kn. mag. M. A. Golubeva. 169 p.
- Buslaev F.I., 1844. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Ch. 1* [About Teaching the National Language. Pt. 1]. Moscow, Univ. tip. 336 p.
- Vostokov A.Kh., 1863. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka* [Grammar of Church Slavonic]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk. 135 p.
- Istrina E.S., 1919. Sintaksicheskie yavleniya I Novgorodskoy letopisi [Syntactic Phenomena of 1st Novgorod Chronicle]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk. Kn. 2* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences. Book 2], pp. 1-172.
- Karskiy E.F., 1913. *Grammatika drevnego cerkovnoslavyanskogo yazyka sravnitelno s russkim* [Grammar of the Ancient Church Slavonic Language in Comparison with Russian]. Varshava, Tip. Varshav. ucheb. okr. 104 p.
- Kolomiets V.T., Melnichuk A.S., 1957. Fr. Trávníček. *Historická mluvnice česka. III. I. Praha, SPN, 1956. Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 145-151.
- Korsh E.F., 1877. *Sposoby otnositelnogo podchineniya. Glava iz sravnitel'nogo sintaksisa* [Methods of Relative Subordination: Chapter from Comparative Syntax]. Moscow, Univ. tip. (Katkov). 110 p.
- Kunavin B.V., 1993. *Funktsionalnoe razvitie sistemy prichastiy v drevnerusskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Functional Development of the Participle System in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 702 p.
- Kunavin B.V., 2022. Prichastnaya klauza v istorii russkogo yazyka [The Participial Clause in the History of the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 76-87. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

ИСТОЧНИК

ПДР – Памятники литературы Древней Руси : в 12 вып. / сост. и общ. ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М. : Худ. лит. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 4. 1981. 606 с. ; Вып. 5. 1982. 688 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 8. 1986. 640 с. ; Вып. 10. 1988. 704 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Abdulkhakova L.R., 2007. *Kategoriya deeprichastiya v russkom yazyke* [Gerunds Category in Russian]. Kazan, Kazan. gos. un-t. 186 p.
- Aleksandrov F., 1958. O znacheniyakh i funktsiyakh mestoimeniy «kotoryy», «izhe» i «kyu» v osnovnykh pamyatnikakh drevnebolgarskogo yazyka [On the Meanings and Functions of the Pronouns “Which”, “Like” and “Ky” in the Main Monuments of the Old Bulgarian Language]. *Slavistichen sbornik. Po sluchay IV mezhdunaroden kongres na slavistite v Moskva. T. 1. Ezikoznanie* [On the Occasion of the 4th International Congress of Slavists in Moscow. Vol. 1. Linguistics]. Sofiya, Izdanie na Bălgarskata Akademiya na naukita, pp. 146-163.
- Alimpieva R.V., Vulina S.S., 1980. K voprosu o funktsionirovanii otnositelnykh konstruksiy v drevnikh slavyanskikh yazykakh [On the Question of the Functioning of Relative Constructions in the Ancient Slavic Languages]. *Sravnitelno-istoricheskie issledovaniya russkogo yazyka* [Comparative and Historical Studies of the Russian Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, pp. 53-58.

- Mansikka V., 1912. Govor Gryazovetskogo uezda Vologodskoy gubernii [Dialect of the Gryazovetsky District of the Vologda Province]. *Russkiy filologicheskiy vestnik* [Russian Philological Bulletin], no. 4, pp. 271-279.
- Pigin M.I., 1955. Prichastnoe skazuemoe v drevnerusskom yazyke, vyrazhennoe nechlennym deystvitelnym prichastiem [Participle Predicate in the Old Russian Language, Expressed by a Non-Membered Real Participle]. *Uchenye zapiski Karelo-Finskogo universiteta* [Scientific Notes of the Karelo-Finnish University], vol. 5, iss. 1, pp. 175-201.
- Potebnya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1–2* [From Notes on Russian Grammar. Vols. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz. 536 p.
- Sakharova A.V., 2007. *Sintaksis i pragmatika prichastnogo oborota v drevnerusskoy letopisi: Kriterii raspredeleniya predikatsiy na prichastnye i finitnye v Komissionnom spiske Novgorodskoy pervoy letopisi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syntax and Pragmatics of the Participial Turnover in the Old Russian Chronicle: Criteria for the Distribution of Predications into Participial and Finite in the Commission List of the Novgorod First Chronicle. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 20 p.
- Sreznevskiy I.I., 1959. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz. 135 p.
- Stecenko A.N., 1978. Istoriya imennykh deystvitelnykh prichastiy i obrazovanie deeprichastiy v russkom yazyke [History of Nominal Real Participles and the Formation of Gerunds in Russian]. *Problemy stilistiki i leksiki russkogo yazyka* [Problems of Stylistics and Vocabulary of the Russian Language]. Moscow, s.n., pp. 3-11.
- Sumkina A.I., 1954. K istorii otnositelnogo podchineniya v russkom yazyke XIII–XVII vv. [On the History of Relative Subordination in the Russian Language of the 13th – 17th Centuries]. *Trudy instituta yazykoznanija AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. 5, pp. 139-202.
- Egipti I.A., 2002. *Svobodnye i nesvobodnye prichastnye i deeprichastnye konstrukcii v russkom literaturnom yazyke vtoroj poloviny XVIII v.: dis. ... kand. filol. nauk* [Free and Non-Free Participial and Participle Constructions in the Russian Literary Language of the Second Half of the 18th Century. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 192 p.
- Barnet V., 1965. *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha, Univerzita Karlova. 191 s.
- Budich W., 1969. *Aspekt und verbale Zeitlichkeit in der 1. Novgoroden Chronic*. Graz, s.n. 288 S.
- Gebauer I., 1929. *Historická mluvnické jazyka češského. Díl. 4*. Praha, s.n. 763 s.
- Jagič V., 1899. *Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46*. Wien. 88 S.
- Miklošich F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošich. Band 4. Syntax*. Wien, s.n. 895 S.
- Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen*. Berlin, Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genesi slovanských konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1. *Sborník prací filosof. fak. Brněnské university. Ročník 8. Rady jazykovedne, A. 7*, pp. 37-49.

SOURCE

- Dmitriev L.A., Likhachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: v 12 vyp.* [Written Records of Ancient Russia. In 12 Iss.]. Moscow, Hud. lit., iss. 1, 1978. 463 p.; iss. 2, 1980. 704 p.; iss. 3, 1981. 616 p.; iss. 4, 1981. 606 p.; iss. 5, 1982. 688 p.; iss. 7, 1985. 624 p.; iss. 8, 1986. 640 p.; iss. 10, 1988. 704 p.; iss. 11, 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, North Ossetian State University, Vatutina St, 46, 362025 Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, ул. Ватутина, 46, 362025 г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.7>

UDC 811.161.1'04:514
LBC 81.411.2-03

Submitted: 12.02.2024
Accepted: 08.07.2024

GEOMETRIC TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE EARLY 17th CENTURY (EXEMPLIFIED BY “CHARTER OF MARTIAL, CANNON AND OTHER MATTERS RELATED TO MILITARY SCIENCE”)¹

Dmitry V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Milyausha G. Sharikhina

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia;
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines linguistic means of representing geometric terminology in the Russian translated written records of the early 17th century “Charter of Martial, Cannon and Other Matters Related to Military Science”. The text of the military treatise *Kriegsbuch* (1573) by L. Fronsperger served as a source for the Russian text. The undertaken contrastive analysis of German and Russian texts resulted in the conclusion that Russian translators, when rendering German terms into Russian, mainly followed the strategy of domestication with the focus on the system of nominations that existed in the Russian language of that time. If there were correlated concepts in Russian, relatively stable ways of conveying them were used: *Punct – stat’ya (article)*, *Linie – cherta, chertezh (line)*, *Winckel – ugol (angle)*, *Tryangel – tregranets (triangle)*, etc. In the absence of equivalents, the translator could transliterate a foreign word and simultaneously use the words of the native language that are close in meaning: *Diameter* is expressed as *diamet(er)*, *razmer*, *mera*. If the translator failed to give the appropriate Russian analogue or explanation, a word could have been omitted or rendered based on the information in the drawing (*Centro*, *Hipotenusa*, *Cathetus*, etc.). The lack of developed and generally accepted geometric terminology and models of scientific narration missing in the Russian language of the early 17th century hindered the translator’s striving for increased readability of the text.

Key words: Russian language, 17th century, German language, terminology, geometry, translation, domestication.

Citation. Rudnev D.V., Sharikhina M.G. Geometric Terminology in the Russian Language of the Early 17th Century (Exemplified by “Charter of Martial, Cannon and Other Matters Related to Military Science”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 91-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.7>

УДК 811.161.1'04:514
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 12.02.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XVII в. (НА МАТЕРИАЛЕ «УСТАВА РАТНЫХ, ПУШЕЧНЫХ И ДРУГИХ ДЕЛ, КАСАЮЩИХСЯ ДО ВОИНСКОЙ НАУКИ»)¹

Дмитрий Владимирович Руднев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Миляуша Габдрауфовна Шарихина

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены способы передачи в русском переводном памятнике начала XVII в. «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» геометрической терминологии, которая содержится в тексте военного трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (1573), послужившего источником русского текста. Сделан вывод, что русские переводчики при передаче немецких терминов следовали стратегии доместикации, передавая их с опорой на систему номинаций, существовавших в русском языке того времени. При наличии в языке перевода соотносимых понятий использовались более или менее устойчивые способы их передачи: *Punct* – *статья*, *Linie* – *черта*, *чертеж*, *Winckel* – *угол*, *Tryangel* – *треуганец* и пр. При отсутствии эквивалентов переводчик мог транслитерировать иностранное слово и одновременно использовать близкие по смыслу слова родного языка: *Diameter* передается как *диамет(е)р*, *размер*, *мера*. Слова, для которых переводчик не смог подобрать русский аналог или объяснение, могли опускаться либо толковаться с опорой на чертеж (*Centro*, *Hipotenusa*, *Cathetus* и др.). Отсутствие в русском языке начала XVII в. разработанной и общепринятой геометрической терминологии и моделей научного повествования препятствовало стремлению переводчика сделать текст понятным читателю.

Ключевые слова: русский язык, XVII век, немецкий язык, терминология, геометрия, перевод, доместикация.

Цитирование. Руднев Д. В., Шарихина М. Г. Геометрическая терминология в русском языке начала XVII в. (на материале «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 91–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.7>

Введение

История становления в русском языке научных форм речи привлекает пристальное внимание исследователей, однако преимущественно на материале научных текстов XVIII в. (см., например: [Кутина, 1964; Лисицына, 1984; и др.]). Более ранние тексты редко попадают в поле зрения лингвистов (см., например: [Симонов, 1975; Николенкова, 2016; Кузьминова, Пентковская, 2016]), хотя и представляют особый интерес, так как отражают начальный этап взаимодействия русской культуры с европейской наукой и воплощающими ее речевыми структурами. Постепенно осознаваемая русскими властями необходимость использования европейских научных знаний с трудом удовлетворялась из-за отсутствия в русской культуре понятийно-речевых моделей, при помощи которых европейские научные тексты могли быть адекватно переведены на русский язык и усвоены русским читателем. Переводчикам приходилось решать задачи, связанные с переводом на русский язык европейских научных понятий, с передачей логических структур, со способами представления субъектно-объектных отношений, наконец, с поиском стилистической основы научных текстов. В представленной статье рассмотрена геометрическая терминология в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» начала XVII века.

В основе «Устава» лежит выборочный перевод текста второго тома военного трактата Л. Фронспергера «Kriegsbuch» (1573), выполненный по повелению царя Василия Шуйского переводчиками Посольского приказа Михаилом Юрьевым и Иваном Фоминым [Русаковский, 2018, с. 53]. В 1620 г. текст перевода был переработан и дополнен мастером Печатного двора Анисимом Радишевским [Немировский, 1997, с. 5–18]. Обнаруженная в 1775 г. рукопись «Устава», имевшая название «Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях», по распоряжению Г.А. Потемкина была опубликована в 1777–1781 гг. известным русским писателем XVIII в. В.Г. Рубаном, давшим опубликованной рукописи современное название.

Цель статьи – выявление особенностей перевода в «Уставе» геометрической терминологии из трактата Фронспергера. Задачи исследования – описать тематические группы геометрической лексики, их состав, способы передачи немецкой геометрической лексики на русский язык, случаи вариативности, глоссирования при введении в текст математической лексики, случаи неправильных толкований и опущений геометрической лексики немецкого источника. Для сопоставления привлечены геометрические термины «Геометрии» Ивана Елизарьева, составленной не позднее 1640-х гг., которые приведены в [Белый, Швецов, 1959] (о личности составителя см.: [Кошелева, Симонов, 1981]).

Материал и методы

«Устав» содержит разнообразную информацию «об организации войска, о сооружении, обороне и осаде военных лагерей и укреплений и об устройстве и боевом употреблении артиллерии», в нем «обозреваются типы огнестрельных орудий, методы стрельбы, изготовление, хранение и употребление взрывчатых веществ и т. п.» [Райнов, 1940, с. 293]. В целом его можно охарактеризовать как военное руководство, в котором практические рекомендации формулируются с опорой на научные (в частности, геометрические) знания. Для России XVII в. это был совершенно новый тип текста.

Трактат «Kriegsbuch» включает в свой состав отвлеченные рассуждения, практические наставления, нравоучительные поучения, сопровождается иллюстрациями, апеллирующей к собственному военному опыту автора, к историческим примерам и пр. Все это обусловило речевую неоднородность сочинения Л. Фронспергера, отразившуюся в русском переводе.

Материалом для изучения послужил текстовый фрагмент «Устава» (У, с. 139–229), в котором содержались геометрические сведения и их практическое применение в баллистике и при измерении расстояний. Этот фрагмент представляет собой выборочный перевод двух глав из второго тома «Kriegsbuch» Фронспергера: «Von allerley Geschütz vnd Feuwrwerck auff Mathematische art zugebrauchen» и «Von Geometrischer Mässung mancherley Gebäuw» (F, s. 97v–144r). Выборочность перевода, среди прочего, проявлялась в том, что некоторые фрагменты, насыщенные геометрической терминологией, русские переводчики попросту опускали. Помимо издания «Устава» XVIII в., в статье использованы материалы двух известных в настоящее время списков памятника XVII в.: 1) РНБ. F.IX.3; 2) Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Собр. Н.П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526.

«Собственно говоря, в “Уставе”... мало “настоящей” математики» [Райнов, 1940, с. 293]², так как «сама математика, то есть главным образом геометрия, при-

сутствует в “Уставе” как наставление к обхождению с определенным родом приборов, именно – измерительных снарядов или “снастей” (инструментов. – Д. Р., М. Ш.). Никаких математических истин, формулированных в общей форме, “Устав” не знает. Его геометрия – разновидность технической механики и физики, и место теорем занимают в ней рецепты употребления измерительных “снастей” для достижения тех или других военотехнических целей» [Райнов, 1940, с. 294].

Эта верно отмеченная черта «Устава» отражает особенности содержания текста немецкого источника: практический характер использования геометрических знаний в трактате Фронспергера обусловил неполноту встречающейся в нем геометрической лексики. В трактате и в его русском переводе представлены: некоторые базовые понятия (геометрические, отчасти алгебраические); некоторые геометрические фигуры и их части; некоторые геометрические и алгебраические действия; некоторые измерительные инструменты (описание их устройства и способов обращения с ними). Отбор Фронспергером этих лексико-тематических групп напрямую вытекал из проблематики его труда: способы вычисления расстояния до цели стрельбы, высоты здания или глубины колодца, расчет траектории полета ядра, веса ядра и его размера и т. д. Автор трактата склонен обозначать математические понятия более или менее единообразно, однако в тексте все же широко представлены явления полиномии и полисемии, присущие немецкой геометрической терминологии XVI в. в целом (см.: [Špotáková, 2013]).

В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, метод контекстуального анализа, метод лексикографического толкования. Дальнейшее изложение материала разделено на три части: последовательно рассматриваются базовые понятия, геометрические фигуры, части и аспекты описания геометрических фигур. За пределами рассмотрения остались названия измерительных инструментов, за исключением тех случаев, когда их название совпадало с названием геометрических фигур.

Результаты и обсуждение

1. Базовые понятия

Терминологическое обозначение базовых понятий осуществляется посредством перевода, прежде всего, слов *Geometri*, *Geometrisch*, *Mathematisch*.

Слово *Geometrisch* передается в издании «Устава» с помощью лексем *геометрический*³, *геометрийский* (также вариант *геометриский*), которым в рукописях памятника соответствуют разнообразные фонетические варианты лексемы *геометрийский* (*геометриуский*, *геомитрийский*, *геолметрийский*, *огеолметрийский*, *егометрийский*, *емеотрийский*, *еометриуский*, *ометриуский*) и в единичном случае – слово *иеометриньский*. Для перевода немецкого термина используются также слова *земномерный* (поморфемная калька; в СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 379) употребление слова иллюстрируется единственным примером из «Устава») и *землемерный*:

(1) ...durch das **Geometrisch** Quadrat / oder Meßstramen zu finden (F, s. 124r) – ...и тое **Геометрискимъ** четверогранцомъ или размѣрными снастьми находити (У, с. 183); ...derhalben sich deren orten der **Geometrischen Mensur** / noch fleissiger vielfaltiger / dann auff dem ebenen Landtschafftten zugebrauchen von nöten... (F, s. 132v) – И для того наипаче доведется **землемѣрною мѣрою** въ такихъ мѣстѣхъ прилѣжнѣе нежели на равныхъ земляхъ остерегати и ими подлинно размѣрити згожається... (У, с. 196).

Дважды в тексте слово *геометрийский* глоссируется, в том числе и за пределами рассматриваемого фрагмента:

(2) Item / erstlichen den Platz der Malstatt mit fleiß zubesehen / **Geometrischer** weiß auffß eigentlichest zumessen / vnnd aller gelegenheyt war zunemmen (F, s. 23r) – Прежде подобаетъ съ прилѣжаніемъ мѣсто осмотрѣти и размѣрити по **геометрийскому, сиречь по земномѣрному** обычаю и рассмотрѣти всякое угодые (У, с. 91).

Слово *Mathematisch* передается как *математический* с последующей глоссой⁴:

(3) ...die vnuerstendigen / welche diese richtung werden verachten / als zu viel hoch / dann dieselbig rechten gewissen vnnd steten **Mathematischen**

grundts kein verstande haben (F, s. 137r) – ...что мало умные, которые сѣ направлѣніе учннуть похуляти, и поставя, что то много и высоко такой прямой вѣдомости и обстояніе **математическаго** достатку **сирѣчь: воздушной размѣрь**, да разумѣніе не имѣють (У, с. 204),

а также как *на весе, навесное*:

(4) Warzu fürnemlich die **Mathematischen** Tariffen zum grossen Geschütz hoch dienstlich vnd von nöten sein (F, s. 132r) – Объявлѣніе къ чему именно **на вѣсѣ** примѣты и стрѣльбы къ великимъ пушкамъ добрѣ надобны изгожаются (У, с. 192); In der newgestelten / **Mathematischen** Tariffen / sein vnderschiedt / bey tag vnnd nacht zu allem Geschütz / innsonderheit aber zu den gewaltigen Feuwwercken (F, s. 132r) – ...въ той новой уставленной стрѣльбѣ **навѣсное** есть раздѣленіе во дни и въ нощи ко всему наряду, но особливо къ великимъ сильнымъ огненнымъ хитростямъ (У, с. 192)⁵.

В предисловии к книге встречается слово *математический* без глоссирования:

(5) ...тѣхъ преславнѣйшихъ геометрийскихъ новыхъ **математическихъ** предъименитыхъ главныхъ дѣль въ сей книгѣ описанныхъ (У, с. 6).

Еще одно общее понятие планиметрии – *Plano* (< лат. *planum*) ‘плоскость’ переводится как ‘равное место’:

(6) ...so wirtes dir vom ersten Standt A. vnden im **Plano** geben 3. Schuch (F, s. 125r) – ...и то тебѣ отъ перваго мѣста стоянія твое ль, а въ низу въ **равномъ мѣстѣ** покажетъ три ступени (У, с. 185); ...daß der Punct nicht niderer seye als der Thurn auff seinem **Plano** (F, s. 125r) – ...чтобъ та статья не ниже башни или вышки была на своемъ **равномъ мѣстѣ** (У, с. 186).

2. Геометрические фигуры

Немецкое *Figur* употребляется в немецком тексте как в терминологическом значении ‘геометрическая фигура’, так и в более общем значении ‘рисунок, чертеж, изображение’; ср. ‘вид, образ, начертание, фигура, изображение’ (Аделунг, ч. 1, с. 543). Во всех случаях для его перевода использовано слово *знамя*. Это значение полисеманта *знамя* может быть отнесено к лексико-семантическому варианту ‘знак, рисунок как символическое изображение чего-л.’ (СРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 46):

(7) ...wie dann hiebey geordnete grosse runde **Figur** zuerkennen gibt (F, s. 107r) – ...и какъ здѣсь подлѣ большое круглое **знамя** показуеть и даеть знати (У, с. 150); ...wie dir diese **Figur** anzeigt (F, s. 123v) – ...какъ тебѣ и **знамя** показуеть (У, с. 181) и пр.

Случаи перевода *Figur* при помощи других слов единичны:

(8) Von rechtem verstandt / vnnd bereytung dieser nachfolgendten **Figuren** (F, s. 105r) – О прямомъ до разумѣнїи и изготовленїи послѣди сего **написанїя** (У, с. 139).

Немецкое *Punct* ‘точка’ (в геометрическом значении слово *Punct* употребляется в немецком языке с XV в. [Špotáková, 2013, s. 45]) обычно переводится при помощи слова *статья*⁶. Слово *статья* в древнерусском и особенно в старорусском языке имело множество значений, при этом употребление в значении ‘точка’ не отмечено, однако у него было значение ‘доля целого, составная часть чего-л.’ (СРЯ XI–XVII, вып. 28, с. 34), которое, видимо, и использовалось для передачи немецкого *Punct*:

(9) ...so verzeichne fleissig nechst bey dir den **Puncten** mit A. vnd den weitesten mit B. (F, s. 122v) – ...и ты помѣть близко возлѣ себя **статью** словомъ Я, а вдаль отъ себя до коихъ мѣсть похочешъ мѣрити помѣть словомъ Б (У, с. 178–179); ...vnd sich wider zu dem **Puncten** F. (F, s. 124v) – ...и зри опять къ **статьѣ** Θ (У, с. 184) и т. д.

Так как точки обозначались в чертежах немецкого трактата буквами или арабскими числами, то слово *Punct* могло передаваться как *слово* ‘буква’ или *число*:

(10) ...dann auß der richtung eylffe fehrt die Kugel hinauff / gibt ein Bogen endtfelt / oder begert abwärts zu den **Puncten** eines (F, s. 105v) – ...но изъ направленїя на одиннадцатое число поворотится, то ядро доловъ или въ низъ подается на воздухъ дугою и подаетъ на I e. **число** (У, с. 141).

Впрочем, немецкое *Punct* имело в трактате Фронспергера не только математическое значение ‘точка’, но и значение ‘часть’. В этом значении оно могло переводиться при помощи как слова *статья*, так и слов *доля* или *часть*:

(11) ...vnd der selbigen jeder [Werckschuch] noch weiter in vier kleine **Puncten** versaßt / vnd

gemercket worden (F, s. 112r) – ...и тѣхъ коякъ **статья** раздѣлена на четыре малыя **дробныя части, точкими длиною** въ верьхъ (У, с. 165); ...vnd derselbige jeder besonder / noch weiter in 4. kleiner Gradt oder **Puncten** verzeichnet (F, s. 135r) – ...коей же особно поставлены; да по томъ еще въ 4 **дробныя части** раздѣлено и помѣчено **черточками** (У, с. 201).

Приведенные примеры примечательны тем, что в них переводчик вводит дополнительные разъяснения *точками длиною* и *черточками*.

Слово *статья*, выступавшее при переводе *Punct* в значении ‘часть’, могло использоваться и при переводе немецкого *Theil* в том же значении:

(12) ...jede seyten auch ihn inn zwölf gleichförmige **theil** oder **Puncten** (F, s. 105r) – ...коякъ сторону по 12, равныя **статьи** (У, с. 139); ...vnd jeder 12. **theil** wider in vier theil abgetheilt (F, s. 115v) – ...и коя жъ **статья** раздѣлена на четыре дробныя части (У, с. 168).

В некоторых случаях переводчик, видимо, не мог установить, в каком именно значении употреблено слово *Punct*, и давал несколько вариантов перевода сразу:

(13) ...auff wellichen **Puncten** du richts (F, s. 111r) – ...на которую тебѣ **часть** и **статью** и **число** направляти (У, с. 162–163).

Немецкое слово *Linie* (*Lini*, *Linij*) ‘линия, протяжение в длину, ни толщины, ни ширины не имеющее’ (Аделунг, ч. 1, с. 1029) переводится как *черта* (14)⁷ (употребление слова *черта* как геометрического понятия имело устойчивый характер и продолжалось вплоть до Петровской эпохи [Кутина, 1964, с. 35]), реже как *чертеж* (15). Например:

(14) ...welche **Linien** also fürgeben / oder imaginirt / mancherley weiß gemessen werden mögen (F, s. 123r) – ...которыя **черты**, такъ предлагаютъ, и разными обычьи могутъ быти мѣрены (У, с. 180–181); ...die **Lini** so du messen wilt / begreifen / vnd in sich schliessen (F, s. 123v) – ...тое **черту** у которую хочешъ мѣрити осягнуть и въ себя сомкнуть (У, с. 182) и т. д.;

(15) ...vnnd setz denn ein Fuß in die vberzwerch **Lini** (F, s. 105v) – ...и поставь [циркуль] однемъ концемъ на поперешной **чертеж** (У, с. 141); D. Bedeut zur rechten Handt die vberzwerch **Lini** (F, s. 109v) – Д. Показуеть межъ дву круговъ по правой сторонѣ **чертеж** (У, с. 158).

Слово *чертеж* использовано также для передачи немецкого *Riß* ‘чертеж, рисунок, план’ (Аделунг, ч. 2, с. 306), которое в XVI в. выступало в качестве синонима слова *Linie* [Špotáková, 2013, s. 45–46]:

(16) In solchen eussersten runden Zirckelrissen hast du fast noch so viel weite / als in dem innern Zirckel bogen (F, s. 117v) – ...и въ такихъ наружныхъ круглыхъ кружалныхъ **чертежахъ** имѣешъ мало не столькожъ простору, что и внутреннихъ кружалъ круглѣхъ (У, с. 177).

Слово *Linie* часто сопровождается определением *gerade* ‘прямая’ (Аделунг, т. 1, с. 667), *rechte* ‘прямая’ (Аделунг, т. 2, с. 272) или *überzwerch* ‘поперек, накрест’ (Аделунг, ч. 2, с. 706):

(17) ...auß derselbigen **vberzwerchen Linien** (F, s. 105v) – ...изъ того **поперечнаго чертежу** (У, с. 141); ...auff das weyttest **geraden Lini** (F, s. 107r) – ...и до дальней **прямой черты** (У, с. 150); ...so wirdt es von jhinen herauß die **rechte Linien** nach hinauß zu dem ziel (F, s. 106r) – ...и такъ она отъ нихъ будетъ **прямая черта** изъ пушки къ цѣли (У, с. 145).

Перечисленные слова не исчерпывают всего круга определений к слову *Linie*, на что красноречиво указывает пример (18):

(18) ...vnnnd zeuch ein **gebogene Zirckel runde Lini** hin vmb durch alle fünff **schrög vberzwerch lange Linien** / gegen dem D. so weit du wilt nach deinem gefallen (F, s. 117r) – ...и отъ туды черты **гнутую кружалную круглую черту** кругомъ сквозь всѣ пять **косыя поперѣчныя длинныя черты** къ слову Д, и сколько далече похочешъ по своей волѣ (У, с. 176).

Кроме слов *Linie* и *Riß*, в том же значении единично встретилось слово *Strich* (его использование отмечено в [Špotáková 2013, s. 45–46]):

(19) ...solche gerade riß oder **strich** (F, s. 117r) – ...такіе прямые **черты** (У, с. 176).

Рассмотрение терминов, обозначавших простейшие фигуры, завершим словом *Winckel* ‘угол’ (Аделунг, ч. 2, с. 971), которое редко встречается в немецком трактате и переводится словом *угол*:

(20) ...in gleichem **Winckel** deß Horizonts findē (F, s. 125v) – ...въ томъ равномъ **углу**, того кругу

найти (У, с. 187); Dardurch es soll auch auß seinem rechten Arcus vnd **Winckel** gezogen werden (F, s. 134r) – ...и тѣмъ ево доведется изъ ево прямого основанія и изъ **угла** вывести (У, 199–200).

Примечательно, что прилагательное *recht* в составе устойчивого сочетания *rechter Winkel* ‘прямой угол’ (Аделунг, ч. 2, с. 971), переведено описательно (*плотно и прямо въ своихъ углахъ, а безъ всякія косины*), что, видимо, указывает на отсутствие в словаре переводчика готовой модели:

(21) ...doch in solcher gewißheit / daß die vier winckel solches Creus allezeit zu **rechten Winckeln** standen ohn alle schräge / wie dir diese Figur anzeigt (F, s. 123v) – ...но такую подлинностью, что бѣ всегда такіе узлы⁸ таковой крестнообразной снасти стояли **плотно и прямо въ своихъ углахъ, а безъ всякія косины**, какъ тебѣ и знамя показуеть (У, с. 181).

К сказанному добавим, что слово *Winckel* гораздо чаще встречается в составе названий измерительных инструментов *Winckelhacken*: *угольный круг* (У, с. 150, 161, 173 и др.), *угольчатый крюк* (У, с. 202), *угольный крюк* (У, с. 148) и *Winckelmaß*: *угольная мера* (У, с. 178, 203, 212 и др.), *угольчатая мера* (У, с. 180, 183 и др.), *наугольная мера* (У, с. 213).

Из более сложных геометрических фигур, упомянутых в трактате Фронспергера и попавших в текст «Устава», назовем *Quadrat*, *Tryangel*; *Rund*, *Rundung*, *Zirckel*, *Circumferen(t)s* (< лат. *circumferentia*), *Limbo* (< лат. *limbus*).

Слово *Quadrat* переводится двояко. В составе небольшого глоссария «Помѣта нѣкоторыхъ словъ къ проразумѣнію въ семь знамени»⁹ (У, с. 161) оно переведено как *наугольник*: Фраза *Наугольникъ бываетъ таково* (У, с. 162) соответствует в немецком тексте фразе *Ein geuierdter Quadarat [!] also* (F, s. 110v), справа от которой стоит изображение квадрата. Однако это единственное упоминание слова *наугольник* (в словарной статье *наугольник* (СРЯ XI–XVII, вып. 10, с. 290) это значение не выделяется). В тексте «Устава» *Quadrat* регулярно переводится как *четвероугранец*:

(22) ...durch das Geometrisch **Quadrat** / oder Meßstramen zu finden (F, s. 124r) – ...и тое Геомет-

рискимъ **четверогранцомъ** или размѣрными снастьми находить (У, с. 183); So reiß erstlichen ein gerecht geueirdt Winkelrecht / **Quadrat** (F, s. 134r) – ...ты прежде начерти прямое чертвероугольное правило **четверогранецъ** (У, с. 200).

Слово *четверогранецъ* используется для перевода *Quadrat* и там, где речь идет о возведении во вторую (квадратную) степень:

(23) ...vnd sprich: 5. mahl 5. ist 25. im **Quadrat** (F, s. 117r) – ...и молви пятью пять, и то есть: въ **четверогранцѣ** 25 чисѣль (У, с. 174).

При возведении в третью (кубическую) степень в трактате Фронспергера используются слова *Cubus*, *Cubisch*. Русские переводчики для передачи сочетаний *Cubisch zahl* и *Cubus zahl* обычно используют выражение *собранные числа*:

(24) ...vnd sprich: 5. mahl 5. ist 25. im Quadrat / darzu sprich noch weiter / 25. zu 5. mahlen gibt 125. so viel ist deß fünfften Diameters **Cubus zahl** (F, s. 117r) – ...и молви пятью пять, и то есть: въ **четверогранцѣ** 25 чисѣль, и къ тому молви еще пятью 25, и того будетъ 125 чисель, и толико есть пятые мѣры **собранныхъ чисель** (У, с. 174); ...derwegen mag sich einer solcher auffreissung oder derselbigen Taffeln zu dem **Cub** vñ **Quadrat** gebrauchen (F, s. 118r) – И для того бы по такимъ чертежнымъ и смѣтнымъ цкамъ, къ **собраннымъ числамъ** четверогранцомъ тщитися дѣлать (У, с. 178).

Дважды *Cubisch zahl* переведено при помощи субстантивата *кубичное*¹⁰ (отсутствует в СРЯ XI–XVII) с последующим глоссированием:

(25) ...neben welchem allweg zu der rechten Handt die **Cubisch zahl** verzeichnet / das ist 27.pfundt (F, s. 117r) – И подлѣ чево всегда по правой рукѣ **кубичное, сирѣчь собранные числа** помѣчены; то есть: дватцать семь фунтовъ (У, с. 173–174); ...dann 4. mahl ist 16. der **Quadrat** / vnd 4. mahl 16. ist die **Cubisch zahl** 64. (F, s. 117r) – ...но въ четвертомъ, то есть: шестаго, надесять числа четверогранца, а чертежи шестынатцать, то есть: **кубичное, сирѣчь: собранныхъ чисель** шестьдесятъ четыре числа (У, с. 174).

Один раз для перевода *Cubus* использовано слово *куб* (значение не фиксируется в СРЯ XI–XVII), но только когда речь шла о самой идее возведения в кубическую степень:

(26) ...darumb so sprich / zwey mahl zwey gibt mir 4. die doppelir noch ein mahl / so gibt es 8. Pfundts / so ist vnd heist **Cubus**... (F, s. 116v) – ...для того молви дважды два даетъ мнѣ четыре, и ты его положи въ двое, ино будетъ восемь фунтовъ, и то есть: именуется **кубъ**... (У, с. 173).

Отметим, что возведение в квадратную степень в тех же контекстах устойчиво переводится при помощи слова *четверогранецъ* (см. примеры выше).

В связи с употреблением в «Уставе» слова *четверогранецъ* следует обратить внимание на то, что переводчик использует его не только для перевода слова *Quadrat*, но и для перевода слова *Quadrant*, обозначающего артиллерийский угломерный прибор, который применялся для проверки прицельных приспособлений артиллерийского орудия:

(27) Das ist der dritt **Quadrant** / das hinder vnd forder theil (F, s. 138v) – Есть третій **четверогранецъ**, у него передняя и задняя стѣна счерчена (У, с. 211).

Слово *Tryangel* (*Driangel*, *Dryangel*) ‘треугольник’ переводится как *трегранецъ* (*тригранецъ*) (в словарной статье *трегранецъ* (СРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 113) значение ‘треугольник’ не отмечено):

(28) ...vñ machen solche zwey absehen zwo Linien auff einem Standt / vnd zween **Driangel** / ein klein vnd grossen (F, s. 125v) – ...и учинять такія два зрѣнія двѣ черты на единомъ мѣстѣ, и два **тригранца**, одинъ малой, а другой большой (У, с. 187); ...es wirt dir auch die Figur zween klein **Driangel** anzeigen (F, s. 126r) – ...да объявить тебѣ знамя два малые **тригранца** (У, с. 188).

Подобно слову *четверогранецъ*, слово *трегранецъ* используется для именованя измерительного прибора (‘прибор в треть окружности, позволяющий прицельно стрелять из пушки, пищали’ (СРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 113), «градуированные секторы круга с центральным углом 120°» [Шостыин, 1975, с. 83]), который в немецком тексте обозначается словом *Tryangel*:

(29) ...so kehre **Tryangel** vmb / vnnd wende jhn nach dem Schuß oder wurff (F, s. 140v) – ...и ты поворо-ти **трегранецъ** по стрѣльбѣ или бросанию (У, с. 216).

В глоссарии «Помѣта нѣкоторыхъ словъ къ проразумѣнію въ семь знамени» (У, с. 161–

162) немецкой фразе *Ein Tryangel also* (F, s. 110v), сопровождающейся изображением треугольника, соответствует перевод *Трегранецъ, треть круга и поразмѣру кружальнаго*, в котором, как можно видеть, переводчик расширил толкование слова *Tryangel*. Не исключено, что *треть круга и поразмѣру кружальнаго* относится к описанию измерительного прибора.

Слово *Zirckel* употребляется в трактате Фронспергера в значениях ‘циркул, окружность, круг’ и ‘циркул, орудие, коим круг описывают’ (Аделунг, ч. 2, с. 1031) (в немецких геометрических трудах XVI в. заимствование *Zirckel* (*Circkel*) господствовало при обозначении круга, окружности; слово *Kreis* начинает распространяться с XVII–XVIII вв. [Špotáková, 2013, S. 50]); в обоих случаях переводчик использует для перевода слово *кружало* (в словарной статье *кружало* (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 82) значение ‘круг’ не отмечено); реже используется слово *цыркуль*¹¹ в тех же значениях¹². Кроме того, встретился перевод *Zirckel* в первом значении словом *круг*.

В значении ‘круг, окружность’:

(30) So viel aber die runden **Zirckel** oder Schwibbogen belanget (F, s. 105v) – ...а что обстоить у круглыхъ **кружалахъ** или о на правлѣнныхъ по числамъ дугахъ (У, с. 142); Diesen vorgerissenen **Zirckel** / kan vnd mag auff zweyerley weg gebraucht werden (F, s. 139r) – Симъ начертаннымъ **цыркулемъ** доведется и возможно на два пути владѣти (У, с. 211); Dicke des Rohrs / fornen vnnd hinden / zeigen die zween runden **Zirckel** (F, s. 142r) – ...о толстинѣ пушки на переди и назади въ казнѣ извѣщаются тѣ два круглые **круги** (У, с. 221).

В значении ‘инструмент’:

(31) ...in dieselbig Linien setz den **Zirckel** / also / daß die beyde spitz oder Hörner in der Linien stehen (F, s. 139r) – ...и по той чертѣ или верви постави **кружало** такъ, что бѣ оба конца кружала по чертѣ стояли (У, с. 212); ...so nimb dann den **Zirckel** / such das mittel zwischen den zweyen abgerissenen dicken des Rohrs (F, s. 141v) – ...по томъ возьми **цыркуль**, да сыщи середку межѣ тѣми двумя начерченными толстины той пищали (У, с. 220).

Кружало в значении ‘инструмент’ используется в «Уставе» гораздо чаще (*кружало* как обозначение инструмента встречается

в текстах Петровской эпохи [Кутина, 1964, с. 46]). Попадаются контексты, где слово *кружало* выступает в обоих значениях одновременно:

(32) Dem thue also / nimb ein **Zirckel** / vnnd setz denn ein Fuß in die vberzwerch Lini / so auß dem eussern grösten runden **Zirckel** / biß zu dem A. gezogen (F, s. 105v) – ...и ты дѣлай такъ: возьми **кружало** и поставь однемъ концемъ на поперешной чертежъ, которой изъ околнаго большаго **кружала** до А (У, с. 141).

В трактате Фронспергера слово *Zirckel* в значении ‘круг’ часто сопровождается тавтологическим определением *rund* ‘круглый’; в «Уставе» это сочетание переводится как *круглое кружало, круглый круг* (см. примеры выше). В немецких геометрических трудах слово *Zirckel* имело синкретичный характер, обозначая и круг (фигуру), и окружность (границу круга) [Špotáková, 2013, S. 50]. Не исключено, что сочетание *runder Zirckel* у Фронспергера используется для дифференцированного обозначения окружности.

Синонимом к сочетанию *runder Zirckel* в тексте Фронспергера выступает слово *Circumferen(t)s*. В рассматриваемом фрагменте «Устава» оно попадает в поле зрения переводчика несколько раз. Его значение в главе «Verzeichnuß etlicher Wörter / in dieser Figur zuuernemen» определяется следующим образом: *Circumferens ist ein runder Zirckel / Also*¹³ (F, s. 110v). Русский переводчик при переводе фразы это слово опускает и передает ее так: *Цыркуль, а по русски кружало, есть таково* (У, с. 162).

В другом случае слово *Circumferen(t)s* передается по-русски как *кружальный круг*:

(33) Weiter soll vnden beym Buchstaben C. ein theyl oder lengen / für die **Circumferents** hinauß gehen (F, s. 134r) – ...да еще доведется въ низу у буквы Ц, долѣ единой или длинѣ бруску передъ **кружальнымъ кругомъ** или чертою выпустити (У, с. 200).

Дважды переводчик передает это слово по-русски при помощи наречия *кружально*:

(34) ...vnnd reiß **Circumferents** / darinn die vngleichen Stunden in verzeichnet stehen / danach so reiß vom Buchstaben E. biß zum D. alle **Circumferents** dieselben werdens dir auffen am Orth

verzeichnet / mit der Ziffer / 1.2.3.4.5.6.7.8. (F, s. 134r) – ...и черти **кружально**, въ чемъ тѣ неравные часы помѣчены стоять; по томъ черти отъ буквы Е и до Д, всѣ черты **кружально**, и тѣ у тебя на краяхъ помѣчены и числами, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 (У, с. 200).

Еще один синоним слова *Zirckel*, слово *Limbo*, переводится как *круг*¹⁴:

(35) ...vnd befindst / daß solche Lini streicht durch 4. in **Limbo** (F, s. 124v) – ...и обрящещи, что такая статья идетъ сквозь Д [!], въ **кругу** (У, с. 184); ...so findt ich im **Limbo** deß Circkels ein Instrument (F, s. 125r) – ...и нахожу я въ **кругу** кружала снасть (У, с. 185).

Кроме заимствованной лексики (*Zirckel*, *Circumferen(t)s*, *Limbo*), для обозначения круга и окружности Фронспергер использует и собственно немецкие слова *Runde*, *Rundung* ‘круг, окружность’ (Аделунг, ч. 2, с. 328, 329). Для их перевода использовано слово *круг* (36) или *кружало* (37):

(36) ...in Limbo deß Zirckelrunde (F, s. 124v) – ...въ кругу того кружального **круга** (У, с. 184); ...dann es in der öbern Zirckel **rundung** von eim biß in 9. gleich gleich Diameter vertheylt (F, s. 135r) – ...но оно въ верхнемъ кружальномъ **кругу** отъ перваго и до 9 числа, въ равный доли и мѣрѣ раздѣлены (У, с. 201);

(37) Ein achtheil einer **runden** also (F, s. 110v) – Послѣ того осьмая доля **кружала** по размѣру (У, с. 162); ...wo ferz dir aber solche Zirckel **rundung** am außtheilen wolte zu klein oder eng sein oder werden (F, s. 117v) – Ажъ будетъ такое **кружало** покажется мало или тѣсно къ раздѣлению (У, с. 176).

3. Части геометрических фигур, аспекты их описания и изучения

К этим объектам, прежде всего, отнесем некоторые виды линий, составляющих части геометрических фигур и использующихся для вычисления размеров фигур либо для описания положения фигур в пространстве.

Для описания положения фигур в пространстве в трактате Фронспергера использованы слова *Horizont* ‘горизонт, круг, разделяющий земной шар на две части, на северную и южную’ (Аделунг, ч. 1, с. 834) и *Perpendicular* (*Perpendicularis*) ‘перпендикулярный, отвесный, пряморезный, прямостоятельный’ (Аделунг, ч. 2, с. 195).

Слово *горизонт* в форме *оризонт*, *оризонт* известно в русском языке лишь с 1660–

1670-х гг. (СРЯ XI–XVII, вып. 13, с. 68). В «Уставе» *Horizont* (*Horizont Linie*) переводится при помощи разнообразных перифраз типа *округ* (*окружение, круг*) *покаместа око видит*:

(38) ...ist aber der Standt von dem **Horizont** der Erden höher / so ist der begert ort niderer (F, s. 125r – 125v) – ...а будетъ твое мѣсто на чемъ стоишь, и отъ **круга земнаго пока мѣста обозришь** выше, и мѣсто твоего хотѣнія будетъ ниже (У, с. 186); ...so hastu geradt in den 45. Punkten gericht / oberhalb dem **Horizonten** (F, s. 137r) – и ты прямо направилъ на 45 статью выше **округу твоего пока мѣста твое око видитъ** (У, с. 204).

Слово *Perpendicular* (чаще *perpendicular Linie*) передается на русский язык как *перпендикуляр*¹⁵ *черта*, *перпендикулярная*¹⁶ *черта* или *черта свинчатого правила*:

(39) ...so reiß aufferhalb der **perpendicular Lini** vom E. biß zum F. ein grösseren runden Zirckel (F, s. 117v) – ...и ты черти въ низъ за поперечную **перпендикулярною чертою** отъ слова Е и до слова Ф больше того круглое кружало (У, с. 176); ...ist es besser dann aufferhalb der **perpendicular Linien** (F, s. 117v) – ...и тобъ лутче было, нежели далече на поперечную **перпендикуляръ чертою** (У, с. 177).

Сочетание *черта свинчатого правила* является буквальным переводом параллельного именования перпендикулярной линии как *Bleyrecht gerade Linie*; слово *правило* здесь употреблено, по-видимому, в значении ‘приспособление, применяемое в строительном деле для вертикальной каменной кладки и выведения прямых углов’ (СРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 106). Например:

(40) Erstlich zeug oder reiß ein perpendicular Lini / das ist ein **Bleyrecht gerade riß** oder Lini (F, s. 116v) – Прежде начерти **черту свинчатого правила** (У, с. 173).

В немецкой фразе дается параллельное именование, из которого переводчик оставил лишь то, которое формирует глоссу.

Немецкое сочетание *Bleyrecht gerade Linie* представляет собой метонимический способ обозначения перпендикулярной линии, указывающий на способ ее получения при помощи отвеса, то есть веревки с привязанным на конце свинцовым «веском» или «пулькою»¹⁷. Такой отвес прикреплялся к циркулям, квадратам или иным инструментам.

Из видов линий, составляющих части фигур, переводчики немецкого трактата столкнулись с необходимостью перевода терминов *Basis*, *Cathetus*, *Hipotenusa*.

Сочетание *Linie Basis* («плоская или прямолинейная часть границы геометрической фигуры, по одну сторону от которой расположена вся фигура» (Микиша, Орлов, 1988, с. 82)) дважды переведено как *черта подошвы*:

(41) ...wirt dir ein Figur folgen / wie hernach auffgerissen / vnnnd wo dir in der **Linien Basis** der ander theil deß Winkelmaß durch schneidt... (F, s. 124v – 125r) – и покажется тебѣ знамя, какъ послѣ сего начерчено, и гдѣ тебѣ въ **чертѣ на подошвѣ B** покажутся, и вторая доля угольчатая мѣры пройдетъ (У, с. 184–185); ...so laß ein Lini Winkelrecht auff die **Lini jhr grundt oder Basus** genandt fallen (F, s. 126r) – ...и ты дай чертѣ угольного правила, на тое черту ее **подошвы** пасти (У, с. 188).

В первом примере переводчик дополнительно вводит букву *B*, по-видимому, отсылающую к чертежу на с. 125r трактата Фронспергера, где линия основания проходит через точки *B* и *F*. Во втором из приведенных примеров сочетание *черта ее подошвы* может относиться к переводу *Lini jhr grundt*, в этом случае слово *Basis* не участвует в переводе.

Отмеченная выше отсылка к чертежу при переводе слова *Basis* содержится и в переводе примера (42):

(42) ...vnd findt sich der Cathetus / das ist / die Lini vom Aug zu der **Lini Basis** / F. 10. Schuch / vnd ist meines Standts höhe 3. Schuch (F, s. 125r) – ...и найдется черта отъ очей или зраку къ **чертѣ B**, къ Θ , 10 ступеней, и есть моего стоянія вышина трехъ ступеней (У, с. 185).

В данном случае переводчик обозначает линию основания по букве *B*, через которую она проходит.

В глоссарии содержится толкование слова *Basis*, данное Фронспергером:

(43) **Bassis** ist ein ebene Horizont / Wagrechte Lini / wie sich von 15. biß zu 16. Longitudo erstreckt / nemlichen also (F, s. 110v) (справа от фразы изображена прямая линия) – **Аксисъ** [!] именуется ровная мѣра и окруженіе, пока мѣсть человеческое око обозреть и вѣсовая прямая черта какъ есть, видѣти отъ 15 числа до 16 числа именовито такъ (У, с. 161–162).

Слово *Аксис* в русском переводе является ошибкой наборщиков печатного текста, в рукописях ему соответствует слово *басис*; ср.: **Баси(с) именуе(т)ца ро(в)ная мѣра и окружение** (Архив СПбИИ РАН. Собр. Н.П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526. Л. 151) (аналогично в рукоп. РНБ. F.IX.3. Л. 183 об.).

Синономом к *Basis* в немецком тексте могли выступать слова *grundt* и *Fundament*, которые переводились как *подошва* (слово *подошва* в геометрическом значении продолжало употребляться в петровское время [Кутина, 1964, с. 60]) или *основание*:

(44) Welcher massen solcher Visierstab auß dem rechten **Fundament** oder **grundt** auff geführt vnd gemacht (F, s. 116v) – ...для которые мѣры такое размѣрное знамя и съ прямыя **подошвы** или **основанія** выведено и устроено (У, с. 172); ...auß dem rechten **Fundament** vnd Eckpuncten / vom A. außgezogen (F, s. 117v) – ...изъ прямыя **подошвы** и угольной статьи слова Я почато (У, с. 178).

Однако слова *grundt* и *Fundament*, в отличие от слова *Basis*, выступали в тексте Фронспергера и в более общем значении ‘то, на чем стоится, зиждется, создается что-л.; источник; основа’. В этих случаях они переводились также как *подошва* или *основание*:

(45) ...das halt für rechtes **Fundament** (F, s. 116v) – ...то держи за свою правую **подошву** (или прямое **основание**) того дѣла (У, с. 173); ...vnd behalt solches zu deinem rechten **Fundament** (F, s. 116v) – ...и такую мѣру держи у себя прямой **подошвѣ** вѣдомости и къ смѣтѣ (У, с. 172).

Отметим, что слово *основание* оказывается у переводчика многозначным и используется в том числе для перевода слов *Corpus*, *Proportion*¹⁸:

(46) **Corpus**, ist ein Stück Leib / klein und groß (F, s. 110v) – ...по Латынѣ **Корпусъ**, а по Русски **основание**, ко многимъ мѣрамъ рукодѣлю великому и малому (У, с. 161); ...vnd das Eyse gegen dem Stein / in der **proportion** wie 38. gegen 15. (F, s. 115v) – ...а желѣзо противу камени во **основание** какъ есть 38 противу пятнадцати числомъ и вѣсомъ (У, с. 167); ...wie dieselbe auch jr rechte **Proportion** habē sollē (F, s. 108r) – ...какъ имъ свое прямое **основание** имѣти (У, с. 155).

Как видно из приведенных примеров, термин *Proportion* регулярно переводится сло-

вом *основание* (в этом значении оно в СРЯ XI–XVII не фиксируется), в единичных случаях это делается словом *образец* (в СРЯ XI–XVII данное значение не выделяется, оно близко к зафиксированным значениям ‘модель, макет’, ‘тип, конструкция, устройство’, ‘способ’):

(47) ...in seiner rechten **Proportion** (F, s. 107v) – ...въ своемъ прямомъ **образцѣ**, и **основанье** (У, с. 151); ...darob du dir mögest ein gleichnuß nehmen / aber diese **Proportion** ist in der meynung alles (F, s. 108v) – ...и изъ того себѣ образецъ сойми или возми, но сей **образецъ** въ доумѣнїе вѣсь въдати (У, с. 156).

В отличие от слова *Basis*, которое переводчик пытался перевести различными способами, слова *Cathetus*, *Hipotenusa* при переводе опускаются. Стратегия переводчика хорошо видна в примерах (48)–(50):

(48) ...vnd findt sich der **Cathetus** / **das ist** / die Lini vom Aug zu der Lini Basis / F. (F, s. 125r) – ...найдется черта отъ очей или зраку къ чертѣ Б, къ Θ (У, с. 185);

(49) So sich solchs zutregt wie jeztgemeldt / so ist dir von nöten zu wissen die **Lini Cathetus** / **das ist** die höhe deß Thurns darauff du stehest / so dir solches wissend ist / kanstu die Lini Basis in gleichem Winckel deß Horizonts findē / auch die Lini **Hipotenusa** / so von Punct C. in B. gezogen wirt (F, s. 125v) – Аж будетъ, такъ случится нынѣ объявлено, изгодится тебѣ вѣдати черту вышины башни, на которой стоишь, а какъ тѣбѣ то будетъ въ вѣдомости, и ты можешь тое черту въ томъ равномъ углу, того кругу найти, такожь и черту, которая отъ статьи Ц и до статьи Е чертится (У, с. 187).

(50) ...so laß ein Lini Winckelrecht auff die Lini jhr grundt oder Basus genandt fallen / welche ist **der Cathetus** / durch welche dir die höhe deines begerens bekandt wirt (F, s. 126r) – ...и ты дай чертѣ угольного правила, на тое черту ее подошвы пасти, которая есть, которую тебѣ будетъ вышина твоего хотѣнїя будетъ знакома (У, с. 188).

В примере (48) переводчик опускает слово *Cathetus* (на него указывает только слово *черта*) и оставляет к нему глоссу Фронспергера *die Lini vom Aug zu der Lini Basis* / F., переводя ее как *черта отъ очей или зраку къ чертѣ Б, къ Θ*. Аналогичным образом он опускает и в примере (49), опуская слово *Cathetus* и оставляя глоссу к нему *die höhe deß Thurns darauff du stehest*, которая пере-

водится как *черту вышины башни, на которой стоишь*. Однако в примере (50) глоссы нет, и переводчик вынужден просто опустить это слово, на его отсутствие указывает пропуск в синтаксической структуре фразы: *которая есть, которую...* (*welche ist der Cathetus* / *durch welche...*). В примере (49) переводчик опускает слово *Hipotenusa*, однако толкует его с опорой на чертеж, помещенный на с. 125v: *черту, которая отъ статьи Ц и до статьи Е чертится*.

К сказанному добавим, что в «Уставе» слово *Hipotenusa* переводится, однако переводчик, видимо, так и не смог понять, о чем шла речь в трактате, из-за допущенной опечатки. В главе «Verzeichnuß etlicher Wörter / in dieser Figur zuuernemen» среди глосс есть фраза: *Hipottamus ist ein Lini / die auß eim acht theyl eines runden Bogen / wievon 13. biß zu 14. sich hinauff erstreckt also* (F, s. 110v), справа от которой изображена наклонная линия. По недосмотру наборщиков немецкого текста вместо слова *Hipotenusa* напечатано слово *Hipottamus*¹⁹. На то, что речь идет именно о слове *Hipotenusa*, указывает чертеж на вклейке после страницы 110v, пояснения к которому и содержит глоссарий. Линия между точками 13 и 14 содержит надпись *Hipotenusa*. В русском тексте содержится следующий перевод немецкой фразы: *...такъ черта исходитъ изъ осьмыя доли кружальнаго круга, какъ и показываетъ отъ 13 числа въ верхъ до 14 числа* (У, с. 162).

Ряд терминов в трактате Фронспергера относится к описанию окружности.

Слово *Centro* (*Centrum*) обычно не переводится и передается по-русски через обозначение буквами, которые его помечают:

(51) ...vnd deßgleichen / auch oben bey den **Centrum** A. (F, s. 134r) – ...и по тому жъ подобно и въ верху у **буквы Я** (У, с. 200).

В примере (52) переводчик заменяет слово *Centro* на букву Ц:

(52) ...welche Regel dir die Grades am eussersten ort / deß Instruments / wirt durch schniedē / wie die ander Regel in mitte **Centro** den runden Circkelriß abschneidt (F, s. 125v) – ...которая угольчатая мѣра тебѣ тѣ степени въ крайнемъ мѣстѣ снасти учнуть проходить, какъ и другая черта въ середкахъ Ц, круглыя кружальныя черты отрѣзываетъ (У, с. 187).

Эта замена не вполне понятна, так как на рисунке, расположенном на с. 126r, центр круга обозначен буквой *A*. Возможно, переводчик под *Centro* понял линию *CL*, проходящую через центр. Этому возможному непониманию способствовала тавтологичность сочетания *in mitte Centro* (*in mitte* переведено как *в середках*). Если наше предположение верно, то становится понятен перевод фразы в примере (53), где единственный раз в «Уставе» слово *Centro* транслитерируется при помощи слова *центр*²⁰:

(53) ...so ich oben bezeichne mit B. vñ sey mein Standt / da ich das Instrument angestellt hab / bezeichnet mit A. bey dem **Centro** / da die Regel ist angehafft / vnnd sich durch die löchlin zu dem B. mit dem Aug... (F, s. 125v) – ...ажъ будетъ я вышину помѣчу Б, а мѣсто и стояніе мое, гдѣ я снасть уставишь, а помѣчено Я, у **центра Ц**, у чего черта или вервь привязана, и зрю сквозь дырочки къ Б прилѣжно окомъ (У, с. 187).

Весьма часто перед переводчиком возникла необходимость передачи по-русски слова *Diameter*, которое встречается в трактате не только при объяснении элементов чертежа: в большинстве случаев оно упоминается при описании способов измерения размеров ядер и их веса. Слово *Diameter* часто транслитерируется как *диамет(е)р*, причем переводчик, транслитерируя немецкое слово, часто дает к нему глоссу. Например:

(54) ...desselbigen Gewichts werden die andern **Diameter** all sein (F, s. 115v) – ...и по тому вѣсу бываютъ всѣ иные **діаметры** сиречь **размѣры**, или **круги въ ядрѣ** (У, с. 167).

В других случаях слово *Diameter* переводится на русский язык словами *размер* (фиксируется в словарной статье *размер* (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 214–215); видимо, калька слова *диаметр*, встречающаяся до 1720-х гг. [Кутина, 1964, с. 63]), *мера* (в словарной статье *мера* (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 91–94) такое значение не фиксируется):

(55) ...deß ersten runden **Diameters** theil (F, s. 117v) – ...первая круглая **размѣрная** доля (У, с. 177); ...in 6. **Diameter** (F, s. 117v) – ...въ 6 **размѣрахъ** (У, с. 178); ...so ist es hinden vmb das Weydt od’ Zintloch

dreyer **Diameter** / od’ Kugel groß an seiner stercke gewesen (F, s. 107v) – ...и такіе пушки въ казнѣ у запалу бывали толщиною въ крѣпостяхъ своихъ, трехъ **мѣръ** противу ядра (У, с. 151–152); ...deßgleichen magstu auch auß diesem **Diametr** / die **Diametr** der Stainern Kugen ersuchen (F, s. 115v) – ...и тому подобно можешъ изъ всѣхъ **мѣръ**, **мѣры** каменному ядру изыскать (У, с. 167).

Употребление переводчиком глоссы к слову *диаметр* не всегда мотивировано:

(56) ...dann so du mit disem Stab den **Diameter** deß Rohrs zu bequwemer zu forderst geradt in mitte hindurch / mit fleiß abmessenst / so hastu den **Diameter** jeder Kugeln / mit sampt der grösse / in Schuch vnd Zoll... (F, s. 115r) – ...и какъ тѣмъ прутомъ размѣрнымъ **мѣру** той пушки, леготно съ переду устья, и вдаль по середки размѣрити и въ томъ ученье имѣти; **діаметерь** сиречь: **размѣру**, коимъ же ядрамъ съ величиною въ ступеняхъ или въ коркахъ и въ долонѣхъ (У, с. 166).

В этом фрагменте при первом упоминании *Diameter* переводится словом *мера*, а при втором транслитерируется и затем глоссируется словом *размер*.

Отметим, что не только русский переводчик, но и сам автор трактата регулярно глоссирует слово *Diameter*, например, при помощи сочетания *das ist der Kugeln höhe oder breite*. Глоссы Фроспергера переводчик добросовестно переводит. Пример (57) интересен тем, что переводчик не только перевел глоссу Фроспергера, но и дал свою собственную глоссу к слову *диаметр*:

(57) ...von solcher [Kugel] nim durch ein Zirckel ein rechten **Diameter** / **das ist der Kugeln höhe oder breite** / vnd behalt solches zu deinem rechten Fundament (F, s. 116v) – и отъ такова ядра возми или сойми кружаломъ прямой **Діаметръ**, **сирѣчь мѣру**, **то есть ядру вышина**, или **ширина**, и такую **мѣру** держи у себя прямой подошвѣ въ домости и къ смѣтѣ (У, с. 172).

Глосса переводчика – *сиречь меру*, глосса Фронспергера – *das ist der Kugeln höhe oder breite* (дословно: то есть ядру вышина, или ширина).

Слово *Bogen* ‘дуга (в математике часть кривой линии)’ (Аделунг, ч. 1, с. 305) переводится в «Уставе» как *дуга* (58), *навес* (59) или *круг* (60)²¹:

(58) Von dem runden viertheils **Bogen** (F, s. 106r) – О круглой чертвортной **дугѣ** (У, с. 143); T. Bedeut zur rechten handt / den vndersten grösten **Bogen** (F, s. 109v) – Т. Показуеть стрѣльбу на правую сторону, которая есть нижняя большая **дуга** (У, с. 159);

(59) ...oder zu einem Bogenschuß richten (F, s. 106r) – ...или куда **навѣсомъ**, или **дугою** стрѣляти къ тому (У, с. 145); ...nach diesem Quadranten in freyem **Bogen** (F, s. 137v) – ...по сему четверогранцу вольнымъ **навѣсомъ** (У, с. 206).

(60) ...bey dem E. den runden viertel **Bogen** (F, s. 110r) – ...у круглой четверти **кргу** (У, с. 160); ...als in dem innern Zirckel **bogen** (F, s. 117v) – ...что и внутрениѣхъ **кружалъ** **кргуѣхъ** (У, с. 177); ...dann die Zirckel **Bogen** des Quadranten (F, s. 137r) – ...но тотъ **кружалъ** **кргу** того четверогранца (У, с. 204).

В связи с необходимостью описывать траекторию полета ядра автор немецкого трактата часто использует еще один геометрический термин – *Grad(t)* ‘в математике степень, градус, 360 часть циркуля’ (Аделунг, ч. 1, с. 713), который чаще всего передается по-русски словом *степень*, которое фиксируется в СРЯ XI–XVII (вып. 28, с. 54), широко используется еще в петровское время [Кутина, 1964, с. 71]²². Реже встречается единица другого уровня – *Minute* ‘минута, миг, мгновение’ (Аделунг, ч. 2, с. 59), «единица величины угла, равная 1/60 градуса» (Микиша, Орлов, 1988, с. 68), которая передается в «Уставе» как *дробная часть*; слово *дробный* выступает в этом случае в значении ‘мелкий’ (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 356)²³. Например:

(61) ...wie **gradt** vnnd **minutten** vnder aber vber den halben theil (F, s. 106r) – ...какъ **степени** и **дробные части** въ низу только выше половины доли (У, с. 143); ...das gebe vber all 96. theyl oder **minutten** (F, s. 107r) – ...и того станеть всѣхъ 96 **дробныхъ частей** (У, с. 149); ...welches auch etwa bey den Gelerten der 45. **gradt** genendt wird (F, s. 107r) – ...которое у ученыхъ людей 45 **степень** именуется (У, с. 150) и т. д.

Встретился также перевод *Grad(t)* словом *часть*:

(62) ...vnd jeder **gradt** weiter in vier gleich **Minutten** einuerleibt worden (F, s. 110r) – ...и кояжъ **часть** размѣчена точками на 4 **дробныхъ части** (У, с. 160).

Примечательно, что слово *Minute* переводчик передает сочетанием *дробная часть*, подчеркивая тем самым, что *Minute* меньше, чем *Grad(t)*.

Судя по поведению в тексте Фронспергера слова *Minute*, возможно, синонимом к нему могло выступать слово *Puncten*, ср.:

(63) ...vnnd ist alleweg von einem biß zum andern **Puncten oder Minutten** auff hundert schritt von einander / näher oder weyter zuschieffen oder werffen gericht / vnd abgetheylt (F, s. 106r) – ...есть всегда отъ единыя **части**, или **дробной части** до 100 шаговъ, отъ части до части, ближе или далѣ къ стрѣльбѣ или бросанію направлено и роздѣлено (У, с. 144); Erstlich seind die theil grad **Puncten oder Minutten** / von eim biß auffsechst zu den Stück Büchsen gericht / welches auch etwa bey den Gelerten der 45. gradt genendt wird (F, s. 107r) – ...преже **тѣ** доли, степени, **стать и дробные части**²⁴ отъ перьваго и до шестаго къ пушкамъ и наряду направлены, которое у ученыхъ людей 45 степень именуется (У, с. 150).

Менее определено (на основании второго и третьего примера) можно утверждать, что синонимами выступают слова *Theyl* и *Gradt*. Однако не исключено, что автор трактата мог недифференцированно употреблять слова *Theil*, *Grad*, *Punct*, *Minute* в общем значении *часть*:

(64) ...möchte man jeden Puncten noch weyter in vier oder zween kleiner theyl zu **grad** oder **minutten** eintheylen / also vnnd dergleich / wann es erstlich in zwolff theyl / darnach jeder in vier theyl / der möchte vier mahl 12. gibt 48. Puncten / vnd wann der jeder noch weyter nur in zwey theyl vermecket / das gebe vber all 96. **theyl** oder **minutten** (F, s. 107r) – ...и доведлося было коюжъ статью на четыре **дробные части** роздѣлити **тѣ**мъ обычаемъ, коли бываетъ прежде на 12 статей розмѣчно, и послѣ того каяжъ статья на 4 части розмѣчено, и какъ станеть четыре жъ по двѣнадцати, сорокъ восьмъ дробныхъ частей, и какъ **тѣ** части въ двое размерити, и того станеть всѣхъ 96 **дробныхъ частей** (У, с. 149).

Выводы

1. При переводе геометрической терминологии переводчик главным образом опирался на переводческую стратегию доместикации. Она отчетливо проявляется в тех случаях, если в русском языке были более или менее устойчивые способы передачи геометрических понятий: *Figur* – *знамя*, *Punct* – *статья*, *Linie* – *черта*, *чертеж*, *Winckel* – *угол*, *Tryangel* – *треугранец*, *Quadrat* – *четверогранец*, *Grad(t)* – *степень* и др.

2. При отсутствии эквивалентов переводчик мог транслитерировать иностранное слово и одновременно использовать близкие по смыслу слова родного языка. Так, слово *Diameter* передается как *диамет(е)р*, *размер*, *мера*, причем последние два слова используются и в составе глосс к слову *диаметр*. Аналогичный этому способ применен при переводе *Cub(us) zahl* и *Cub*, которые в одних случаях передаются сочетанием *собранные числа*, а в других – транслитерируются при помощи субстантивата *кубичное* (с последующей транслитерацией) и существительного *куб*. В таких случаях можно говорить о сочетании переводчиком стратегий доместикации и форенизации.

3. Стратегия доместикации отчетливо проявляет себя при переводе терминов не однословными номинациями (видимо, отсутствовавшими в языке), а описательно. Например: прилагательное *recht* в составе устойчивого сочетания *rechter Winkel* как *плотно и прямо въ своихъ углахъ, а безъ всякія косины* или существительное *Horizont* как *окруженіе, покамѣсть человеческое око обозреть*. Следование этой стратегии также проявляется при опущении слов, для которых переводчик не смог подобрать русский аналог или объяснение, либо при толковании терминов с опорой на чертеж (*Centro*, *Hipotenusa*, *Cathetus* и др.).

4. Следование стратегии доместикации обусловлено, видимо, стремлением переводчика сделать свой текст понятным читателю. Однако отсутствие в русском языке начала XVII в. разработанной и общепринятой геометрической терминологии, в частности отсутствие многих эквивалентов для терминов, при помощи которых происходило описание частей фигур или их анализ, мешали стремлению сделать текст понятным читателю.

5. Сопоставление рукописных и печатного текстов «Устава» позволяет сделать вывод, что издатели XVIII в. внесли правку в написание многих математических терминов (слова *геометрический*, *кубичное*, *перпендикулярный*, *циркуль* и пр. в печатном тексте), в связи с этим использование печатного текста в качестве источника исторической лексикологии и лексикографии требует осторожности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00776 «Язык русских военных уставов XVII века».

The reported study was funded by Russian Science Foundation, the project no. 23-28-00776 “The language of Russian military regulations of the 17th century”.

² История арифметических и геометрических знаний в допетровской Руси хорошо описана в [Юшкевич, 1968, с. 9–51]. Отметим, что геометрические сведения из «Устава» в данном издании практически отсутствуют.

³ Слово *геометрический* не подтверждается рукописным материалом, вместо него используется лексема *геометрический*, например: ...zumessen vnnnd viesieren / durch **Geometrische** Instrument (F, s. 115r) – ...а мѣриту и смѣчати **Геометрической** снастью (У, с. 166); ср. в рукописях: *геометрической снастью* (Собр. Лихачева, 526, л. 155 об.), *геометрической снастью* (F.IX.3, л. 190 об.).

⁴ Этот словообразовательный вариант используется только в издании XVIII в., в рукописях ему соответствует слово *математический* (и вариант *математский*); см., например, собр. Лихачева, 526, лл. 192, 192 об.; F.IX.3, лл. 3, 239 об.

⁵ Отметим, что переводчиков затрудняет передача на русский язык сочетания *Mathematischen Tariffen*. В первом случае оно переводится как *на вѣсѣ примѣты и стрѣльбы*, во втором – как *стрѣльба навѣсная*. Речь идет о таблицах, в которых содержатся математически рассчитанные параметры стрельбы из пушки.

⁶ В геометрии Елизарьева *точка* обозначается при помощи слов *мызок*, *мусок* [Белый, Швецов, 1959, с. 243–244].

⁷ В геометрии Елизарьева слово *черта* также используется в качестве наименования линии [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

⁸ Вероятно, опечатка; в F.IX.3, л. 208: *оуглы*.

⁹ В тексте Фронспергера ему соответствует раздел «Verzeichnuß etlicher Wörter / in dieser Figur zuuernemen» (F, s. 110v).

¹⁰ В рукописях только словообразовательный вариант *кубское* (собр. Лихачева, 526, л. 162; F.IX.3, л. 198 об., 199).

¹¹ Форма *циркуль* появляется только в печатном издании «Устава», в то время как в рукописях вместо нее используются варианты *церкел*, *церкель* (также *церкль*) (собр. Лихачева, 526, л. 150 об., 161 об.; F.IX.3, л. 182 об., 198, 249, 259 об.). Эти формы были, видимо, результатом не транслитерации, а заимствования из польского, ср. формы *cerkiel*, *cyrkiel* (наряду с формами *circul*, *circul*) ‘koło, krąg

okrąg, zakrzywienie' и 'przyrząd służący do zakreslania koła' в польском языке XVI в. (Słownik polszczyzny XVI wieku, t. 3, s. 158–159, 723–724).

¹² В геометрии Елизарьева *циркуль* в значении 'инструмент' переводится при помощи слова *кружальник* [Белый, Швецов, 1959, с. 243–244].

¹³ Слово *Also*, видимо, набрано ошибочно. В отличие от других фраз этого фрагмента, в которых это слово сопровождается иллюстрацией, в данном случае иллюстрации нет. В издании 1596 *Also* нет, иллюстрация отсутствует.

¹⁴ В геометрии Елизарьева *лимба* [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

¹⁵ В рукописях отмечается широкая вариантность этого слова: *перпендикуляр*, *перь пендикулярь*, *перпенкулар* и др., в то же время форма *перпендикуляр* в рукописях отсутствует.

¹⁶ Прилагательное *перпендикулярный* встречается только в печатном издании, в рукописях ему соответствует существительное *перпендикуляр* (см., например: F.IX.3, л. 202).

¹⁷ Ср. в геометрии Елизарьева свинцовая черта в том же значении [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

¹⁸ Ср. в геометрии Елизарьева слово *основанный* в значении 'пропорциональный' [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

¹⁹ Аналогично в издании 1596 года.

²⁰ В геометрии Елизарьева используется слово *исхождение* в значении 'центр' [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

²¹ В геометрии Елизарьева в том же значении используются слова *арса*, *арша* (< лат. *arca*, англ. *arch*) или сочетание *горбатая черта* [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

²² В геометрии Елизарьева также используется слово *степень* [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

²³ В геометрии Елизарьева используется слово *скруплес* (< лат. *scriptulum*) [Белый, Швецов, 1959, с. 244].

²⁴ В рукоп. F.IX.3, л. 167: *статьи, и дробные части*.

в XVII в. // Мир науки, культуры, образования. № 4 (59). С. 221–229.

Кутина Л. Л., 1964. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.: Наука. 219 с.

Лисицына Т. А., 1984. Становление языка русской науки (взаимодействие терминологических и обиходных значений слов) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. С. 31–45.

Немировский Е. Л., 1997. Анисим Михайлов Радищевский, ок. 1560 – ок. 1631. М.: Наука. 148 с.

Николенкова Н. В., 2016. Русская географическая терминология во «Введении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. М.: Аквилон. Т. 3. С. 121–123.

Райнов Т. И., 1940. Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естествонаучных воззрений на природу. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 507 с.

Русаковский О. В., 2018. «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Т. 73, № 3. С. 53–63.

Симонов Р. А., 1975. Предыстория рукописной и печатной русской математической книги (древнерусский учебно-математический «фольклор» и «пособия» табличного типа) // Рукописная и печатная книга. М.: Наука. С. 205–212.

Шостьин Н. А., 1975. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века. М.: Изд-во стандартов. 272 с.

Юшкевич А. П., 1968. История математики в России до 1917 года. М.: Наука. 591 с.

Špotáková D., 2013. Die Geometrie und ihre Sprache im 16. Jahrhundert am Beispiel der deutschen volkssprachlichen Werke // Slowakische Zeitschrift für Germanistik. Bd. 5, H. 2. S. 37–54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белый Ю. А., Швецов К. И., 1959. Об одной русской геометрической рукописи первой четверти XVII в. // Историко-математические исследования / под ред. Г. Ф. Рыбкина, А. П. Юшкевича. М.: ГИТТЛ. Вып. 12. С. 185–244.

Кошелева О. Е., Симонов Р. А., 1981. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии XVII века и ее авторе // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга. Сб. 42. С. 63–73.

Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В., 2016. Пути формирования русского научного дискурса

ИСТОЧНИКИ

Собр. Лихачева, 526 – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Собр. Н.П. Лихачева (Ф. 238). Оп. 1. № 526. Воинская книга. XVII в. 400 л.

У – Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях, в государственное царей и великих князей, Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси самодержцев, в 1607 и 1621 годах выбран из иностран-

ранных военных книг Онисимом Михайловым : в 2 ч. СПб. : При Гос. воен. коллегии, 1777–1781. Ч. 1. 1777. 236 с.

F – Fronsperger L. Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmbschantzen vnd Vndergraben soll... Frankfurt am Main: In verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573. [12] S., CCXXVII bl., [12] S.

F.IX.3 – РНБ. F.IX.3. Военская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях. XVII в. 548 л.

СЛОВАРИ

Аделунг – Полный немецко-русской лексикон, из большого граматикально-критического Словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания Немецкаго языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом Ученых людей : в 2 ч. СПб. : Печатан в Императ. тип., у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 1. X, 1048 с. ; Ч. 2. 1060 с.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975–2019.

Микиша А. М., Орлов В. Б., 1988. Толковый математический словарь: основные термины (около 2500 терминов). М. : Рус. яз. 240 с.

Słownik polszczyzny XVI wieku. Т. 3 / Instytut Badań Literackich PAN ; Kom. red. Stanisław Bak [et al.]. Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 1968. XI, 729 s.

REFERENCES

Belyy Yu.A., Shvetsov K.I., 1959. Ob odnoy russkoy geometricheskoy rukopisi pervoy chetverti XVII v. [About a Certain Russian Geometric Manuscript of the First Quarter of the 17th Century]. Rybkin G.F., Yushkevich A.P., eds. *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* [Historical and Mathematical Research]. Moscow, GITTL, iss. 12, pp. 185-244.

Kosheleva O.E., Simonov R.A., 1981. Novoe o pervoy russkoy knige po teoreticheskoy geometrii XVII veka i ee avtore [New Information About the First Russian Book on Theoretical Geometry of the 17th Century and Its Author]. *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Researches and Materials]. Moscow, Kniga Publ., iss. 42, pp. 63-73.

Kuzminova E.A., Pentkovskaya T.V., 2016. Puti formirovaniya russkogo nauchnogo diskursa v XVII v. [Ways of Formation of the Russian Scientific Discourse in the 17th Century]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], no. 4 (59), pp. 221-229.

Kutina L.L., 1964. *Formirovanie yazyka russkoy nauki (terminologiya matematiki, astronomii, geografii v pervoy treti XVIII veka)* [Formation of the Language of Russian Science (Terminology of Mathematics, Astronomy, Geography in the First Third of the 18th Century)]. Moscow, Nauka Publ. 219 p.

Lisitsyna T.A., 1984. Stanovlenie yazyka russkoy nauki (vzaimodeystvie terminologicheskikh i obikhodnykh znacheniy slov) [Formation of the Language of Russian Science (Interaction of Terminological and Everyday Meanings of Words)]. *Funktsionalnye i sotsialnye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka* [Functional and Social Varieties of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-niye, pp. 31-45.

Nemirovskiy E.L., 1997. Anisim Mikhaylov Radishevskiy, ok. 1560 – ok. 1631 [Anisim Mikhailov Radishevsky, About 1560 – About 1631]. Moscow, Nauka Publ. 148 p.

Nikolenkova N.V., 2016. Russkaya geograficheskaya terminologiya vo «Vvozhdenii v Kosmografiyu»: Lingvisticheskiy aspekt [Russian Geographical Terminology in “Vvozhdenie v Kosmografiyu”. Linguistic Perspective]. *Istoricheskaya geografiya* [Historical Geography]. Moscow, Akvilon Publ., vol. 3, pp. 121-123.

Raynov T.I., 1940. *Nauka v Rossii XI–XVII vekov. Ocherki po istorii donauchnykh i estestvennonauchnykh vozzreniy na prirodu* [Science in Russia 11th – 17th Centuries. Essays on the History of Pre-Scientific and Natural-Scientific Views on Nature]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 507 p.

Rusakovskiy O.V., 2018. «Voinskie knigi» 1607/1620 gg. i ikh nemetskiy original. Popytka sopostavleniya [“Military Books” of 1607/1602 and Its German Original: Comparison]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. Questions of Middle Ages], vol. 73, no., pp. 53-63.

Simonov R.A., 1975. Predystoriya rukopisnoy i pechatnoy russkoy matematicheskoy knigi (drevnerusskiy uchebno-matematicheskiiy «folklor» i «posobiya» tablichnogo tipa) [Prehistory of Handwritten and Printed Russian Mathematical Books (Old Russian Educational and Mathematical “Folklore” and Table-Type “Manuals”)]. *Rukopisnaya i pechatnaya kniga*

- [Handwritten and Printed Book]. Moscow, Nauka Publ., pp. 205-212.
- Shostyln N.A., 1975. *Ocherki istorii russkoy metrologii. XI – nachalo XX veka* [Essays on the History of Russian Metrology. 11th – Early 20th Centuries]. Moscow, Izd-vo standartov. 272 p.
- Yushkevich A.P., 1968. *Istoriya matematiki v Rossii do 1917 goda* [History of Mathematics in Russia Until 1917]. Moscow, Nauka Publ. 591 p.
- Špotáková D., 2013. Die Geometrie und ihre Sprache im 16. Jahrhundert am Beispiel der deutschen volkssprachlichen Werke. *Slowakische Zeitschrift für Germanistik*, Bd. 5, H. 2, pp. 37-54.
- Fronspenger L. *Kriegßbuch / Ander Theyl. Von Wagenburgk vmb die Veldleger, Wie man die schliessen, sich darein verschantzen, wider auffbrechen, vnnd ein Statt oder Festung mit vortheyl Belaegern, Vmbschantzen vnd Vndergraben soll...* Frankfurt am Main, In verlegung Sigmundt Feyerabendt, 1573. 12 S., CCXXVII bl., 12 S.
- RNB. *F.IX.3 Voinskaya kniga o vsyakoy strelbe i ognennykh khitrostyakh. XVII v.* [NLR. F.IX.3 Military Book About All Shooting and Fiery Tricks. 17th Century]. 548 l.

DICTIONARIES

- SOURCES**
- Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN. Sobr. N.P. Likhacheva (F. 238). Op. 1. № 526. Voinskaya kniga. XVII v.* [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Collection of N.P. Likhachev (F. 238), Inv. 1, No. 526. Military Book. 17th Century]. 400 l.
- Ustav ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoy nauki, sostoyashchii v 663 ukazakh, ili statyakh, v gosudarstvovanie tsarei i velikikh knyazei, Vasiliya Ioannovicha Shuiskago i Mikhaila Feodorovicha, vseya Rusii samoderzhtsev, v 1607 i 1621 godekh vybran iz inostrannykh voyennykh knig Onisimom Mikhaylovym: v 2 ch.* [Charter of Martial, Cannon and Other Matters Concerning Military Science, Consisting of 663 Decrees, or Articles, in the Reign of the Tsars and Grand Princes, Vasily Shuisky and Mikhail, Autocrats of All Russia, in 1607 and 1621, Selected from Foreign Military Books by Onisim Mikhailov. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Pri Gos. voen. kollegii, 1777–1781, pt. 1, 1777. 236 p.
- Polnyy nemetsko-rossiyskoy leksikon, iz bolshago gramatikalno-kriticheskago Slovarya gospodina Adelunga sostavlennyy, s prisovokupleniem vsekh dlya sovershennago poznaniya Nemetskago yazyka nuzhnykh slovoizrecheniy i obyasneniy; izdano Obshchestvom Uchenykh lyudey: v 2 ch.* [Complete German-Russian Lexicon, Compiled from Mr. Adelung's Large Grammatical-Critical Dictionary, Adding All the Necessary Phrases and Explanations for a Perfect Knowledge of the German Language; Published by the Society of Learned Men. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Pechatan v Imperat. tip., u Ivana Veytbrekhta, 1798, pt. 1, X, 1048 p.; pt. 2, 1060 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–31* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 1–31]. Moscow, Nauka Publ.; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 1975–2019.
- Mikisha A.M., Orlov V.B. *Tolkovyy matematicheskii slovar: osnovnye terminy (okolo 2500 terminov)* [Explanatory Mathematical Dictionary: Basic Terms (About 2500 Terms)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1988. 240 p.
- Stanisław Bak et al., eds. *Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 3.* Wrocław; Warszawa, etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. XI, 729 s.

Information About the Authors

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Milyausha G. Sharikhina, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Department “Dictionary of the Language of M. V. Lomonosov”, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Tuchkov Lane, 9, 199053 Saint Petersburg, Russia; Senior Researcher, Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, justmilya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7596-9014>

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Миляуша Габдрауфовна Шарихина, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М.В. Ломоносова», Институт лингвистических исследований РАН, пер. Тучков, 9, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, justmilya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7596-9014>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.8>

UDC 81'37
LBC 81.053.1

Submitted: 28.06.2024
Accepted: 16.09.2024

SEMANTIC SYNCRETISM AS A REGULATOR OF DYNAMIC STABILITY IN THE LEXICAL SYSTEM OF A LANGUAGE

Marina Vas. Pimenova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract. The article aims to describe the peculiarities of historical evolution in the lexical-and-semantic system of the Russian language stipulated by the development of the phenomenon of syncretism – formal substantive linguistic asymmetry, which is noted to be insufficiently studied. The linguistic nature of a special lexical-and-semantic category (syncretsemia) reflecting the “insoluble” semantic syncretism is demonstrated. Doubt is expressed in the correctness of the “straightforward” model of semantic evolution presented by language historians as an axiom. It is argued that syncretism predetermines the development of lexical meaning in a “spiralwise” direction: syncretism – its transformation/fragmentation – syncretism at a new level of language development. The author characterizes some major stages in the process of syncretic meaning modification. They occur simultaneously with the shifts in particular phases in the development of thinking. It is noted that in the most ancient period the original semantic syncretism was “compressed” to a flat state in the meaning of the etymon (syncretic word), indivisibly indicating a number of concepts. The transformation of semantic syncretism through the narrowing-concretization of the syncretic meaning is presented simultaneously with the expansion of its lexical expression with the help of minimal units of the Old Russian text (syncretemes) based on metonymy. The paper introduces the examples of original syncretism fragmentation through the intensive formation of derivatives from the invariant etymon and the gradual assigning them some components of the originally syncretic meaning. The cases of “stretching” the original syncretic syncretemes are considered. New types of semantic syncretism are shown to arise at the new level of language development. Furthermore, a modern transformation of syncretic units is observed. Syncretism is proved to be a fundamental ontological condition for the evolutionary stability in the lexical system of a language.

Key words: semantic syncretism, syncretsemia, lexical system, diachrony, semantic development.

Citation. Pimenova M. Vas. Semantic Syncretism as a Regulator of Dynamic Stability in the Lexical System of a Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 109-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.8>

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК РЕГУЛЯТОР ДИНАМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Марина Васильевна Пименова

Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация. Задача статьи состоит в установлении специфики исторической эволюции лексико-семантической системы русского языка в связи с развитием недостаточно изученного явления формально-содержательной языковой асимметрии – синкретизма. Продемонстрирована отражающая «неразрешимый» семантический синкретизм языковая природа особой лексико-семантической категории (синкретсемии). Высказано сомнение в правильности подаваемой историками языка как аксиома «прямолинейной» модели семантической эволюции. Утверждается, что синкретизм предопределяет развитие лексического значения по «спирали»: синкретизм – его трансформация / расчленение – синкретизм на новом уровне развития языка. Охарактеризованы основные этапы изменения синкретичного значения, происходящие параллельно со сменой отдельных фаз в развитии мышления. Отмечено, что в древнейший период исконный семантический синкретизм «сжат» до плоского состояния в значении этимона (слова-синкреты), нерасчлененно указывающего на целый ряд понятий. Описана трансформация семантического синкретизма через сужение-конкретизацию синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения при помощи основанных на метонимии минимальных единиц древнерусского текста (синкретем). Приведены примеры расчленения исконного синкретизма путем интенсивного образования производных слов от этимона-инварианта и постепенного закрепления за ними того или иного компонента первоначально синкретичного значения. Рассмотрены случаи «растяжения» исконных синкретичных синкретем. Показано, что на новом уровне развития языка возникают новые виды семантического синкретизма, а также наблюдается современная трансформация синкретичных единиц. Сделан вывод о том, что синкретизм представляет собой фундаментальное онтологическое условие эволюционной устойчивости лексической системы языка.

Ключевые слова: семантический синкретизм, синкретсемия, лексическая система, диахрония, семантическое развитие.

Цитирование. Пименова М. Вас. Семантический синкретизм как регулятор динамической устойчивости лексической системы языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 109–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.8>

Введение

В гуманитарных науках для термина **синкретизм** (греч. *συνκρητισμός* – ‘нерасчлененность’, ‘связывание’) предлагаются самые разные дефиниции, сводящиеся, на наш взгляд, к двум основным значениям: «1) смешение / слияние первоначально независимых друг от друга явлений / разнородных элементов; 2) исконная нерасчлененность характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления» [Пименова, 2011, с. 19–20].

В лингвистических словарях данный термин характеризуется чаще всего в рамках первого значения, что объясняется, как мы полагаем, достаточно хорошей изученностью проявлений лингвистического синкретизма на синхронном грамматическом уровне (Н.Н. Дурново,

Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, Л. Ельмслев, А.М. Пешковский, А. Мартине, М. Мамудян, Г. Стамп, Г. Мюллер, М. Баерман, Д. Браун, Г.Г. Корбет, В.В. Виноградов, М.А. Гемплер, В.В. Бабайцева, В.А. Плунгян, Л.Д. Чеснокова, В.И. Фурашов, Т.Е. Аношкина, И.В. Артюшков, А.Я. Баудер, В.А. Береснева, Л.В. Бортэ, А.С. Бочкарева, Е.Н. Варюшенкова, Е.М. Виноградова, И.В. Высоцкая, Т.Ф. Глебская, Н.Э. Готовщикова, Т.П. Гуськова, Г.Г. Инфантова, А.А. Калинина, Т.В. Колесникова, Г.Н. Кондратьева, В.В. Кузмичев, Ю.И. Леденев, В.И. Леднева, Л.М. Меликова, А.Н. Наумович, Н.А. Николаина, О.В. Семенова, Т.М. Смоленская, М.А. Сорокина, Г.Д. Фигуровская, Е.В. Януш и др.).

Приведем в качестве примера дефиницию В.В. Бабайцевой: синкретизм – «совпаде-

ние в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме... совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [Бабайцева, 1990, с. 446]. Лучше всего семантический синкретизм исследован в сфере синтаксиса, что подтверждается, например, обсуждением применения понятия *синкретичные второстепенные члены предложения* не только в научно-вузовской, но и в школьной практике [Гаврилова, 2018, с. 51–54].

В.И. Фурашов в статье «О синкретизме и смежных явлениях» подчеркивает важность введенных еще Л. Ельмслевом понятий *разрешимого* и *неразрешимого* синкретизма, на противопоставлении которых построена шкала переходных явлений В.В. Бабацевой и атрибутивной валентности В.И. Фурашова. Ср.: (шкала В.В. Бабацевой) $A - Ab - AB - aB - B$ [Бабайцева, 2000, с. 133]; (шкала В.И. Фурашова, в которой цифровая индексация условно указывает на количество тех или иных дифференциальных признаков) $a_4 - a_3v_1 - a_2v_2 - a_1v_3 - v_4$ [Фурашов, 2010, с. 43]. В данных схемах «крайние» члены указывают на типичные единицы, например, типичное определение *книжная торговля* – A , a_4 , типичное дополнение *торговать книгами* – B , v_4 ; вторые от «края» – на «разрешимый» синкретизм, например, *дом отца* (ср.: *отцовский дом*) – Ab , a_3v_1 , *выполнение задания* (ср.: *выполнить задание*) – aB , a_1v_3 ; центральные (срединные) члены схемы обозначают зону семантического «неразрешимого» синкретизма (50 : 50) – AB , a_2v_2 , например, синкретичный член предложения *торговля книгами* (определение + дополнение, ср.: *книжная торговля + торговать книгами*) [Фурашов, 2010, с. 53–54].

На наш взгляд, на лексическом уровне явления «неразрешимого» семантического синкретизма образуют особую лексико-семантическую категорию, которую мы предложили обозначать термином **синкретсемия** («нерасчлененность значений») [Пименова, 2007, с. 44], включая его в имеющийся терминологический ряд наименований семасио-

логических категорий (ср.: *моносемия* – «однозначность», *полисемия* – «многозначность», *эврисемия* – «широкозначность», *энантисемия* – «противоположность значений»). В связи с фиксирующимися явлениями лексико-семантического синкретизма мы выделяем, во-первых, **«содержательную» синкретсемию**, при которой один знак выражает нерасчлененное значение, связанное с двумя / более сигнификатами и/или денотатами, во-вторых, **«формальную»**, предполагающую наличие двух и более нерасчлененных знаков, выражающих одно значение, связанное с одним сигнификатом и одним денотатом, в-третьих, **«формально-содержательную»**, при которой выражающие одно синкретичное значение два и более означающих связаны с двумя / несколькими сигнификатами и денотатами [Пименова, 2011, с. 31–41].

Второй подход / значение термина (*синкретизм* – «исконная нерасчлененность»), не представлен в лингвистических терминологических и энциклопедических словарях, хотя термин *семантический синкретизм* активно используется в диахронических исследованиях при изучении особенностей древнего и диалектного слова (А.А. Потебня, А.А. Веселовский, Б.А. Ларин, Л.С. Ковтун, О.Н. Трубочев, С.Д. Кацнельсон, В.В. Колесов, Р. Пиккио, О.А. Черепанова, С.А. Аверина, М.А. Венгранович, Д.Г. Демидов, Е.И. Зиновьева, Б.В. Кунавин, В.В. Левицкий, В.Д. Петрова, О.А. Радутная, М.Д. Харламова, Л.Г. Яцкевич и др.).

Данная статья ставит своей целью рассмотреть явление *семантического синкретизма* как важнейшего фактора языкового развития, обеспечивающего регулирование динамической устойчивости лексической системы языка.

Результаты и обсуждение

Семантический синкретизм и модель развития лексического значения

Наличие семантического синкретизма на лексико-семантическом уровне, к сожалению, фактически не учитывается в историко-семасиологических исследованиях. На наш взгляд, это связано с имплицитно присутствующим в научных трудах и лексикографиче-

ческих изданиях представлением о дискретной и симметричной организации лексических значений, что в большинстве работ историков языка отражается в подаваемой как аксиома «прямолинейной» модели развития значения. Данная модель, по мнению исследователей, предполагает развитие лексического значения, например, «от простого к сложному» [Кузьмин, 2003, с. 16; Мохаммад, 2014, с. 27–28], «от прямого значения к переносному» [Звегинцев, 1957, с. 222; Лукина, 1966, с. 5–7], «от конкретного к абстрактному/отвлеченному» [Будагов, 2004, с. 14; Мурьянов, 1978, с. 109; Николаев, 1987, с. 59–60; Черемисина, 2000, с. 182, 192; Шрамм, 1979, с. 110], «от нейтральных значений к оценочным» [Петрова, 1983, с. 36], «от дескриптивного значения к оценочному» [Чернякова, 1991, с. 74], «от материального к духовному» [Киынова, 2014, с. 57 и сл.], «от низкого к высокому» [Малыгина, 2015, с. 60–61] и т. д. А.А. Потенбня, рассматривая подобный подход (предполагающий, что развитие значения происходит «от прозаического к образному и поэтичному» [Потенбня, 1968, с. 217]), отмечает, что данный взгляд – это «... взгляд потомка, которому свой образ мысли, своя обстановка кажутся так естественны, что уровень мысли и обычая предков он готов считать (и действительно считает, как некоторые ученые – мифы) неправильным, болезненным отклонением от этой естественности» [Потенбня, 1968, с. 217].

Необходимо отметить, что данную «прямолинейную» модель не подтверждают языковые факты, свидетельствующие о наличии в диахронии семантического синкретизма, представленного в трудах исследователей под различными терминологическими определениями, например, *первозданное слово, первобытное имя, исконный семантический синкретизм слова, единое недифференцированное образное имя, недифференцированный этимон, синкретическое слово, первично диффузное слово, слитность предметности и качественности, обобщенно-семантический синкретизм фольклорного слова, смысловой «сгусток»* и др. (А.Н. Афанасьев, А.А. Потенбня, Л.С. Ковтун, Б.А. Ларин, О.Н. Трубачев, С.Д. Кацнельсон, В.В. Колесов, О.И. Смирнова, Н.В. Феоктистова, О.А. Радутная, Е.М. Маркова, О.П. Лопутько, С.В. Кезина, М.А. Венгранович и др.) (см. также: [Пименова, 2007, с. 39–40]).

В связи с наличием исконного семантического синкретизма и в соответствии с базовым законом эволюции (законом отрицания отрицания) модель развития лексического значения может быть представлена, по нашему мнению, как движение по условной спирали: 1) **синкретизм** → 2) **расчленение синкретизма** → 3) **синкретизм** (на новом уровне развития языка) → 4) **расчленение синкретизма** и т. д. (а не по прямой линии «от простого к сложному» и т. п.)

Исконный семантический синкретизм

В древнейший период развития языка спираль-пружина «сжата» до плоского состояния в *этимоне* (или *слове-синкрете* – термин В.В. Колесова [Колесов, 1991, с. 43]), содержащем в себе генетически связанные компоненты неразрывного синкретического значения (конкретный – абстрактный, прямой – переносный, дескриптивный – аксиологический) и представляющем «содержательную», или сигнификативную, синкретсемию. Данное явление подтверждается множественной этимологией (Сравн. сл., с. 6) и многообразием символических ассоциаций в народных представлениях.

Так, по мнению О.Н. Трубачева, славянское и.-е. отглагольное имя **krasa* восходит одновременно к двум праславянским глаголам: 1) **krēsiti* ('воскрешать', 'оживлять', 'освежать'); 2) **kresati* ('высекать искру', 'создавать огонь') (ЭССЯ, с. 95–97). В народной поэзии славян понятие *krasa* ассоциируется с целым рядом мелиоративных признаков, восходящих к природному возобновлению и поддержанию жизни: 'цветение', 'свежесть', 'весна', 'молодость', 'красота', 'огонь', 'веселье' и др. [Потенбня, 1914, с. 35–36].

Этимон **svēt-/svēt-* этимологи связывают одновременно с и.-е. **k'uei-* (ст.-слав. свѣтъ) и и.-е. **kuen-to* (**svēt-*; сват-) (Фасмер, с. 575–576; Черных, с. 145–146), что, как отмечает Ф.И. Буслаев, указывает на семантическую слитность народных представлений о сиянии света и духовной святости [Буслаев, 1848, с. 124–125]. П.А. Флоренский отмечает, что данная слитность представлений отражается в иконописной традиции изображать святых с нимбом сияния вокруг головы [Флоренский, 1989, с. 100, 672]. В славянской

символике *свет* имеет, на первый взгляд, разнородные ассоциации: с одной стороны, 'цветение жизни', 'любовь', 'веселье', 'красота', а с другой – 'святость', 'праведность', 'истинность', 'миропорядок' [Потебня, 1914, с. 28–33].

Исследователи в качестве примеров единиц с синкретичным значением, указывают на слова-символы, имеющие «все свойства художественного произведения» [Потебня, 1976, с. 196], хранящиеся «в устной памяти коллектива» [Лотман, 1992, с. 192] и являющиеся «ключевыми словами» («словами-ключами») или «культурными словами» (Kulturwörter), характерными для социума в ту или иную эпоху [Ельмслев, 1962, с. 136]. О.Н. Трубачев относит к таким словам, например, слав. **svojb*, др.-инд. *ṛtá-* ('универсальный космический закон', 'всеобщая истина', 'мировой порядок') [Трубачев, 2003, с. 177–179]. Л.Н. Столович – библ. *tob* ('прекрасное', 'хорошее') и *tif'ereth* ('великолепие', 'краса', 'блеск', 'венец славы') [Столович, 1994, с. 13]. В.В. Колесов – «любое общее слово Писания или народной поэтики», в которых всего труднее заметить несовпадение «со значениями соответствующих слов современного языка» (таких, например, как *душа, правда, добро, солнце, Бог* и др.) [Колесов, 1990, с. 28].

В период Древней Руси, судя по наблюдениям историков языка, синкретичными единицами являются слова с широким, «универсальным», значением [Соколовская, 1971; Смирнова, 1966, с. 56; Михайловская, 1980, с. 9], среди которых, как показывает и наш материал, обозначения мелиоративной и пейоративной оценки (<+> *благыи, благовидныи, благовонныи, благокрасныи, благооуханныи, блаженныи, божьствьныи, велии, веселыи, дивныи, добрыи, дюжши, здоровыи, красьныи, крѣпкши, лагодьныи, льпыи, лучши, нарочитыи, нарядьныи, преподобьныи, пьрвыи, свѣтлыи, свѣтлыи, славныи, сулгыи, хитрыи, хорошии, чистыи; <-> безбожьствьныи, бѣсовьскыи, вражши, гнусныи, гнѣвныи, грубыи, дряхлыи, дѣмоньскыи, жестокыи, зьлыи, лихыи, лукавыи, лютыи, мьрзскыи, печалныи, сквѣрныи, слабыи, страшныи, супостатьныи, тьмьныи, ужасныи, унылыи, худыи, чуждыи, чьрныи* и др., а также производные с этими корневыми элементами [Пименова, 2007, с. 212–331].

Трансформация семантического синкретизма

В древнерусский период в процессе эволюции языка, связанной со сменой концептуальных форм ментальности, происходит постепенное растяжение семантической «пружины», выражающееся, с одной стороны, в сужении / конкретизации означаемого (синкретичного значения), с другой стороны, в расширении означаемого (лексического выражения значения). В возникающих в результате этого процесса семантически несвободных сочетаниях слов проявляется уже иной тип синкретсемии – «**формальная**» (или **структурно-синтагматическая**) **синкретсемия**, реализующаяся при линейном (одновременном) соотнесении элементов, представляющих собой устойчивую структуру. При данном типе синкретсемии одно значение выражается узуально закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов, представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста [Пименова, 2007, с. 50].

В.В. Колесов отмечает, что в древнерусский период развития русского языка основной смысловой единицей «...выступает не самостоятельное (словарное) слово, а целое сочетание из двух-трех слов, словесная формула, построенная на метонимической основе» [Колесов, 2005, с. 14]. Кроме того, «формула-синтагма, а не текст и не слово являлись основным элементом древнерусского литературного языка» [Колесов, 1989, с. 138] и «построение текстов не имело еще творческого характера, это была переработка традиционных текстов на уровне словесных формул (синтагм)» [Колесов, 2019, с. 571].

Термин *формула-синтагма* для обозначения основных смысловых единиц древнерусского языка был обоснован В.В. Колесовым в монографии «Древнерусский литературный язык» (1989) на фоне десятков терминов, предложенных другими исследователями средневековой письменности – В.М. Загребинным, А.Г. Ломовым, А.Н. Робинсоном, А.Т. Хроленко, Р. Пиккио, М.М. Копыленко, А.С. Орловым, И.П. Ереминым, Н.А. Мещерским, О.Ф. Коноваловой, А.И. Генсьорским,

Б.А. Лариным, Д.С. Лихачевым, Л.Я. Костючук, Е.Т. Черкасовой, В.И. Ярцевой и др. (см.: [Колесов, 1989, с. 136–138]).

Опираясь на работы В.В. Колесова, мы для обозначения основных смысловых единиц в диахронии предложили термин **синкретемы** (корень *синкрет-* + суффикс *-ем*), который находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкретизм*, *синкрета*, *синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней (*фонема*, *семема*, *лексема*, *морфема*, *синтаксема* и т. п.). Формула-синтагма (синкретема) обладает синкретичным значением, связанным с *метонимией* [Колесов, 2005, с. 13–14]. Метонимические переносы «по смежности» предопределяют дифференциальные признаки синкретем, отличающие их от основанных на *метафоре* современных фразеологизмов (подробно см.: [Пименова, 2007, с. 50–58]).

Рассмотрим один из частотных видов синкретем – **глагольно-именные синкретемы** типа *възложити чьсть*, *вознести глась*, *избыть болезнь*, *приклонити ухо*, *приносити молитву*, *сътворити мирь*, *творити память*, *цѣловати кръсть* и т. п. Данные синкретемы, регулярно встречающиеся в древнерусских текстах всех жанров, построены по структурной модели «глагол + сущ. в Вин. пад.» и в рамках этой синтагмы выражают синкретичное значение ‘производить действие по значению существительного’. Относительно непродуктивными структурными моделями глагольно-именных синкретем являются «глагол + предлог + сущ. в Вин. пад.» (*въсѣсти на конь*, *въпасти въ грѣхъ*, *возложити на умь*); «глагол + сущ. в Тв. пад.» (*бити челом*, *украшити иконами*, *костию пасти*,); «глагол + (предлог) + сущ. в Дат. пад.» (*разумети книгам*, *бити по рукамъ*); «глагол + предлог + сущ. в Род. пад.» (*выдавати без суда*, *възнести до облакъ*,); «глагол + предлог + сущ. в П. пад.» (*държати въ оумь*, *говорити в срьдце*) и т. п.

Значительная часть глагольно-именных синкретем связана с особым денотатом, который мы условно определяем как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное). Наличие «раздвоения» становится явным при наличии лексической

единицы с тем же значением, например: *бити челомъ* – *просити*, *взати побѣду* – *побѣдити*, *възложити вънець* – *вънчати*, *възложити чьсть* – *чьствовать*, *въпасти въ грѣхъ* – *сѣгрешити*, *въру гѣти* – *върити*, *отворити ворота* – *отворитиса*, *творити молитвы* – *молитиса* и т. п.

Помимо глагольно-именных синкретем, в системе устойчивых древнерусских единиц можно выделить еще несколько видов (подробно см.: [Пименова, 2007, с. 50–70]). Синкретемы с **постоянными эпитетами** обозначают денотат, являющийся «идеальным», соответствующим эталонным представлениям о том, каким он должен быть, например: *добрый молодец*, *красна девица*, *красно солнышко*, *белый свет*, *синее море*, *чисто поле* и др. Синкретемы с **устойчивыми книжными атрибутами** называют денотат, обладающий признаком, который выделяет его из однородного ряда и благодаря которому он становится именно этим денотатом / объектом, например: *царствие небесное* – ‘рай’, *правая вѣра* – ‘православие’, *горы великия* – ‘Карпаты’, *воровское время* – ‘ночь’, *злыи съвѣтъникъ* – ‘дьявол’ и т. п. Синкретемы с **парными именованьями** указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т. д., например: *небо и земля* – ‘вселенная’, *день и ночь* – ‘сутки’, *мать и отец* – ‘родители’, *щит и меч* – ‘оружие’, *сѣмо и овамо* – ‘езде’ и т. п. **Однокорневые синкретемы**, или этимологические фигуры, называют количественно и качественно «удвоенный» денотат, существующий только в процессе совершения соответствующего действия (глагол + сущ.: *темень темнеется*, *жити жизнью*, *дѣло дѣлати*, *пѣти пѣсню*, *снитися сон* и др.) или же обладающий определенным признаком, утрата которого приводит к исчезновению объекта (прилаг. + сущ.: *младые молодушки*, *светлый свет*, *волюшка вольная*, *диво дивное*, *тьма тьмущая*, *чудо чудное* и т. п.). Синкретемы с **устойчивыми сравнениями** указывают на денотат, уподобляемый «идеальному», выступающему по своей сути в функции постоянного эпитета, например: *яко лебедь белая*, *яко сокол млада*, *яко тать в ноци*, *яко вълци стояще*, *аки звѣзда*, *аки агньць*, *аки звѣри дивии*, *аки нѣкаа ехидна* и т. д.

Расчленение**исконного семантического синкретизма**

Начиная с XIV–XV вв. в связи с очередной сменой формы мышления происходит дальнейшее растяжение семантической «пружины», проявляющееся в образовании значительного количества производных единиц от этимона (слова-синкреты), за которыми постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения (к XVI–XVII вв.), то есть наблюдается полная конкретизация означаемого (расчленение исконного семантического синкретизма и замена сигнификативной синкретсемии моносемией или полисемией) в связи с увеличением объема означаемого (знаков, указывающих на различные компоненты прежде синкретичного значения).

Так, от слова с синкретичным значением *красныи* образованы прилаг. *прѣкрасьныи*, *безкрасьныи*, *некрасьныи*, *красноочервленныи*, *краснообразныи*, *красноличныи*, существительные *бескрасие*, *красница*, *красникъ*, *краснопевец*, *краснослов*, *краснолюбие*, глаголы *краснити*, *краснети*, наречия *красно* и *краснѣ*; от каузатива *красити* – прилагательное *красивыи*, существительное *красьба*, а также префиксальные и префиксально-суффиксальные глагольные формы *украсити(ся)*, *прекрасити(ся)*, *украшати(ся)*, *преукрашевати*, *отъкраситися*, к которым в свою очередь восходят отглагольные существительные *украшение*, *преукрашение*, *неукрашение*; от слова *красота* образовано существительное *некрасота* и прилагательное *красотьныи*, от прилагательного *красавыи* – относительно поздние существительные *красавец* и *красавица* (всего 77 производных) (Срезн., стб. 1315–1318; СлДРЯ, с. 284–288, 290–292; СлРЯ, с. 5, 8, 15–16, 18–19, 22–24; ЭССЯ, с. 99–102).

Кроме того, с XIV–XV вв. прилагательное *красьныи* начинает использоваться в конкретном значении цвета. Исследователи полагают, что наиболее ранним является цветное употребление *красный* в «Хождении Стефана Новгородца» 1347 г. [Суровцева, 1970, с. 97–98]. В памятниках XVI–XVII вв. фиксируется множество производных с корнем *крас-/красн-*, выражающих различные значения

дескриптивного типа. Например: прилагательные *красильный* ('относящийся к крашению, красителям'), *красочный* ('раскрашенный'), *краснобрусничный* ('красный, цвета спелой брусники'), *краснолисий* ('сделанный из меха рыжей лисы'), *красногривый* ('с красновато-рыжей гривой'), *краснокарий* ('карий с особым красноватым оттенком, о цвете глаз'), *подъкрасныи* ('имеющий красноватый цвет, о ловчих птицах'); существительные *красноглазь* ('прозвище человека, имеющего карие глаза особого оттенка'), *красильник* ('красильщик'), *красочник* ('тот, кто готовит краски'), *красность* ('качество, краснота'), *краска* ('красящее вещество', 'цвет, окраска, тон'); глагол *краснѣтися* ('выделяться своим красным цветом') и др. (СлРЯ, с. 15–24). В XVIII в. количество производных с *крас-* увеличивается за счет словосложений с первой частью *красно-* и *красновато-* (всего около 100 производных), например: *красно-/красноватобѣлый*, *краснобокий*, *краснобородой*, *красно-/красноватобурый*, *красноватость*, *красноволосый*, *красновыходящий*, *красногубой*, *красноглазый*, *красногузка*, *красногорлой*, *красногубый*, *красножелтый*, *краснокофейный*, *краснольс*, *красномолочник*, *красноносый*, *красноперка*, *краснописательство*, *красноватоохряной*, *красноватопалевый(-ой)*, *краснопегий*, *краснонозовый*, *краснорыжий*, *красноватостърый*, *красносиний*, *краснотемный*, *красноватофиолетовый*, *красноватосизый*, *красноваточерный*, *красночерноватый*, *краснощекий* и др. (СлРЯ XVIII, с. 234–244).

Производные с корнем *крас-* с XVI–XVII вв. встречаются также в функции гипонима в терминологических словосочетаниях, в которых видовое значение возникает, во-первых, на основе мелиоративного синкретичного значения оценочного типа 'лучший' (например: *красный свѣтъ*, *красная зоря*, *красный мѣсяцъ*, *красное крыльцо*, *красное окошко*, *красная кожа*, *красный товаръ*, *красная пшеница*, *красный рядъ*, *красная цена*, *красная дичь* и др.); во-вторых, на основе дескриптивно-конкретного цветового признака (например: *красная икра*, *красное вино*, *красная лисица*, *красное масло*, *красные блины*, *красный грибъ*, *красный воскъ*, *красная печать*, *красная мѣдь*, *красная болѣзнь* и т. п.) (СлРЯ, с. 20–21; СлРЯ XVIII, с. 240–241).

В этом случае расчленение исконного семантического синкретизма прилагательного *красьныи* происходит не за счет производных единиц (на эпидигматическом уровне), а при помощи терминологических синкретем (на синтагматическом уровне).

«Растяжение» синкретем

Начиная с XIV–XV вв. происходит постепенное «растяжение» древнерусских синкретем, приводящее к трансформации «формальной» синкретсемии.

Так, синкретемы с эквиолентными парными именованиями преобразуются («растягиваются») в иерархические градуальные триады. Например: *душа и тѣло (и духъ)*, *солнце и луна (и звѣзды)*, *слово и дѣло (и помысль)*. Ср.:

(1) Съсуд божий есть и святому духу жилище бываетъ, от того освещается **душа и тѣло** (Киев.-Печ. Патерик, с. 586);

(2) И тако абие отроча растяше прочее время, по обычаю телеснаго възраста, преуспевая **душею, и тѣлом, и духомъ** (Жит. Серг., с. 22);

(3) И въпраша его царь: «Есть ли у вас **солнце и луна?**» (Суды Солом., с. 72);

(4) Что есть мѣра отъ востока до запада? – **Солнце и луна и звѣзды** (Апокр., с. 142);

(5) **Слово и дѣло** есть вскорѣ (Посл. Вас. Новг., с. 46);

(6) Ни доканчиваль есмь с кимъ иному добра хотѣти болѣ его – **ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ** (Посл. митр. Кипр., с. 436).

Однокорневые синкретемы могут «растягиваться» за счет включения в их состав согласованных единиц – прилагательных, местоимений и др. Например:

(7) **Свѣте мои свѣтлыи**, чему помрачился еси? (Пов. Зараз., с. 318);

(8) По отъядении же отпусти и въ своя храмы, приставивъ отроки блюсти, да не отъидеть; повелѣ же и женѣ его **утворитися въ утварь всякую** на прельщение отрока и служити предъ нимъ. <...> Его же видѣвъше отци ти **възрадовашася радостию великою** и ставъше прославиша бога, яко услыша молитву ихъ» (Жит. Феод. Печер., с. 326–328);

(9) В се же лѣто священа бысть церкви святаго Михаила Переяславская Ефрѣмом, митрополитомъ тоя церкви, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо прежде в Переяславли митрополю, и пристрою великою пристрою, **украсивъ ю всякою красотою**, церковными сосуды (ПВЛ, с. 220).

(10) Нынѣ же **чюдно и велико видѣние вижду очима моима** (Сказ. Ольг., с. 262).

В «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого наблюдается «растягивание» однокорневой синкретемы путем многократного повторения производных от одного корня (или от двух «переплетающихся» корней), что создает особый риторический стиль «плетения словес». Например: *красота – оукрашахся – преоукрашена – красотоу* (контекст 11); *свѣте – просвѣтитя – свѣтилоу – свѣщюу свѣтящюу – свѣща – свѣтилнику свѣтло освѣщену – просвѣти* (контекст 12); *много – мнози – мнозѣми – многими – единъ (6 раз) – единъ во едино – многа – единъ – единъ воединенъ и уединяся – единъ уединеный, единъ у единого – единъ единого – единъ – единому – единъ – къ единому – мнози – многими* (контекст 13)).

(11) Гдѣ моя **красота** ц(е)рковнаа, иже иногда **оукрашахся**, яко невѣста **преоукрашена** женихоу своему; н(ы)нѣ же по женихѣ плача отложихъ **красотоу** первую (Жит. Стеф., с. 93);

(12) О увы мнѣ, **свѣте** очию моею камо заиде; откоуду же ми **просвѣтитя** лууча, **свѣтилоу** моему зашедшоу? <...> Иже иногда имѣхъ над главою моею **свѣщюу свѣтящюу**, н(ы)нѣ же **свѣща** оугасе ми <...> О **свѣтилнику свѣтло освѣщену**, иже **просвѣти** пермские люди (Жит. Стеф., с. 94–108);

(13) Коль **много** лѣт **мнози** философи еллинъстии сбирали и составлявали грамоту греческую и едва устави, **мнозѣми** труды и **многими** времени едва сложили! Пермскую же грамоту **единъ** чернецъ сложилъ, **единъ** составил, **единъ** счинилъ, **единъ** калогерь, **единъ** мних, **един** инокъ, Стефан, глаголю, присно помнимый епископъ. **Единъ во едино** время, а не по **многа** времена и лѣта, якоже и они. Но **единъ** инокъ, **един воединенъ** и **уединяся, единъ уединеный, един у единого** Бога помощи прося, **единъ единого** Бога на помощь призываа, **единъ, единому** Богу моляся и глаголя... И сице **единъ** инокъ, къ **единому** Богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту сотворилъ, и книги перевелъ в малых лѣтех, Богу помагающу ему. А они **мнози** философи – **многими** лѣты седмъ философвъ едва азбуку устави (Жит. Стеф., с. 65).

В «Похвальном слове Сергию Радонежскому» Епифания Премудрого присутствует количественное «растягивание» / «нализывание» синкретем с сравнительными оборотами

(всего 38 единиц). Ритор использует синкретемы с устойчивыми сравнениями (*яко свѣтило, яко цвет, яко звезда, яко луча, яко крин* и т. д.), построенными по модели старославянских (ФССЯ, с. 42–47), но «растянутыми» им за счет «авторских» согласованных единиц (контекст (14)).

(14) Сего Богъ проставил есть в Русской земли и на скончание седмыя тысяща; сѣй убо преподобный отец наш провисилъ есть въ стране Русстей, и **яко светило** пресветлое възсия посреди тмы и мрака, и **яко цвет** прекрасный посреди трѣниа и волчца, **яко звезда** незаходимаа, **яко луча**, тайно сияюща и блистающа, и **яко крин** въ юдолии мирских, **яко кадило** благоуханное, **яко яблоко** добровонное, **яко шипок** благоуханный, **яко злато** посреди брѣниа, и **сребро** раждежено, и искушено, и очищено седморицею, **яко камень** честный, и **яко биср** многоценный, **яко измарagd**, и **самфир** пресветлый, **яко финикс** процвете, **яко кипарис** при водах, **яко кедр** иже въ Ливане, **яко маслина** плодовица; **яко араматы** благоуханиа, **яко миро** излианное, **яко сад** благоцветущ, **яко виноград** плодоносен, **яко гроздь** многоплоден, **яко оград** заключен, и **яко врьтоград** затворен, **яко сладкый** запечатленный **источник**, **яко съсуд** избран, **яко алавастр** мира многоценнаго, **яко град** нерушим, **яко стена** неподвижима, **яко забрала** тверда, **яко сон** крепок и верен, **яко основание** церковное, **яко столп** непоколебим, **яко венец** пресветлый, **яко корабль**, испльнъ богатства духовнаго, **яко земный аггел**, **яко небесный человек** (Жит. Серг., с. 99–100).

В памятниках XVI–XVII вв. наблюдается «скрещивание» производных от двух корней в одной синкретеме, что свидетельствует о дальнейшей трансформации «формальной» синкретсемии. Например: *крас-* и *свѣт-* (контекст 15), *крас-* и *ряд-* (контекст 16), *свѣт-* и *сиј-* (контексты (17), (18)).

(15) И возсия нынѣ столный и преславный град Москва... **красуяся** и **просвѣщаяся** святыми божиими церквами, деревяными же и каменными, яко видимое небо, **красяшеса** и **свѣтяшеса** пестрыми звѣздами **украшено** (Казан. ист., с. 312);

(16) И **урядивъ** разное **украшение** их, и преже повелѣ въсѣмъ княземъ и воеводам во град приѣзжати на великую площадь... и **красно нарядяся**, по них же среднимъ и обычным воем (Казан. ист., с. 450);

(17) И абие вскоре тишина бысть и **свѣт восия**. И явишася два мужа **свѣтлостию сияюща** (Пов. бел. клобуке, с. 216);

(18) Мѣсто оно **пресвѣтлыми** лучами **осняваемо** бѣ, яко от **трисиятелнаго свѣта** (Сказ. Ольг., с. 280).

Синкретизм

на новом уровне развития языка

В национальную эпоху развития русского языка (с XVII в.) и период современной концептуальной формы русской ментальности [Колесов, 2019, с. 240–245] начинается процесс формирования значения на парадигматическом уровне, который завершается примерно к концу XVIII в. путем складывания системы слов-инвариантов, среди которых синкретичные значения *гиперонимов*, «вбирающие» в свою семантику многочисленные производные донациональной эпохи, например: совр. **красивый** – др.-русск. *красьныи, прѣкрасныи, льгыи, добрыи, бѣлыи, свѣтлыи, велии, видныи, высокии, сладкии, тварныи, радостьныи, чистыи, дивныи, хорошии, личныи, хытрыи, чистыи, чудныи* и т. д.; совр. **некрасивый** – др.-русск. *некрасьныи, нелгыи, зьлыи, худыи, немилорожый, гнѣвьныи, гноусьныи, гнилыи, страшныи, сквърныи, мързъкыи, ужасьныи, дряхлыи, унылыи, больныи, слабыи, старыи, щуплыи* и т. п. [Пименова, 2007, с. 222–331, 335].

Современные **доминанты синонимического ряда** также обладают синкретичным значением, «вбирающем» в свою семантику значение синонимов и выражающем его одновременно и нерасчлененно, например: **хороший** («отличающийся положительными качествами, заслуживающий положительной оценки») – *неплохой, недурной, недурственный, славный, ладный, стоящий, мировой, хоть куда, что надо, на большой палец, на ять; плохой* («лишенный положительных качеств, свойств, не удовлетворяющий предъявляемым требованиям, не заслуживающий положительной оценки») – *нехороший, дурной, скверный, дрянной, худой, поганый, паршивый, аховый, никудышный, плѣвый, хреновый; красивый* («совершенный по своей красоте») – *прекрасный, очаровательный, восхитительный, симпатичный, привлекательный, миловидный; некрасивый* («лишенный красоты, привлекательности») – *неприглядный, безобразный, уродливый, невзрачный, непривлекательный, несимпатичный, страшный* (Сл. син., с. 26, 205, 277, 373). На наш взгляд, в данном случае проявляется отличающаяся от синкретизма донациональная

циональной эпохи «нерасчлененность» на новом «витке» спиралеобразного развития языка – «**со-держательная» денотативная синкретсемия**, при которой знак связан с одним сигнификатом, но с несколькими/многими денотатами. Синкретичность значения **гиперонимов**, связанных с нерасчлененным множеством конкретных денотатов, отражается в лексикографической практике их толкования через слова **видовые (гипонимы)**, например: *мебель* – ‘предметы комнатной обстановки (*столы, стулья, диваны* и т.п.)’, *насекомое* – ‘маленькое беспозвоночное членистоногое животное (*муха, пчела, муравей, клоп* и др.)’ (Ожегов, с. 315, 356).

Образованные путем семантической деривации **метафорические, метонимические, символические** значения относятся, на наш взгляд, к **денотативно-сигнификативной синкретсемии**, поскольку связаны одновременно с двумя сигнификатами и двумя денотатами, например: (**метафора**) *он – лиса* (‘животное’ + ‘хитрый человек’); (**метонимия**) «*три тарелки съел*» (‘вид посуды’ + ‘уха’); (**символ**) *голубь* (‘птица’ + ‘мир’).

«Амальгамные» когнитивно-прагматические (оценочные) значения типа *поезд тащился*: ‘ехал’ + ‘медленно’ и концептуально синкретичные значения имен-концептов типа *благо, добро, правда, истина* и т.д. – см. (Сл. русск. мент.) связаны одновременно с двумя / несколькими сигнификатами (при одном денотате), представляя собой, по нашему мнению, **сигнификативную синкретсемью**, восходящую на новом уровне развития языка к древней **синкрете**.

К древней «**формальной**», или структурно-синтагматической, синкретсемии восходят современные устойчивые единицы, образованные по моделям, например, глагольно-именных синкретем (*держат ответ, идти на контакт, наводить скуку, предаваться воспоминаниям, проходить стажировку, чувствовать беспокойство*), а также синкретем с парными именованиями (*базар-вокзал, белый и пушистый, жив-здоров, супер-пупер, худо-бедно, «Шапки-шляпки», «Плюшки-ватрушки», «Красное & белое»*); с устойчивыми атрибутами (*детский сад, зачетная книжка, средний класс, голубые береты, цветная революция, Красная книга*); однокорневых синкретем (*ад адский, мыло*

мыльное (о сериале), *ужас ужасный, успешный успех*); устойчивых сравнений (*как в аптеке, как на картинке, как мертвому припарки, как на вулкане, как на грех*) и др.

По своей сути к «формальной» синкретсемии относятся также ядерные единицы современной фразеологии – **сращения** (типа *бить баклуши* – ‘бездельничать’), синкретичное значение которых связано с одним сигнификатом и одним денотатом, но выражено узуально закрепленными в языке формами двух (и более) слов. Синкретичное значение **фразеологических единств** (типа *наломать дров* – ‘наделать грубых ошибок’) сохраняет связь со свободным (буквальным) значением (номинальный денотат уподобляется реальному), в связи с чем представляет собой, на наш взгляд, смешанный тип синкретсемии – «**формально-содержательную**», как и синкретичное значение **фразеологических сочетаний** (типа *закадычный друг* – ‘близкий, душевный друг’).

Заключение

В современном русском языке синкретсемия («неразрешимый» семантический синкретизм) бытует вместе с симметричной моносемией (один знак – одно значение) и контекстно «разрешимыми» категориями полисемии и омонимии, «как в земной коре существуют напластования самых различных геологических эпох» [Выготский, 1956, с. 204]. Новые виды семантического синкретизма и трансформация формы / значения имеющихся синкретсемичных единиц возникают за счет характерной для современного сознания **иронии** ($A^{(+)} \text{ есть } A^{(-)}$), пропитанной, по словам В.В. Колесова, «стёбом и безудержным глумлением» [Колесов, 2021, с. 212], а также путем использования в речи различных форм современной **языковой игры** (*каламбурное* совмещение значений, «*антипословицы*» и т. д.) (см.: [Санников, 2002]; (Сл. антипосл.)).

Синкретизм рассматривается как фундаментальное онтологическое условие эволюции в современной междисциплинарной теории самоорганизации систем – синергетике [Князева, Курдюмов, 2005, с. 149]. Представим связанные с наличием / расчленением семантического синкретизма этапы развития синкретичного значения и эволюции лексической системы языка в виде таблицы.

Этапы развития значения и эволюции лексической системы языка

Stages of meaning development and evolution of the lexical system of the language

Хронологические рамки периода		
«Дописьменная» эпоха – XI–XIV вв.	XV–XVII вв.	XVIII–XXI вв.
Этапы развития синкретичного значения и эволюции лексической системы языка		
1. «Первобытный» семантический синкретизм – <i>этимон / слово-синкрета</i>	3. Расчленение синкретизма – производные единицы <i>словосложение, аффиксация, «растягивание»</i> синкретем	4. Синкретизм на новом уровне развития языка и его трансформация – <i>гипероним /доминанта синонимического ряда, фразеологизмы, каламбур, «антипословицы»</i> и др.
2. Расширение формы и «сужение» (конкретизация) смысла – устойчивые единицы (<i>формулы-синтагмы/синкретемы</i>)		

Несомненно, семантический синкретизм – это условие эволюции / развития и лексической системы языка, идущей «по спирали» и вращающейся по кругу, это естественный регулятор ее динамической устойчивости: «первобытный» семантический синкретизм архаичного слова, его расчленение («разрешение»), возникновение синкретизма на новом уровне развития языка, вновь его расчленение / трансформация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабайцева В. В., 1990. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. 446 с.

Бабайцева В. В., 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа. 640 с.

Будагов Р. А., 2004. Что такое развитие и совершенствование языка? М. : Добросвет-2000. 304 с.

Буслаев Ф. И., 1848. О влиянии христианства на славянский язык. М. : Унив. тип. 211 с.

Выготский Л. С., 1956. Избранные психологические исследования. М. : Изд-во АПН РСФСР. 519 с.

Гаврилова Е. И., 2018. Второстепенные члены предложения в школьном курсе русского языка: аспекты изучения и трудности анализа // Педагогический ИМИДЖ. № 2 (39). С. 48–56.

Ельмслев Л., 1962. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М. : Изд-во иностр. лит. С. 117–136.

Звегинцев В. А., 1957. Семасиология. М. : Изд-во МГУ. 321 с.

Киынова Ж. К., 2014. Славянизмы в русском языке: историко-культурное и семантико-

стилистическое своеобразие : дис. ... д-ра филол. наук. М. 350 с.

Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 296 с.

Колесов В. В., 1990. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та. С. 16–36.

Колесов В. В., 1991. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. Вып. 2, № 9. С. 40–49.

Колесов В. В., 2005. История русского языка. СПб. : Изд-во СПбГУ ; М. : Академия. 672 с.

Колесов В. В., 2019. Основы концептологии. СПб. : Златоуст. 776 с.

Колесов В. В., 2021. Концептуальное поле русского сознания. СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та. 612 с.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П., 2005. Основания синергетики: синергетическое мировидение. М. : URSS : Ленанд. 238 с.

Кузьмин И. В., 2003. История лексико-семантических групп количественных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 202 с.

Лукина Г. Н., 1966. Прилагательные с первичным значением вкусового признака в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М. : Наука. С. 5–18.

Лотман Ю. М., 1992. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культур. Таллин : Александра. 479 с.

Малыгина Г. Е., 2015. Содержание и семантическая структура концепта ‘ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ’ в текстах книг Ветхого Завета : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 180 с.

Михайловская Н. Г., 1980. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного

- языка XI–XIV вв.: нормативный аспект. М.: Наука. 253 с.
- Мохаммад М. суте, 2014. Предложно-падежные конструкции с предлогом «от» в современном русском языке: структурно-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 189 с.
- Мурьянов М. Ф., 1978. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. № 5. С. 93–109.
- Николаев Г. А., 1987. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. 152 с.
- Петрова З. М., 1983. Развитие лексического состава русского языка XVIII в.: (Имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л. 40 с.
- Пименова М. Вас., 2007. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Изд-во СПбГУ; Владимир: Изд-во Владимир. гос. пед. ун-та. 415 с.
- Пименова М. Вас., 2011. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–48.
- Потебня А. А., 1914. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков: Изд. М. В. Потебня. 243 с.
- Потебня А. А., 1968. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение. 551 с.
- Потебня А. А., 1976. Эстетика и поэтика. М.: Искусство. 614 с.
- Санников В. З., 2002. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. слав. культур. 552 с.
- Соколовская Ж. П., 1971. Имена прилагательные со значением обобщенно-положительной оценки в древнерусском языке // Материалы научной конференции. Кишинев: Изд-во Молдав. гос. ун-та. С. 226–227.
- Смирнова О. И., 1966. Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М.: Наука. С. 56–67.
- Столович Л. Н., 1994. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика. 464 с.
- Суровцева М. А., 1970. Развитие цветового значения слова *красный* // Русский язык в школе. № 3. С. 97–100.
- Трубачев О. Н., 2003. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука. 489 с.
- Флоренский П. А., 1989. Собрание сочинений. Т. 4. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Париж: YMCA-Press. 814 с.
- Фурашов В. И., 2010. Современный русский синтаксис. Владимир: Изд-во Владимир. гос. гуманит. ун-та. 368 с.
- Черемисина Н. В., 2000. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та. С. 175–192.
- Чернякова Т. А., 1991. Закономерности формирования и развития оценочного значения (на материале имен прилагательных) // Славянская филология. Имя и глагол в исторической перспективе. Рига: Изд-во Латвийского ун-та. С. 72–81.
- Шрамм А. Н., 1979. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Изд-во ЛГУ. 134 с.

ИСТОЧНИКИ

- Апокр.* – Апокрифы // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 136–176.
- Жит. Сергия* – Жизнь и житие Сергия Радонежского. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
- Жит. Стеф.* – Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / издание Археографической комиссии. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1897. 112 с.
- Жит. Феод. Печер.* – Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 304–391.
- Казан. ист.* – Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985. С. 300–565.
- Киев.-Печ. Патерик* – Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 412–623.
- ПВЛ* – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 23–277.
- Пов. бел. клубуке* – Повесть о новгородском белом клубуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985. С. 198–233.
- Пов. Зараз.* – Повести о Николе Заразском // Труды отдела Древнерусской литературы Т. 7. М.; Л.: Наука, 1949. С. 257–406.
- Посл. Вас. Новг.* – Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 42–46.

- Посл. митр. Кипр.* – Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М. : Худож. лит., 1981. С. 430–448.
- Сказ. Ольг.* – Сказание о княгине Ольге // Памятники литературы Древней Руси. Сер. XVI века. М. : Худож. лит., 1985. С. 248–287.
- Сл. пл. Иг.* – Слово о полку Игореве: историко-литературный очерк. 2-е изд. М. : Просвещение, 1982. 176 с., ил.
- Суды Солом.* – Суды Соломона // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М. : Худож. лит., 1981. С. 66–94.

СЛОВАРИ

- Ожегов* – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1978. 846 с.
- Сл. антипосл.* – Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 573 с.
- СлДРЯ* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4. М. : Рус. яз., 1991. 559 с.
- Сл. русск. мент.* – Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с. ; Т. 2. 592 с.
- СлРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1981. 351 с.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10 / гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб. : Наука, 1998. 256 с.
- Сл. син.* – Словарь синонимов: справочное пособие. Л. : Наука, 1975. 648 с.
- Сравн. сл.* – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М. : ВЛАДОС, 1996. 415 с.
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 1. М. : Знак, 2003. 1419 с.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. СПб. : Терра – Азбука, 1996. 832 с.
- ФССЯ* – Фразеологический словарь славянского языка: проспект. М. ; Магнитогорск : Изд-во ЭЛПИС : Магнитог. гос. ун-та, 2006. 340 с.
- Черных* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1994. 560 с.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 12. М. : Наука, 1985. 186 с.

REFERENCES

- Babaytseva V.V., 1990. Sinkretizm [Syncretism]. *Lingvisticheckiy enciklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya encyclopedia Publ. 446 p.
- Babaytseva V.V., 2000. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ. 640 p.
- Budagov R.A., 2004. *Chto takoe razvitie i sovershenstvovanie yazyka?* [What Is the Development and Improvement of Language?]. Moscow, Dobrosvet-2000 Publ. 304 p.
- Buslaev F.I., 1848. *O vliyaniy khristianstva na slavyanskiy yazyk* [On the Influence of Christianity on the Slavic Language]. Moscow, Univ. tip. 211 p.
- Vygotskiy L.S., 1956. *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya* [Selected Psychological Studies]. Moscow, Izd-vo APN RSFSR. 519 p.
- Gavrilova E.I., 2018. *Vtorostepennye chleny predlozheniya v shkolnom kurse russkogo yazyka: aspekty izucheniya i trudnosti analiza* [Secondary Constituents in the School Course of the Russian Language: Aspects of Study and Difficulties of Analysis]. *Pedagogicheskiy IMIDZh* [Pedagogical IMAGE], no. 2 (39), pp. 48-56.
- Elmslev L., 1962. *Mozhno li schitat, chto znacheniya slov obrazuyut strukturu?* [Is It Possible to Consider That the Meanings of Words Form a Structure?]. *Novoe v lingvistike. Yyp. 2* [New in Linguistics. Iss. 2]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., pp. 117-136.
- Zvegincev V.A., 1957. *Semasiologiya* [Semasiology]. Moscow, Izd-vo MGU. 321 p.
- Kiyнова Zh.K., 2014. *Slavyanizmy v russkom yazyke: istoriko-kulturnoe i semantiko-stilisticheskoe svoeobrazie: dis. ...d-ra filol. nauk* [Slavicisms in the Russian Language: Historical-Cultural and Semantic-Stylistic Originality. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 350 p.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. gos. un-ta. 296 p.
- Kolesov V.V., 1990. *Obshchie ponyatiya istoricheskoy stilistiki* [General Concepts of Historical Stylistics]. *Istoricheskaya stilistika russkogo yazyka* [Historical Stylistics of the Russian Language]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavod. gos. un-ta, pp. 16-36.
- Kolesov V.V., 1991. *Semanticheskiy sinkretizm kak kategoriya yazyka* [Semantic Syncretism as a Category of Language]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2*

- [Bulletin of the Leningrad State University. Ser. 2], iss. 2, no. 9, pp. 40-49.
- Kolesov V.V., 2005. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian Language]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, Moscow, Academy Publ. 672 p.
- Kolesov V.V., 2019. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 776 p.
- Kolesov V.V., 2021. *Kontseptualnoe pole russkogo soznaniya* [Conceptual Field of Russian Consciousness]. Saint Petersburg, Izd-vo Ros. gos. ped. un-ta. 612 p.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P., 2005. *Osnovaniya sinergetiki: sinergeticheskoye mirovideniye* [Foundations of Synergetics: Synergetic Worldview]. Moscow, URSS, Lenand Publ. 238 p.
- Kuzmin I.V., 2003. *Istoriya leksiko-semanticheskikh grupp kvantitativnykh i lyuminalnykh prilagatelnykh v russkom yazyke XII–XX vv. v sistemno-yazykovom i funktsionalno-rechevom aspektah: dis. ... kand. filol. nauk* [History of Lexical-Semantic Groups of Quantitative and Luminal Adjectives in Russian in the 12th – 20th Centuries in Systemic-Linguistic and Functional-Speech Aspects. Cand. philol. sci. diss]. Nizhniy Novgorod. 202 p.
- Lukina G.N., 1966. *Prilagatelnye s pervichnym znacheniem vkusovogo priznaka v drevnerusskom yazyke XI–XIV vv.* [Adjectives with the Primary Meaning of a Taste Feature in the Old Russian Language of the 11th – 14th Centuries]. *Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazyka* [Lexicology and Word Formation of the Old Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-18.
- Lotman Yu.M., 1992. *Izbrannye statyi. T. 1. Statyi po semiotike i tipologii kultur* [Selected Articles. Vol. 1. Articles on Semiotics and Typology of Cultures]. Tallinn, Aleksandra Publ. 479 p.
- Malygina G.E., 2015. *Soderzhanie i semanticheskaya struktura kontsepta ‘TEMPORALNOST’ v tekstakh knig Vekhogo Zaveta: dis. ... kand. filol. nauk* [Content and Semantic Structure of the Concept ‘TEMPORALITY’ in the Texts of the Books of the Old Testament. Cand. philol. sci. diss]. Nizhniy Novgorod. 180 p.
- Mikhaylovskaya N.G., 1980. *Sistemnye svyazi v leksike drevnerusskogo knizhno-pismennogo yazyka XI–XIV vv.: normativnyy aspekt* [Systemic Connections in the Vocabulary of the Old Russian Book-Written Language of the 11th – 14th Centuries: Normative Aspect]. Moscow, Nauka Publ. 253 p.
- Mohammad M. sute, 2014. *Predlozhno-padezhnye konstruksii s predlogom «ot» v sovremennom russkom yazyke: strukturno-semanticheskii aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Prepositional-Case Constructions with the Preposition “ot” in Modern Russian: Structural and Semantic Aspect. Cand. philol. sci. diss]. Nizhniy Novgorod. 189 p.
- Muryanov M.F., 1978. *K interpretatsii staroslavjanskikh tsvetooboznacheniy* [On the Interpretation of Old Slavonic Color Designations]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 93-109.
- Nikolaev G.A., 1987. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation: Theoretical Problems]. Kazan, Izd-vo Kazan. gos. un-ta. 152 p.
- Petrova Z.M., 1983. *Razvitie leksicheskogo sostava russkogo yazyka XVIII v. (Imena prilagatelnye): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Development of the Lexical Composition of the Russian Language in the 18th Century. (Adjectives). Dr. philol. sci. abs. diss]. Leningrad. 40 p.
- Pimenova M.Vas., 2007. *Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoy otsenki v drevnerusskom tekste* [Krasotoyu ukrasy: Expression of Aesthetic Appreciation in an Ancient Russian Text]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU; Vladimir, Izd-vo Vladimir. gos. ped. un-ta. 415 p.
- Pimenova M.Vas., 2011. *Leksiko-semanticheskii sinkretizm kak proyavlenie formalno-soderzhatelnoy yazykovoy asimmetrii* [Lexical-Semantic Syncretism as a Manifestation of Formal-Substantive Linguistic Asymmetry]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 19-48.
- Potebnya A.A., 1914. *O nekotorykh simvolakh v slavyanskoy narodnoy poezii* [About Some Symbols in Slavic Folk Poetry]. Kharkov, Izd-e M.V. Potebnya. 243 p.
- Potebnya A.A., 1968. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 3. Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitelnogo* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 3. On Changing the Meaning and Replacing a Noun]. Moscow, Prosveshhenie Publ. 551 p.
- Potebnya A.A., 1976. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ. 614 p.
- Sannikov V.Z., 2002. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 552 p.
- Sokolovskaya Zh.P., 1971. *Imena prilagatelnye so znacheniem obobshchenno-polozhitelnoy otsenki v drevnerusskom yazyke* [Adjectives with the Meaning of a Generalized Positive Assessment in the Old Russian Language].

- Materialy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of a Scientific Conference]. Kishinev, Izd-vo Moldav. gos. un-ta, pp. 226-227.
- Smirnova O.I., 1966. Odin sluchay enantiosemyi [One Case of Enantiosemy]. *Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazyka* [Lexicology and Word Formation of the Old Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 56-67.
- Stolovich L.N., 1994. *Krasota. Dobro. Istina: ocherk istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth: Essay on the History of Aesthetic Axiology]. Moscow, Respublika Publ. 464 p.
- Surovtseva M.A., 1970. Razvitie cvetovogo znacheniya slova "krasnyy" [Development of the Color Meaning of the Word Red]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 97-100.
- Trubachev O.N., 2003. *Etnogenez i kultura drevneyshikh slavyan: lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Most Ancient Slavs: Linguistic Studies]. Moscow, Nauka Publ. 489 p.
- Florenskiy P.A., 1989. *Sobranie sochineniy. T. 4. Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadsati pismakh* [Collected Works. Vol. 4. Pillar and Assertion of Truth: Experience of the Orthodox]. Paris, YMCA-Press. 814 p.
- Furashov V.I., 2010. *Sovremennyy russkiy sintaksis* [Modern Russian Syntax]. Vladimir, Izd-vo Vladimir. gos. gumanit. un-ta. 368 p.
- Cheremisina N.V., 2000. O putyakh izmeneniya znacheniy slov i nekotorykh leksiko-semanticheskikh zakonakh v diakhronii yazyka [On the Ways of Changing the Meanings of Words and Some Lexical-Semantic Laws in the Diachrony of Language]. *Semanticheskie edinitsy russkogo yazyka v diakhronii i sinkhronii* [Semantic Units of the Russian Language in Diachrony and Synchrony]. Kaliningrad, Izd-vo, pp. 175-192.
- Chernyakova T.A., 1991. Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya otsennochnogo znacheniya (na materiale imen prilagatelnykh) [Patterns of Formation and Development of Evaluative Meaning (Based on Adjectives)]. *Slavyanskaya filologiya. Imya i glagol v istoricheskoy perspektive* [Slavic Philology. Name and Verb in Historical Perspective]. Riga, Izd-vo Latviyskogo un-ta, pp. 72-81.
- Shramm A.N., 1979. *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatelnykh (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Essays on the Semantics of Qualitative Adjectives (Based on the Modern Russian Language)]. Leningrad, Izd-vo LGU. 134 p.
- SOURCES**
- Apokryfy [Apocrypha]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek* [Written Records of Ancient Russia of the 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 136-176.
- Zhizn i zhitiye Sergiya Radonezhskogo* [Life and Habits of Sergius of Radonezh]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. 368 p.
- Zhitie sv. Stefana, episkopa Permskogo, napisannoe Epifaniem Premudrym* [Life of St. Stephen, Bishop of Perm, Written by Epiphanius the Wise]. Saint Petersburg, Typ. Imperat. Academyi nauk, 1897. 112 p.
- Zhitie Feodosiya Pecherskogo* [Life of Theodosius of the Caves]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Nachalo russkoy literatury. XI – nachalo XII veka* [Written Records of Ancient Russia. Beginning of Russian Literature, 11th – Early 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 304-391.
- Kazanskaya istoriya [Kazan History]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka* [Written Records of Ancient Russia in the Middle of the 16th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 300-565.
- Kievo-Pecherskiy paterik [Kiev-Pechersk Paterik]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek* [Written Records of Ancient Russia of the 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 412-623.
- Povest vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Nachalo russkoy literatury. XI – nachalo XII veka* [Written Records of Ancient Russia. Beginning of Russian Literature, 11th – Early 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 23-277.
- Povest o novgorodskom belom klobuke* [Story of the Novgorod White Hood]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka* [Written Records of Ancient Russia in the Middle of the 16th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 198-233.
- Povesti o Nikole Zarazskom* [Stories About Nikola Zarazsky]. *Trudy otdela Drevnerusskoy literatury. T. 7* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 7]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1949, pp. 257-406.
- Poslanie Vasiliya Novgorodskogo Feodoru Tverskomu o rae* [Basil of Novgorod's Message to Theodore of Tver About Paradise]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka* [Written Records of Ancient Russia 14th – Mid 15th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 42-46.

- Poslanie mitropolita Kipriana igumenam Sergiyu i Feodoru [Message of Metropolitan Cyprian to Hegumens Sergius and Theodore]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka* [Written Records of Ancient Russia 14th – Mid 15th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 430-448.
- Skazanie o knyagine Olge [Legend of Princess Olga]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Ser. XVI veka* [Written Records of Ancient Russia in the Middle of the 16th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 248-287.
- Slovo o polku Igoreve: istoriko-literaturnyy ocherk* [The Tale of Igor's Campaign: Historical and Literary Essay]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 176 p.
- Sudy Solomona [Courts of Solomon]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka* [Written Records of Ancient Russia 14th – Mid 15th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 66-94.
- Filin F.P., ed. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c. Vyp. 8]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 351 p.
- Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th c. Vyp. 10]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.
- Slovar sinonimov: spravochnoe posobie* [Dictionary of Synonyms: Reference Guide]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 648 p.
- Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, VLADOS Publ. 415 p.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t. T. 1* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments: In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Znak Publ., 2003. 1419 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka: v 4 t. T. 3* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Terra – Azbuka Publ., 1996. 832 p.
- Frazeologicheskyy slovar slavyanskogo yazyka: prospekt* [Phraseological Dictionary of the Slavic Language: Prospect]. Moscow, Magnitogorsk, Izd-vo ELPIS, Magnitogorsk. gos. un-ta, 2006. 340 p.
- Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskyy slovar russkogo yazyka. V 2 t. T. 2* [Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1994. 560 p.
- Etimologicheskyy slovar slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 12* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 12]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 186 p.

DICTIONARIES

- Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1978. 846 p.
- Walter H., Mokiyenko V. *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-Proverbs of the Russian People]. Saint Petersburg, Neva Publ., 2005. 573 p.
- Avanesov R.I., ed. *Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.: v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th c.). In 10 Vols.], vol. 4. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1991. 559 p.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. *Slovar russkoy mentalnosti: v 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, vol. 1. 592 p., vol. 2. 592 p.

Information About the Author

Marina Vas. Pimenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Gorkogo St, 87, 600000 Vladimir, Russia, prkom@vlsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-9273>

Информация об авторе

Марина Васильевна Пименова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Россия, prkom@vlsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-9273>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9>

UDC 811.161.1'04:2-283
LBC 81.411.2-03

Submitted: 20.12.2023
Accepted: 09.04.2024

**V.N. TATISHCHEV'S BUSINESS LETTERS IN THE GENRE ASPECT
(BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)**

Elena M. Sheptukhina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. Business letters written in the 18th century are considered in the article within the independent epistolary genre. The material for the analysis was comprised of the official letters written by Privy Councillor V.N. Tatishchev during his governorship in Astrakhan and heading the Kalmyk Commission at the Board of Foreign Affairs. The documents are stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia. The study was conducted using the model of document genre that combines multi-level coordinated parameters, such as: "function", "addresser", "addressee", "nature of the information transmitted", "structure", "modality", "space", "time". The linguistic means of their realization are revealed. Being determined by the functions of the writing and the status relations of the addresser and the addressee, the variability of these means is noted and described. The results of the analysis have enabled the author to determine that business letters provide the addresser with the opportunity to carry out communication in different directions: vertical (with higher or lower addressees) and horizontal (with the addressees who have equal status with the addresser). They perform the informing and regulating functions, thus implementing the corresponding modality, and have a similar structure with a stable set of elements and the order of their sequence in the text. The genre specificity of the documents under study is manifested in the absence of self-nomination and mandatory reference to the addresser, in the use of a welcome address as a means of expressing the "addressee" properties, and the presence of optional elements.

Key words: business writing, genre, business letter, document functions, speech organization of the text, V.N. Tatishchev.

Citation. Sheptukhina E.M. V.N. Tatishchev's Business Letters in the Genre Aspect (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 125-140. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9>

УДК 811.161.1'04:2-283
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 20.12.2023
Дата принятия статьи: 09.04.2024

**ДЕЛОВЫЕ ПИСЬМА В.Н. ТАТИЩЕВА В ЖАНРОВЫМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)**

Елена Михайловна Шептухина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье деловое письмо XVIII в. рассмотрено как самостоятельный эпистолярный жанр. Материалом для анализа послужили хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия официальные письма тайного советника В.Н. Татищева, написанные в бытность его астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел. Исследование проведено с использованием модели жанра документа, которая объединяет взаимодействующие между собой разноуровневые параметры: «функция», «адресант», «адресат», «характер передаваемой информации (информация)», «структура», «модальность», «пространство», «время». Выявлены речевые средства их реализации, показана их вариативность, обусловленная функциями письма и статусными отношениями адресанта и адресата. Результаты анализа позволили определить, что деловые письма обеспечивают коммуникацию адресанта в разных на-

правлениях: вертикальном (с вышестоящими или нижестоящими адресатами) и горизонтальном (с адресатами, имеющими с адресантом равный статус); выполняют функции информирования и регулирования, реализуя соответствующую им модальность; имеют схожую структуру со стабильным набором элементов и порядком их следования в тексте. Жанровая специфика исследуемых документов проявляется в отсутствии самоназвания и обязательного реквизитного указания на адресанта, в использовании приветственного обращения как средства выражения реквизита «адресат», наличии факультативных элементов.

Ключевые слова: деловая письменность, жанр, деловое письмо, функции документа, речевая организация текста, В.Н. Татишев.

Цитирование. Шептухина Е. М. Деловые письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 125–140. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.9>

Введение

Жанровый аспект деловой письменности XVIII в. привлекает внимание лингвистов в силу разных причин, в том числе и потому, что именно в этот период происходят существенные изменения в организации делопроизводства: устанавливаются новые (в сравнении с приказной) системы документации, правила документооборота и единые обязательные образцы и типовые формы для разных жанров документов. Эти динамические процессы, как отмечает М.В. Косова, «приводили к конкуренции документов, их взаимодействию, а следовательно, ослаблению жанровых признаков» [Косова, 2020, с. 16]. Кроме того, в них находили отражение местные (региональные) особенности делопроизводства и речевая традиция, а также специфика деятельности, которая сопровождалась разнообразной документацией.

В связи с этим лингвистами решается задача классификации документов и определения их жанровых признаков. В качестве основных признаков, дифференцирующих документы, установлены: функция и определяемая ею модальность; самоназвание; характер документируемой ситуации; наличие формуляра – набора элементов, расположенных в некоторой последовательности и выраженных устойчивыми речевыми оборотами (см.: [Качалкин, 1988, с. 22]). Описывая документы разных жанров, исследователи дополняют набор этих признаков и конкретизируют их (см., например: [Гауч, 2013; Голованова, 2012; Косов, 2018; Майоров, 2006; Трофимова, 2003]).

Наиболее подробно исследованы в жанровом аспекте доношения [Васильева, Ральченко, 2016; Русанова, 2021; Сафонова, 2017],

рапорты [Горбань, 2023; Семенова, 2008; Майоров, 2009], промемории [Косова, 2020; Русанова, 2015], в том числе в сопоставлении с функционально близкими документами (например, о рапортах и доношениях см.: [Горбань, 2019]). Работы, посвященные выявлению жанровых признаков других документов XVIII в., единичны (о войсковых грамотах см.: [Gorban' et al., 2017]; о предложениях см.: [Сафонова, Дмитриева, 2017]; о расписках см.: [Шептухина, 2020]; о жанрах учетно-регистрационных документов см.: [Горбань, 2021]). Немногочисленны работы, изучающие в жанровом аспекте деловые письма XVIII в. (см., например: [Иванова, 2016; Кузьмина, 2020]), хотя эти документы были востребованы в официальной коммуникации и, видимо, характеризовались жанровой самостоятельностью, о чем свидетельствует их упоминание в Генеральном регламенте 1720 г. наряду с документами других жанров: *на всѣх приходящихъ письмахъ и доношенияхъ номера подписывать* (Генеральный регламент, с. 144); *вѣдомости и письма распечатывать* (Генеральный регламент, с. 148); *секретарь... собираетъ всѣ указы, грамоты, письма, мемориалы, реляции [отписки] и прочее* (Генеральный регламент с. 151). При этом содержание и формуляр письма как документа не регламентировались.

Существенный вклад в изучение делового письма внесли две монографии Н.В. Глухих: «Переписка заводчиков Демидовых с приказчиками конца XVIII – начала XIX в.»: историко-лингвистический аспект» (2006) и «Деловой эпистолярный конец XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста» (2008). В них автор дает комплексную характеристику писем заводчиков и заводских кон-

тор с опорой на понятие «деловой эпистолярный текст» [Глухих, 2008, с. 16], показывая широкую функциональную, содержательную и структурную вариативность деловых писем и раскрывая специфику реализации в них текстовых категорий (информативности, диалогичности, темпоральности, локальности и др.). Описывая видовой состав делового эпистолярия, исследователь выделяет группы текстов: «письмо-рапорт», «письмо-информация», «сопроводительное письмо», «письмо-подтверждение», «письмо-предписание», «письмо-просьба» – и объединяет термином *письмо* документы, которые имеют такие самоназвания, как *доношение, рапорт, донесение, доклад* (в группе «письмо-рапорт»), и традиционно рассматриваются учеными в качестве самостоятельных жанров (видов) документов. Признавая безусловную продуктивность предложенного Н.В. Глухих подхода, позволяющего расширить критерии определения документных жанров, считаем возможным рассмотрение делового письма в более узкой трактовке – как эпистолярного жанра документов, менее регламентированных в сравнении с документами других эпистолярных жанров, но сближающихся с ними функционально, реализующих разнонаправленную коммуникацию, имеющих обязательные и факультативные элементы структуры и специфику их речевого воплощения.

С целью дать жанровую характеристику этого вида документов, мы исследуем деловые письма XVIII в., сопровождавшие деятельность разных по ведомственной и территориальной принадлежности учреждений юга России – неоднородного в этническом и социальном отношении региона со сложным административным делением (Астраханская и другие губернии, Войско Донское, Калмыцкое ханство), а следовательно, со сложным взаимодействием должностных лиц, учреждений, которое осуществлялось в официальной коммуникации между ними, с центральной властью, а также с высокопоставленными представителями соседних народов. В наших предыдущих публикациях были охарактеризованы в жанровом аспекте деловые письма XVIII в., составленные в канцеляриях Войска Донского и отложившихся в фонде Михайловского станичного атамана Государствен-

ного архива Волгоградской области (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1) [Шептухина, Тихонова, 2020]. В документообороте Войска деловое письмо занимало периферийное положение и, несмотря на сформированность некоторых структурных элементов, оставалось не востребовавшимся видом документов, что обусловлено экстралингвистическими причинами, прежде всего организацией Войска: строгой военной иерархией и при этом сохранением (декларированием) принципа коллективного управления [Шептухина, Тихонова, 2021].

В данной статье мы обратились к переписке тайного советника В.Н. Татищева, который с 1741 по 1744 г. был астраханским губернатором и руководил Калмыцкой комиссией при Коллегии иностранных дел (подробно о деятельности В.Н. Татищева как главы этого особого административно-управленческого органа см.: [Батмаев и др., 2021; Торопыцын, Сусеева, Кундакбаева, 2020; и др.]). Письма В.Н. Татищева не впервые становятся объектом лингвистического описания: имеются работы, в которых охарактеризованы общерусские и региональные лексические, словообразовательные, грамматические черты этих документов [Сусеева, 2015; Сусеева, Брыкина, Супрун, 2019], однако в жанровом аспекте письма не исследованы, хотя дают богатый материал, раскрывающий многообразие реализаций этого эпистолярного жанра в практике делового общения.

Материал и методы

Материалом для изучения избраны деловые письма, хранящиеся в фонде «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе, г. Астрахань» бюджетного учреждения Республики Калмыкия «Национальный архив» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1). Фонд включает 423 дела (1713–1773 гг.). Для работы отобрано дело 141, которое содержит исходные документы, датированные 1742 г. (всего 520 листов). Большинство из них – это написанные В.Н. Татищевым деловые письма. Кроме того, в деле представлены его промемории, указы, а также копии высочайших указов. Письма, отложившиеся в фонде, мы разделили на две группы: в одну из них включили письма дипломатического характера,

адресованные наместнику Калмыцкого ханства, калмыцким, киргиз-кайсацким, татарским, кабардинским владельцам, салтанаульским (ногайским) мурзам и др., в другую – официальные письма, адресованные высокопоставленным лицам, выполнявшим на управляемой В.Н. Татищевым территории различные поручения центральной власти, комендантам волжских городов и крепостей и другим военным и гражданским лицам, обеспечивавшим деятельность Комиссии и губернских учреждений. Документы второй группы и стали материалом для анализа.

При их изучении мы опираемся на определение жанра, данное О.В. Трофимовой. Применительно к деловой коммуникации она понимает жанр как «текстовый способ реализации в документе определенного типа социокультурной деятельности, представленной как система коммуникативных явлений, зависящих от типовых сценариев и фреймов, “обслуживающих” конкретную ситуацию, а также от личностных характеристик субъектов деловой коммуникации» [Трофимова, 2003, с. 150].

Описание документов проведено с использованием модели жанра документа, которая объединяет нелинейно взаимодействующие между собой разноуровневые параметры, соотносящиеся с текстовыми категориями и эксплицирующиеся в речевой структуре документа: «функция», «адресант», «адресат», «характер передаваемой информации (информация)», «структура», «модальность», «пространство», «время» [Gorban' et al., 2017; Горбань и др., 2020, с. 81–83]. Эти параметры, как установила М.В. Косова, образуют иерархию: первый уровень составляют «адресант», «адресат» и «функция»; второй – «информация», «структура» и «модальность»; третий – «пространство» и «время». В качестве жанрообразующих определены параметры первого уровня [Косова, 2017, с. 124]. Мотивированные ими параметры второго и третьего уровней конкретизируют документируемую ситуацию, обеспечивая ее текстовое представление.

С применением содержательного, структурно-композиционного и документоведческого анализа источников в статье выявлены функции документа и обусловленная ими мо-

дальность, охарактеризованы содержание, адресант, адресаты писем и направление коммуникации, установлена структура писем; методами лексического и стилистического анализа определены речевые средства выражения жанровых параметров.

Исследуемые источники написаны скорописью XVIII в., при их цитировании нами использована упрощенная графика, титла раскрыты, предлоги даны отдельно от последующих слов, имена собственные – с прописной буквы; в остальном сохранена орфография и пунктуация оригиналов.

Результаты и обсуждение

Функции делового письма

Деловое письмо широко использовалось В.Н. Татищевым в официальной коммуникации с должностными лицами, различавшимися по статусу. Поскольку функции документа связаны с адресантом и адресатом, направлением коммуникации, охарактеризуем их в совокупности с этими параметрами.

Адресантом всех писем является тайный советник В.Н. Татищев (его гражданский чин соответствует 3-му классу в Табели о рангах). Письма составлены от первого лица, о чем свидетельствуют местоимения (личное – 1-е л. ед. ч., соотносимое с личным притяжательное в составе этикетной формулы приветственного обращения), формы 1-го л. ед. ч. глаголов в настоящем и будущем времени:

(1) ...*А если замешкаетесь то къ Черному Яру где я самъ оныхъ вашихъ посланцовъ ожидать буду* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 75 об.);

(2) *О чемъ и черноморскому коменданту от меня писано* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 110);

(3) ...*Высокоблагородный и почтенный Полковникъ и царицынской комендант Государь Мои* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 25 об.);

(4) ...*И на оное... отъветствую... уповаю что уже получить изволили* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 47);

(5) ...*Которое (письмо. – Е. Ш.) при семь же для устройства посылаю* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 339).

Отметим, что в письмах исследуемой группы не используются реквизитные речевые формулы указания на статус адресанта,

включающие антропонимы и существительные в род. п. с предлогом *от*, которые обозначают титулы и должности. В письмах указание на адресата имплицировано в приветственном обращении, воплощающем референт «адресант», и факультативном элементе формулы – самопрезентации адресанта (о них см. ниже).

Письма направлены адресатам, различающимся по социальному положению. Это имеющий дворянский титул и высокий военный чин, соотносимый с 3-м классом Табели, князь, генерал-поручик Ю.Н. Репнин, который находился в крепости Св. Анны, а затем в Малороссии для исполнения высочайших поручений дипломатического характера; лица, имеющие высокие военные чины, соотносимые с 3-м классом Табели: генерал-поручик и кавалер А.Т. Тараканов, командовавший экспедиционным корпусом, размещенным на границе с Персией; генерал-лейтенант П.П. де Бриньи, инженер, руководивший восстановлением и строительством военных крепостей в низовьях Волги; лица, имеющие чины, следующие за 3-м классом Табели: полковник Л.В. Бобарыкин, состоявший посланником при калмыцких делах, бригадир и ставропольский комендант А.И. Змеев, полковник и царицынский комендант П.Ф. Кольцов, полковник и астраханский комендант Ф.И. Кнутов, полковник и кизлярский комендант И.В. Засецкий, майор Цейдер; военные и гражданские лица, имеющие низкий чин: поручик Кеврольцов, главный лекарь Моллох, лекарь Скрымзор; звания, выходящие за границы Табели о рангах: сержант Бедрин. Этот далеко не полный перечень адресатов свидетельствует о том, что деловая коммуникация осуществлялась тайным советником В.Н. Татищевым в разных направлениях: вертикальном (документ направлен вышестоящему или нижестоящему адресату) и горизонтальном (документ направлен адресату, имеющему с адресантом равный статус). В письмах разграничение адресатов в соответствии с их местом в обществе проявляется в наличии / отсутствии титулования, выборе этикетных формул, использовании местоимений второго лица ед. или мн. числа *ты / вы* (о формировании этикетной значимости этих средств см.: [Русанова, 2020]).

Содержание анализируемых документов обусловлено многообразием задач, которые

должен был решать губернатор и глава Комиссии. Письма посвящены ситуации в Калмыцком ханстве, финансовым вопросам, вопросам снабжения, фортификационного строительства, организации передвижения тех или иных лиц и их сопровождения и др. Отметим, что в некоторых письмах сведения и предписания имели секретный характер, о чем свидетельствует расположенная в левом верхнем углу помета *Секретно* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 3, 28, 36, 161, 178, 184 и др.).

Письма выполняли функции информирования и регулирования, определяя соответствующую им модальность документа.

Функция информирования реализуется во всех письмах, поскольку они содержат сведения о какой-либо ситуации или по какому-либо вопросу, при этом документы могут быть монотемными, например письмо князю Репнину, в котором детально излагаются обстоятельства бегства ханши Джан (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 54–54 об.), или, реже, политемными, например письмо полковнику Бобарыкину о кайсачение и переправах (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 339–339 об.). Доминирующие в текстах информирующих писем предложения со спрягаемыми формами глагола и составными именным сказуемыми выражают модальные значения реальности сообщаемого: события, отраженные в документах, как правило, относятся к прошлому или настоящему.

Письма, выполняющие только функцию информирования, единичны, в большинстве же документов наряду с ней реализуется функция регулирования, поскольку они содержат предписание, реализуя модальность побуждения адресата к выполнению действий, в которых заинтересован адресант.

В бумагах, которые направлены лицам с невысоким чином или находящимся за пределами Табели о рангах, модальность побуждения выражена посредством независимого инфинитива, например:

(6) Поручику Кеврольцову: *и во оных* (репортах. – Е. Ш.) *усмотрель, что улусы ханши Джана кочуют в соединеніе к вулсамъ наместника Дундукъ Даши, по тому вамъ быть есче при них для недопущения между калмыки ссоръ по то время какъ они с наместниковыми соединятся а по соединеніи ехать вамъ къ Астрахани безъ*

умѣдленія для конвоя же вашего (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 73);

(7) Майорам Цейдору и Татищеву: *того ради вамъ какъ онои бодонгѣ будутъ в наряде послать к нему надежного дворянина* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 280 об.);

(8) Лекарю Скрымзору: *Того ради вамъ имѣюся у васъ собственные мои и оставшіеся в пути от намѣстника Дундукъ Даши медикаменты отдать по росписямъ главному лекарю Моллоху* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 22).

Как правило, исполнителем предписания являлся адресат, что подтверждается местоимением 2-го л. в дат. п. (см. примеры выше). В редких случаях адресат письма становится «транслятором» воли адресанта исполнителю предписания – лицу, не участвующему в коммуникации, например:

(9) Сержанту Бедрину: *если похочетъ жить в кибитке то оную дворянину Ваулину велеть отискать у кого возможно будетъ и сюда чрез почту писать о состояніи его Бунчика по часту* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 51).

В письмах, адресованных лицам, имеющим высокие чины и должности предписание вводится конструкцией «изволь (извольте) / благоволите + инфинитив», которая характеризуется как форма вежливости:

(10) Генерал-поручику Тараканову: *посланцев же вашихъ для крепкаго договора извольте прислат* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 143);

(11) Генерал-лейтенанту де Бриньи: *а провожатыхъ извольте приказать онымъ офицерамъ требовать от коменданта* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 19);

(12) Полковнику Бобарыкину: *зюнгорские посланники также просят, чтоб они к наместнику допущены были о чем ему извольте объявить, чтоб онъ назначилъ день когда имъ к себе быть* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 212);

(13) Полковнику, царицынскому коменданту Кольцову: *благоволите переводчика Самсонова прислатъ суда* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 232 об.);

(14) Майору Цейдору: *благоволите приготовить к приезду его майора добрыхъ дву* (так в тексте. – Е. Ш.) *дворянъ совершенно знающихъ татарской языкъ* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 228 об.).

Этикетная формула, отчасти снижая категоричность предписания, сближает его с

просьбой, что компенсируется актуализацией срочности или необходимости выполнения предписанного действия. Для выражения срочности регулярно используются такие речевые маркеры, как формула *безъ удержанія* (= без задержки), *безъ умедления*, реже – наречие *немедленно* и форма *наискорее*, для экспликации необходимости – отсылка к высочайшим указам, например:

(15) Генералу-майору де Бриньи: *сімъ представляю чтоб по силе онаго ея императорскаго величества указа благо-волили* (так в тексте. – Е. Ш.) *для осмотра и описания техъ четырехъ местъ кого послать* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 8 об.).

Структура делового письма

Структура письма задается его функциями, отражает статусные отношения адресанта и адресата. Она традиционно описывается лингвистами как формуляр. В исследуемых письмах он включает обязательные и факультативные элементы. Обязательными являются адресат, основной текст, дата составления документа, (подпись?), факультативными – этикетная формула самопредставления адресата и постскриптум. Порядок следования элементов формуляра сохраняется во всех письмах, однако их речевое воплощение обнаруживает вариативность.

Во всех исследуемых деловых бумагах адресат указан в приветственном обращении в начале текста. Отметим, что такая форма выражения этого реквизита является жанровым признаком делового письма и отличает его от доношений, прошений и других подобных им документов, где адресат обозначен антропонимом и/или существительными со значением лица и чина в дат. п. (см.: [Горбань, 2019; Сафонова, 2017]). Обращения соответствуют речевому этикету (подробно об этом см.: [Горбань, Крамарова, 2024, с. 33–34]) и построены по трем моделям, выбор которых определялся положением адресата согласно Табели о рангах. Модель «титулование + чин + вежливое обращение» реализована в письмах, направленных высокопоставленным лицам:

(16) Имевшему дворянский титул князю Ю.Н. Репнину: *Светлѣйшій князь превосходи-*

тельный господин генерал порутчикъ государь мой (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 13);

(17) П.П. де Бриньи: *Превосходительный господин генераль маоръ, государь мой* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 8);

(18) А.И. Тараканову: *Превосходительный господин генераль порутчик и ковалеръ государь мой* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 184).

Модель «этикетная формула + чин / чин и должность + вежливое обращение» представлена в письмах, адресатами которых были должностные лица, чин которых следовал непосредственно за чином тайного советника:

(19) Фон Цейдеру: *Благородный и почтенный господин примеръ Маіоръ, государь мой* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 194 об.);

(20) П.Ф. Кольцову: *Высокоблагородный и почтенный господин полковникъ и царицинской комендантъ, государь мой* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 100);

(21) Ф.И. Кнutowу: *Высокоблагородный и почтенный господин полковникъ и астраханской комендантъ, государь мой* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 25).

В приведенных выше моделях отсутствует антропоним. Фамилия адресата написана в начале листа, как правило в правом (реже левом) верхнем углу, видимо, при составлении копии или черновика исходящего письма, например: *Кнutowу, Кольцову, Дебринию* (де Бриньи), фамилия князя Репнина дается как с титулованием, так и без него: *князю Репнину, Репнину*.

Модель «этикетная формула + чин (военный или гражданский) / звание + антропоним (фамилия)» представлена в письмах, направленных лицам, имеющим низкие чины в Табели о рангах или военное звание за пределами Табели, при этом этикетные формулы имеют разное наполнение в зависимости от статуса адресата, например:

(22) *Благородный господин порутчикъ Кеврольцовъ* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 49);

(23) *Благородный господин главный лекаръ Моллохъ* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 22 об.);

(24) *Благородный господин лекаръ Скрымзоръ* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 22);

(25) *Господинъ сержантъ Березинъ* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 51).

Во всех письмах обращение отделено от основного текста отступом, развернутые обращения даны в две или три строки: отдельной строкой со смещением к левому краю листа дан дворянский титул (*светлѣйшій князь*), указание чина и/или должности приведено на следующей строке по центру листа, ниже дано вежливое обращение (*государь мой*) со смещением к правому краю листа; краткие обращения даны одной строкой по центру листа.

Основной текст писем состоит из двух структурно-содержательных частей: мотивировочной и констатирующей. Мотивировочная часть в большинстве писем начинается с отсылки к иницилирующему документу (с указанием даты его составления и даты получения), а также детального пересказа его содержания. Такими документами были письма, рапорты, доношения и другие бумаги, направленные В.Н. Татищеву адресатом письма либо высочайшие указы, либо документы, полученные Татищевым от третьих лиц. Отсылка и пересказ синтаксически оформляются по-разному, например:

(26) Князю Репнину: *Сей день от находящегося при ханише Джане порутчика кеврольцова от 21-го числа получилъ я известие что ханша Джан не послушав его представления пошла на побегъ...* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 54);

(27) Бригадиру и Ставропольскому коменданту А.И. Змееву: *Вашего высокоблагородія доношение от 24-го декабря 1741 г. о желавшихъ калмыкахъ крестится по объявлению зайсанга Григорья даши и чтоб ихъ для того отправить в Ставрополь о чемъ и въ Астрах. губер. конц. писано чрезъ присланного от вас салдата 5 генваря 1742 г. здес получил* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 28);

(28) Поручику Кеврольцову: *Присланные от васъ два рапорта от 7-го и 16 здес первой 14 второй 22 чисел генваря получил, которыми требуется...* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 49).

Мотивировочная часть может начинаться с описания положения дел, которое обусловило необходимость предписания, например:

(29) Полковнику и астраханскому коменданту Кнutowу: *Высокоблагородный и почтенный господин полковник, государь мой. Потребно прислать с нужными писмами в крепость Св. Анны к генералу порутчику князю Репнину добраго унтер офицера того ради ваше высокоблагородие благоволите онаго унтерофицера прислать безъ умедления* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 55).

Констатирующая часть содержит необходимые адресату сведения по какому-либо вопросу (информирующие письма) или предписание (регулирующие письма). Маркерами перехода от мотивирующей части к констатирующей являются перформативы, выражающие разные действия: *сообщаю, посылаю, отвечаю, представляю*; предложно-падежная форма указательного местоимения *того / сего ради* со значением причины, например:

(30) Полковнику Бобарыкину: *и на оные* (доношения. – Е. Ш.) *симъ отвечаю...* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 211);

(31) Царицынскому коменданту Кольцову: *того ради* *ваше высокоблагородіе благоволите как возможно наискорее из волских казаковъ сколько возможно исправных и доброконных нарядя выслат прямо к нему полковнику Бобарыкину* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 186 об.).

В единичных случаях переход между частями может оформляться придаточным предложением времени:

(32) Майору Орлову: *по ея императорского величества указу отправлены отсюда кондукторы Варьтаевъ і Панин для осмотра і описей въверхъ по Волге удобныхъ к строению города мѣсть о чель послана с ними инструкція и какъ они прибудут, то извольте ваше благородіе взять* для конвоя драгунъ... (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 7 об.).

В информирующих письмах, которые затрагивают несколько тем, сведения по каждой из них разделяются нумерацией, как, например, в письмах полковнику Бобарыкину (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 339–339 об.), майору и черныорскому коменданту Орлову (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 155–155 об.), майорам фон Цейдеру и Е. Татищеву (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 280–281).

Под основным текстом без отступов помещается оформленная комбинированным способом дата составления письма с указанием дня (арабские цифры и выносные буквы флексии вин. п.), месяца (род. п.), года (арабские цифры и сокращенное указание года – выносная буква): *въ 16^{бЕ} генваря 1742^Г*.

По-видимому, в оригиналах писем текст завершался личной подписью тайного советника.

Необязательные элементы писем представлены элементом формуляра, указывающим на адресата, – этикетной формулой его самопредставления – и постскриптумом.

Формула самопредставления приводится в письмах, адресат которых имеет высокий чин. Ее лексическое наполнение, как показано О.А. Горбань и Т.В. Крамаровой, зависит от статусных отношений участников деловой переписки [Горбань, Крамарова, 2024, с. 35]. Она дается в две или три строки и смещена к левому краю листа, например:

(33) Князю Репнину: *Вашей светлости государя моего покорный слуга* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 12).

Необязательный элемент постскриптума содержит дополнительную информацию, по каким-либо причинам не включенную в основной текст, или важную информацию, которую адресант посчитал необходимым выделить. Постскриптум расположен после даты создания документа или формулы самопредставления адресанта и всегда маркирован сокращением *PS*, например в письме поручику Кеврольцову (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 6 об.).

Анализируемые письма представляют собой официальные бумаги, поэтому в них имеются отметки, не связанные с жанром документа: это регистрационный номер, дата отправления письма, отметка об отправке его копии, сведения о посылном и выдаче ему подорожной и др.:

(34) *Послано 20го числа. Сего копія въ иностранную Коллегію послана того же числа* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 40);

(35) *Послано того ж числа с капралом Трифаномъ Арефьевымъ. Дана подорожная оному Арефьеву до крепости св. Анны и возвратно до Астрахани к генерал порутчику господину князю Репнину* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 47 об. – 48);

(36) *Оставлено и неслано* (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 49).

Особо следует сказать о таком важном элементе формуляра, как самоназвание документа, поскольку оно эксплицирует жанровую (видовую) принадлежность документа. Наличие самоназвания определяет включенность документа в систему: как отмечает А.Н. Качалкин, оно «объясняет практическое назначение, глав-

ную функцию документа, его употребление и использование. <...> Продуманные, содержательные имена упорядочивают состав и систему документов, а через документы – хозяйственную, политическую, культурную жизнь государства. <...> Имя – своеобразная интерстиция между системой условий документной коммуникации и правилами построения и языкового оформления документа, между функционированием текста и его строением» [Качалкин, 2007].

По отношению к документам, адресантом которых является В.Н. Татищев, отметим, что в промемориях, указах, наказах самоназвания представлены, они занимают позицию реквизита: расположены после указания на адресанта и адресата, графически выделены отступами и даны по центру листа.

В письмах самоназвание документа отсутствует и в позиции реквизита, и в основном тексте документа. При этом как наименование деловой бумаги определенного жанра существительное *письмо* встречается в основном тексте при отсылке к иницирующему документу или упоминании отосланных адресантом других писем:

(37) ...По **писму** вашего превосходительства (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 18 об.);

(38) ...Вашей светлости **письмо** от 10 генваря о приближении ханши Джана... сей день получили (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 61 об.);

(39) Приложенное же к ним **письмо** благоволите отослать безъ удержания (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 44 об.).

Кроме того, существительное *письмо* используется как родовое обозначение для всех бумаг, исходящих из Комиссии. Например, на титульном листе журнала исходящих документов читаем:

(40) Письма исходящие генваря месяца 1742 г. (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Титульный лист).

Полагаем, что отсутствие у исследуемых писем самоназвания является жанровым признаком документов этого вида.

Пространство и время

В изучаемых документах репрезентированы реальное пространство, соотноси-

мое с реальной действительностью, и социальное пространство, которое соотносится со структурой общества.

Реальное пространство выражено нарицательными существительными, обозначающими поселения (*слобода, улус*), именами собственными, называющими определенные территории (*Средняя Орда, Калмыкия, Кабарда, Крым* и др.), гидронимами (*Волга, Кубань, Сал*), ойконимами (*Астрахань, Царицын, Чёрный Яр*). Важной для представления реального пространства является лексика, характеризующая этническую специфичность соседних народов (*калмыки, татары* и др.). Локализация документа осуществляется также с помощью прилагательных, которые, будучи образованными от наименований населенных пунктов и этнонимов, выражают отношение объектов и людей к определенной местности (*астраханский, кабардинский, салтананульский, киргиз-кайсацкий, калмыцкий* и др.). Пространственные отношения характеризуются в письмах посредством наречий (*суда, здесь, туда, возвратно*) и глаголов перемещения (*пойти, бежать, послать* и др.) в сочетании с существительными, обозначающими начальную и конечную точки движения.

Социальное пространство репрезентируется в исследуемых документах словами и словосочетаниями, выражающими положение участников документируемых ситуаций в социуме. Это формулы титулования (*ея императорское величество, светлейший князь, ваше превосходительство* и др.), существительные, обозначающие военные и гражданские чины и звания, входящие и не входящие в Табель о рангах (*генерал-поручикъ, бригадиръ, полковникъ, майоръ, офицеръ, поручикъ, капраль, драгунъ, лекаръ, кондукторъ, унтер-офицеръ, сержантъ* и др.), должности (*комендантъ*), род деятельности (*переводчикъ*), представителей этносословных групп (*казакъ*). Широко используются лексемы, отражающие социальную организацию Калмыцкого ханства и соседних народов (*наместник Калмыцкого ханства, ханша, владельцы, мурзы, сераскер* и др.), их религиозную принадлежность (*крещеные калмыки*). Социальные отношения (иерархия участников деловой коммуникации) находят выражение в

выборе адресантом средств речевого этикета и способов выражения предписания (см. об этом выше).

Рассматриваемый вид пространства репрезентирован в письмах сочетаниями, называющими учреждения и органы управления (*иностранный Коллегиум, губернская канцелярия* и др.), а также ономастическими единицами, которые обозначают имеющие определенное местоположение гражданские учреждения (*Астраханская контора*), военных подразделений (*астраханская гарнизонная рота, Сибирский полк*) и укреплений, предназначенных для обороны (*крепость Святой Анны*).

Большим количеством лексических единиц представлена сфера делопроизводства. Это прежде всего названия документов (*промемория, рапорт, известие, доношение, подорожная, наказ, указ, письмо* и др.), а также лексемы, обозначающие их статус (*копия, исходящие письма*).

Время в исследуемых текстах является реальным. Оно выражено единицами, обозначающими временные промежутки и точные даты создания, отправки, получения документа, совершения документируемых событий (*сего дня, сей день, 7 января 1742, декабря 19 числа 1741, 30 ноября*). Кроме того, время репрезентируется грамматическими средствами – формами глаголов и некоторыми сложными синтаксическими конструкциями. Они, как было показано в одной из наших работ, образуют темпоральную рамку, в которую вписывается развертывание событий, отраженных в документах [Горбань, Шептухина, 2023, с. 333].

Схема развертывания текстового времени в деловых письмах зависит от типа письма и связана с формуляром. В информирующих документах представлены два временных плана (предшествующий и одновременный) и реализуется следующая темпоральная рамка: <описание предшествующих событий (формы прош. вр. в абсолютном употреблении и наст. вр. в относительном употреблении) перформатив (наст. вр.) – описание положения дел (формы прош. вр. в абсолютном употреблении и наст. вр. в относительном употреблении) – дата составления документа>. Точкой отсчета является дата составле-

ния документа и совпадающий с ней перформативный глагол. В регулирующих письмах представлены два временных плана (предшествующий и последующий), темпоральная рамка реализуется следующим образом: <описание предшествующих событий (формы прош. вр. в абсолютн. употребл. и наст. вр. в относительн. употребл.) – перечисление предписываемых действий (формы независимого инфинитива, императива, наст. и буд. вр. в абсолютн. употр.) – дата составления документа>. Точкой отсчета выступает дата создания документа.

Заключение

Письма, составленные тайным советником, астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии В.Н. Татищевым, реализуют модель жанра документа, которая объединяет взаимодействующие между собой разноуровневые параметры: «функция», «адресант», «адресат», «характер передаваемой информации (информация)», «структура», «модальность», «пространство», «время».

В.Н. Татищев вел переписку в разных направлениях: вертикальном (с вышестоящими или нижестоящими адресатами) и горизонтальном (с адресатами, имеющими с адресантом равный статус). В письмах статусные отношения адресанта и адресата выражаются посредством широкого набора речевых средств, умело использованных В.Н. Татищевым: титулование, этикетные формулы, местоимения 2-го л. ед. или мн. числа *ты / вы*.

Многообразие задач, стоявших перед тайным советником нашло отражение в содержании писем. Функционально эти документы делятся на информирующие и регулирующие и реализуют соответствующую им модальность.

Структура (формуляр) информирующих и регулирующих писем обнаруживает сходство и состоит из обязательных и факультативных элементов. Обязательными являются адресат, основной текст (включает мотивирующую и констатирующую части), дата составления документа, факультативными – самопредставление адресанта и постскриптум. Порядок следования элементов формуляра сохраняется во всех письмах. Однако их речевое

воплощение обнаруживает вариативность, которая проявляется прежде всего в выражении статусных отношений адресанта и адресата посредством выбора приветственного обращения (независимо от типа письма), а также использования типовых речевых средств, маркирующих переход от мотивирующей части к констатирующей (перформатив – в информирующих документах, конструкция *того ради* – в регламентирующих). Некоторые элементы формуляра (приветственное обращение, формула самопредставления адресанта) графически выделены из текста, имеют фиксированное место расположения в одной и той же части листа. Значимо для формальной организации писем отсутствие в них самоназвания.

Пространство, которое репрезентировано в письмах, – это южные российские территории, где локализируются документируемые события, и территории, ситуативно связанные с ними. В письмах нашла отражение его сложная социальная организация.

Выраженное в письмах время реально и организовано относительно точки отсчета, которой является дата составления документа (в информирующих – еще и перформатив). Схема развертывания текстового времени зависит от типа письма и соотносится с формуляром: в информирующих документах представлены предшествующий и одновременный, в регулирующих письмах – предшествующий и последующий временные планы.

Результаты анализа материала показали, что деловое письмо можно определить как самостоятельный эпистолярный жанр, маркерами которого являются разнонаправленность коммуникации, полифункциональность, отсутствие самоназвания и обязательного реквизитного указания на адресанта, приветственное обращение как средство выражения реквизита «адресат», наличие факультативных элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А., 2021. В.Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. Т. 14, № 5. С. 910–918. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918>
- Васильева О. Ю., Ральченко А. А., 2016. Жанрово-стилистическая характеристика региональных доношений XVIII–XIX вв. (на материале архивных документов г. Омска и Омской области) // *Научный диалог*. № 9 (57). С. 9–20.
- Гауч О. Н., 2013. Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО) // *Научный диалог*. № 5 (17): Филология. С. 221–233.
- Глухих Н. В., 2006. Переписка заводчиков Демидовых с приказчиками конца XVIII – начала XIX в.: историко-лингвистический аспект. Челябинск: Полиграф-Мастер. 159 с.
- Глухих Н. В., 2008. Деловой эпистолярный конца XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. Челябинск: Полиграф-Мастер. 169 с.
- Голованова О. И., 2012. Проблема классификации документов делового общения XVIII века и их жанровая атрибуция // *Концепт: грани понятия в современной науке*. Ногинск: Аналитика РОДИС. С. 51–93.
- Горбань О. А., 2019. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
- Горбань О. А., 2021. Учетные документы Войска Донского в XVIII веке: содержание и структура текстов // *Научный диалог*. № 2. С. 28–47. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-28-47>
- Горбань О. А., 2023. Рапорт в документной коммуникации на юге России первой половины XVIII века // *Научный диалог*. Т. 12, № 8. С. 126–142. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142)
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А., 2020. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Горбань О. А., Крамарова Т. В., 2024. Формулы речевого этикета в документах учреждений юга России XVIII века // *Восьмые Моисеевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Оренбург, 22 нояб. 2023 г.)*. Оренбург: Оренбург. кн. С. 32–37.
- Горбань О. А., Шептухина Е. М., 2023. Жанровая обусловленность грамматического выражения текстового времени в региональных документах XVIII века // *Жанры речи*. Т. 18, вып. 4(40). С. 330–336. DOI: [10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336)

- Иванова Е. Н., 2016. Маркеры контактоустанавливающей потребности личности в деловой коммуникации XVIII в. (на примере писем и распоряжений А.Н. Демидова) // Психологические аспекты речевой деятельности. № 14. С. 128–137.
- Качалкин А. Н., 1988. Жанры русского документа допетровской эпохи. В 2 ч. Ч. 2. Филологический метод анализа документов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 120 с.
- Качалкин А.Н., 2007. Русские документы до XVIII века. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_136.html
- Косов А. Г., 2018. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века. М. : Флинта. 221 с.
- Косова М. В., 2017. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск : РИВШ, С. 123–134.
- Косова М. В., 2020. Промемория как вид документа в делопроизводстве Войска Донского: система жанровых параметров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». Т. 17, № 3. С. 16–21. DOI: 10.14529/ling200303
- Кузьмина М. Д., 2020. Деловое vs дружеское письмо под пером русских классицистов (эпистолярный А.П. Сумарокова) // Верхневолжский филологический вестник. № 3 (22). С. 18–27. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-18-27
- Майоров А. П., 2006. К вопросу о классификации жанров русской деловой письменности XVIII в. (на материале памятников Забайкалья) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1. С. 141–148.
- Майоров А. П., 2009. Рапорты (репорты) как памятники истории русского языка XVIII века // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. № 3 (26). С. 131–133.
- Русанова С. В., 2015. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 153–163.
- Русанова С. В., 2020. Речевой этикет письменной деловой коммуникации XVIII в. как лингвокультурный феномен // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 1 (26). С. 1–4. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1\(26\).14](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).14)
- Русанова С. В., 2021. Доношение как просительный документ в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>
- Сафонова И. А., 2017. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры : сб. науч. тр. Тула : Тул. произв. полигр. об-ние. Вып. 9. С. 48–52.
- Сафонова И. А., Дмитриева Е. Г., 2017. Жанровые параметры предложений XVIII–XIX вв. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 4. С. 100–110. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.8>
- Семенова О. Р., 2008. О жанре челябинских рапортов / репортов 18 века. Лексические данные челябинских рапортов 18 века // Скоропись 18 – начала 19 века на Южном Урале и Зауралье. Лингвистика текста. Челябинск : Челяб. гос. ун-т. С. 135–139.
- Сусеева Д. А., 2015. О языке деловых писем В.Н. Татищева (1741–1745 гг.), относящихся к периоду его пребывания в должности руководителя Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и астраханского губернатора (на материале Национального архива Республики Калмыкия) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б.Х. Тодаевой. Элиста : Изд-во Калмыц. гос. ун-та. С. 33–39.
- Сусеева Д. А., Брыкина Е. В., Супрун В. И., 2019. Русский язык XVIII века на окраинах России: переписка В.Н. Татищева с царьцинским комендантом и другими лицами (по материалам Национального архива Республики Калмыкия). Волгоград : Фортекс. 196 с.
- Торопицын И. В., Сусеева Д. А., Кундакбаева Ж. Б., 2020. «Повелено мне киргиз кайсацкой народ с калмыцким примирить, чтоб оные оба народы между собою жили в согласии». К деятельности В.Н. Татищева на посту руководителя Калмыцкой комиссии. Первая половина 1740-х гг. // Вестник архивиста. № 2. С. 343–354. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-2-343-354
- Трофимова О. В., 2003. Процесс формализации речевых жанров и становление жанров русского документа // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. С. 150–153.
- Шептухина Е. М., 2020. Жанровая параметризация расписок середины XVIII в. (на материале архивного фонда Михайловского станичного атамана) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкозна-

ние. Т. 19, № 5. С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.7>

- Шептухина Е. М., Тихонова Н. И., 2021. Региональные деловые письма середины XVIII века в аспекте жанровой параметризации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. №4. С. 23–33.
- Gorban' O. A., Ilyinova E. Yu., Kosova M. V., Sheptukhina E. M., 2017. Cossack Military Charters of the Mid18th Century: Genre Distinction // XLinguae Journal. Vol. 10, iss. 3. P. 123–136. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

ИСТОЧНИКИ

- Генеральный регламент* – Генеральный регламент // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1. Т. 6. 1720–1722. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 141–160.
- НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36 (Состоящий при калмыцких делах, при Астраханском губернаторе, г. Астрахань). Оп. 1. Д. 141. 520 л.

REFERENCES

- Batmaev M.M., Koltsov P.M., Murgaev S.M., Umgaev S.A., 2021. V.N. Tatishchev i voprosy uluchsheniya ekonomicheskogo polozheniya kalmytskogo naroda [Vasily Tatishchev and Issues of Improving the Kalmyk People's Economic Conditions]. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 5, pp. 910-918. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-57-5-910-918>
- Vasileva O.Yu., Ralchenko A.A., 2016. Zhanrovostilisticheskaya kharakteristika regionalnykh donosheniy XVIII–XIX vv. (na materiale arkhivnykh dokumentov g. Omska i Omskoy oblasti) [Genre and Stylistic Characteristics of Regional Reports of 18th– 19th Centuries (On Omsk and Omsk Region Archival Documents)]. *Nauchnyy dialog*, no. 9 (57), pp. 9-20.
- Gauch O.N., 2013. Zhanrovoye svoeobrazie organizatsionno-rasporyaditelnykh dokumentov delovoy pismennosti XVIII veka (na materiale TFGATO) [Genre Diversity of Organizational Administrative Documents of the 18th Century's Formal Writing (Based on Materials of Tobolsk Branch of Tyumen Region State Archive)]. *Nauchnyy dialog*, no. 5 (17), pp. 221-233.
- Glukhikh N.V., 2006. *Perepiska zavodchikov Demidovykh s prikazchikami kontsa XVIII – nachala XIX v.: istoriko-lingvisticheskiy aspekt* [Correspondence of Demidov Breeders with Clerks of the Late 18th – Early 19th Centuries: Historical and Linguistic Aspect]. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ. 159 p.
- Glukhikh N.V., 2008. *Delovoy epistolary kontsa XVIII – nachala XIX v. na Yuzhnom Urale: lingvistika teksta* [Business Epistolary of the Late 18th – Early 19th Century in the South Ural Region: Text Linguistics]. Chelyabinsk, Poligraf-Master Publ. 169 p.
- Golovanova O.I., 2012. Problema klassifikatsii dokumentov delovogo obshcheniya XVIII veka i ikh zhanrovaya atributsiya [Problem of Classification of Business Communication Documents of the 18th Century and Their Genre Attribution]. *Kontsept: grani ponyatiya v sovremennoy nauke* [Concept: Facets of the Concept in Modern Science]. Noginsk, Analitika RODIS Publ., pp. 51-93.
- Gorban O.A., 2019. Donosheniya i raporty donskikh kazakov v seredine XVIII v.: istochnikovedcheskiy analiz [The Donosheniya and Reports of Don Cossacks in the Mid 18th c.: Source Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 4, pp. 45-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
- Gorban O.A., 2021. Uchetnye dokumenty Voyska Donskogo v XVIII veke: sodержanie i struktura tekstov [Registration Documents of the Don Army in the 18th Century: Content and Structure of Texts]. *Nauchnyy dialog*, no. 2, pp. 28-47. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-28-47>
- Gorban O.A., 2023. Raport v dokumentnoy kommunikatsii na yuge Rossii pervoy poloviny XVIII veka [Report in Documentary Communication in Southern Region of Russia During First Half of 18th Century]. *Nauchnyy dialog*, vol. 12, no. 8, pp. 126-142. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142)
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitriyeva Ye.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Gorban O.A., Kramarova T.V., 2024. Formuly rechevogo etiketa v dokumentakh uchrezhdeniy yuga Rossii XVIII veka [Formulas of Speech Etiquette

- in Documents of Institutions of the South of Russia of the 18th Century]. *Vosmye Moiseevskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Orenburg, 22 noyab. 2023 g.)* [Eighth Moiseev's Readings. Proceedings of the International Scientific Conference (Orenburg, Nov. 22, 2023)]. Orenburg, Orenburg. kn. Publ., pp. 32-37.
- Gorban O.A., Sheptukhina E.M., 2023. Zhanrovaya obuslovlennost grammaticheskogo vyrazheniya tekstovogo vremeni v regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Genre Determination of Grammatical Expression of Textual Chronotope in Regional Documents of the 18th Century]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], vol. 18, iss. 4 (40), pp. 330-336. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-330-336
- Ivanova E.N., 2016. Markery kontaktoustanavlivayushchey potrebnosti lichnosti v delovoy kommunikatsii XVIII v. (na primere pisem i rasporyazheniy A. N. Demidova) [Markers of the contact-establishing Needs of the Individual in Business Communication of the 18th Century (Using the Example of Letters and Orders of A. N. Demidov)]. *Psikhologicheskie aspekty rechevoy deyatel'nosti*, no. 14, pp. 128-137.
- Kachalkin A.N., 1988. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. V 2 ch. Ch. 2. Filologicheskyy metod analiza dokumentov* [Genres of the Russian Document in the PrePeter-the-First Period. In 2 Pts. Pt. 2. Philological Method of Analysis of the Document]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 120 p.
- Kachalkin A.N., 2007. *Russkie dokumenty do XVIII veka* [Russian Documents Until the 18th Century]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_136.html
- Kosov A.G., 2018. *Evolutsiya dokumentnykh zhanrov v delovom yazyke XVIII veka* [Evolution of Documentary Genres in the Business Language of the 18th Century]. Moscow, Flinta Publ. 221 p.
- Kosova M.V., 2017. Dinamika zhanrovnykh parametrov regionalnykh dokumentov XVIII veka [Dynamics of Genre Parameters of the Regional Documents of the 18th Century]. *Tekst v yazyke, rechi, kulture: sb. nauch. st.* [Text in Language, Speech, Culture. Collection of Scientific Articles]. Minsk, RIVSh, pp. 123-134.
- Kosova M.V., 2020. Promemoriya kak vid dokumenta v deloproizvodstve Voyska Donskogo: sistema zhanrovnykh parametrov [Promemoriya as a Document Type in Records Management of the Don Host: System of Genre Parameters]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 16-21. DOI: 10.14529/ling200303
- Kuzmina M.D., 2020. Delovoe vs družeskoe pismo pod perom russkikh klassitsistov (epistolyariy A. P. Sumarokova) [Business vs Friendly Letter Under the Pen of Russian Classicists (Epistolary by A. P. Sumarokov)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik* [Verkhnevolzhski Philological Bulletin], no. 3 (22), pp. 18-27. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-18-27
- Mayorov A.P., 2006. K voprosu o klassifikatsii zhanrov russkoy delovoy pismennosti XVIII v. (na materiale pamyatnikov Zabaykalya) [On the Classification of Genres of Russian Business Writing in the 18th Century (Based on the Material of the Monuments of Transbaikalia)]. *Vestnik Rossiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], no. 1, pp. 141-148.
- Mayorov A.P., 2009. Raporty (reporty) kak pamyatniki istorii russkogo yazyka XVIII veka [Reports as Monuments of the Russian Language History of the 18th Century]. *Uchenye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo* [Scientific Notes of the N.G. Chernyshevsky Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University], no. 3 (26), pp. 131-133.
- Rusanova S.V., 2015. Promemoriya v regionalnom deloproizvodstve XVIII v.: funktsionalnaya napravlennost i zhanrovaya spetsifika [Promemoria in the 18th Century Regional Business Documentation: Functional Orientation and Genre Specifics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 2, pp. 153-163.
- Rusanova S.V., 2020. Rechevoy etiket pismennoy delovoy kommunikatsii XVIII v. kak lingvokulturnyy fenomen [Speech Etiquette of Written Business Communication of the 18th Century. as a Linguistic and Cultural Phenomenon]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], no. 1 (26), pp. 1-4. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1\(26\).14](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).14)
- Rusanova S.V., 2021. Donoshenie kak prositelnyy dokument v zakonodatelnykh aktakh i regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka [Donosheniye as the Petitionary Document Type in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 1, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>

- Safonova I.A., 2017. Strukturnye i rechevye osobennosti donosheniy XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Structural and Speech Features of the Relations of the 18th Century (On the Material of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Dokument kak tekst kultury: sb. nauch. tr.* [Documents as a Text of Culture. Collection of Scientific Works]. Tula, Tul. proizv. poligr. ob-nie, iss. 9, pp. 48-52.
- Safonova I.A., Dmitrieva E.G., 2017. Zhanrovye parametry predlozheniy XVIII–XIX vv. (po materiale arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Genre Characteristics of the 18th – 19th cc. Offers (With Reference to the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 4, pp. 100-110. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.8>
- Semenova O.R., 2008. O zhanre chelyabinskikh raportov / reportov 18 veka. Leksicheskie dannye chelyabinskikh raportov 18 veka [About the Genre of Chelyabinsk Reports of the 18th Century. Lexical Data of Chelyabinsk Reports of the 18th Century]. *Skoropis 18 – nachala 19 veka na Yuzhnom Urale i Zauralye. Lingvistika teksta* [Cursive Writing of the 18th – Early 19th Century in the Southern Urals and Trans-Urals. Linguistics of the Text]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t, pp. 135-139.
- Suseeva D.A., 2015. O yazyke delovykh pisem V.N. Tatishcheva (1741–1745 gg.), otnosyashchikhsya k periodu ego prebyvaniya v dolzhnosti rukovoditelya Kalmytskoy komissii pri Kollegii inostrannykh del i Astrakhanskogo gubernatora (na materiale natsionalnogo arkhiva respubliki Kalmykiya) [On the Language of V.N. Tatishchev's Business Letters (1741–1745), Relating to the Period of His Tenure as Head of the Kalmyk Commission at the Board of Foreign Affairs and the Astrakhan Governor (Based on the Material of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. *Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu B.Kh. Todaevoy* [Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Prospects of Development. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of B.Kh. Todaeva]. Elista, Izd-vo Kalmyts. gos. un-ta, pp. 33-39.
- Suseeva D.A., Brysina E.V., Suprun V.I., 2019. *Russkiy yazyk XVIII veka na okrainakh Rossii: perepiska V.N. Tatishcheva s tsaritsynskim komendantom i drugimi litsami (po materialam Natsionalnogo arkhiva Respubliki Kalmykiya)* [Russian Language of the 18th Century on the Outskirts of Russia: V.N. Tatishchev's Correspondence with the Tsaritsyn Commandant and Other Persons (Based on the Materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)]. Volgograd, Fortress Publ. 196p.
- Toropitsyn I.V., Suseeva D.A., Kundakbaeva Zh.B., 2020. «Poveleno mne kirgiz kaysatskoy narod s kalmytskim primirit, chtob onye oba narody mezhdru soboyu zhili v soglasii». K deyatelnosti V.N. Tatishcheva na postu rukovoditelya Kalmytskoy komissii. Pervaya polovina 1740-kh gg. [“I Am Commanded to Make Peace Between the Kyrgyz-Kazakh and the Kalmyk People, So That These Two Peoples May Live in Mutual Concord”]: Revisiting the Activities of V.N. Tatishchev as the Head of the Kalmyk Commission: The First Half of the 1740s]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], no. 2, pp. 343-354. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-2-343-354
- Trofimova O.V., 2003. Protess formalizatsii rechevykh zhanrov i stanovlenie zhanrov russkogo dokumenta [Process of Formalization of Speech Genres and the Formation of Genres of the Russian Document]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], no. 4, pp. 150-153.
- Sheptukhina E.M., 2020. Zhanrovaya parametrizatsiya raspisok serediny XVIII v. (na materiale arkhivnogo fonda Mikhaylovskogo stanichnogo atamana) [Genre Parametrization of Receipt in the Middle 18th Century (With Reference to “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 5, pp. 74-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.7>
- Sheptukhina E.M., Tikhonova N.I., 2021. Regionalnye delovye pisma serediny XVIII veka v aspekte zhanrovoy parametrizatsii [Regional Business Letters of the Mid-18th Century in the Aspect of Genre Parameterization]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology], no. 4, pp. 23-33.
- Gorban' O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2017. Cossack Military Charters of the Mid-18th Century: Genre Distinction. *XLinguae Journal*, vol. 10, iss. 3,

pp. 123-136. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.10>

SOURCES

Generalny reglament [General Regulations]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda. Sobraniye 1. T. 6. 1720–1722* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since

1649. Collection 1. Vol. 6. 1720–1722]. Saint Petersburg, V Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1830, pp. 141-160.

Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36 (Sostoyashchiy pri kalmytskikh delakh, pri Astrakhanskom gubernatore, g. Astrakhan [Consisting of the Kalmyk affairs, under the Astrakhan Governor, Astrakhan]), inv. 1, d. 141. 520 l.

Information About the Author

Elena M. Sheptukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Информация об авторе

Елена Михайловна Шептухина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.10>

UDC 811.581'0:61
LBC 81.711-03

Submitted: 28.03.2024
Accepted: 08.07.2024

METAPHORICAL TERMINOLOGY IN ANCIENT TEXTS OF TRADITIONAL CHINESE MEDICINE: PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND TRANSLATION ¹

Qihua Sun

Heilongjiang University, Harbin, China

Irina S. Karabulatova

Heilongjiang University, Harbin, China;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Jinna Zou

Heilongjiang University, Harbin, China

Chen Kuo

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Abstract. The author's hypothesis proceeds from the position that the ancient treatises of traditional Chinese medicine (TCM) describe metaphorically an ethnocultural understanding of neuro-linguistic and psychophysiological processes in the human body from the perspective of communication between large and small. TCM terms are medical concepts that also contain deep philosophical and linguistic-cultural content plans, due to the Wenyan-style in which TCM treatises are written. The purpose of the work is to identify the patterns of the language of these ancient texts in the context of the interpretation presented in them through the hierarchy of 'state and subjects'. The use of methodological holism made it possible to develop a new approach to the texts of traditional Chinese medicine from the standpoint of communication studies and neuropsycholinguistics. The mythologized interpretation of the concepts in the ancient treatises of TCM is associated with the signification of any health problem in the form of an expanded metaphor characterizing the problem as a violation of 'communication' in the body-'state' between 'vassals', 'individual social groups' and their 'leaders'. This positioning of the body's work through the prism of social relations provides an understanding of the interpretation of relationships in ancient Chinese society as a whole.

Key words: traditional Chinese medicine, *The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner*, *The Canon of Bian Que on the Inner*, terminology, metaphor, verbalization of body problems, alternative communication, translation.

Citation. Sun Q., Karabulatova I.S., Zou J., Kuo Ch. Metaphorical Terminology in Ancient Texts of Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 141-157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.10>

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ДРЕВНИХ ТЕКСТАХ
ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ:
ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПЕРЕВОДА ¹****Цюхуа Сунь**

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай

Ирина Советовна КарабулатоваХэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия**Цзиньна Цзоу**

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай

Чэнь Ко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Авторская гипотеза исходит из положения о том, что древние трактаты традиционной китайской медицины (ТКМ) описывают метафорически этнокультурное понимание нейролингвистических и психофизиологических процессов в теле человека с позиции коммуникации большого и малого. Термины ТКМ обозначают медицинские понятия, в которых также содержатся глубокие философский и лингвокультурный планы содержания, обусловленные стилем вэньянь, которым написаны трактаты ТКМ. Цель работы состоит в выявлении закономерностей языка этих древних текстов в контексте представленной в них интерпретации через иерархию «государство и подданные». Использование методологического холизма позволило разработать новый подход к текстам традиционной китайской медицины с позиций коммуникативистики и нейропсихоллингвистики. Мифологизированная интерпретация понятий в древних трактатах ТКМ связана с означиванием любой проблемы со здоровьем в виде развернутой метафоры, характеризующей проблему как нарушение «коммуникации» в теле-«государстве» между вассалами, отдельными социальными группами и их лидерами. Такое позиционирование работы организма сквозь призму социальных отношений дает понимание истолкования взаимоотношений в древнекитайском обществе в целом. **Вклад авторов.** И.С. Карабулатова – разработка общей идеи и подходов к анализу материала, формулировка гипотезы, инженерно-лингвистическое решение; Ц. Сунь – лингвистический анализ метафор в русском и китайском языках; Ц. Цзоу – отбор текстов для анализа, выделение терминологических понятий; Ч. Ко – отбор эмпирического материала из текстов и его анализ по разработанной соавторами методике.

Ключевые слова: традиционная китайская медицина, *Трактат Желтого императора о внутреннем*, *Канон Бянь Цяо о внутреннем*, терминология, метафора, вербализация проблем тела, альтернативная коммуникация, перевод.

Цитирование. Сунь Ц., Карабулатова И. С., Цзоу Ц., Ко Ч. Метафорическая терминология в древних текстах традиционной китайской медицины: проблемы понимания и перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 141–157. – (На англ. яз.) – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.10>

Introduction

As a universal system of communication between the inner microcosm and the outer macrocosm, traditional Chinese medicine (hereinafter – TCM) is often referred to as a mysterious ‘Chinese miracle’ [Arapu, 2021; Lagutkina, 2022; Capuzzo, 2022; Karabulatova et al., 2024], which

represents the diversity of ideas about man and the world [Chen Kuo, Karabulatova, 2024; Dubrovin, 1991; Sun, 2020]. Also, TCM itself had been sacralized for a long time, as evidenced by the lack of a single recognized term before the twentieth century and the use of metaphorical names such as The “Art of Qi Huang” in *The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner* [2022a, b], “Hanging

a bottle gourd”, The “Green Bag”, The “Apricot Grove” [Chen Xue, 2023, p. 134]. It was only in 1936 that the name was officially unified as traditional Chinese medicine [Li Zhaogo, 2013]. However, according to V.S. Spirin, the abundance of euphemisms and metaphors has defined the perception and interpretation of ancient Chinese medical treatises, which are literary rather than scientific texts of Ancient China [Spirin, 2006].

The ancient Chinese treatises under study are interesting from the point of view of a specific interpretation of human psychophysiological problems by analogy with the internal structure of the state and interaction between social classes, groups and individual significant figures in it. This metaphoric expansion interprets psychophysiological processes as a kind of ‘deep’ communication in the human body.

The need for the correct use of the TCM terminology is becoming increasingly relevant due to the growing popularity of oriental medicine practices in healthcare not only in Southeast Asian countries, such as China, but also in Russia, the post-Soviet states and other countries. At the same time, it should be borne in mind that the TCM status in China and abroad may vary [Nichols, 2021; Wang, Kuzmenko, 2023]. Due to the preserved sacralization of the human body and its disorders, especially in Asian linguistic cultures, the issue of in-depth analysis of TCM texts from the standpoint of understanding its terminology related to Eastern lingua philosophy, in general, is urgent. The relevance of the research is due to the strengthening of ties between Russia and China, the spread of translated literature on traditional Chinese medicine, the growing interest in interpreting TCM outside its main field of practice, nuances and differences in the interpretation of terminological concepts and the Wenyan-style of written scientific texts in Chinese culture. Task complexity is defined by the need for detailed commentary on ancient Chinese terminology, as its semantics, due to its metaphoric nature, often remains unclear and incomprehensible without extensive theoretical research.

Materials and methods

The terminology of TCM goes back to the value code of the traditional culture of Ancient China, recorded in the Wenyan literary tradition, used in ancient scientific treatises and scholarly

works on philosophy, culture, history and medicine as early as the 5th century BC, which leaves an imprint on modern understanding and post-interpretation in modern times [Kryukov, 1978; Chen Xue, 2023]. Chinese treatises use a style derived from ancient Wenyan traditions, whose figurative language is not common in everyday Chinese colloquial speech but widely used in scientific and technical writing. In the treatises under consideration, Wenyan-style terms present lexical and semantic difficulties that have to be tackled.

In this regard, we consider, first of all, such canonical texts of the TCM as *The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner* (Huangdinei-Ching / 《黄帝内经》 / Huángdì Nèijīng), tentatively dated about 500 BC, known in Russia in translations by B.B. Vinogradsky (Traktat Zheltogo imperatora..., 2022a; 2022b), as well as *The Canon of Bian Que on the Inner*, which appeared earlier than this work, or *The Canon of Difficult questions in Medicine* (Nan-Ching / 难经 / Nán Jīng) under the authorship of Bian Que 扁鹊 / Biǎn Què, which became known approximately already in 500–210 BC, published in Russia in the interpretation of D.A. Dubrovin [1991].

The research material is heterogeneous. First of all, the interest was focused on the analysis of translated texts of ancient Chinese treatises in comparison with the primary sources. The selection of the material predetermined the identification of three main groups: 1) metaphorical verbalization of the causes of pathological conditions, diseases and various body disorders; 2) mythological interpretation of taboo causal relationships in the human body by the terminological apparatus of TCM under the influence of traditional Chinese worldview; 3) mythologization of the description of correction approaches in TCM as an alternative dialogue with systems and organs understood in TCM as specific communicative systems of the body. The methodology is based on the psycholinguistic understanding of psychophysiology in the traditional culture of Chinese folk medicine, which interprets the interaction process of all systems and organs of a living organism using understandable images and the structure of ancient Chinese society. At the same time, descriptions of neural and cognitive relations provided in ancient treatises predetermined the appeal to neurobiology and neuro-linguistics to establish the content of

terminological concepts. Researchers point out the philosophical, mythologized, folklore traditions of the TCM interpretation in Chinese linguoculture [Chen Xue, 2023; Slingerland, 2013; Hammer, 1999; Nichols, 2021].

The neuro-linguistic map of the human brain compiled by [Karabulatova et al., 2024a] relies on stable metaphors that are understandable in Chinese society including the Jade Emperor, also known as Yu Huang 玉皇 or Yu Di 玉帝, is the highest god in Chinese culture and the paramount deity in the Taoist pantheon. He is the celestial supreme ruler, The Jade Emperor, and the ultimate arbiter of human destiny. From his ethereal jade palace in the sky, he exercises control over the entire universe. The heavens, earth, and netherworld all fall under his dominion. He commands a multitude of deities and spiritual beings at his behest. In addition, in Chinese mythology, it is believed that the Jade Emperor turns his attention to the visual representation of the world, phenomena, living beings, objects, so it is not surprising that his image is identified with the zone of visual representation and visual information in the brain from the point of view of TCM. The correct expression of thoughts and emotions through words are attributed to the Crystal Palace combining the Cave House and the Bright Palace. In the Chinese philosophical tradition, a complex of regulatory systems located in the brain is interpreted as the Open Crystal Palace, which includes the most vital organs of the neurohumoral system (pineal gland, thalamus, hypothalamus and pituitary gland) [Jia, Chia, Sakser, 2016].

Using neurolinguocognitive mapping [Wong, Huo, Maurer, 2024] based on the theory of regulation and the so-called dominant criteria of clinical signs, recent instrumental studies have confirmed that neural connections deteriorate due to exposure to repetitive or atypical sounds for native speakers of a particular language [Soltész, Szűcs, 2014]. Neurolinguocognitive mapping allowed researchers to find out that the interaction between the brain parts changes significantly during an illness. Using magnetic resonance imaging data, scientists created maps of functional brain networks that show semantic connections between its parts [Khorev et al., 2024]. Additionally, scientists analyzed connections in the brain at two levels: global, when they considered the general characteristics of networks and their cor-

respondence to large-scale brain networks, and local, when they examined individual connections forming groups. It turned out that in case of depression and other chronic diseases in the brain, failures occur in the process of group formation. It means that functional networks are no longer clearly divided into large parts. Information is normally processed within functional groups, but illness forces the brain to use more neural connections between the parts [Khorev et al., 2024]. In [Khorev et al., 2024], using MRI, the authors illustrate deep changes in the world perception by people with anxiety and depression, which emphasizes the validity of the provisions on the violation of cognitive connections in painful conditions in the ancient treatises of TCM. Within the framework of Chinese medicine, various ailments are associated with a violation of harmony in the work of the brain as the main regulator of all body systems, which is confirmed in modern studies of norm and pathology [Khorev et al., 2024]. Thus, the treatises on TCM metaphorically describe the nervous system impact on the activity of the heart, liver and other organs.

In this regard, the treatises of TCM were considered using the theory of metagraphs, which makes it possible to combine various features into a generalized system. The key advantage of using metagraphs to model the semantics of the terminological system of TCM treatises is the possibility of easily supplementing existing vertex concepts and semantic connections with additional vertex values using concepts without violating the existing semantic elements and changing the relationship between them. The imposition of different maps and the comparison of the terminological apparatus using the theory of metagraphic representation made it possible to clarify the scope of TCM concepts in the modern system of neuro-linguistics, translating the metaphorical designations of TCM terms into modern terminology. Methodological holism, due to the application of the metagraph theory [Gapanyuk et al., 2024], predetermined the use of various methods subordinated to the idea of research – the creation of a model of ‘internal communication’ of systems and organs in the interpretation of ancient texts of TCM.

A metagraphic representation model, which is a complex graphical model (see Figure), can be used to solve the technologically claimed prob-

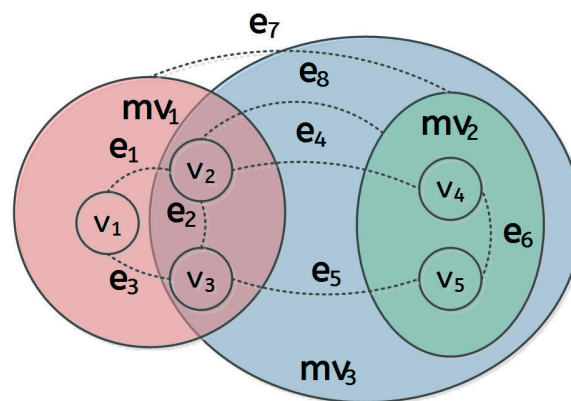
lem. In this article, the metagraph is presented as follows: $MG = \{V, MV, E\}$, where $[MG]$ represents the metagraph, the sign $[V]$ represents the set of vertices of the metagraph, the designation $[MV]$ means the set of meta-vertices of the metagraph, and $[E]$ represents the set of connections between semantic vertices $[V]$, acting the edges of the metagraph. In this case, the vertex of the metagraph is $[v_i] = \{\text{mark}\}$, $[v_i] = [V]$, and the symbol $[\text{atr}_k]$ means an attribute.

A fragment of the TCM metagraph is constructed based on the parameters $MG_i = \{ev_j\}$, $ev_j \in (V \in E \in MV)$, respectively, in it, the symbolic abbreviation $[ev_j]$ means an element that belongs to the union of vertices, edges and meta-vertices. The metagraph meta-vertex is calculated according to the formula: $[mv_i] = \{\{\text{atr}_k\}, MGf\}$, $mv_i \in MV$, where $[mv_i]$ is the meta-vertex of the metagraph, $[\text{atr}_k]$ is an attribute, the abbreviation MGf means a fragment of the metagraph.

Certain aspects of the ‘the body as a state / country’ concept embedded in TCM are reflected in linguistic markers that represent the communication of the body systems as a hierarchy of power and state structures through the prism of interpreting the apex and meta-apex of the metagraph, which represents the basic socio-political meaning of ‘power’. The concept of ‘the body as a state / country’ is distinguished based on constant references to the social imperial structure of ancient Chinese society. Since *The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner* is the earliest fundamental source, it shows a close connection between the way of knowing the world and the holistic worldview expressed by the conceptual constructions Yin-Yang (the binary code of the

existence of all living things), San Tsai (the triple union of analogies ‘heaven – human – earth’) and Wu Xing of ‘five elements’, representing such primary elements as ‘Water – Fire – Wood – Metal – Earth’. In Ancient Chinese philosophy, the human body also has three levels, which conventionally represent heaven (upper level), man (middle level) and earth (lower level) [Pushkarskaya, 2021]. Despite the philosophical nature of the concepts, the interaction of the opposite forces of Yin and Yang is shown in the chapter *Su Wen / Basic questions* in the context of the possibility of their application in practice, using the example of the parable of the Taoist hermits who sought the secret of eternal youth (Traktat Zheltoogo imperatora..., 2022a). In the first chapter, entitled *Shang gu tian zhen lun / On the Heavenly Truth of ancient times*, the Yellow Emperor talks about a legend according to which in ancient times people used to be more perfect than they are now, because they possessed the macrocosmic laws of the transformation of heaven and earth, understanding the flows of Yin and Yang, controlling their breath and life force in the form of Qi energy [Krushinskiy, 2020; Wang, 2019]. The tension that arises as a result of the interaction of the opposite forces of Yin and Yang generate the life energy of Qi, which determines the period of vitality of a living organism [Wang, 2019].

A comparison of the semantic links between the terminological peaks of the concepts of TCM and the terms of neuro-linguistics allowed us to establish that the Crystal Palace of the Emperor combines the cortical and subcortical structures of the brain), the Middle (Main) The Emperor’s Palace correlates with the cardiovascular system, and

Universal high-level data metagraph architecture

Note. Source: [Gapanyuk et al., 2024].

the Yellow (Lower) Emperor's Palace combines the pelvic organs and the reproductive system). At the same time, the very concept of 肺 [fèi] 'lungs' is conveyed by the metaphorical term 'baldachin for Emperor and the five main organs'. The heart and lungs are located in the chest, where the accumulation of mixed Qi energy occurs, so this place is also referred to as the Sea of Qi. In Chinese philosophy and medicine, the body and mind are not considered a mechanism, but rather a cycle of Qi energy in various interacting manifestations that make up the body. Body and soul are just forms of Qi [Geng et al., 2016; Hsu, 2005]. The philosopher Chang Tsai, who lived in the Song Dynasty, explained that all manifested things constitute the essence of being, which is predetermined by the saturation of Qi energy [Kasoff, 1984]. In a variety of subjects and objects, this all-encompassing energy of the general Qi is transformed through the processes of interaction of the streams of Yin Qi and Yang Qi, like living and dead water. At the same time, the flow of Yin Qi forms the earth, and the flow of Yang Qi symbolizes the Sky, thanks to their combinations, there is a cycle of living and inanimate in nature [Dubrovin, 1991].

In Chinese medicine, the body and mind are treated as the result of the interaction of certain vital substances that manifest themselves in varying degrees of 'materiality' [Dubrovin, 1991; Fayzullin, 2019; Krushinskiy, 2020]. Some of them are very sparse, while others are completely immaterial. All these substances, according to ancient Chinese doctors, make up the continuum of the psyche and body. The philosophy of TCM defines five vital substances, namely: Qi Energy, Blood, Essence (Jing) (sexual power, fertility), Body Fluids and Shen (Mind). These concepts are of interest in terms of understanding the Chinese mentality in general. So, it is well known that the omnipresent Qi energy has been the basis of Chinese philosophy from the advent of Chinese civilization to the present (Traktat Zheltogo imperatora..., 2022a). The character of Qi indicates something both material and immaterial [Kang, Yu, 2024]. Therefore, the very concept of Qi is translated as 'vital energy', 'material force', 'matter', 'ether', 'vital force', and 'driving force' [Krushinskiy, 2020; Wang, 2019]. The problem of the ambiguity of translation is due to the versatility of the implementation of Qi, which can manifest itself in different ways depending on

the circumstances. TCM treatises use this term in two meanings: 1) pure energy produced by the body, which gives physical and mental strength; 2) functional activity of body systems and organs. The term 'Jing' is usually translated as 'essence' (Traktat Zheltogo imperatora..., 2022a; 2022b). The 'jing' hieroglyph includes two graphemes – 'rice' on the left and 'purified' on the right, which create the concept of 'Essence' as a kind of idea of something that arises in the process of purification or distillation – a purified substance that is obtained at the exit from a coarser base. This process of releasing a purified substance implies that the Essence is a precious, cherished and carefully preserved substance [Fayzullin, 2019].

The term 'Essence' is found in ancient Chinese medical treatises in three different meanings: 1) Pre-Heaven Essence; 2) Post-Heaven Essence; 3) the Kidney Essence. Pre-Heaven Essence is the only kind of essence of the fetus in its intrauterine development since it does not have its physiological activity. Otherwise, this type of Essence is also called Prenatal Essence, corresponding to amniotic fluid. The Pre-Heaven Essence determines the basic forces of human development. Post-Heaven Essence is a common type of various essences produced during eating, it turns on immediately after birth and accompanies a person throughout his life [Fayzullin, 2019; Li et al., 2022].

This metagraph model allows you to create alternative ways of organizing complex markers using a meta-vertex based on the same set of simple markers (see Figure). This metagraph model is designed to describe complex data structures, which include terminological concepts of TCM, which include philosophical explanation, subject-functional interpretation, objective information and associative references to other concepts of the linguistic and cultural plan. The presented fragment of the universal high-level metagraph model includes three meta-vertices: mw_1 , mw_2 and mw_3 . The vertex v_1 contains not only the vertices v_1 , v_2 and v_3 but also the edges e_1 , e_2 and e_3 that connect them, which at the verbal level is expressed by defining semantic links between the terminological concepts of TCM based on analog-the featured specifications. In addition, the meta-vertex v_2 , implying a polysemic terminological concept, includes vertices v_4 and v_5 based on the characteristics of the semantic connection method expressed by the edge e_6 connecting them.

The designation of semantic links in the structure of the terminological concept of TCM in the form of edges e_4 , e_5 can demonstrate the connection between individual meanings within one polysemous concept and between different concepts. These semantic links connect the semantic vertices v_2 - v_4 and v_3 - v_5 , respectively. In turn, they form a polysemic space of the metaphorical term of TCM, designated as mv_1 and mv_2 , belonging to different meta-vertex. The edge e_7 , in turn, shows the routing between the mega-vertices mv_1 and mv_2 of the meta-vertex. The edge e_8 indicates the direction of formation of a semantic connection that connects vertex v_2 and meta-vertex v_2 . Moreover, the hierarchical organization of the mp3 meta-vertex includes in its structure the meta-vertex v_2 , vertices v_2 , v_3 and edge e_2 from the meta-vertex mv_1 , as well as edges e_4 , e_5 , e_8 . Based on this, meta-vertex implements the principle of the appearance of such complex structures as ‘an organism as a state’ in data structures.

In TCM, kidneys are a symbol of power as the body’s strength (Traktat Zheltogo imperatora..., 2022a). Recent studies by neuropsychophysicologists have found that information is stored not only in the brain but also in the kidneys. American researchers have proven that human kidney cells are able to collect and store information like neurons in the brain [Kukushkin et al., 2024].

In Chinese philosophy and medicine, the body and mind are considered not as a mechanism, even if complex, but rather as a cycle of Qi energy in various interacting manifestations that make up the body. Body and soul are viewed as forms of Qi, which is the basis of everything, and all other vital substances are manifestations of Qi of varying degrees of materiality, from completely material (for example, body fluids) to completely immaterial (for example, mind – Shen). Shen has both narrow and broad meanings. In a narrow sense, Shen is understood as human will, thought. In a broad sense, Shen is the main spiritual force of a person, controlling his life activity and external reflection, that is, consciousness. This also includes gaze, facial expressions, temperament and other aspects.

In the philosophy of TCM, the reproductive systems of men and women comprise Pre-Heaven Essence, which is closely related to the Fire of the Gate of Life (the term ‘Ming-Men’ has no equivalent

in classical medicine). This Fire of the Gate of Life is located between the kidneys, producing physiological Fire of the whole organism, which is an absolutely necessary condition for ensuring the normal activity of the physiology of a living being. It is believed that the Fire of the Gates of Life accompanies any living being, starting from the moment of conception. In addition, the concept of Pre-Heaven Essence characterizes the vitality of a living organism also from the very conception, but it transforms after birth, ‘growing’ to Kidney Essence during puberty. This is an important milestone when the Kidney Essence generates menstrual blood and an egg in women and sperm in men. Thus, the traditional Chinese worldview interprets the Fire of the Gate of Life as the realization of Yang energy Before-Heaven Essence. At the same time, Pre-Heaven Essence represents Yin energy. Despite the metaphorical and metaphysical meaning of the concept of Ming Meng, ancient Chinese medical treatises determine the location of this Fire of the Gate of Life at a specific point in the lumbar spine. Localization of Pre-Heaven Essence is concentrated at a point associated with the location of the uterus in women and the scrotum (*Sperm Room*) for men. Accordingly, the Gate of Life itself is the residence of the Mind.

In TCM, from the point of view of the structure of ensuring the vitality of the body, the Kidney concept correlates with the concepts of ‘well of life’, ‘root of life’, ‘source of vitality’. Based on the architecture proposed in the described above metagraph model, the kidneys as a source of vitality are associated with the work of the Crystal Palace, the Main Palace and the Lower Palace. The symbolic meaning of the Kidney concept as a ‘source of vitality’ in its relationship with other systems and organs is emphasized by the protection of the ‘source of strength’ by the great commander, commander-in-chief of the troops ‘liver’. At the head of the hierarchy is the Emperor – ‘heart’, who lives in the Main Palace and can visit the Crystal Palace (compare: ‘the heart is pounding in the temples’), as well as go down to the Lower Palace (compare: ‘the heart went down’). In understanding disease management, the concept of spirits is interesting, which may be the root cause of the disease. According to Chinese legend, once upon a time, a rich man’s wife and daughter fell ill. The doctor who was

called claimed that two warriors with spears were buried in a corner of the house. One bullet hit the heart, causing the wife and daughter to experience heart pain, and the other hit the head, which led to headaches. The skeletons of the soldiers were discovered, and the disease receded. Accordingly, the subtle organization of the body's settings perceived them as enemies to physical and mental health.

These models reflect an understanding of the psycholinguistic aspects of neurodegenerative processes in traditional folk medicine. For example, the concept of 'stupidity' is literally represented by the phrase 'brain problems', which means both a state of mind and a stupid act (你脑子有问题吗? / *nǐ nǎozi yǒu wèntí ma?* / *Do you have a problem with your brain?*); a child with hydrocephalus is a 'doll with a big head'. Euphemisms related to human psychophysiological characteristics are considered in detail in the study by Yuan Liying and Huang Yaxin [2023]. The philosophy of TCM is primarily a culture of balance of power, therefore, a bias towards both excessive manifestation of negative emotions and positive emotions is assessed as a destructive factor of health.

Neurodegenerative processes are described in TCM treatises through concepts such as 'fullness' and 'emptiness', which can be found in the text of Chuang Tzu. Therefore, there are such models as Emptiness of the Kidney energy channel, Emptiness of the Lower Palace. In addition, such models interpret the humoral-vegetative genesis through the concepts of 'heat' and 'cold', for example, 'fever of the stomach', 'cold of the kidneys'. These ideas can be found in the works of Hongxu and other authors [2023]. These models consider neuro-immunological conflicts in psychosomatics, as a result of which representatives of TCM point to the danger of excessive expression of emotions not only in the negative spectrum, but also in the positive, believing that they provoke 'external' and 'internal' damage [Ji et al., 2016]. The parametrizing components in these models are extralinguistic markers of structural deficiency, which enter into binary opposition with primary regulatory deficiency in the context of the yin – yang dialogue [Fu et al., 2021; Qin, Chen, 2004].

In TCM, the diagnosis considers the functional activity of the body systems and internal

organs, in this regard, the names of some diseases require a long explanation for representatives of Western culture (for example, such as Emptiness and Weakness of the Yang Kidneys, as well as Emptiness of the Yin Kidneys). Thus, the well-known pulse diagnostics is associated with measuring the emperor's strength, according to which various types of pulse are distinguished based on the dichotomy of Yin and Yang energies. For example, a rapid pulse is of the Yang type, and a slow pulse is of the Yin energy. The characteristic of the pulse depends on the work of the heart, which in traditional Chinese medicine has its own consciousness. In addition, metaphors and euphemisms are used to describe bodily problems in traditional Chinese medicine, which are characteristic of describing a variety of problems: Emptiness of the Yin of the Kidneys 'poisoning with medical drugs'; lack of strength of the Qi of the Kidneys 'enuresis'; bean-shaped pulse 'rapid pulse'; diseases of demons 'viral diseases.' In the process of translation, there is often a problem of conveying the meaning of terms related to the philosophical concepts that underlie TCM. In some terms, key concepts such as Tao (the Way), Yin (the dark beginning) and Yang (the light beginning) can be used. It may be difficult or even impossible to find an exact equivalent for such terms in another language. In such cases, transliteration with the addition of explanations is often used. However, this approach may affect the quality of the translation. For example, in one of his articles, S.A. Komissarov gives an example of a distortion of the term *gōngfu* / 功夫, which is often translated as 'kung fu' or 'gung fu'. But 'kung fu' is not only martial arts, but also all aspects of human physical and spiritual activity. This can be understood if you consider that one of the translation options is 'skill'. In the context of pop culture, where this term is most often found, this is not particularly dangerous [Komissarov, 2009]. However, in an area directly related to human health, terminological errors can cause serious problems. Other challenges arise because some of the terms can be associated with the names of internal organs, such as *sānjiāo* / 三焦, *liùfǔ* / 六腑, *zàngfǔ* / 脏腑, *jīngluò* / 经络 and others. Unlike the terms associated with the philosophical basis of traditional Chinese medicine, these names reflect Chinese ideas about the structure of the human

body and the processes occurring in the body, which differ from those accepted in Western medicine. The main problem is that there is no single translation option for these terms. The variants may be synonymous, but have different shades of meaning. For example, translations for *jīngluò* in Russian are ‘meridians’, ‘channels’ and ‘channels and collateral vessels’ in English [Kuo, Karabulatova, 2024]. This can have an impact on the perception of unusual ideas and on the subsequent awareness of the key provisions of TCM since the same phenomenon is viewed from completely different angles. In the names of diseases, floral components usually do not have a direct relationship to the essence of the disease. For example, the name *lily disease* contains the component ‘lily’ (合), which in the past was used to treat this disease. In most cases, the floral components in the names of diseases contain a metaphor. For example, *plum stone qi* ‘lump in the throat’; *the inverted flower* ‘hemorrhoids with node prolapse’.

However, modern research in the field of medical ethics indicates that the use of euphemisms in health terminology results in a blurred understanding of the specifics of diseases, devaluation of health problems and confusion of symptoms [Kalinin, 2021; Karabulatova et al., 2024b; Peterson, 2021; Jia et al., 2021]. This technique is also considered as manipulation, which negatively affects the perception of traditional Chinese medicine (TCM) in the public consciousness outside China [Khabarov, 2021; Solodun, 2024].

Within the framework of a cognitive-discursive analysis, the evaluation of metaphors and euphemisms in ancient Chinese medical writings is grounded in an appreciation of the discursive nature of metaphorical terminological definitions [Boeynaems, et al., 2017; Kövecses, 2018; Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008], as well as the inherent metaphoricality of the discourse of traditional Chinese medicine itself [Baranov, 2014; Kalinin, 2021].

The analysis of the TCM texts takes into account the general system of knowledge and theoretical foundations that have developed in Chinese culture, guided by the fundamental concepts of simple materialism and spontaneous dialectics.

Results and discussion

Over the long centuries of its existence, traditional Chinese medicine has developed a num-

ber of fundamental principles that have become its hallmark. Among them, one can single out the Taoist concept of life, which considers health as a harmonious combination of physical and spiritual principles, a holistic and balanced approach to thinking, as well as verbal methods of diagnosis and treatment based on evidence-based medicine. In addition, an integral part of Chinese medicine is the ethical principle of sincerity of a doctor who must take care not only of the body but also of the soul of his patient. It is crucial to recognize that we are dealing with a secondary interpretation of neuropsychological communication signals within a specific ethnolinguistic culture, which interacts with the interpretive principles inherent in another system of linguistic and semiotic coordinates.

In our opinion, the universal approach to animism in the Chinese folklore and mythological worldview has developed a common point of view on the supernatural causes of diseases that are provoked by certain evil entities or demon spirits that have invaded the subtle structure of the body, which it signals in the form of symptoms of the disease [Karabulatova et al., 2021; 2023; 2024a; 2024b; Tychinskikh, Zinnatullina, 2022].

At the same time, almost every region of China has developed its own TCM school with a unique methodology, which made it possible to talk about over 300 scientific TCM schools in China. Accordingly, each school has developed its own terminological glossary, which records regional interpretations of TCM treatises. There are special studies on regional branches of TCM that have appeared in other countries, which reflect a different understanding of the world and interpretation of metaphoric terms in TCM when they are borrowed from other cultures [Naghizadeh et al., 2019].

It was believed that ancient Chinese doctors had supernatural abilities, as they practised meditation, immortality cultivation, healing, and body rejuvenation as part of the art of healing. Due to the transmission of the Tao of immortality, texts from Chinese folklore reflect the so-called art of healing. At the same time, the ban on the use of direct designations of body parts, health problems and treatment methods caused the creation of an expanded symbolic space of the human body as a kind of allegorical text in the coordinates of the struggle between Good and Evil, Life and

Death, Disease and Health, in which at the level of psychophysiology, all manifestations of the human body are seen as alternative non-verbal-para-verbal communication.

Meanwhile, Russian textbooks often use the terminology of TCM without any historical, philosophical, or linguistic-cultural explanations, which creates additional difficulties for those who seek to study TCM outside its historical and cultural context [Dubrovin, 1991; Ovechkin, 1991; Popovkina, 2022]. Analyzing the oriental medical practices common in Tibet and mainland China, Fayzullin identified a clear division of TCM texts into theoretical and practical texts [Fayzullin, 2019], which displays a cardinal difference between the principles of the sacred ritual discourse of healing and Russian traditional medicine [Kirilenko, 2016]. The researchers also stress the importance of the philosophical and religious components because Tibetan traditional medicine is based on the Buddhist philosophy of the five elements (fire, earth, water, air, ether). In addition, translated literature uses literal translation, distorting the understanding of the TCM methodology.

In parallel with the spoken Chinese language, Wenyan, the old literary language having a centuries-old tradition, existed and developed, maintaining a distinct distance in terms of usage, which necessitated the creation of translation dictionaries in the Chinese language itself within its own linguistic culture to carry out a possible reconstruction and modeling of the terminology of Chinese medicine [Ovechkin, 1991]. We will give an example of the concept of ‘buttocks’ denoted so far in Chinese by the euphemism ‘chrysanthemums’. At the same time, to designate the same concept, the Wenyan language uses the euphemism the Lower Gate of Immortality. Also, the concept of ‘uterus’ is colloquially conveyed through the euphemism of ‘Son’s Palace’, and in the Wenyan-style – The Lower Ocean of Immortality.

The texts of TCM are characterized by a functional and pragmatic approach to interpreting a variety of signal-sign ways of the body communication with humans and the world around them.

Medical and philosophical translations of ancient Chinese works use poetic and figurative language, which puts TCM texts in a special position. Any TCM treatise begins with a description of Chinese philosophy, which forms the basis for diagnosis, treatment, rehabilitation and prevention

of various ailments. In addition, *The Treatise on the Inner* often illustrates a particular disease with parables, stories, and observations of natural phenomena, linking together three planes of manifestation (heaven-human-earth). Since these texts appeal to Eastern philosophy, the poetics of terminological names and metaphors used to describe symptoms and psychophysiological states of a person are clearly determined by this philosophy. For example, the root cause of diseases is determined by the intemperance of emotions and the dominance of such psycho-emotional states as passion and anger. In addition, ‘stupidity’ is indicated as a state of mind that also causes an illness in humans.

Metaphorical explanations are used in the recipes of special potions containing certain herbs and minerals. For example, cinnabar, which has played an important role in Chinese culture since ancient times, was used not only in art but also in funeral rituals, traditional medical practices and alchemical recipes. In traditional Chinese medicine, cinnabar refers to the concept of ‘internal alchemy’, which is responsible for the origin and development of life. Therefore, the conception and development of a child are determined by the ‘heavenly methods of primordial cinnabar’ (Tian Yuan dan fa) or ‘human methods of primordial cinnabar’ (Ren Yuan dan fa). The development of methods of ‘internal’ alchemy, such as complex mixtures of TCM, revealed three treasures of the fundamental principle of the human matrix: the formative principle – Jing, energy – Qi and spiritual – Shen. Usually, these medications are called herbal preparations, which is not entirely true since besides herbs, it may contain components of animal origin and mineral powders and suspensions, which formed the basis for the creation of a medicine (yaou 药物) from which alchemical cinnabar tribute was obtained in the human body. This substance is also known by other names: ‘great cinnabar’ (dadan 大丹), ‘Perfectly Wise Embryo’ (*shengtai* 圣胎), ‘Dao Embryo’ (*daotai* 道), ‘the newborn’ (*yiner* 婴儿), etc. The exotic components of TCM medicines include ‘dragon bones’ (‘large bones that have been buried for at least 30 years’), ‘dragon tears’ (‘rock crystal’), and ‘jade objects in the shape of tigers’ (‘natural amber’).

Simultaneously, the prolonged seclusion of Chinese society from external influences contribut-

ed to a certain detachment in the education of Western practitioners in TCM techniques. Moreover, the misinterpretation of the Chinese philosophical perspective embedded in TCM fostered a tendency towards mythological interpretations of terms, leading to the perception that translating TCM concepts is not only impractical but also inadequate [Moran, 2005]. In this regard, when translating, it is necessary to apply explanations from the field of medicine. For example, the term Upper Gate of Life refers to the trigger zone in the scapula area, the place of attachment of several muscle groups, thanks to which a person does not hunch over and does not slouch. The weakening of the Upper Gate of Life leads to the so-called ‘supplicant pose’ or ‘question mark’, which in popular culture is described figuratively as ‘he was bent by the burden of life’. At the same time, the Lower Gate of life is opposed to the Upper Gate, respectively, they are located in the lower part of the body. The localization of the Lower Gate of Life is anatomically defined as the place of exit of the sciatic nerve in the gluteus maximus. The weakness of the Lower Gate leads to a shuffling senile gait. The euphemistic term Heartbeat source means ‘cardiovascular system’. The entire space of the pelvis and hypochondrium is designated as the Bloody Sea, and this is not accidental, because a wound to the abdomen is fatal.

In general, it can be stated that the interpretation of metaphorical terms in the texts of traditional Chinese medicine presents significant difficulties both within the framework of Chinese linguistic culture itself and in translated versions of TCM texts beyond its borders. Semantic analysis of terminology in TCM is of key importance for understanding the classification parameters of information exchange at the level of ‘body language’ signals and identifying problems of ambiguous interpretation of semantic terminological expressions in TCM, taking into account the linguistic and cultural characteristics associated with TCM.

The analysis of metaphorical euphemisms used as terms in TCM allows them to be divided into two large groups, each reflecting different lexical and semantic associations inherent in Chinese linguistic culture. Table presents the thematic distribution of metaphorical names in the TCM texts.

In traditional Chinese culture, metaphors and euphemisms are used to describe taboo topics [Lagutkina, Karabulatova, 2021]. In TCM, the poetic name ‘lily disease’ (*bāihébing* 百合病) designates a major depressive disorder, or otherwise depression [Shang et al., 2020]. This metaphor is related to the fact that depression has many ‘buds’ – the causes of this disease. At the same time, ancient Chinese treatises define depression as a disease of the heart and lungs, which are severely damaged, so a state of depression arises. In addition, the scent of lilies is strong, depressing and irritating. These observations made it possible to designate depression as a disease of lilies in TCM.

Wenyan stylistics reinforces the tendency to use metaphors as terms, so the female cycle, controlled by the Moon, is interpreted in the context of Eastern metaphysics. In this regard, the metaphorical euphemism ‘blinding moonlight’ is used as the name of menstruation in ancient Chinese treatises on TCM, emphasizing the dominant influence of the lunar cycle on the regulation of the female hormonal system [Karabulatova et al., 2024b].

Special attention should be paid to terms containing a coloristic component. It should be emphasized that colors are also analyzed from the point of view of the fivefold model of the world structure, therefore it is important to understand the linguosemiotic meaning of color in the context of terminological names of diseases in TCM.

In most cases, color-indicating components have a literal meaning, indicating the color of the skin, mucous membranes or secretions in certain

Euphemism markers in ancient TCM texts

Methods of euphemism in TCM texts	Data for TCM texts	
	Number of units	A specific example
Accentuation of logical relationships based on cause and effect	238	<i>The blinding light of the Moon; The fields of cinnabar production; the period of the Wind; Hanging a jug to help the world</i>
Expression of definitions in the form of comparisons	562	<i>The Abode of Mystery; The Sea of Breath; After the Heavenly condition; wonderful canal; Fire toxin; Liver fever; Green Bag; Yellow Courtyard Path; Dragon Gate; Jade Cushion; Yellow River; Wind Palace; Central Yellow Palace; Blooming Pond</i>

diseases. However, in the case of the term ‘green blindness’ 青盲 ‘glaucoma’, the word 青 ‘green’ is used figuratively. Despite the fact that with glaucoma, the eye does not change its color, and the eyesore does not have a certain shade, in this context, the word acquires a metaphorical meaning.

In the Chinese linguistic worldview, the lower abdominal region is regarded as sacred, symbolizing longevity and, potentially, immortality. This meaning is actualized with the help of such euphemisms as the Central Yellow Palace, which emphasize the central role of the neurohumoral system in maintaining vitality and prolonging life (Traktat Zheltogo imperatora..., 2022b). The emphasis on this region is further accentuated by the use of terms like ‘central’ and ‘yellow,’ where ‘central’ implies the paramount importance of pelvic organs for reproductive and vital functions, while ‘yellow’ evokes connotations of imperial power in ancient Chinese culture, imbuing this concept with an additional layer of symbolic significance.

It is no mere coincidence that Peihua Wu draws attention to this particular coloronymic metaphor of yellow in Chinese linguistic culture [Wu, 2018]. Simultaneously, the yellow color is associated with a proto-categorical archetypal interpretation of the symbol of the sun, which in turn is linked to ideas of satiety and abundance. However, in Chinese traditional culture, the sun can also be used in a medical sense as a definition of a disease symptom. For example, ‘redness of the face’, ‘red face’ is transmitted as a metaphor for ‘wearing the sun’, formed from a combination of the verb 戴阳 ‘to wear (accessory)’ and the noun ‘sun’. The metaphor rests on the observation that the skin burns in the sun, so it turns red.

The term 白喉 ‘white larynx’ indicates the main symptom – the presence of a white purulent plaque on the walls of the larynx in diphtheria, therefore diphtheria is designated as a metaphor for ‘white larynx’. It is noteworthy that in the treatises of traditional Chinese medicine, the red color is not used in the names of diseases. However, the red color can be transmitted indirectly, through other hieroglyphs. For example, the term 赤丝 chīsī qiúmài ‘redness of the conjunctiva of the eyeball’ can be divided into three components: ‘subconjunctival capillaries’, ‘dragon-shaped,

writhing’ and ‘artery’. The word 赤丝 can be translated as ‘scarlet’, and 丝 as ‘thread’. Thus, the red color of the capillaries is transmitted through the word 赤 (scarlet).

However, the implicitness of the coloronymic nomination in the terminology of TCM, which is understandable to native speakers of Chinese, causes cognitive dissonance [Bulegenova et al., 2023] in native speakers of Russian when the perceived text develops the emoticeme of negativization [Karabulatova et al., 2023].

In linguosemiotics related to the sacred aspects of the human body, the Central Imperial Palace represents the forbidden lower abdomen. However, the emperor himself is outside this palace, because in traditional Chinese medicine, the Emperor of Health is associated with the Heart (Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem, 2022a). Based on this, the work of the entire living organism refers us to ancient mythologems extracted from legends, which describe a mysterious world where people, nature, gods and spirits depend on each other, but at the same time are in constant communication with each other (such as The Upper Gate of Immortality; The Celestial state; Demon’s Breath; Lake of Mystery). This approach to the interpretation of ‘body language’ allowed TCM treatises to convey the relationship between different worlds (gods, humans, demons, animals, plants, earth – stars, people of the underworld, etc.) through the use of metaphors that act as ethno-cultural triggers of psychosomatic communication. Further, it illustrates the vitality of metaphorical perception of reality not only in antiquity but also in modern Chinese society, which can be reflected by mapping mythological images to specific systems in the human body.

Conclusion

Ancient ideas about traditional Chinese medicine continue to amaze modern people, and methods for evaluating its effectiveness are being actively developed within the field of digital humanities. Metaphorical terminology in ancient texts on Chinese medicine can be attributed to differences in worldview approaches towards the causes of disease, which led to the sacralization of this knowledge and the formation of a unique style known as Wenyan, the quintessential Chinese metaphor found in TCM. The Chinese tradition of diagnosis and treatment relies on knowledge

of body anatomy and an understanding of the relationships between individual systems and organs. This knowledge has only recently been confirmed through the use of instrumental techniques and artificial intelligence. The sacred and mythological nature of the metaphorical concepts and terms in TCM is linked to the philosophical concepts of Buddhism and Taoism, which aim to achieve balance and harmony. This gives reason to believe that TCM interprets all psychophysiological processes through the lens of finding harmony within a person. These concepts have been passed down through oral folklore, and in the Chinese tradition, they had a more practical application, based on ideas about anatomy.

TCM originated from magical practices, but unlike Russian traditional medicine, it continued to develop as a medical practice. Religious beliefs also influenced the development of TCM, and the ancient beliefs of shamanic Taoism became the basis for the techniques used in traditional Chinese medicine. This has influenced the attitude of the Chinese towards health and various diseases.

Currently, there is no well-established terminology of TCM in Russian linguistics, which makes research in this area especially relevant. The terminological tradition in China has an ancient history and has had a significant impact on the formation of modern terms. However, terminology as a branch of Chinese linguistics began to develop relatively recently.

In traditional Chinese medicine (TCM), the concept of disease has a different understanding than in the Russian mind, and the attitude towards medicine in general is different.

The ideas related to the early periods of Taoism development require the translator of the terminology of traditional Chinese medicine not only to have a deep understanding of medical aspects but also deep knowledge in the field of Chinese culture and philosophy, which influenced the formation of a special system of traditional Chinese medicine, its ideas about the processes occurring in the human body and their relationship with the outside world.

In TCM, there are a number of problems related to both the philosophical and religious basis and the peculiarities of the Chinese language. One of the key elements influencing the formation of metaphorical definitions of diseases is the coloronym, which is reflected in the fivefold

model of the world. The coloronym is also present in the terminological names of diseases, although it does not always indicate the manifestation of certain symptoms directly.

The binary nature of the TCM system in Yin-Yang coordinates opens up opportunities for formalization and reduction to a single terminological standard. The Wenyan-style, which is actively used in the terminology of TCM, is based on the expansion of semantic meaning through metaphor.

At the same time, TCM is characterized by the use of familiar concepts in a figurative sense, as shown by the example of the concepts of *heart* and *kidneys*. The complex system of interaction between systems and organs is illustrated using a metagraphic representation, which allows us to detect the semantic connections that led to the appearance of a particular meaning.

NOTE

¹ The article was prepared with the support of the priority grants of the Social Sciences Foundation of the People's Republic of China No. 17CYY057 and No. 208ZD312. The key topic of the educational program of Heilongjiang Province No. GJB1320258.

REFERENCES

- Arapu V., 2021. Bats and Diseases in the Context of the SARS-CoV-2 Pandemic and Magic Medicine Practices: Perceptions, Prejudices and Realities (Historical, Zoological, Epidemiological and Ethnocultural Interferences). *Journal of Ethnology and Culturology*. DOI:10.52603/rec.2021.29.01
- Baranov A.N., 2014. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 632 p.
- Boeynaems A., Burgers Ch., Konijn E., Steen G., 2017. The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review. *Metaphor and Symbol*, vol. 32, no. 2, pp. 118-134. DOI:10.1080/10926488.2017.1297623
- Bulegenova I.B., Karabulatova I.S., Kenzhetayeva G.K., Beysembaeva G.Z., Shakaman Y.B., 2023. Negativizing Emotive Coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic Comparison. *Amazonia Investiga*, vol. 12, no. 67, pp. 265-282. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.67.07.24>
- Cappuzzo B., 2022. Intercultural Aspects of Specialized Translation. The Language of Traditional Chinese Medicine in a Globalized Context. *Europe-*

- an Scientific Journal*, ESJ, vol. 18, no. 5, <https://doi.org/10.19044/esj.2022.v18n5p25>
- Chen Xue, 2023. Translation of Terminology of Traditional Chinese Medicine into Russian: Cultural Communication and Translation Features. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 10, pp. 123-140. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-10-123-140
- Chen Kuo, Karabulatova I.S., 2024. The Concept of “Traditional Chinese Medicine” in Modern Media Texts About the Treatment of COVID-19 in Russian and Chinese. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika [Journal of the Belarusian State University. Journalism]*, no. 2, pp. 63-67.
- Dubrovin D.A., 1991. *Trudnye voprosy klassicheskoy kitaiskoy meditsiny: Traktat Nan-Tszin [Difficult Questions of Classical Chinese Medicine: Nan-jing Treatise]*. Leningrad, ASTA-Press. 223 p.
- Fayzullin A.F., 2019. *Filosofiya tibetskoy meditsiny [Philosophy of Tibetan Medicine]*. Ufa, Bashkir. gos. un-t. 211 p.
- Fu R., Li J., Yu H., Zhang Y., Xu Z., Martin C., 2021. The Yin and Yang of traditional Chinese and Western medicine. *Medicinal Research Reviews*, vol. 41, iss. 6, pp. 3182-3200. DOI: <https://doi.org/10.1002/med.21793>
- Gapanyuk Y., Cai C., Jia C., Karabulatova I., 2024. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System. Kryzhanovsky B., Dunin-Barkowski W., Redko V., Tiumentsev Y., Yudin D., eds. *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research, VIII. NI 2024*. Cham, Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-73691-9_49
- Geng Y., Wang W., Zhang J., Bi S., Li H., Lin M., 2016. Effects of Traditional Chinese Medicine Herbs for Tonifying Qi and Kidney, and Replenishing Spleen on Intermittent Asthma in Children Aged 2 to 5 Years Old. *Journal of Traditional Chinese Medicine*, vol. 36, no. 1, pp. 32-38. DOI: 10.1016/s0254-6272(16)30005-x
- Hammer L.I., 1999. The Paradox of the Unity and Duality of the Kidneys According to Chinese Medicine: Kidney Essence, Yin, Yang, Qi, the Mingmen-Their Origins, Relationships, Functions and Manifestations. *Am J Acupunct*, vol. 27 (3-4), pp. 179-199.
- Hongxu L., Guangyao Z., Yongqiang L., Wei B., Yanxiong W., 2023. Clinical Retrospective Analysis of Cold and Heat Diagnosis of Traditional Chinese Medicine by Application of Infrared Thermal Imaging Technology. *International Journal of Chinese Medicine*, vol. 7, iss. 1, pp. 1-9. DOI: 10.11648/j.ijcm.20230701.11
- Hsu E., 2005. Tactility and the Body in Early Chinese Medicine. *Science in Context*, vol. 18 (1), pp. 7-34.
- Ji W., Zhang Y., Wang X., Zhou Y., 2016. Latent Semantic Diagnosis in Traditional Chinese Medicine. *World Wide Web*, vol. 20, pp. 1071-1087. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11280-017-0443-3>
- Jia M., Chia M., Sakser D., 2016. *Emotsionalnoe zdorivje: transformatsiia negativnykh emotsii v zhiznennuiu silu: rukovodstvo na kazhdyi den [Emotional Health: Transformation of Negative Emotions into Vitality: Guide for Every Day]*. Moscow, Sofia Publ. 221 p.
- Jia Q., Zhang D., Yang S., Xia C., Shi Y., Tao H., Xu C., Luo X., Zhang D., Ma Y., Xie Y., 2021. Traditional Chinese Medicine Symptom Normalization Approach Leveraging Hierarchical Semantic Information and Text Matching with Attention Mechanism. *J Biomed Inform*, vol. 116. DOI: 10.1016/j.jbi.2021.103718
- Kalinin O.I., 2021. Kognitivnaya metafora i diskurs: napravleniya i metody sovremennykh issledovaniy [Cognitive Metaphor and Discourse: Research Methods and Paradigms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, vol. 20, no. 5, pp. 108-121. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.9>
- Kang Z., Yu Y., 2024. Research Progress on the Application of Chinese Herbal Medicine in Anal Fistula Surgery. *Am J Transl Res*, Aug. 15, no. 16 (8), pp. 3519-3533. DOI: 10.62347/DZHK5180
- Karabulatova I.S., Lagutkina M.D., Amiridou S., 2021. The Mythologeme “Coronavirus” in the Modern Mass Media News in Europe and Asia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 14, no. 4, pp. 558-567. DOI: 10.17516/1997-1370-0742
- Karabulatova I.S., Anumyan K.S., Korovina S.G., Krivenko G.A., 2023. Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 3, pp. 818-840. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840
- Karabulatova I.S., Ko Ch., Sun Ts., Ivanova-Yakushko M.M., 2024a. Metaphorical Euphemization of Neuropsychophysiological Communication in the Terminology of Traditional Chinese Medicine. *Voprosy sovremennoy lingvistiki [Issues of Modern Linguistics]*, no. 1, pp. 33-51. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-33-51
- Karabulatova I., Qiuhua Sun, Chao Sun, Ivanova-Yakushko M., 2024b. Problema interpretatsii metaforicheskikh evfemizmov v perevodnykh

- tekstakh traditsionnoy kitayskoy meditsiny (TKM) [Interpreting Metaphorical Euphemisms in Translated Texts of Traditional Chinese Medicine (TCM)]. *Filologia i kultura* [Philology and Culture], no. 3, pp. 40-52. DOI:10.26907/2782-4756-2024-77-3-40-52
- Khabarov A.A., 2021. Tekhniki lingvokognitivnogo manipulirovaniya v realiyakh informatsionno-psikhologicheskogo protivoborstva [Techniques of Linguistic Cognitive Manipulation in the Information and Psychological Confrontation Environment]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 72-82. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-72-82
- Khorev V.S., Kurkin S.A., Zlateva G., Paunova R., Kandilarova S., Maes M., Stoyanov D., Hramov A.E., 2024. Disruptions in Segregation Mechanisms in fMRI-Based Brain Functional Network Predict the Major Depressive Disorder Condition. *Chaos, Solitons & Fractals*, vol. 188, art. 115566. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2024.115566>
- Kirilenko E.I., 2016. Bolezn i chelovek: kulturnye arkhetyipy meditsinskogo opyta russkikh [Disease and Man: Cultural Archetypes of Russian Medical Experience]. *Penzskiy psikhologicheskii vestnik* [Penza Psychological Bulletin], no. 2, pp. 2-13. DOI: 10.17689/psy-2016.2.1
- Komissarov S.A., 2009. *Ocherki po istorii i teorii traditsionnoy kitayskoy meditsiny* [Essays on the History and Theory of Traditional Chinese Medicine]. Novosibirsk, NSU. 139 p.
- Kövecses Z., 2018. Metaphor in Media Language and Cognition: A Perspective from Conceptual Metaphor Theory. *Lege Artis*, vol. 3, no. 1, pp. 124-141. DOI: 10.2478/lart-2018-0004 ISSN 2453-8035
- Kasoff I.E., 1984. *The Thoughts of Chang Tsai (1020–1077)*. Cambridge, Cambridge University Press. 209 p.
- Krushinskiy A.A., 2020. Subyekt, prostranstvo, vremya: kak chitat drevnekitaiskii tekst [Subject, Space, Time: How to Read Ancient Chinese Text]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, vol. 12, iss. 3-1, pp. 17-35. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-17-35
- Kryukov M.V., 1978. *Huan Ch-In. Drevnekitayskiy yazyk: teksty, grammatika, leksicheskiy kommentariy* [Huang Shu-Ying. Ancient Chinese Language: Texts, Grammar, Lexical Commentary]. Moscow, Glavnaia redaktsia Vost. lit. 502 p.
- Kukushkin N.V., Carney R.E., Tabassum T., Carew T.J., 2024. The Massed-Spaced Learning Effect in Non-Neural Human Cells. *Nature Communications*, vol. 15, art. 9635. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-024-53922-x>
- Lagutkina M.D., 2022. *Yazykovye sposoby reprezentatsii Kitaya v rossiyskom i kitayskom mediadiskursakh v kontekste «myagkoy sily»: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Ways of Representing Russia and China in Russian and Chinese Media Discourse in the Context of “Soft Power”. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 23 p.
- Lagutkina M.D., Karabulatova I.S., 2021. Evfemizmy v sovremennom manipulativnom diskurse SMI [Euphemisms in Modern Manipulative Media Discourse]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], vol. 15, no. 4, pp. 454-463. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-454-463>
- Li Y., Yan M.Y., Chen Q.C., Xie Y.Y., Li C.Y., Han F.J., 2022. Current Research on Complementary and Alternative Medicine in the Treatment of Premature Ovarian Failure: An Update Review. *Evid Based Complement Alternat Med*, Jun 23, art. 2574438. DOI: 10.1155/2022/2574438
- Li Zhaogo, 2013. *International Standardization of Terms and Terminology of Traditional Chinese Medicine: Contradictions and Debates. Principles of Translation into English of the Norms of Terminology of Traditional Chinese Medicine and Their Application. Research of Terminological Norms of the Main Disciplines of Traditional Chinese Medicine*. Beijing. 119 p. (In Chinese).
- Moran Zh.S. de, 2005. *Kitayskaya akupunktura. Klas-sifitsirovannaya i utochnyonnaya kitayskaya traditsiya* [Chinese Acupuncture. Classified and Refined Chinese Tradition]. Moscow, Profit Stajl. 536 p.
- Naghizadeh A., Hamzeheian D., Akbari S., Rezaeizadeh H., Alizadeh Vaghasloo M., Mirzaie M., Karimi M., Jafari M., 2019. Revisiting Temperaments with a Fine-Tuned Categorization Using Iranian Traditional Medicine General Ontology. *Preprints*. DOI: <https://doi.org/10.20944/preprints201911.0024.v1>
- Nichols R., 2021. Understanding East Asian Holistic Cognitive Style and Its Cultural Evolution: A Multi-Disciplinary Case Study of Traditional Chinese Medicine. *Journal of Cultural Cognitive Science*, vol. 5, pp. 17-36. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41809-021-00075-8>
- Ovechkin A.M., 1991. *Osnovy chzchen-tsziu terapii* [Basics of Zhen-ju Therapy]. Moscow, Golos Publ. 417 p.
- Peterson R.J., 2021. We Need to Address Ableism in Science. *Mol Biol Cell*, vol. 32, no. 7, pp. 507-510. DOI:10.1091/mbc.E20-09-0616

- Popovkina G.S., 2022. Traditsionnaya kitayskaia meditsina v kontekste pandemii Covid-19 v ruskoiazыchnykh SMI i nauchnykh publikatsiyakh [Traditional Chinese Medicine in the Context of the Covid-19 Pandemic in Russian-Language Media and Scientific Publications]. *Oriental Institute Journal*, no. 4, pp. 76-86. DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/76-86>
- Pushkarskaya N.V., 2021. Pyat stikhii v sovremennoy kulture Kitaya [Five Phases in the Modern Chinese Culture]. *Filosofiya i kultura = Philosophy and Culture*, no. 1, pp. 10-29.
- Shang B., Zhang H., Lu Y., Zhou X., Wang Y., Ma M., Ma K., 2020. Insights from the Perspective of Traditional Chinese Medicine to Elucidate Association of Lily Disease and Yin Deficiency and Internal Heat of Depression. *Evidence-Based Complementary Alternative Medicine*, art. 8899079. DOI: <https://doi.org/10.1155/2020/8899079>
- Slingerland E., 2013. Body and Mind in Early China: An Integrated Humanities–Science Approach. *Journal of the American Academy of Religion*, vol. 81, no. 1, March 2013, pp. 6-55. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/lfs094>
- Soltész F., Szűcs D., 2014. Neural Adaptation to Non-Symbolic Number and Visual Shape: An Electrophysiological Study. *Biological Psychology*, vol. 103, pp. 203-211. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2014.09.006>
- Solodun V.I., 2024. Lozhnaya meditsina v pechatnykh izdaniyakh na primere gazety “Pro zdorovye” [False Medicine in Print Media on the Example of the Newspaper “About Health”]. *Molodoy uchenyy*, no. 3 (502), pp. 528-533.
- Spirin V.S., 2006. *Postroyeniye drevnekitayskikh tekstov* [Construction of Ancient Chinese Texts]. Saint Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies. 276 p.
- Sun Q., 2020. O narodnom obyichae v kitayskoy natsii [On Chinese Folk Customs]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], vol. 10, iss. 3A, pp. 92-97. DOI: [10.34670/AR.2020.49.43.011](https://doi.org/10.34670/AR.2020.49.43.011)
- Tychinskikh Z.A., Zinnatullina G.I., 2022. Elementy shamanizma v narodnoy meditsine sibirskikh tatar [Elements of Shamanism in the Folk Medicine of the Siberian Tatars]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 51-61. DOI: [10.25136/2409-868X.2022.12.39304](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.12.39304)
- Wang H., 2019. *Filosofiya daosizma i kitayskaya traditsionnaya medicina* [Philosophy of Taoism and Chinese Traditional Medicine]. *Bulletin of the Kalmyk State University*, no. 1 (41), pp. 126-132.
- Wang H., Kuzmenko G.N., 2023. Problema nauchnogo statusa tratsionnoy kitayskoy meditsyny v Kitae [Problem of the Scientific Status of Traditional Chinese Medicine in China]. *MSU Journal of Philosophical Sciences*, no. 1 (45), pp. 68-78. DOI: [10.25688/2078-9238.2023.45.1.5](https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.45.1.5)
- Wong B.W.L., Huo Sh., Maurer U., 2024. Adaptation Patterns and Their Associations with Mismatch Negativity (MMN): A EEG Study with Controlled Expectations. *Advance*. March 19, 2. DOI: [10.22541/au.168323405.54729335/v2](https://doi.org/10.22541/au.168323405.54729335/v2)
- Wu P., 2018. Semantika tsветоoboznacheiya ZHELTY v kitayskoy i russkoy lingvokulturakh [Semantics of YELLOW Color Terms in Chinese and Russian Linguocultures]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 3, pp. 729-746. DOI: [10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746)
- Zinken J., Hellsten I., Nerlich B., 2008. Discourse Metaphors. *Body, Language and Mind*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 243-256.
- Yuan Liying, Huang Yaxin, 2023. Sopotavlениe russkikh i kitayskikh evfemizmov, opredelyayuschikh fiziologicheskie osobennosti cheloveka [Comparison of Russian and Chinese Euphemisms Defining the Physiological Characteristics of a Person]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], no. 9, pp. 336-340.
- Qin J.Z., Chen B.T., 2004. Digital Model of the Theory of Yin and Yang in Traditional Chinese Medicine. *Academic Journal of the First Medical College of PLA*, vol. 24, no. 8, pp. 933-934. (In Chinese).

SOURCES

- Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem* [The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner], 2022a. Ed. by Yao Chunpeng; transl. from the Chinese by B.B. Vinogradsky. Vol. 1: Questions about the simplest. Moscow, Chance. 489 p.
- Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem* [The Treatise of the Yellow Emperor on the Inner], 2022b. Ed. by Yao Chunpeng; transl. from Chinese by B. B. Vinogradsky. Vol. 2: The Axis of the Spirit. Moscow, Chance. 330 p.

Information About the Authors

Qiuhua Sun, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department for International Cooperation, Heilongjiang University, Xuefu Rd, 74, 150080 Harbin, China, sunqihua15@163.com

Irina S. Karabulatova (Corresponding Author), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of the Russian Language, Heilongjiang University, Xuefu Rd, 74, 150080 Harbin, China; Leading Researcher, Laboratory “Machine Learning and Semantic Analysis”, Institute of Artificial Intelligence, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, Russia; Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, radogost2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>

Jinna Zou, PhD (Linguistics), Postdoctoral Research Fellow, Senior Lecturer, Institute of Russian Language, Heilongjiang University, Xuefu Rd, 74, 150080 Harbin, China, zoujinnazg@163.com

Chen Kuo, Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, kuo.chen@mail.ru

Информация об авторах

Цюхуа Сунь, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела по международному сотрудничеству, Хэйлунцзянский университет, ул. Сюэфу, 74, 150080 г. Харбин, Китай, sunqihua15@163.com

Ирина Советовна Карабулатова (корреспондирующий автор), доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка, Хэйлунцзянский университет, ул. Сюэфу, 74, 150080 г. Харбин, Китай; ведущий научный сотрудник лаборатории «Машинное обучение и семантический анализ» Института искусственного интеллекта, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Россия; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6 117198 г. Москва, Россия, radogost2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>

Цзиньна Цзоу, PhD (языкознание), постдокторант, старший преподаватель Института русского языка, Хэйлунцзянский университет, ул. Сюэфу, 74, 150080 г. Харбин, Китай, 1998038@hju.edu.cn

Чэнь Куо, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия, kuo.chen@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.11>

UDC 81'255.2:82-3
LBC 81.18

Submitted: 20.03.2024
Accepted: 08.07.2024

THE PSEUDO-SLAVIC REALIA IN PSEUDO-ETHNIC FANTASY: THE ISSUES OF TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Nadezhda V. Rabkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. To date, the traditional fantasy genre that has its roots in European folklore is transforming as authors seek new, fresh mythological foundations and exotic forms of narration. In an attempt to conquer foreign markets, some of them deploy Slavic mythology and embed words of Slavic origin to create their magical worlds. However, the resulting product is often a Pan-Slavic fantasy universe that refers to no specific culture. In this research, 'pseudo-ethnics' denotes an exotic atmosphere created by words associated with a broad linguacultural cluster. The object of the study was the vocabulary used to denote pseudo-Slavic realities in the novel *Shadow and Bone* by Leigh Bardugo and its film adaptation, as well as the translation techniques employed by the Russian translators. Leigh Bardugo used pseudo-Russian anthroponyms, toponyms and words that denote everyday objects and magical creatures. They represent Latinized Russian borrowings and seemingly authentic neologisms that deploy some morphological and phonetic language features an English-speaking reader might associate with the Slavic culture. However, when translated for an audience with a Slavic ethnic background, the pseudo-ethnic fantasy book or film loses its exotic flavor. The translation techniques for Latinized Russian words conveying the pseudo-ethnic atmosphere are de-transliteration and de-transcription. As part of the translation, translators had to adhere to the grammar rules of the Russian language and eliminate grammatical errors in parts of speech or gender.

Key words: fantasy, pseudo-ethnics, Slavic fantasy, Leigh Bardugo, translation, realia, English, Russian.

Citation. Rabkina N.V. The Pseudo-Slavic Realia in Pseudo-Ethnic Fantasy: The Issues of Translation into the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 158-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.11>

УДК 81'255.2:82-3
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 20.03.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ПСЕВДОСЛАВЯНСКИЕ РЕАЛИИ В ЖАНРЕ ПСЕВДОЭТНИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Надежда Владимировна Рабкина

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. Традиционный жанр фэнтези, уходящий корнями в европейский фольклор, постепенно меняется. Этот процесс выражается в поиске авторами произведений новых мифологических основ и экзотических форм выражения. В попытке завоевать зарубежные рынки некоторые из них обращаются к славянской мифологии и лексике славянского происхождения. Показано, что результатом такого поиска становится конструирование панславянской фэнтезийной вселенной, не связанной с какой-либо конкретной культурой. Применительно к таким произведениям предложено использовать термин «псевдоэтника», обозначающий экзотическую атмосферу, созданную посредством реалий, соотносящихся с весьма широким лингвокультурным кластером. Объектом исследования в статье избрана лексика, передающая псевдославянские реалии в романе американской писательницы Ли Бардуго «Тень и кость» и его экранизации, предметом – способы их передачи на русский язык. В произведении употребляются антропонимы, топонимы и слова, называющие предметы быта и волшебных существ, позволяющие читателю ассоциировать текст со славянской культурой. Установлено, что за создание псевдоэтнической атмосферы отвечают латинизированные заимствования из

русского языка, а также авторские неологизмы, в составе которых присутствуют отдельные морфологические и фонетические черты, ассоциирующиеся у англоязычного читателя с русским языком. Основные приемы перевода слов, отвечающих в тексте оригинала за создание псевдоэтнической атмосферы, можно определить как детранслитерацию и детранскрипцию в тех случаях, когда речь идет о латинизированных русских словах. В русском переводе произведение частично утрачивает свою экзотичность. Кроме того, переводчикам приходится учитывать явные для русскоязычного читателя ошибки, связанные с принадлежностью к той или иной части речи или категорией рода.

Ключевые слова: фэнтези, псевдоэтника, славянское фэнтези, Л. Бардуго, перевод, реалия, английский язык, русский язык.

Цитирование. Рабкина Н. В. Псевдославянские реалии в жанре псевдоэтнического фэнтези в переводе на русский язык // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 158–166. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.11>

Introduction

The phenomenon of ethnic identity in fantasy and science fiction has received much scientific attention. Afrofuturism studies seek inspiration from the long history of Afro-American literature [Kaplan, 2021; Ziethen, 2021]. The commercial success of Asian Sci-Fi and its screen versions led to the rise of Indian futurism [Mehan, 2017] and Asian futurism [Shin, 2017; Lavender, 2017; Xu, 2021; Stanford, 2022]. *Netflix* adaptation of *The Witcher*, a Polish fantasy series by A. Sapkowski and a fantasy action role-playing game series of the same name, sparked studies of Slavic fantasy [Abasheva, 2021; Obertová, 2022; Jágrova et al., 2019].

Thus, the fantasy genre has expanded beyond pseudo-medieval European mythologies familiar to Western Europe and the United States, with settings based on non-Western cultures [Bileta, 2020a]. While Chaohuan is strongly associated with China, Afrofuturism depicts a radically decolonized Pan-African future without being tied to any African community. For example, *City of Brass* (2017) by Shannon Chakraborty explores 18th century Cairo, but the ethnic setting is so conventional that the action could occur in any other Arab country. Marlon James's *Black Leopard, Red Wolf* (2019) could be set in any place in Africa. Rebecca Kuang's *The Opium War* (2018) was inspired by the history of China and Japan, but the world she describes is fictional.

Contemporary Slavic fantasy is an example of both trends, i.e., genre diversification and obscure cultural referencing. Slavic fantasy by Katherine Arden, Catherynne Valente, Naomi Novik, Sophie Anderson, Mercedes Lackey, Alicia

Jasinska, and others is often regarded as a postmodern combination of the old and the new, where authors play with traditions by setting old stories in a relevant context [Mikinka, 2020]. However, the resulting fantasy books often reflect a surrogate quasi-identity with no direct reference to the culture and history of a particular Slavic country as they refer to some abstract Eastern European culture. In this work, we define this phenomenon as **pseudo-ethnics**.

The word pseudo-ethnics originates as a marginal term in fashion and music, where it is understood as a stylization. For example, Slavic folk rock bands use motifs that are unmistakably recognized as Slavic by their target audience but are not tied to any actual country. In design, a laconic “Scandinavian style” has no connection with a specific Scandinavian country; in fashion, a “safari” pattern has little to do with a particular African ethnicity; a restaurant of Asian cuisine offers a Pan-Asian menu, etc.

In the fantasy genre, a pseudo-ethnic atmosphere is usually created using vocabulary, some of which are actual Latinized words of Slavic origin and some are imitations coined by the author. In this respect, pseudo-Slavic fantasy creates a curious phenomenon. When a Slavic fantasy novel written by an English-speaking author gains so much popularity it receives a film version, Russian translators face a challenge when the book and film enter the Russian book market. They have to deal with the situation when the linguistic community of language A (Ru) receives a book/film translated from language B (En), where reality-words of language A (Ru) are transformed following the rules of language B to convey a historical or ethnic atmosphere of the culture of language A (Ru).

The research objective is to describe the linguistic means that create a pseudo-ethnic atmosphere in Leigh Bardugo's English-language pseudo-Slavic fantasy book entitled *Shadow and Bone* and its screen adaptation, as well as to study the translation techniques used to render pseudo-Russian cultural realia.

Materials and methods

Leigh Bardugo is an American author inspired by Russian history and culture. She is probably the most famous contemporary English-writing fantasy author who exploits Slavic atmosphere and whose commercial worldwide success has been awarded by a screen-version of her book series, as well as by a global online *Grishaverse* fandom. To link her fictional world to some general Slavic context, she introduces real or made-up pseudo-Russian words that designate the actual or fictitious realia of Slavic linguistic culture. This research studied the pseudo-Slavic realia that Leigh Bardugo incorporated into her novel *Shadow and Bone* (Bardugo, 2012) and how these realia were dealt with in the official Russian translation (Bardugo, 2021). By the continuous sampling method, we obtained lexemes that denoted various pseudo-ethnic realia of the pseudo-Slavic universe in the original text, which we then analyzed from the point of view of the corresponding translation solutions in the Russian text. We also compared the Netflix TV show (2021) of the same name and its Russian dubbing by Lostfilm (2021) to define the visual and verbal means used to create a pseudo-ethnic atmosphere in the written narrative and its visual adaptation.

Results and Discussion

Leigh Bardugo's fantasy series definitely falls into L. Fialkova's definition of alternative Slavic fantasy as *fantastika* (speculative fiction), an umbrella term for fantasy "created by English-language writers based on real or assumed Slavic folklore, separate from Slavic fantasy *per se*" [Fialkova, 2021, p. 24]. Some critics believe that books written by non-Slavic writers by cultural appropriation leave no room for Slavic diversity as they all feature one and the same pseudo-Slavic magic characters, landscapes, names, etc. [Dunato, 2023]. Others say that cultural appropriation gives

an opportunity for stereotyped cultures to receive positive reconsideration [Bileta, 2020a].

In her major insight into Slavic fantasy, L. Fialkova described the magic fictional Medieval Rus' in Peter Morwood's and Katherine Arden's trilogies that mix real history with fairy-tails and *byliny* to produce a 'timeless, fairytale-like world' of crypto-history [Fialkova, 2021, p. 16]. Evelin Skye, Catherynne Valente, and Orson Scott Card appealed to a more recent Slavic chronotope of the late 19th – early 20th century [Fialkova, 2022]. Using this terminology, *Shadow and Bone* can be described as an iconic instance of alternative Slavic fantasy with late 19th-century vibes. In Leigh Bardugo's *Shadow and Bone*, the action is set in a fictional country called Ravka. Readers understand that the author is describing a conventional and magical Russia: the fictional world of Ravka is full of realia specific to Russian linguistic culture. As a result, the author creates a fantasy chronotope associated with Russian history and culture.

The phenomenon of pseudo-ethnics refers to a piece of fiction or art that recreates the atmosphere of a certain linguistic culture without mentioning this linguistic culture explicitly. In other words, it is a fantasy subgenre that exploits realia associated with the culture and history of a certain ethnic community to create an artistic universe with a special, *ethnic* atmosphere. The reader is provided with some unambiguously interpretable reference to a particular linguistic and cultural environment and gets the impression that the country fictionalized in the text is an artistic reflection of a segment of reality.

The reader of *Shadow and Bone*, as well as the audience of the TV show of the same name, can easily recognize the realia as belonging to another culture. Linguists coined several terms to describe culturally embedded words borrowed into a language or fictitious words having a pronounced cultural flavor. The words borrowed from a different language and denoting culture-specific artefacts can be called *xenonyms* [Kabakchi 1998; Pashchenko, Davletshina, 2023]; those that designate non-existing realia in fictional worlds are defined in scientific literature as *quasi-realia* [Sorokovik, 2022], *words of conlang*, i.e., constructed language [Borisova, 2023], *occasionalisms* [Mishchenko, 2023], or *neologisms* [Vasilyeva,

2024]. The novel *Shadow and Bone* contains both words of Slavic origin that denote artefacts peculiar to Russian culture (*kvas*, *samovar*, etc.) and words that do not exist in a Slavic language but have cultural associations due to some phonological or morphological features. Since both groups of words create a pseudo-ethnic atmosphere, the author treats them as pseudo-ethnic vocabulary.

In this research, lexemes used to create the pseudo-ethnics in the book and its screen adaptation were classified thematically into anthroponyms, toponyms, routine, and magic.

The list of **anthroponyms** that render the book its Slavic atmosphere could be divided into people's names, i.e., first names: *Mal* (*Мал*), *Puotr* (*Петр*), *Vasily* (*Василий*), *Genya* (*Женя*), *Zoya* (*Зоя*), *Tatiana* (*Татьяна*), *Nadia* (*Надя*), *Valok* (*Валек*); family names: *Dubrov* (*Дубров*), *Morozov* (*Морозов*); or both: *Alina Starkov* (*Алина Старкова*), *Nikolai Lantsov* (*Николай Ланцов*).

It seems logical to conditionally refer to this group some words which are not anthroponyms *per se* but which identify, i.e., name, groups of people categorized by profession: *Grisha* (*Гриши*), *Corporalki* (*корпоралки*), *Etherealki* (*этериалки*), *Materialki* (*материалки*), *Alkemi* (*Алкемы*); by status: *tsar* (*царь*), *tsaritsa* (*царица*), *Koroleva* (*королева*), *Apparat* (*Апарат*); *Sankta* (*Санкта*), *kapitan* (*капитан*), *oprichnik* (*опричник*); and by the function of direct address: *soverenyi* (*суверенный*), *lapushka* (*лапушка*). We have to bear in mind that the words that denote group nouns (*Corporalki*, *Etherealki*, *Materialki*, *Alkemi*) look and sound Slavic due to the affixes, not the roots, which are of Latin origin and hence their meaning is clear to English-speaking audience. In the film version, the words from this group included only words of direct address: *milen'kiy* (*миленький*), *toya milaya* (*моя милая*).

Some anthroponyms used in the book and in the film, which would seem foreign to an English speaker, are clearly of non-Slavic origin. For instance, a military community called *Drüskelle* (*дрюскелле*) is obviously a pseudo-Scandinavian word (probably, it is the atmosphere of a Nordic landscape that they share with the pseudo-Slavic world of Ravka); *Tante Heleen* (*Танте Хелен*) is an obvious German kinship term; the name

Baghra (*Багра*) sounds more Indian than Russian, etc. For instance, *Tante Heleen* remains *Танте* in the translation, never *mëтя/mëтушка* (*Aunt/Auntie*). These words give the Russian versions of the book and the film the exotic touch lost in translation because words like *tsaritsa*, *lapushka*, *oprichnik*, etc., obviously lose their exotic fleur for the Russian audience.

The list of pseudo-ethnic **toponyms** includes *Balakirev* (*Балакирев*), *Kerskii* (*Керский*), *Chernitsyn* (*Черницын*), *Poliznaya* (*Полузная*), *Kribirsk* (*Крибирск*), *Chernast* (*Черность*), *Polvost* (*Полвость*), *Petrzoi* (*Петразои*), *Novyi Zem* (*Новый Зем*), *Tsibeya* (*Цибя*), *Tula* (*Тула*), *Vu* (*Ву*). Those that appear exclusively in the screen version are *Drakonasha* (*Драконаша*) and *Dva Stolba* (*Два Столба*).

Realia related to the **routine** include utensils: *samovar* (*самовар*); foods: *kutya* (*кутья*); drinks: *kvas* (*квас*), *vodka* (*водка*); clothes: *kefta* (*кафтан*, translated in the film as *кефта*); transport: *troika* (*тройка*), *skiff* (*скифф*, translated as *корабль* in the film); currency: *kruge* (*круге*).

The list of pseudo-ethnic words related to **magic** includes names of supernatural creatures coined by the author: *malenichki* (transliterated in the book as *маленички*, translated explanatory as *маленькие привидения* (little ghosts) in the screen version), *volcra* (*волькра*), and *nichevo'ya* (*ничегоу*); magic philosophy terms: *odinakovost* (*одинаковость*), *etovost* (*этовость*), and the existing Russian word *merzost* (*скверна*), which is applied here not in its usual sense of "something abominable, physically or morally disgusting", but to denote fictional realia, i.e., a kind of forbidden magic. The book also contained several uses of interjections: *da* (*да*) and *net* (*нет*).

The lists of words used to create a pseudo-ethnic atmosphere in the book and the film did not overlap completely because the TV show omitted those exotic words which it could compensate for by visual images (*samovar*, *kutya*, *kvas*) and those that would require long explanation (*odinakovost*, *etovost*).

In some cases, Leigh Bardugo shows a surprising lack of understanding of the basic principles of Russian grammar. For example, she ignores using gender markers in family names: *Alina Starkov*, the main character, is a foreignized

version of a Russian surname with no female ending (-a), typical of all female variants of surnames ending in -ov. In the Russian translations of both the book and film, the name, if transliterated, would be a mistake, so the translator uses the female gender marker. However, Alina Starkov does not look as strange to Russian readers, who are familiar with Hollywood movie characters such as Natasha Romanoff, as the female surname *Morozova* combined with the male names *Alexander* and *Ilya*. Obviously, the gender marker had to go in the Russian translation, and the characters became Алина Старкова, Александр Морозов etc. Although English native readers with passing knowledge of East-European culture might not be aware of this gender mistake in naming, any Russian-speaking consultant could have pointed it out to the author.

So, Russian grammar is a challenge for English-speaking writers of Slavic fantasy. Usually, they do have some family or academic background that makes them familiar with Russian linguistic culture. Otherwise, they need to consult a native Russian speaker to check the use of Russian words and allusions to Russian culture and history [Fialkova, 2022]. As T. Bileta puts it, a failure to observe the fact that many Slavic surnames are gendered gives away an author's cultural background and level of familiarity with the setting, an error that an English-writing author of Russian or Bulgarian origin would never commit. In fact, Slavic speakers would find some of Bardugo's toponyms and naming conventions "strange and inconsistent at best" [Bileta, 2020b].

In *Shadow and Bone*, the anthroponyms and toponyms transfer the Russian atmosphere because they contain a typical Slavic family-name suffix (-ov/-ev) or are represented by Eastern-European analogues of popular Western names (*Pyotr* instead of Peter, *Vasily* instead of Basil, *Zoya* instead of Zoie, etc.). In addition, some of them contain specific hissing phonemes that non-Russians usually associate with this culture, e.g., *Chernitsyn* or *Tsibeya*.

The collective nouns for a group of magicians *corporalki*, *etherealki*, and *materialki* have a typical Russian plural ending -i. However, the author coins another collective noun that sounds as *otkazat'sya*, in which any Russian speaker unmistakably recognizes an infinitive. Russian translators adapted the word to the rules

of Russian grammar by giving it a noun form (*отказники*). As a result, the word does not look ridiculous in Russian (which *отказаться* definitely would) but it definitely loses its fantasy fleur, and this is the main problem with Russian translations of English-language Slavic fantasy: what seems exotic and mysterious in English, becomes ordinary and mundane when it returns to its original culture.

A similar phenomenon appears when it comes to translating the word *Grisha*, the collective noun that names all magic users in Bardugo's universe. To a Russian speaker, *Grisha* sounds like a diminutive form of the name *Grigory* and awakes no associations with the plural or collective. Probably, the author attempted to allude to the notoriously famous historical figure of Grigory Rasputin, whom English-speaking readers might know from popular film culture. Again, the translators had to adapt the word to the rules of Russian plural form: *зрүүуу*. To avoid similarities with the short form of the name Grigory, a singular form of *Grisha* was shortened as *зрүү*.

An English-native lover of pseudo-Slavic fantasy may develop a certain degree of familiarity with the flexion -i as a marker of a plural noun form because authors of Slavic fantasy tend to keep the authentic plural ending in exotic words, e.g., *cherti* or *podsněžniki* [Fialkova, 2021, p. 24-25]. For instance, Catherine Valente uses the word *domoviye* and *rusalki* alongside its singular form *domovoi* and *rusalka* [Fialkova, 2022, p. 169].

Spelling and morphemes are an economical but effective tool to create a pseudo-ethnic atmosphere. For instance, Bardugo spells the military rank of "captain" as *kapitan*, which completely loses its exotic touch in the Russian translation (капитан); instead of using the ordinary English word *sovereign* to indicate a noble title, Bardugo makes it sound Russian by adding a typical adjectival ending: *soverenyi*. In the text version, these modifications maintain the recognizability of the word while giving it an exotic touch. In the film, the meaning of the word is difficult to understand although its function as a word of direct address remains clear.

L. Fialkova mentions a similar use of authentic historical realia-words instead of their English analogues if these words have the same origin and the meaning of the exotic Slavic words

can be easily decoded, e.g., *gvardia* instead of *guard* [Fialkova, 2021, p. 17]. In cases like this, the exotism does not violate the principle of linguistic economy, i.e., the meaning of the exotic word does not have to be explained because explanatory incorporations may threaten the integrity of the fictional world and break the reader's involvement in the narrative. In other cases, words like the abovementioned *chierti* or *podsněžniki* work for the general alienness of the magic Slavic chronotope: *chierti* are no Biblical devils but some mysterious pagan deities of the woods, and *podsněžniki* are not just any flowers the reader may encounter in their English-speaking world: they perform magic in Russian fairy-tails.

Due to their rich creative potential, toponyms are used in the genre of fantasy as an effort-consuming means of creating fictional worlds. However, L. Bardugo avoids overusing them. Almost all of the toponyms in *Shadow and Bone* were coined by the author. The author used only one authentic Russian toponym – *Tula* (Тула). Others sound Russian not only because their root morphemes seem Russian but due to the adjectival ending (*Novyi, Poliznaya*) or an authentic-sounding ending *-sk* in the toponym *Kribirsk*, which non-Russian audience might associate with real Russian toponyms, e.g. the cities of *Novosibirsk, Omsk*, etc. In the book and the screen version, these toponyms were translated as *Полизная* and *Новый Зем*. The translators preserved the exotism of these place names by avoiding translating them as *Полезная* and *Новая Земля*, i.e., the Russian words, from which these pseudo-Slavic toponyms seem to have originated.

Some routine realia words may be associated by a Russian reader with the Russian classical literature (*kvas*, ‘a fermented drink’; *samovar*, ‘a tea boiler’; *troika*, ‘a three-horse carriage’; *vodka*, ‘an alcoholic drink’), as well as some more exotic vocabulary (*kutya*, ‘a traditional dish associated with a funeral’). All these words but *vodka* were absent in the film version. As for the translation technique, it would be logical to call it de-transliteration because *kvas, samovar, troika, vodka*, and *kutya* are, in fact, transliterated Russian words *квас, самовар, тройка, кутья*.

This is where we again face the problem of a pseudo-Slavic book being translated into the Russian language. To convey the national flavor,

English authors transliterate or transcribe Russian words, as well as italicize them. When the fantasy book is translated back into Russian, the transliterated or transcribed words lose their exotic touch. In a broader sense, it would be possible to introduce such translation techniques as *de-transcription* and *de-transliteration* to denote the process of returning a word-reality of language A (Ru) from the language of text B (En), where this reality was used to create a historical or ethnic atmosphere of the culture of language A (Ru), into the linguistic and cultural space of language A (Ru).

However, several cases cannot be addressed using de-transcription or de-transliteration techniques. For instance, the Tsar's confessor bears the title of *Apparat*, which would confuse the reader if transliterated as *annapam*, i.e., literally, ‘a device’. The translator of the book invented a similar-sounding word *anpam*. In the TV show, an explanatory translation technique was used, and the character appears as *духовник царя (minister)*.

As mentioned, it is only logical that de-transcription and de-transliteration may ruin the original exotic atmosphere. To avoid this, Russian translators try to apply other translation techniques. For example, in Bardugo's book, the magical uniform called *kefta* associates both with the Russian word for a cardigan (*кофта*) and an old-time long jacket worn by the rich and noble (*кафтан*), both Russian words being etymologically connected. The book translators chose the word *кафтан*: although the word loses its exotic touch in translation, at least it maintains some historical connotation. In the official Russian translation of the screen version, *kefta*, the word for the magical uniform, was left unchanged for the sake of exotism. Another attempt to compensate for the loss of exotism is the word *merzost* translated as *скверна*, which is stylistically marked as elevated, religious, or old-fashioned.

As for the magic creatures, L. Bardugo for some reason missed the chance to refer to Russian folklore. Thus, the *volcra* monsters sound Latin, if anything, with flexion *-a* associated not with the female gender of the Russian grammar but with the irregular plural form typical of nouns of Latin origin (*data, bacteria*, etc.). However, the word *nichevo ya* (magical monsters) consists of a Russian word (*ничего* – nothing) and a Russian adjectival inflexion. In the Russian translation,

these words were adapted to the grammar rules of plurality and turned into *ничегои* and *вольк-ры*. In the second book of the trilogy, however, there appears a sea monster named *Rusalye* (Русалье), which is an obvious reference to the mermaids of Russian folklore.

L. Fialkova dwelled upon the linguistic creativity of English-native authors who create new words for their fantasy realia based on authentic Russian words. For instance, she mentioned types of evil creatures in Katherine Arden's trilogy: the writer used existing names for supernatural beings (*domovoi*, *dvorovoi*, *polevik*, *bannik*), as well as coined some new names to signify the magic creatures of her invention, such as *bagiennik* (a swamp spirit) and *vazila* (a horse-guarding spirit) [Fialkova, 2021, p. 26]. Although in *bagiennik*, the root may remind the English reader of the word *bog*, the meaning of the neologism can hardly be fathomed without explanation. Still, the affix *-ik* may hint that the word denotes some entity if the reader manages to draw a parallel between *polevik* and *bannik*.

As for the film version of *Shadow and Bone*, the visual component played a huge role in creating the pseudo-Russian atmosphere: it comes alive not only in the speech of characters or place names but in the visual images of costumes, landscapes, interiors, etc. For instance, the patterned and gold-embroidered *keftas* remind the audience of a Cossack uniform or the last royal costume ball (1903) dedicated to the 300th anniversary of the House of the Romanovs: authentic photos of Russian princes and princesses dressed like fairy-tale characters are quite popular on the Internet. The visualization of the pseudo-Slavic world makes the best of what J. Dunato described as “the vast snowy forests and steppes of Northeastern Europe. <...> Furs, winter, wild men on horses, remote villages...” [Dunato, 2023]. The dark and gloomy landscapes oppose the brightness of gilded palace interiors, thus combining the aesthetics of *Battleship Potemkin* with the grandeur of *War and Peace*, which is in line with the story that *Shadow and Bone* tells about a country split into halves by a Shadow Fold.

Conclusion

In fantasy fiction, English-speaking authors frequently create pseudo-ethnic fantasy worlds that

refer to all things simultaneously and nothing in particular. On the linguistic level, the easy way to achieve the pseudo-exotic effect is to incorporate culture-specific words into the text that create a certain umbrella-like exotic atmosphere but do not denote a country *per se*. The words that verbalize cultural artefacts give the imaginary world a sense of realism. In pursuit of an exotic atmosphere, fantasy authors often violate the grammar of the language they intended to imitate. However, when the book is translated into the language that was the source of the pseudo-ethnic vocabulary, the exotic appeal may be lost.

Shadow and Bone, a pseudo-Slavic novel by Leigh Bardugo, uses words intended to evoke associations with 19th-century Russia without specifying the setting. This fictional pseudo-Russian chronotope contains realia that refer to their normal denotations, fictional denotations, or coined lexemes derived from similar Russian words. Some realia are vaguely perceived as being of Slavic origin due to some phonetical or morphological markers. The Russian translators used transliteration and transcription to render the pseudo-Slavic vocabulary. However, they had to adapt words used in the original to the rules of Russian grammar and eliminate mistakes caused by the author's lack of experience in Russian linguistics. In many cases, the translators used translation techniques that we may call de-transliteration and de-transcription of Latinized Russian words, which inevitably lose the exotic entourage.

Most realia were maintained in the screen version, but food, drinks, and vehicles were omitted – a loss compensated by film images.

ACKNOWLEDGEMENT

The author would like to express her gratitude to her former students Polina Shcherbakova and Yana Gorditskaya for sampling and counselling.

REFERENCES

- Abasheva M., 2021. Slavyanskije fentezi vchera i segodnya [Slavic Fantasy Yesterday and Today]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 2, pp. 39-46. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.2-21.039>

- Bileta T., 2020a. A Beginners' Guide to Slavic Fantasy in Translation. *Reactor*. URL: <http://reactormag.com/a-beginners-guide-to-slavic-fantasy-in-translation/>
- Bileta T., 2020b. An Insider's Guide to Slavic-Inspired Fantasy. *Reactor*. URL: <http://reactormag.com/an-insiders-guide-to-slavic-inspired-fantasy/>
- Borisova V.D., 2023. Konlangi v trilogii Li Bardugo «Ten' i kost'»: perevodcheskiy aspekt [Conlangs in Leigh Bardugo's Book "Shadow and Bone": Translation Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], no. 21, pp. 7-11.
- Dunato J., 2023. What Does Slavic Fantasy Even Mean? *Science Fiction and Fantasy Writers Association*. URL: <http://www.sfw.org/2023/05/30/what-does-slavic-fantasy-even-mean/>
- Fialkova L., 2021. Rus, Russia, and Ukraine in Alternative Slavic Fantasy by English-Language Writers. Part 1. Medieval Rus. *Studia Mythologica Slavica*, vol. 24, pp. 13-32. DOI: <https://doi.org/10.3986/SMS20212403>
- Fialkova L., 2022. Rus, Russia and Ukraine Between Fairy Tales and History: Alternative Slavic Fantasy by English-Language Writers. Part II: Modern Russia and Ukraine in the 19th and 20th Centuries. *Studia Mythologica Slavica*, vol. 25, pp. 165-181. DOI: <https://doi.org/10.3986/SMS20222508>
- Jágrová K., Avgustinova T., Stenger I., Fischer A., 2019. Language Models, Surprisal and Fantasy in Slavic Intercomprehension. *Computer Speech & Language*, vol. 53, pp. 242-275. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.csl.2018.04.005>
- Lavender I., ed., 2017. Front Matter. *Dis-Orienting Planets: Racial Representations of Asia in Science Fiction*. University Press of Mississippi, pp. i-iv. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv5jxngg.1>
- Kabakchi V.V., 1998. *Osnovy angloyazychnoy mezhkulturnoy kommunikatsii* [Basics of English-Speaking Intercultural Communication. Textbook]. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 231 p.
- Kaplan T.A., 2021. The Importance of Surrounding Communities in Identity Formation Within Afrofuturistic Context. *RumeliDE Dil Ve Edebiyat Arastirmalari Dergisi*, iss. 9, pp. 261-275. DOI: <https://doi.org/10.29000/rumelide.984761>
- Mehan U., 2017. India and Indians in SF by Indians and Others. Lavender I., ed. *Dis-Orienting Planets: Racial Representations of Asia in Science Fiction*. University Press of Mississippi, pp. 42-55. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv5jxngg.7>
- Mikinka A.E., 2020. Retelling Mitów i Legend w Słowiańskiej Fantastyce [Retelling Myths and Legends in Slavic Fantasy]. *Ruch Literacki*, vol. 5 (362), pp. 545-558. DOI: <https://doi.org/10.24425/r.l.2020.135910>
- Mishchenko K.V., 2023. Osobennosti realizatsii okkazionalizmov v romane L. Bardugo «Shadow and Bone» i ego perevode na russkiy yazyk [Features of the Implementation of Occasionalisms in the Novel by L. Bardugo "Shadow and Bone" and Its Translation into Russian]. *Byulleten gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve* [Bulletin of Humanitarian Studies in Interdisciplinary Research Area], no. 1 (3), pp. 224-226.
- Obertová Z., 2022. Slavic Mythology Lost in Fantasy: Literary Adaptations of Slavic Beliefs in Andrzej Sapkowski's and Juraj Červenák's Novels. *Narodna Umjetnost*, vol. 59, no. 2, pp. 119-132. DOI: <https://doi.org/10.15176/vol59no206>
- Pashchenko M.V., Davletshina L.G., 2023. Ksenonimy russkoy kultury v tsikle knig Li Bardugo «Grishavers» [Xenonyms of Russian Culture in the Series of Books by Leigh Bardugo "Grishaverse"]. *Pedagogicheskiy forum* [Pedagogical Forum], no. 2 (12), pp. 57-60.
- Shin H., 2017. Engineering the Techno-Orient: The Hyperrealization of Post-Racial Politics in Cloud Atlas. Lavender I., ed. *Dis-Orienting Planets: Racial Representations of Asia in Science Fiction*. University Press of Mississippi, pp. 131-143. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv5jxngg.13>
- Sorokovik A.D., 2022. Perevod kvazirealiy v romane Li Bardugo «Six of Crows» [Translation of Quasi-Realia in the novel "Six of Crows" by Leigh Bardugo]. *Dictum – Factum: ot issledovaniy k strategicheskim resheniyam* [Dictum – Factum: From Research to Policy Making], no. 7-8, pp. 80-84.
- Stanford C.M., 2022. *Future Asians: Orientalism and Posthumanism in Twenty-First Century U.S. Science Fiction. Dr. philol. sci. diss.* Los Angeles, University of California. 155 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/5c6055x5>
- Vasilieva K.A., 2024. Osobennosti khudozhestvennogo perevoda neologizmov v romane zhanra fentezi «Ten i Kost» avtorstva Li Bardugo [Peculiarities of Literary Translation of Neologisms in the Fantasy Novel "Shadow and Bone" by Leigh Bardugo]. *Yazyki, kultura, etnosy. Formirovanie yazykovoy kartiny mira: filologicheskiy i metodicheskiy aspekty: materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Yoshkar-Ola, 12 oktyab. 2023 g.)* [Languages, Cultures,

Ethnic Groups. Formation of a Linguistic Picture of the World: Philological and Methodological Aspects. Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference (Yoshkar-Ola, October 12, 2024). Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., pp. 95-106.

Xu G., 2021. Post-Ethnic Humanistic Care in Chinese American Science Fictions. *Cross-Cultural Communication*, vol. 17, no. 2, pp. 28-35. DOI: <http://dx.doi.org/10.3968/12188>

Ziethen A., 2021. "Space Probe": Science Fiction Across the Black Atlantic. *The Speculative*

Geographies of Amiri Baraka and Emmanuel Dongala. *Journal of Postcolonial Writing*, vol. 57, iss. 6, pp. 827-840. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449855.2021.1949631>

SOURCES

Bardugo L. *Shadow and Bone*. New York, Henry Holt and Co., 2012. 381 p.

Bardugo L. *Ten i Kost* [Shadow and Bone]. Moscow, AST Publ. 2021. 384 p.

Information About the Author

Nadezhda V. Rabkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, nrabkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Информация об авторе

Надежда Владимировна Рабкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, nrabkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.12>

UDC 81'42:94
LBC 81.055.1

Submitted: 16.04.2024
Accepted: 08.07.2024

HISTORICAL NARRATIVE: CONSTITUENT FEATURES AND LINGUISTIC PROPERTIES

Olga A. Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia;
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Anna A. Khanova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. While historians extensively research narrative and use a significant number of concepts that linguists traditionally see as their own, the properties of historical narrative have not received sufficient coverage in linguistics yet. This article analyses the similarities and differences in the approach to narrative by historians and linguists, formulates the linguistic criteria of narrativity and discusses the relationship between factuality and fictionality. The constitutive features of historical narrative identified and described in the present study include temporality, spatiality, eventfulness, informativeness, interpretability, ideologization and semioticity. Language is treated as a tool of verbalising historical narrative, structuring its chronology and logic, shaping the perception of events through a system of presuppositions, connotations, and allusions, creating historical ambiance and constructing mythologised designations. The linguistic means used in the construction of historical narrative comprise: 1) the language of the historical source; 2) the narrator's language; 3) historical terminology; 4) historicisms and archaisms; 5) precedent names; 6) obsolete and modern toponyms. The study emphasises the importance of perceiving history as a hypertext – multiple narratives united by a network of intertextual connections. The study is illustrated by examples from narratives about the Silk Road in Chinese, Russian and English. The Silk Road symbolises the crossroads of civilisations, the interaction between East and West, the economic and cultural exchanges between Asia and Europe, peaceful cooperation, good neighbourliness, and shared cultural experience.

Key words: historical narrative, Silk Road, temporality, spatiality, eventfulness, informativeness, interpretability, ideologization, semioticity.

Citation. Leontovich O.A., Khanova A.A. Historical Narrative: Constituent Features and Linguistic Properties. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 167-180. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.12>

УДК 81'42:94
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 16.04.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ: КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Ольга Аркадьевна Леонтович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия;
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Анна Андреевна Ханова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена недостаточно разработанным в лингвистике проблемам исторического повествования. В процессе исследования выявлены сходства и различия в подходе к нарративу со стороны историков и лингвистов; сформулированы лингвистические критерии нарративности; рассмотрено соотношение между фактуальностью и фикциональностью. Выделены и описаны конститутивные при-

знаки исторического нарратива: темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, идеологизированность и семиотичность. Показано, что язык выступает средством вербализации исторического повествования, выстраивает его логику и хронологию, обуславливает восприятие событий через систему пресуппозиций, коннотаций и аллюзий. В качестве лингвистических средств создания исторического колорита могут выступать: 1) язык исторического источника; 2) язык нарратора; 3) историческая терминология; 4) историзмы и архаизмы; 5) прецедентные имена; 6) устаревшие и современные топонимы. Отмечена значимость восприятия истории как гипертекста – множественных нарративов, объединенных сетью интертекстуальных связей. В качестве иллюстративного материала исследования выступают нарративы о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках. Определены универсальные и культурно-специфические особенности описания Великого шелкового пути как перекрестка цивилизаций, символа взаимоотношений между Востоком и Западом, добрососедства и общности культурного опыта.

Ключевые слова: исторический нарратив, Великий шелковый путь, темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, идеологизированность, семиотичность.

Цитирование. Леонтович О. А., Ханова А. А. Исторический нарратив: конститутивные признаки и языковые характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 167–180. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.12>

Введение

Многогранность и многоликость исторического нарратива, его информационная и семиотическая насыщенность делают его интереснейшим объектом для исследования. В исторической науке нарративу уделяется большое внимание, причем следует отметить, что ученые используют при его анализе значительное количество понятий, которые лингвисты традиционно считают своими (см., например, [Кукарцева, 2006] о лингвистическом повороте в историописании). При этом нам не известны собственно лингвистические комплексные исследования, посвященные историческому нарративу. Данная статья – попытка в какой-то мере восполнить этот пробел и предложить некоторые теоретические основания для рассмотрения исторического нарратива с точки зрения лингвистики.

Задачи статьи: а) выявить сходства и различия в подходе к нарративу со стороны историков и лингвистов; б) сформулировать и проанализировать конститутивные признаки нарратива, составляющие его сущность; в) выделить специфические языковые средства передачи исторического колорита в тексте.

В статье мы обратились к разноязычным нарративам о Великом шелковом пути, поскольку он занимает важное место в истории человечества, а реанимация этого прецедентного феномена в виде китайского проекта «Один пояс – один путь» и возникшие вокруг него политические дебаты помогают осмыслить его историческую преемственность, ди-

намику и место в международных отношениях, а также рассмотреть его языковую реализацию в контексте разных лингвокультур.

Материал и методы

Истоки анализа исторического нарратива содержатся в трудах Ф. Анкерсмита [2003], Р. Барта [2003], В. Дилтея [2004], А. Мегилла [2009], П. Рикёра [1998] и ряда других ученых. Исследование исторического нарратива затрагивает ряд значимых проблем, к которым относятся: «статус исторического знания, традиционно характеризуемого как эмпирическое, лишенное теоретичности и нарративное», в противовес объясняющему (аналитическому) [Мишалова, 2012, с. 158], соотношение исторического и литературного повествования, фактуальности и фикциональности [Анкерсмит, 2003; Мишалова, 2012; Стризов, 2012; Сыров, 2020; Barthes, 1981; Genette, 1993; Tlustý, 2017] и т. д. Е.В. Мишалова пишет о том, что в рамках современной философии существуют узкая и широкая трактовки понятия «исторический нарратив»: согласно первой, он определяется как описательно-повествовательное произведение; согласно второй – как ментальная структура, способ «осознания и упорядочения окружающего мира в целом» [Мишалова, 2012, с. 160].

В центре дискуссий, как правило, оказывается вопрос о том, следует ли воспринимать исторический нарратив как достоверное научное знание или как художественное повествование, подобное литературному.

В частности, А.Л. Стризое оспаривает деление истории на эпистемологическую (объяснительно-фактологическую) и нарративную (объяснительно-интерпретационную и репрезентационную), утверждая, что исторический текст выступает как специфический способ преобразования информации из исторических источников в научное знание о прошлом, конституируя историю как науку [Стризое, 2012, с. 172–173].

Обращает на себя внимание то, что в контексте исторической науки внимание исследователей сосредоточено на восприятии нарратива историком, который может выступать либо адресантом (нарратором, сообщаящим достоверную или недостоверную информацию), либо адресатом-интерпретатором. При этом, по мнению Е.В. Мишаловой, в качестве нарратива может рассматриваться как отдельное повествование, так и совокупность исторических текстов: хроники, летописи, документы, грамоты, конституции, исторические карты, культурные артефакты, воспринимаемые как сложные знаки или знаковые системы [Мишалова, 2012, с. 161].

Представляется, что трактовка исторического нарратива с точки зрения лингвистики будет несколько отлична. Сразу оговорим, что в строгом лингвистическом понимании термин «нарратив повествовательного типа», предлагаемый В.Н. Сыровым [2020], тавтологичен, так как нарратив по определению не может быть повествовательным. С другой стороны, нарративным является не любой исторический текст, а лишь тот, в котором присутствуют: повествователь / рассказчик; слушатель / читатель; персонажи; последовательность переживаемых ими событий; каузальные отношения между событиями; завершенность сюжета; отношение повествователя к тому, о чем идет речь [Leontovich, Simonenko, 2017].

Параметрическая модель нарративного анализа, сформулированная нами на основе классических трудов по нарратологии [Genette, Levonas, 1976; Jahn, 2005; и др.], включает следующие составляющие: нарратор; персонажи; тематика; жанр; время; пространство; события; сюжет; взаимоотношения между категориями; пресуппозиции, фоновые знания и интертекстуальные связи [Leontovich, Simonenko, 2017]. Учет широкого социаль-

ного контекста и культурно-специфической информации представляется чрезвычайно важным, в связи с чем нельзя не согласиться с А.Л. Стризое, который считает «наиболее содержательным и глубоким» социокультурный нарратив, «затрагивающий нагруженные смыслом культурные традиции, мотивы поступков, экзистенциальные ценности человеческого бытия» [Стризое, 2012, с. 176].

Материал данного исследования включает 283 нарратива о Великом шелковом пути, из них 117 на китайском, 95 на русском и 71 на английском языках. Критерием отбора материала являлось эксплицитное упоминание Великого шелкового пути в нарративах либо аллюзия к нему, содержащаяся в контексте. При этом мы рассматриваем не только собственно исторические тексты, но и литературные произведения, основанные на исторических событиях, а также нарративные песни, пьесы, оперы, балет, картины и фильмы (документальные, художественные, мультипликационные). В процессе анализа мы не стремимся провести строгую разграничительную линию между историческим нарративом, содержащим точные факты, и художественным нарративом об историческом событии, поскольку нас интересуют культурно-специфические особенности повествования, позволяющие воссоздать отношение носителей и неносителей китайской культуры к Великому шелковому пути, его влияние на менталитет и национальное самосознание китайцев, роль в мировой истории и связь с современностью.

Результаты и обсуждение

Конститутивные признаки исторического нарратива

Проведенный нами анализ научных работ и практического материала позволяет выделить следующие конститутивные признаки исторического нарратива, выступающие в качестве его значимых совокупных характеристик: темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, идеологизированность и семиотичность¹. Рассмотрим их подробнее.

Темпоральность отражает привязку исторического нарратива к определенному периоду времени, обычно прошлому. В «Сти-

листоческом энциклопедическом словаре русского языка» [2011, с. 536] термин «темпоральность» приравнивается к «текстовому времени» и обозначает категорию, которая связывает содержание текста с временной осью, где сюжет может соотноситься как с реальными историческими событиями, так и с толкованием автора.

З.Я. Тураева рассматривает темпоральность как сеть взаимосвязей между языковыми элементами, которые передают временные отношения и объединены функциональной и семантической схожестью [Тураева, 1979, с. 163]. Согласно определению И.Р. Гальперина, темпоральность представляет собой общетекстовую категорию, охватывающую категории континуума, проспекции и ретроспекции [Гальперин, 1981, с. 43].

Формулируя суть принципа историзма, А.Л. Стризое указывает на то, что историческое повествование характеризует сменяющие друг друга во времени состояния общества, хронологические этапы, которые впоследствии приобретают содержательно-смысловую наполненность [Стризое, 2012, с. 174]. При этом, полагает он, процессы исторической действительности не вписываются в классическую триаду «прошлое – настоящее – будущее», поскольку варьируются их количество и последовательность, синхронность и асинхронность их протекания [Стризое, 2012, с. 175–176].

Лингвистический анализ темпоральности в нарративах нацелен на выявление в тексте маркеров, помогающих описать и систематизировать хромотопное строение повествования. В качестве одного из таких маркеров выступает указание на год или временной период. Существенным межкультурным различием между европейскими государствами и Китаем является периодизация истории. В России и англоговорящих странах она обычно осуществляется путем отнесения исторического события к какому-либо веку, напр.:

(1) **В середине II века до н. э.** двор китайского императора получил известие, что враждебные хуннам кочевые племена «больших юэчжи», дважды разбитые теми в степях, лежащих к западу от Великой стены, обосновались где-то за далекими горами (Докашева, с. 36);

(2) Genghis Khan was the first to stretch his rule over the Great Silk Road **in the XIII–XIV centuries**,

and these were the years of flourishing trade and prosperity (dolorestravel.com) / Чингисхан первым распространил свою власть на Великий Шёлковый путь **в XIII–XIV веках**, и это были годы расцвета торговли и процветания ².

В Китае она соотносится с периодом правления династий, как в нижеприведенном примере:

(3) **自兩漢以來**, 軍隊、使節、商隊、僧侶、詩人, 不斷過往蘭州, 渡過黃河, 西去東來, 不知有過多少腳步在這裡駐足? (百度百科) / Во время династии Хань войска, дипломатические представители, караваны, монахи, поэты, непрерывно проходили через Ланьчжоу, переплывали Хуанхэ. С востока шли на запад. Не знаю, сколько караванов здесь останавливалось ³.

Ведущими языковыми средствами выражения темпоральности в русском и английском языках являются видовременные формы глаголов и причастий, а также наречия и существительные с темпоральной семантикой:

(4) По Шелковому пути **передвигались** караваны: в них **объединялись** группы торговцев, они **собирались** вместе, чтобы легче было преодолеть трудности в дороге. Для перевозки товаров **использовали** верблюдов и ослов. Преодолеть этот долгий путь **можно было за шесть месяцев**, а иной раз путешествие **затягивалось на годы** (ЯКласс);

(5) In the 13th and 14th centuries the route **was revived** under the Mongols, and **at that time** the Venetian Marco Polo **used** it to travel to China (Britannica.com) / В XIII и XIV веках во время монгольского правления маршрут был возрожден при монголах, и именно тогда венецианец Марко Поло использовал его для путешествия в Китай.

В глагольной системе китайского языка, в отличие от русского и английского, отсутствует грамматическая категория времени; темпоральное значение передается с помощью временных глагольных суффиксов: 着, выражающего длящееся состояние; 了 – показателя совершенного вида; 过, в подавляющем большинстве случаев относящегося к прошедшему времени; а также временных наречий и существительных, например: 现在 (xiànzài) сейчас; 过去 (guòqu) раньше; 以前 (yǐqián) в прошлом; 曾经 (céngjīng) когда-то, однажды; 公元前 (gōngyuánqián) до нашей эры; 那时候 (nà shíhou) в то время, тогда; 古代 (gǔdài) древняя эпоха, древность; 未来公元 (wèiláiyuán) наша эра; 未来 (wèilái) в будущем и т. д.

Время в историческом нарративе представляется как динамичное и вариативное, подверженное изменениям. Как утверждает Х. Уайт, исторический дискурс, как правило, нацелен «на конструирование правдоподобного повествования о серии событий, а не на статическое описание положения дел» [Уайт, 2002, с. 13].

Относительность времени порождает философские вопросы, непосредственно относящиеся и к лингвистическому аспекту нарратива: где кончается прошлое и начинается настоящее? Насколько далеко надо уйти в прошлое, чтобы нарратив считался историческим? Рассматривается ли он как нечто отдельное от современной действительности или в проекции на настоящее?

Пытаясь частично ответить на эти вопросы, отметим, что значимыми для лингвистических исследований являются понятия прецедентности, аллюзийности и интертекстуальности, отражающие связь исторических нарративов с современностью. Так, сегодня китайцы разрабатывают концепцию новой межконтинентальной транспортной системы, обозначаемой как «Новый Шелковый путь». Идея проекта под названием «Один пояс – один путь» (一帶一路) была провозглашена в 2010 году. 7 сентября 2013 г. китайский руководитель Си Цзиньпин выдвинул инициативу создания «Экономического пояса Шелкового пути» (絲綢之路经济带), а чуть позднее – «Морского Шелкового пути XXI века» (海上絲路) [Ханова, 2019, с. 180].

Сегодня использование аллюзий к Великому шелковому пути также широко распространено в туристической и других отраслях. Например, в Самарканде существует большой пятизвездочный отель *Silk Road by Minyoun*, который позиционируется как посвященный истории Шелкового пути. В России с 2009 г. проводится ралли-рейд «Шелковый путь». В разных странах (например, России, Кыргызстане, Казахстане) выпускаются памятные монеты «Великий шелковый путь» и т. д.

Источником негативной коннотации стало использование наименования *Silk Road* для обозначения анонимной торговой интернет-площадки для нелегальных товаров, функционировавшей с 2010 по 2013 годы. Ее владелец был арестован ФБР в Сан-Франциско и приго-

ворен к пожизненному заключению. По мотивам этой истории в США был снят фильм *Silk Road*, вышедший в прокат в 2020 году.

Таким образом, темпоральность конституирует нарратив, определяя его историческую отнесенность, указывая на последовательность событий и обеспечивая связь времен.

Пространственность исторического нарратива как его следующий конститутивный признак обозначает разворачивание его в определенном географическом пространстве, выступающем как среда, в которой события происходят параллельно и связаны между собой определенными отношениями. Неразрывная связь между временем и пространством позволила М.М. Бахтину разработать теорию хронотопа, отражающего взаимодействие и взаимозависимость временных и пространственных отношений, освоенных литературными средствами [Бахтин, 1975].

Наиболее заметными маркерами пространства в исторических нарративах являются топонимы, как в следующем примере, где с их помощью создается образ Великого шелкового пути, соединяющего между собой многочисленные города и страны:

(6) Из **Индии** тянулись караваны слонов с драгоценными вещами из храмов и дворцов **Пенджаба** и **Делийского** султаната. Из **Дамаска**, **Багдада**, **Анатолии**, **Ормузда**, с **Кавказа** доставлялись строительные материалы и сокровища, захваченные победителями. Вокруг **Самарканда** выросли поселения, названные в честь крупных городов мира, – **Багдад**, **Дамаск**, **Каир**, **Шiraz**, был даже **Париж**, позднее ставший **Фаришем** (Докашева, с. 96).

В книге П. Франкопана «Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий» с помощью топонимов рассказывается о стремлении Тамерлана создать великую империю, поражающую своей красотой и величием:

(7) Forging a great empire across the **Mongol lands** stretching from **Asia Minor** to the **Himalayas** from the 1360s onwards, Timur embarked on an ambitious programme to construct mosques and royal buildings across his realm, in cities such as **Samarkand**, **Herat** and **Mashad** (Frankopan, p. 188) / С 60-х годов XIV века, создавая великую империю на монгольских землях, простиравшихся от Малой Азии до Гималаев, Тимур приступил к осуществлению амбициозной программы строительства

мечетей и королевских зданий по всему своему царству, в таких городах, как Самарканд, Герат и Мешхед.

По линии пространственных отношений осуществляется цивилизационное противопоставление Востока и Запада. Именно на этой оппозиции построено стихотворение М.В. Чекиной «Великий шелковый путь» (Чекина):

(8) Восток и Запад – утро и закат – / В контрастах поделили б части света, / Когда бы был Восток не столь богат, / А Запад бы не зарился на это.

В противопоставлении Востока и Запада отражается диалектический принцип единства и борьбы противоположностей:

(9) «Старый» Шелковый путь имел глобальное значение, и главной его особенностью было соединение древних, могущественных цивилизаций Востока и Запада. Он служил важным связующим звеном в обмене товарами и распространении достижений цивилизаций, средством коммуникации между многочисленными народами. С его помощью культуры и цивилизации Запада и Востока получили возможность развития в процессе тесного взаимодействия и взаимообогащения (Радкевич).

Событийность. В. Шмид считает событие стержнем повествовательного текста [Шмид, 2003, с. 14], Опираясь на определение Ю.М. Лотмана, согласно которому событие есть «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман 1970, с. 282], он отмечает, что эта граница может быть как топографической, так и прагматической, этической, психологической или познавательной [Шмид, 2003].

В.И. Тюпа справедливо указывает на то, что трактовка события в контексте нарратологии осложнена стремлением свести к единому знаменателю разноплановые явления: с одной стороны, коммуникативную событийность дискурсивного процесса, с другой – «референтную событийность процесса исторического (или квазиисторического, “фикционального” в области художественной литературы)», что, с его точки зрения, «оказывается весьма произвольной исследовательской операцией» [Тюпа, 2001], поскольку «событие неотделимо от его пристрастной интерпретации в качестве значимого (для кого-то) деяния или происшествия» [Тюпа, 2001].

Динамичность истории как процесса развития природы и общества согласуется с традиционным для лингвистики определением события через понятие изменения природной или социальной реальности [Шабес, 1989; Vendler, 1967]. При этом события, как правило, выстраиваются в нарративе не стихийно, а в определенной логической последовательности, которая становится результатом сознательной манипуляции со стороны повествователя для установления причинно-следственных и иных логических связей [Леонтович, Симоненко, 2019, с. 31].

Можно говорить и о «телескопическом» восприятии – включении события во все более широкий круг исторических процессов, позволяющий на каждом этапе видеть его как все более мелкую часть широкой исторической картины. Рассмотрим следующий пример:

(10) В唐代有一件不能忘却的事情就是造纸术的传播。公元751年唐与波斯在塔宾斯河展开了一场会战。唐军大败，只好后退。在被送往撒马尔汗的战俘中有一名造纸工匠。这名造纸工传播了造纸术。(陆上丝绸之路) / Важное событие, которое произошло в эпоху династии Тан, – развитие техники изготовления бумаги. В 751 г. н. э. династия Тан и Персия начали битву на реке Таллас. Танская армия потерпела поражение, и ей пришлось отступить. Среди военнопленных, отправленных в Самарканд, был один известный мастер «бумажного дела». Этот мастер распространил технологию изготовления бумаги.

Взятие в плен бумажных дел мастера может трактоваться как происшествие местного значения; как международное событие, следствием которого стало развитие бумажного производства в Самарканде; как часть мировой истории благодаря последующему проникновению бумаги в Европу и другие части света; как источник глобальных политических и экономических процессов (книгопечатания, распространения грамотности, становления литературных языков, документооборота, развития СМИ и т. д.).

Информативность также относится к неотъемлемым характеристикам исторического нарратива. А.Э. Бабайлова определяет информативность текста как степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета

мысли» [Бабайлова, 1987, с. 60]. Н. С. Валгина разграничивает информационную насыщенность текста как абсолютный показатель его качества и информативность как показатель относительный, поскольку, с ее точки зрения, степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя. Она указывает на такие свойства текста, как его избыточная и свернутая информативность, а также асимметричность объема информации, выраженного вербальными средствами, и всего объема информации, заложенного в тексте, с учетом закономерностей его построения, имплицитности, объема фоновых знаний читателя и т. д. [Валгина, 2003]. Таким образом, степень информативности исторического нарратива будет зависеть не только от компетентности адресанта (нарратора), но и адресата (читателя / слушателя / зрителя): она будет различной для «усредненного» и «искушенного» адресата (к числу последних будут относиться профессионалы-историки).

Размышляя об информативности, невозможно обойти стороной вопрос о соотношении правды и вымысла, правдивой информации и дезинформации. Ф. Анкерсмит полагает, что нарративизм «принимает то, что несомненно в прошлом. Именно то, что несомненно, является историческим фактом» [Анкерсмит]. Однако как определить, что в прошлом, особенно отделенном от современности веками, «несомненно»?

Р. Барт, Ж. Женетт и другие авторы утверждают, что нарратология не в состоянии в достаточной степени разрешить вопрос о различной природе фикционального и фактуального нарратива (см., например: [Barthes, 1981; Genette, 1993]). Фикциональность не может быть выведена из семантических или синтаксических характеристик текста – она может анализироваться только на уровне прагматики. Читатель получает инструкции, как воспринимать текст – как содержащий фактуальную или фикциональную информацию – только из паратекстовых элементов: подзаголовка, предисловия, аннотации, послесловия и т. д. [Tlustý, 2017].

Историки, философы, социологи пытаются сформулировать критерии фактуальности исторических нарративов. В частности, А.Л. Стризое пишет о необходимости поиска

инвариантов исторического описания прошлого в разных исторических текстах [Стризое, 2012, с. 174]. Д. Кон усматривает отличие исторического текста от фикционального в том, что первый, в отличие от второго, соотношен с реальной жизнью. В частности, она утверждает, что в историческом тексте не может быть внутреннего монолога исторического персонажа, поскольку другой человек не имеет к нему доступа [Cohn, 1999].

С одной стороны, нельзя не согласиться с авторами, настаивающими на разграничении фактуальности и фикциональности. С другой – возможен ли исторический нарратив, особенно о событиях далекого прошлого, основанный на «голых» фактах, не содержащий домыслов, интерпретаций и не претерпевший изменений в ходе многочисленных пересказов в разные исторические эпохи?

С точки зрения лингвистического описания жанры исторических нарративов о Великом шелковом пути могут рассматриваться как обладающие разной степенью фактуальности/ фикциональности: научный исторический нарратив, опирающийся на строгие факты; фикциональный текст, автор которого проделал большую работу в архивах, чтобы с достаточной точностью воспроизвести исторический контекст; текст, лишь аллюзийно относящийся к исторической эпохе, в которой автор дает волю своему воображению. К числу последних может быть отнесен один из классических китайских романов «Путешествие на Запад», повествующий о путешествии знаменитого буддийского монаха и философа Сюаньцзана по Великому шелковому пути в Индию. Главный персонаж романа – спутник Сюаньцзана, царь обезьян Сунь Укун. Другие действующие лица – комический получеловек-полусвинья Чжу Бацзе, монах Ша Сэн и белый конь-дракон, который раньше был принцем.

Среди многообразия жанров исторического нарратива можно выделить центр и периферию с точки зрения исторической достоверности: центр формируется воспоминаниями очевидцев, мемуарами, летописями, периферия – историческими романами, спектаклями, фильмами / сериалами и т. д.

Возвращаясь к информативности, вспомним, что Т.М. Дридзе [2009] определяет ее как прагматическую, а, следовательно,

относительную характеристику текста, уже на стадии анализа вводящую его в систему связей с множеством предполагаемых интерпретаторов. Это выводит нас на следующий конститутивный признак исторического нарратива.

Интерпретативность. «Интерпретация – это не перевод, – пишет Ф. Анкерсмит. – Прошлое – это не текст, который должен быть переведен в нарратив историографии; прошлое должно быть интерпретировано» [Анкерсмит]. Он считает выбор интерпретации, способ видения прошлого самым интересным интеллектуальным вызовом историку, поскольку условием существования нарративного пространства является лишь сопоставление конкурирующих интерпретаций [Анкерсмит]. Эта точка зрения часто критикуется историками как постмодернистская, согласно ей нет каких бы то ни было текстов или прошлого – есть лишь их интерпретации [Анкерсмит, 2003, с. 316]. Как мы уже указывали ранее, А.Л. Стризое возражает против разделения истории на эпистемологическую (объяснительно-фактологическую) и нарративную (объяснительно-интерпретационную и репрезентационную) и пишет, что хотя автор и читатель имеют право на мировоззренческую и методологическую свободу, необходимо наличие некоего дисциплинирующего мыслы и воображение единства приемов и процедур упорядочения и представления фактов, которые бы обеспечивали объективность, верифицируемость и фальсифицируемость исторического знания [Стризое, 2012].

Интерпретация как личностная обработка информации завязана на такие понятия, как системность, логичность либо хаотичность и случайность самих исторических событий (вспомним рассуждения Л.Н. Толстого о Наполеоне в «Войне и мире»), а также их нарративизация. Причины субъективного изложения и искажения исторических фактов могут быть различны: нарушения воспоминаний, художественный замысел, воображение автора, желание представить собственную роль в событиях в приукрашенном виде, идеологическая позиция и т. д.

Интерпретативность ярко проявляется в трактовке исторического значения Великого шелкового пути в зависимости от авторской интенции. Например, на сайте российской

туристической группы *Dolores*, желающей привлечь внимание клиентов к азиатским достопримечательностям, дается высокая оценка его историческому значению:

(11) Замечательное наследие прошлого, известное сейчас как Великий Шелковый Путь является одним из наиболее грандиозных достижений Древнего Востока. Это, прежде всего памятник пытливости человеческого ума, предприимчивости, неутолимой жажды новых знаний и желанию всегда идти вперед. Человеческая цивилизация не знает иного пути, соединяющего Китай и Западную Европу кроме этой транс евразийской системы маршрутов. На самом деле он служил каналом, через который беспрецедентное число государств обменивалось своими изделиями, культурными, художественными достижениями и самыми революционными идеями своего времени ⁴.

Совсем иная – отрицательная – оценка Великого шелкового пути просматривается в следующем комментарии американского автора, пытающегося продемонстрировать связь исторических событий с современной политикой КНР, которая вступает в противоречие с интересами США:

(12) China's official announcements emphasize the positive connotations of the Silk Road; historically, no conquests, no wars, and no imperialism took place on the Silk Road—at least as most people imagine to be the case. <...> There is good reason to be suspicious. <...> Historically, the Silk Road was not just about trade, cultural exchange, and tolerance (Hanson) / Официальные заявления Китая подчеркивают позитивный подтекст Великого шелкового пути; исторически на Великом шелковом пути не было ни завоеваний, ни войн, ни империализма – по крайней мере, так считает большинство людей. <...> Есть веские основания для подозрений. <...> Исторически Великий Шелковый путь был связан не только с торговлей, культурным обменом и терпимостью.

Далее автор перечисляет многочисленные негативные аспекты исторических событий: военные столкновения, жестокость китайских правителей, угнетение жителей завоеванных территорий, поражения китайской армии и т. д. В этих интерпретациях отражаются разные позиции нарраторов, что позволяет нам выделить идеологизированность как еще один конститутивный признак исторического нарратива.

Идеологизованность. Точку зрения нарратора историки называют «перспективой», «временной перспективой», «познавательной позицией», «познавательным горизонтом» (см., например: [Мишалова, 2012, с. 170]). Она складывается из совокупности индивидуального и коллективного восприятия – то есть автор исторического нарратива не является индивидуумом в чистом виде. В принципе данное положение можно отнести и к другим типам нарративов, но в историческом оно проявляется особенно ярко. Автор, совмещая индивидуальное и коллективное, не может быть абсолютно свободным; объективность историка – это в известной степени иллюзия. Как пишет Е.В. Мишалова, здесь мы имеем дело с невозможностью элиминации нарратора, «субъекта познания» [Мишалова, 2012, с. 172].

Идеологизованность четко просматривается в оценке китайской инициативы «Один пояс – один путь», который мы, несмотря на его современность, рассматриваем в рамках настоящего исследования как историческое явление. Так, в речи председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина на церемонии открытия форума по международному сотрудничеству от 18 октября 2023 г. говорится:

(13) 10年来,我们坚守初心、携手同行,推动“一带一路”国际合作从无到有,蓬勃发展,取得丰硕成果。<...>本着对历史、对人民、对世界负责的态度,携手应对各种全球性风险和挑 战,为子孙后代创造和平、发展、合作、共赢的美好未来。(习近平...)/ В последние 10 лет мы придерживались нашего первоначального намерения и шли рука об руку, продвигая программу международного сотрудничества «Один пояс – один путь» с нуля, процветая и добиваясь плодотворных результатов. <...> Ответственно относясь к истории, людям и миру, мы будем работать вместе, чтобы справиться с глобальными рисками и вызовами и создать лучшее будущее мира, развития, сотрудничества и беспроигрышной ситуации для всех.

Американцы, со своей стороны, усматривают в этой инициативе угрозу доминирующей позиции США в мире:

(14) <...> The BRI, despite Chinese rhetoric to the contrary, is part of a wide-ranging effort by the Chinese government to undermine the many interests of the United States and its allies and partners who stand in the way of China's determined

international ascendance... (Khayat) / Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI), несмотря на то, что Китай утверждает противоположное, является частью широкомасштабных усилий китайского правительства, направленных на подрыв многочисленных интересов США, их союзников и партнеров, которые препятствуют решительному международному восхождению Китая...

В данном случае нарраторы не пытаются сохранить видимость объективности. Политическая ангажированность, взаимоотношения между государствами, личные идейные убеждения повествователя, адресованность определенной целевой аудитории – все это обуславливает аксиологичность и тональность изложения, вследствие чего исторические нарративы редко бывают идеологически нейтральными.

Семиотичность. Исторический нарратив одновременно выступает как знак прошлого и знаковая система [Мишалова, 2012, с. 161]. Хотя прошлое не поддается непосредственному наблюдению, оно семиотизируется через исторический нарратив и оставляет в настоящем свои следы, представляющие как знаки иного бытия, отделенного от настоящего, но воспринимаемого при этом в заданной им перспективе [Успенский, 1996, с. 21].

Размышляя о связи семиотики с мифологизацией истории, Р. Барт пишет, что «потребитель мифа принимает значение за систему фактов: миф воспринимается как система фактов, будучи на самом деле семиологической системой» [Барт, 2003]. Оттолкнувшись от этой идеи, Ю.В. Шатин приходит к выводу, что воздействие семиотики на исторический нарратив понизило его значение как источника достоверной информации, но при этом связало его с литературным творчеством, «сделав объектом поэтики и риторики» [Шатин, 2002]. В историческом нарративе, пишет он, также происходит трансформация культурного мифа в идеологический [Шатин, 2002].

Можно утверждать, что любое повествование знаково, однако в историческом нарративе знаки эпохи, политики, власти и т. д. приобретают особый смысл. Великий шелковый путь выступает как символ перекрестка цивилизаций, взаимодействия Запада и Востока, экономических и культурных обменов между Азией и Европой, мирного

сотрудничества, добрососедства и общности культурного опыта.

Важным символом Великого шелкового пути, отразившемся в его названии, является шёлк, ассоциирующийся с высоким жизненным уровнем, ритуалом, художественной ценностью, коммерческой деятельностью и цивилизационным ростом. За историческими событиями также закрепляются изобразительные, музыкальные и прочие знаки, такие как архитектура, одежда, оружие и артефакты соответствующей эпохи. Самый часто используемый визуальный символ Великого шелкового пути, встречающийся как в китайской, так и иных культурах, – караван верблюдов, идущих по пустыне.

Язык исторических нарративов

Язык выступает средством вербализации исторического нарратива, упорядочивает мысли, выстраивает хронологию и логику повествования, обуславливает восприятие событий через систему пресуппозиций, коннотаций, аллюзий – одним словом, придает смысл историческому повествованию. С лингвистической точки зрения средствами создания исторического колорита могут выступать: 1) язык исторического источника (например, вэньян); 2) язык нарратора, который может совпадать или не совпадать с языком источника (в данном исследовании представлены нарративы о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках); 3) историческая терминология – старая и современная – которая может выступать, с одной стороны, как язык науки, а с другой – давать историческую оценку событиям (одно и то же событие может трактоваться как *победа*, *завоевание* или *порабощение*); 4) историзмы и архаизмы: 胡虏 – Ху лу (древний кочевой народ), 吴 – усский меч (род мечей с изогнутым лезвием), 匈奴 – хунну, сюнну, гунны (кочевой народ, проживавший у границ Китая в эпоху Хань), 细柳营 – укрепленный лагерь в Силу (во времена династии Хань); 5) прецедентные имена, например: 汉武帝 – У-ди (император); 成吉思汗 – Чингисхан (основатель Монгольской империи); 帖木儿 (铁木尔) – Тамерлан, или Тимур (тюркский полководец и завоеватель); 马可波罗 – Марко Поло (европейский

путешественник); 6) устаревшие топонимы: 楼兰 – царство Лоулань; 赛里斯 – Серес (название Китая в эпоху Римской империи); 高昌 – Гаочан (китайское название государства Турфан) и т. д. «Безучастное», беспристрастное, обезличенное повествование противопоставляется эмоционально-оценочному, создаваемому с помощью коннотативно окрашенных слов, словосочетаний, фразеологизмов (например, китайских чэньюев), цитат и стилистических приемов.

Язык служит средством конструирования мифологизированных номинаций, таких как *народ*, *государство*, *правители* и т. д. К ним можно отнести и само название *Великий шелковый путь* (丝绸之路). Оно было введено в научный оборот лишь в конце XIX в. немецким исследователем Ф. Рихтгофеном в его труде «Китай. Результаты собственных путешествий» [Richthofen, 1907]. Однако китайские ученые отмечают, что еще венецианский купец и путешественник Марко Поло в «Книге о разнообразии мира» назвал данный путь «шелковым», поскольку самым востребованным товаром на всем его протяжении был шелк, который к тому же идеально подходил для перевозок на дальние расстояния из-за своей легкости и дороговизны [Ван Дон Мей, 2004]. В рассмотренных нами нарративах упоминается греческое название Китая – *Seres*, означавшее «шелковый» или «страна шелка», в связи с чем китайцев называли «шелковый народ». Обратим внимание на то, что процесс мифологизации четко прослеживается и в наименованиях современных проектов «Экономический пояс шелкового пути» (丝绸之路经济带) и «Морской шелковый путь» (海上丝路), которые связаны с шелком лишь исторически.

Выводы

Результаты проведенного анализа показывают, что основные различия между подходами к нарративу в контексте исторической науки и лингвистики заключаются в следующем: во-первых, в исторических изысканиях внимание сосредоточено на историке как адресанте и адресате исторического нарратива, в то время как лингвистику интересуют множественные нарраторы и реципиенты исторического повествования; во-вторых, историки ищут в нарративе достоверные исторические

сведения, в то время как внимание лингвистов в большей степени сосредоточено на культурно-языковых особенностях повествования, позволяющих воссоздать менталитет и национальное самосознание исследуемого языкового сообщества, его динамику и связь с современностью. Язык трактуется как средство вербализации исторического нарратива, выстраивает хронологию и логику повествования, обуславливает восприятие событий через систему пресуппозиций, коннотаций и аллюзий, служит средством создания исторического колорита, а также конструирования мифологизированных номинаций.

Выведенные в статье конститутивные признаки исторического нарратива (темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, идеологизированность и семиотичность) могут послужить основой его дальнейшего детального лингвистического анализа. Важным при этом представляется восприятие истории как гипертекста – множественных нарративов, объединенных сетью интертекстуальных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конститутивные признаки выделены О.А. Леонтович. Публикуются впервые.

² Здесь и далее перевод с английского выполнен О.А. Леонтович.

³ Здесь и далее перевод с китайского выполнен А.А. Хановой.

⁴ Приводится с сохранением орфографии, синтаксиса и пунктуации авторов сайта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкерсмит Ф., 2003. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс. 360 с.
- Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории. URL: https://abuss.narod.ru/study/phh/ph_hist_anker_narr.htm
- Бабайлова А. Э., 1987. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку : Социопсихолингвистические аспекты. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 151 с.
- Барт Р., 2003. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых. С. 427–441.
- Бахтин М. М., 1975. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике

- // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит. С. 234–407.
- Валгина Н. С., 2003. Теория текста. М. : Логос. 173 с.
- Ван Дон Мэй, 2004. Великий Шелковый путь в истории китайской музыкальной культуры : дис... канд. искусствоведения. СПб. 154 с.
- Гальперин И. Р., 1981. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука. 139 с.
- Дильтей В., 2004. Построение исторического мира в науках о духе. М. : Три квадрата. 414 с.
- Дридзе Т. М., 2009. Язык и социальная психология. М. : ЛИБРОКОМ. 240 с.
- Кукарцева М. А., 2006. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. № 4. С. 44–55.
- Леонтович О. А., Симоненко Н. Ю., 2019. Нарративный анализ как ключевой метод исследования китайских повествовательных жанров // Китайский нарратив как средство осмысления реальности : коллектив. моногр. / науч. ред. О. А. Леонтович, Нин Хуайин. Волгоград : Перемена. С. 23–42.
- Лотман Ю. М., 1970. Структура художественного текста. М. : Искусство. 387 с.
- Мегилл А., 2009. Историческая эпистемология : науч. моногр. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 480 с.
- Мишалова Е. В., 2012. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология & философия науки. Т. 31, № 1. С. 157–173.
- Рикер П., 1998. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М. ; СПб. : Унив. кн. 313 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011 / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., стер. М. : Флинта: Наука. 696 с.
- Стризов А. Л., 2012. Исторический текст как научный нарратив // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 2. С. 172–177. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2012.2.26>
- Сыров В. Н., 2020. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. 4, № 3. С. 113–115. DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-113-135
- Тураева З. Я., 1979. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале англ. яз.). М. : Вышш. шк. 219 с.
- Тюпа В. И., 2001. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса : («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь : Твер. гос. ун-т. 58 с.

- Уайт Х., 2002. Метаистория : Историческое изображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 528 с.
- Успенский Б. А., 1996. История и семиотика // Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Яз. рус. культуры. С. 9–49.
- Ханова А. А., 2019. Нарративы о Великом шелковом пути // Китайский нарратив как средство осмысления реальности : коллектив. моногр. / науч. ред. О. А. Леонтович, Нин Хуайин. Волгоград : Перемена. С. 175–207.
- Шабес В. Я., 1989. Событие и текст. М. : Высш. шк. 175 с.
- Шатин Ю. В., 2002. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. № 5. С. 100–108. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-14-47
- Шмид В., 2003. Нарратология. М. : Яз. слав. культуры. 312 с.
- Barthes R., 1981. The Discourse of History // Comparative Criticism. Vol. 3. P. 7–20.
- Cohn D., 1999. The Distinction of Fiction. Baltimore : John Hopkins University Press. 208 p.
- Genette G., 1993. Fiction and Diction. Ithaca : Cornell University Press. 155 p.
- Genette G., Levonas A., 1976. Boundaries of Narrative // New Literary History. Vol. 8, № 1. P. 1–13.
- Jahn M., 2005. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. Cologne : University of Cologne. URL: <http://www.uni-koeln.de/>
- Leontovich O.A., Simonenko N.Yu., 2017. Chinese Narrative Song: Structure, Language and Historical Dynamics // Russian Journal of Linguistics. Vol. 21, № 4. P. 789–804. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-789-804
- Richthofen F., 1907. Tagebücher aus China. Ausgewählt und herausgegeben von E. Tiessen. 2 Bände. Berlin : Reimer 1907. 588 S.
- Tlustý J., 2017. Narratives Between History and Fiction // Revue belge de Philologie et d'Histoire. Vol. 95, № 3. P. 549–560.
- Vendler Z., 1967. Linguistics in Philosophy. Ithaca : Cornell University Press. 203 p.

ИСТОЧНИКИ

- Докашева – Докашева Е. С. Великий шелковый путь. Полная история. М. : АСТ, 2020. 320 с.
- Радкевич – Радкевич В. А. Великий шелковый путь. М. : Агропром-издат, 1990. 239 с.
- Чекина – Чекина М. В. Великий шелковый путь // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2010/06/18/8144>
- ЯКласс – Великий шелковый путь. Теория // ЯКласс. URL: <https://www.yaklass.ru/p/history/5-klass/>

- india-i-kitai-6002398/edinyi-kitai-6521228/re-c0937983-5c80-48e9-88ee-b5f03427e871
Britannica.com – Great Silk Road // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Silk-Road-trade-route>
- dolorestravel.com* – Великий шелковый путь // Dolores. URL: <https://dolorestravel.com/ru/guide/great-silk-road>
- Frankopan* – Frankopan P. The Silk Roads. A New History of the World. L. : Bloomsbury, 2015. 636 p.
- Hanson* – Hanson V. The Meaning of the Silk Road Today. URL: <https://blog.oup.com/2015/09/silk-road-investments/>
- Khayat* – Khayat S. Why America Opposes the Belt and Road Initiative (BRI)? – A Second Look. URL: <https://pacforum.org/publications/pacnet-38-why-america-opposes-the-belt-and-road-initiative-bri-a-second-look/>
- 百度百科 [Энциклопедия Байду]. URL: <https://www.baidu.com/>
- 陆上丝绸之路 – 陆上丝绸之路 [Наземный Шелковый путь] // 顺德南国丝都丝绸博物馆 [Столица шелка Южного китайского музея]. URL: <http://southsilktown.cn/zuopin/sichouwenshiguan/2020/0830/59.html>
- 习近平... – 习近平：“一带一路”国际合作取得丰硕成果 [Си Цзиньпин: Успехи и результаты международного сотрудничества проекта «Один пояс – один путь»] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6909827.htm

REFERENCES

- Ankersmit F., 2003. *Narrativnaya logika. Semanticheskaya analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic and Historical Representation]. Moscow, Ideya-Press Publ. 360 p.
- Ankersmit F. *Shest tezisov narrativnoy filosofii istorii* [Six Theses on Narrativist Philosophy of History]. URL: https://abuss.narod.ru/study/phh/ph_hist_anker_narr.htm
- Babaylova A.E., 1987. *Tekst kak produkt, sredstvo i obyekt kommunikatsii pri obuchenii nerodnomu yazyku: Sotsiopsikholingvisticheskie aspekty* [Text as a Product, Means and Object of Communication in Teaching a Non-Native Language: Sociopsycholinguistic Aspects]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 151 p.
- Bart R., 2003. Diskurs istorii [History Discourse]. *Sistema mody* [Fashion System]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovoykh, pp. 427-441.
- Bakhtin M.M., 1975. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike*

- [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., pp. 234-407.
- Valgina N.S., 2003. *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow, Logos Publ. 173 p.
- Van Don Mey, 2004. *Velikiy Shelkovyy put v istorii kitayskoy muzykalnoy kultury: dis. ... kand. iskusstvoved.* [Great Silk Road in the History of Chinese Musical Culture. Cand. Art Studies diss.]. Saint Petersburg. 145 p.
- Galperin I.R., 1981. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ. 139 p.
- Diltey V., 2004. *Postroyeniye istoricheskogo mira v nauках o dukhe* [Constructing the Historical World in the Sciences of the Spirit]. Moscow, Tri kvadrata Publ. 414 p.
- Dridze T.M., 2009. *Yazyk i sotsialnaya psikhologiya* [Language and Social Psychology]. Moscow, LIBROKOM. 240 p.
- Kukartseva M.A., 2006. *Lingvisticheskiy povorot v istoriopisaniy: evolyutsiya, sushchnost i osnovnyye printsipy* [Linguistic Turn in Historiography: Evolution, Essence and Basic Principles]. *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 44-55.
- Leontovich O.A., Simonenko N.Yu., 2019. *Narrativnyy analiz kak klyuchevoy metod issledovaniya kitayskikh povestvovatelnykh zhanrov* [Narrative Analysis as a Key Method of Research of Chinese Narrative Genres]. Leontovich O.A., Khuayin Nin, eds. *Kitayskiy narrativ kak sredstvo osmysleniya realnosti* [Reality Interpretation Through Chinese Narratives]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 23-42.
- Lotman Yu.M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of the Fiction Text]. Moscow, Iskusstvo Publ. 387 p.
- Megill A., 2009. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». 480 p.
- Mishalova E.V., 2012. *Istoricheskiy narrativ kak forma organizatsii i reprezentatsii istoricheskogo znaniya* [Historical Narrative as a Form of Organization and Representation of Historical Knowledge]. *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], vol. 31, no. 1, pp. 157-173.
- Riker P., 1998. *Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and Storytelling. Vol.1. Intrigue and Historical Narrative]. Moscow, Univ. kn. Publ. 313 p.
- Kozhina M.N., ed., 2011. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 696 p.
- Strizoe A.L., 2012. *Istoricheskiy tekst kak nauchnyy narrativ* [Historical Text as a Scientific Narrative]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], no. 2, pp. 172-177. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2012.2.26>
- Syrov V.N., 2020. *Narrativ v istoricheskom poznanii: o perspektivakh ispolzovaniya narratologii* [Narrative in Historical Cognition: On the Prospects of Using Narratology]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], vol. 4, no. 3, pp. 113-115. DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-113-135
- Turaeva Z.Ya., 1979. *Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya khudozhestvennoe* [Category of Time. Grammatical and Artistic Time]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 219 p.
- Tyupa V.I., 2001. *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa: («Arkhierей» A.P. Chekhova)* [Narratology as Analytics of Narrative Discourse: («Arhierей» by A.P. Chekhov)]. Tver, Tver. gos. un-t. 58 p.
- Uayt H., 2002. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in Europe in the 19th Century]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 527 p.
- Uspenskiy B.A., 1996. *Istoriya i semiotika* [History and Semiotics]. Uspenskiy B.A. *Izbrannyye Trudy. V 3 t. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kultury* [Selected Works. In 3 Vols. Vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 9-49.
- Khanova A.A., 2019. *Narrativy o Velikom shelkovom puti* [Narratives About the Silk Road]. Leontovich O.A., Khuayin Nin, eds. *Kitayskiy narrative kak sredstvo osmysleniya realnosti* [Reality Interpretation Through Chinese Narratives]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 175-207.
- Shabes V.Ya., 1989. *Sobytiye i tekst*. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 175 p.
- Shatin Yu.V., 2002. *Istoricheskiy narrativ i mifologiya XX stoletiya* [Historical Narrative and Mythology of the 20th Century]. *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], no. 5, pp. 100-108. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-3-14-47
- Shmid V., 2003. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 312 p.
- Barthes R., 1981. *The Discourse of History. Comparative Criticism*, vol. 3, pp. 7-20.
- Cohn D., 1999. *The Distinction of Fiction*. Baltimore, John Hopkins University Press. 208 p.
- Genette G., 1993. *Fiction and Diction*. Ithaca, Cornell University Press. 155 p.
- Genette G., Levonas A., 1976. *Boundaries of Narrative. New Literary History*, vol. 8, no. 1, pp. 1-13.

- Jahn M., 2005. *Narratology: A Guide to the Theory of Narrative*. Cologne, University of Cologne. URL: <http://www.uni-koeln.de/>
- Leontovich O.A., Simonenko N.Yu., 2017. Chinese Narrative Song: Structure, Language and Historical Dynamics. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 21, no. 4, pp. 789-804. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-789-804
- Richthofen F., 1907. *Tagebücher aus China. Ausgewählt und herausgegeben von E. Tiessen. 2 Bände*. Berlin, Reimer 1907. 588 S.
- Tlustý J., 2017. Narratives Between History and Fiction. *Revue belge de Philologie et d'Histoire*, vol. 95, no. 3, pp. 549-560.
- Vendler Z., 1967. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York, Cornell University Press. 203 p.

SOURCES

- Dokasheva E.S. *Velikiy shelkovyy put. Polnaya istoriya* [Great Silk Road. Complete History]. Moscow, AST Publ., 2020. 320 p.
- Radkevich V.A. *Velikiy shelkovyy put* [Great Silk Road]. Moscow, Agroprom-izdat, 1990. 239 p.
- Chekina M.V. Velikij shjolkovyy put [Great Silk Road]. *Stikhi.ru*. URL: <https://stihi.ru/2010/06/18/8144>
- Velikiy shelkovyy put. Teoriya [Great Silk Road. Theory]. *YaKlass*. URL: <https://www.yaklass.ru/p/history/5-klass/india-i-kitai-6002398/edinyi-kitai-6521228/re-c0937983-5c80-48e9-88ee-b5f03427e871>
- Great Silk Road. *Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Silk-Road-trade-route>
- Velikiy shelkovyy put [Great Silk Road]. *Dolores*. URL: <https://dolorestravel.com/ru/guide/great-silk-road>
- Frankopan P. *The Silk Roads. A New History of the World*. London, Bloomsbury, 2015. 636 p.
- Hanson V. *The Meaning of the Silk Road Today*. URL: <https://blog.oup.com/2015/09/silk-road-investments/>
- Khayat S. *Why America Opposes the Belt and Road Initiative (BRI)? – A Second Look*. URL: <https://pacforum.org/publications/pacnet-38-why-america-opposes-the-belt-and-road-initiative-bri-a-second-look/>
- Encyclopedia of Baidu*. (In Chinese). URL: <https://www.baidu.com/>
- Land-Based Silk Road. *Silk Capital of the Southern Chinese Museum*. (In Chinese). URL: <http://southsilkroad.cn/zuopin/sichouwenshiguan/2020/0830/59.html>
- Xi Jinping: Successes and Results of International Cooperation of the One Belt – One Road Project. *Central People's Government of the People's Republic of China*. (In Chinese). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6909827.htm

Information About the Authors

Olga A. Leontovich, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia; Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Department of Research, Pushkin State Russian Language Institute, Academica Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Anna A. Khanova, Senior Lecturer, Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, hanova94@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6974-1910>

Информация об авторах

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия; главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Анна Андреевна Ханова, старший преподаватель кафедры китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, hanova94@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6974-1910>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.13>

UDC 811.111'42:070
LBC 81.432.1-51

Submitted: 01.07.2024
Accepted: 16.09.2024

STRATEGIES OF MANIPULATIVE RHETORIC IN THE ENGLISH-LANGUAGE BUSINESS MEDIA DISCOURSE ¹

Elena N. Malyuga

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Elena I. Madinyan

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Abstract. The aim of the study is to identify manipulative strategies implemented through the use of collocations, clichés, idioms, and set phrases in the English-language business media discourse. A quantitative analysis of samples collected from publications in “The Economist” was conducted. The research hypothesis proposes that manipulative strategies in the English-language business discourse are realized through the deliberate choice of collocations, clichés, idioms, and set phrases, which serve as tools for shaping public opinion. The study identified five manipulative strategies. It was established that manipulation through imagery-based expressions is the most frequently employed strategy, while evaluative assessments of factual content and manipulation by criticism are less frequent. The least utilized strategies are manipulation through antithesis and generalization, manipulation via vague or euphemistic language constructions. The research confirmed that collocations, clichés, idioms, and set phrases are extensively used in the English-language business media discourse to implement manipulative strategies, and several strategies may be joined within a single utterance. The findings may have scientific implications, particularly for scholars and professionals in media and business communication.

Key words: manipulative rhetoric, business media discourse, collocation, cliché, idiom, set phrase, lexical-semantic analysis.

Citation. Malyuga E.N., Madinyan E.I. Strategies of Manipulative Rhetoric in English-Language Business Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 181-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.13>

УДК 811.111'42:070
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 01.07.2024
Дата принятия статьи: 16.09.2024

СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ РИТОРИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ¹

Елена Николаевна Малюга

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Елена Игоревна Мадинян

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении манипулятивных стратегий, которые в англоязычном деловом медиадискурсе реализуются через использование устойчивых выражений, клише, идиом и коллокаций. Проведен количественный анализ примеров, извлеченных из публикаций в деловом издании «The Economist». Гипотеза исследования состоит в том, что в англоязычном бизнес-дискурсе манипулятивные стратегии воплощаются через целенаправленное употребление устойчивых выражений, клише, идиом и коллокаций, которые служат инструментами управления общественным мнением. В результате анализа текстового материала установлены пять стратегий манипуляции. Обнаружено, что наиболее востребована из них манипуляция посредством образных выражений, менее частотны оценка фактического содержания и манипуляция через критику, наименее востребованы манипуляция посредством антитезы и обобщения и манипуляция через неопределенные или эвфемистические языковые конструкции. Исследование подтвердило, что устойчивые выражения, клише, идиомы и коллокации широко используются в англоязычном деловом медиадискурсе для реализации манипулятивных стратегий, при этом отдельные стратегии могут комбинироваться в рамках одного высказывания. Полученные результаты имеют универсальную значимость, особенно важны они для специалистов в области медиа и деловой коммуникации.

Ключевые слова: манипулятивная риторика, деловой медиадискурс, словосочетание, клише, идиома, устойчивое выражение, лексико-семантический анализ.

Цитирование. Малюга Е. Н., Мадинян Е. И. Стратегии манипулятивной риторики в англоязычном деловом медиадискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 181–192. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.13>

Introduction

The lexical-semantic analysis of collocations, set phrases, clichés, and idioms as a means of manipulation has gained certain interest among linguists. While studies have explored manipulative rhetoric in political discourse, marketing and general media, there remains a significant gap concerning the specific mechanisms of manipulation administered in business media discourse. This study bridges this gap through a lexical-semantic exploration of manipulative expressions within business-oriented articles. The importance of this study emerges from its ability to identify linguistic means of manipulation in business media discourse.

The study implies that the strategic deployment of collocations, clichés, idioms, and set phrases in business media discourse is a critical linguistic tool for manipulation. Such manipulative rhetoric influences corporate reputations, investor confidence, and market trends through its pervasive presence in texts.

The primary aim of the study is to identify and inspect the manipulative strategies registered in business media discourse through the use of collocations, clichés, idioms, and set phrases. The wider implications of this study have to do with the role of language in corporate communication, media literacy, and public perception management.

The study intends to address the following research question: How are collocations, clichés,

idioms, and set phrases employed in the English-language business media discourse to realize specific manipulative strategies?

Theoretical background

Media manipulation has been the subject of extensive research, particularly in political, entertainment, and cultural media studies [Akopova, 2013; Mohamadi, Weisi, 2023; Mialkovska et al., 2024; Grishechko, 2024]. These contexts often operationalize overt techniques of ideological persuasion, making manipulation more visible to audiences. In contrast, business media presents another style where manipulation is subtler and more specialized. Business media not only informs but also exerts significant influence over corporate reputations, investor confidence, and market trends. To that end, it employs multifaceted strategies to forge perceptions without appearing overtly biased. These rhetorical tools control consumer behavior, steer investor decisions, and alter the discourse through strategic messaging.

The foundations of media manipulation lie in both linguistic and extralinguistic grounds, which together predetermine the way audiences perceive and process information. Linguistically, manipulation is characterized by the selective representation of reality through a carefully chosen lexicon, including techniques like partial synonymy, deliberate ambiguity, and implicitness. These linguistic strategies enable media outlets to

influence readers' consciousness by framing issues in ways that lead to specific interpretations. Extralinguistically, manipulation involves social, semiotic, psychological, ethnocultural, and cognitive factors that affect the way media messages are received and understood. In the context of business media, these factors contribute to shaping corporate narratives that resonate with different audience segments, creating a dual-layered manipulation that operates on both linguistic and contextual levels [Minaeva, 2023].

How frequently phrases are used is a crucial component of manipulative rhetoric. Frequently occurring terms typically have more manipulative power because repeated exposure fosters the development of audience consensus regarding the meanings and uses of the terms [Nazemian, Shadman, 2023]. To influence readers' perceptions in a way that supports the media outlet's agenda, for example, the collocation "*run a campaign*" is readily understood by the majority of them. But in order to fully communicate their meaning, less common phrases need more contextual support, which, depending on how they are used in discourse, can either lessen or increase their manipulative potential. In order to influence readers' perceptions and encourage specific business and consumer behaviors, this study looks at how business media deliberately employs both common and uncommon phrases.

Also crucial to manipulative language effectiveness are the cultural and social contexts in which it is employed. The manipulative potential of phrases that are strongly ingrained in particular cultural or social contexts may be limited because they may not be entirely understandable or convincing to outsiders [Akopova, 2013]. For instance, some colloquialisms or slang may have a strong cultural resonance for people from that background, but not for others. But, because they can cut through linguistic and cultural barriers, expressions that are commonly understood by a wide range of social and cultural groups typically carry greater manipulative potential [Hedayat, Aghagolzadeh, Shirvan, 2023].

The formality of the context in which manipulative phrases are used can also testify their efficiency [Malyuga, 2023]. Conversely, phrases that might be useful in casual conversations might not be as suitable in formal contexts. In business or professional settings, for example, colloquialisms

can result in a style clash that affects the audience by making the message seem more approachable or grounded [Mohamadi, Weisi, 2023].

Lastly, the importance of selective information presentation and strategic framing in media manipulation has long been highlighted by scholars. In business media, these tactics are employed to draw readers to particular points of view or to advance particular corporate agendas [Grishechko, 2024]. Using emotional appeals, leaving out important details, or using strong language are all common strategies for influencing audience perceptions. To support their claims of being the leading voices in their fields, businesses usually rely on statistical information, marketing research, and expert opinions [Mialkowska et al., 2024]. In order to demonstrate how manipulative rhetoric works in the business sector, this study will look at how these strategies specifically operate in the English language business media discourse.

Material and methods

This study systematically analyzed the manipulative rhetoric within business-themed articles from the digital newspaper, *The Economist*. This involved several systematic steps.

Random sampling. A total of 25 articles from the Business and Opinion sections were randomly selected to include both objective news and opinion pieces, which are particularly rich in manipulative rhetoric.

Phrase identification. Each article was examined to identify a broad range of phrases – collocations, set phrases, clichés, and idioms – with potential manipulative impact. From this examination, 190 examples were selected for further analysis.

Categorization. A detailed analytical framework was then developed, categorizing the phrases based on their lexical-semantic and functional characteristics within the context. This approach enabled a thorough analysis of the phrases and understanding of how these phrases operate within the context of business discourse.

Frequency assessment. Additionally, a quantitative method was applied to assess the frequency and prevalence of manipulative mechanisms in business media discourse.

In examining the factors that affect the manipulative potential of lexical units, we

conducted a lexical-semantic analysis of collocations, terminological collocations, set phrases, clichés, and idioms from the standpoint of manipulative rhetoric within business media discourse. The criteria used to identify manipulative rhetoric involved a combination of indicative markers of manipulation, such as linguistic mechanisms, functional characteristics and manipulative intent.

The study has revealed five manipulative strategies: 1) manipulation through imagery-based expressions (47.3%, $n = 90$); 2) evaluative assessment of factual content (25.3%, $n = 48$); 3) manipulation by criticism (20%, $n = 38$); 4) manipulation through antithesis and generalization (4.2%, $n = 8$); 5) manipulation through vague or euphemistic language (3.2%, $n = 6$). To illustrate how these manipulative strategies function, the study will consider a set of representative examples.

Results

1. Manipulation through imagery-based expressions

In this study, manipulation through imagery-based expressions emerged as the most prevalent strategy, occurring at a substantial rate of 47.3% within the sample analyzed ($n = 90$). This high percentage indicates that figurative language is a predominant tactic employed to shape public perception.

(1) Sometimes it is more important to make a decision than to **excavate** everyone's **point of view**. Reaching consensus is vital on a jury but less necessary in a corporate hierarchy (How to benefit..., 2024).

The phrase *to excavate a point of view* features a metaphorical application of the verb *to excavate*, which is typically associated with the act of digging up, as in archaeological contexts where it describes unearthing ancient relics. When used to refer to the process of trying to understand someone's perspective, this verb effectively illustrates the significant effort and duration necessary for such an exploration. This emphasizes and legitimizes the speaker's intent to proceed with decisions without additional discussion.

(2) **In a nutshell**, as Mr Zuckerberg grows older, he appears to have learned from his mistakes (Musk v Zuckerberg..., 2024).

In a nutshell is an idiomatic expression, which is used to talk of a topic or situation in a summarizing manner. The phrase derives from the concept of condensing information to fit within the small space of a nut, suggesting that the summarized content is compact and easily comprehensible. Originating in the 19th century, this expression remains prevalent in various settings, from informal chats to formal presentations and written discourse.

(3) One reason miners are reluctant to **loosen the purse-strings** is that they are still trying to win back the confidence of investors (Why the world's mining companies..., 2024).

The phrase *to loosen the purse-strings* signifies an increase in spending or making funds more accessible, in contrast to *tighten the purse-strings*, which indicates cutting back on expenses or limiting financial access. This idiom in way of metaphorical application refers to the physical action of loosening or tightening a purse's strings to regulate the money within. It is often found in conversations about financial decisions, budgeting, and spending habits and illustrates financial management practices.

(4) Though his Tesla shareholding at the time meant he would become \$10bn richer every time Tesla's value jumped by \$50bn, that wasn't enough. Tesla's board (many of whom the judge ruled were too chummy with Mr Musk to be independent) convinced shareholders that an extra incentive was needed to **keep his nose to the grindstone**: namely, the biggest payout in the history of public markets (Musk v Zuckerberg..., 2024).

The expression *keep the nose to the grindstone* stems from the metaphorical image of sharpening a tool by pressing it firmly against a grindstone. The idiom symbolizes working hard and consistently, staying focused solely on the task at hand. It conveys perseverance and self-sacrifice required for success, often used manipulatively in business contexts to assure shareholders that with adequate funding, diligent work the success will proceed without disruption. The phrase can describe someone already engaged in hard work or act as a directive to maintain or commence rigorous efforts.

Thus, imagery-based expressions serve as a powerful tool in media discourse for embedding complex ideas into more relatable and vivid contexts.

2. Evaluative assessment of factual content

In the analyzed corpus of business media discourse, evaluative assessment of factual content manifests in 25.3% of instances ($n = 48$). This significant occurrence exposes the role of evaluative language in shaping readers' interpretations and judgments by embedding subjective assessments within the presentation of factual information. Evaluative assessments influence perception by assigning value or quality to information, thereby framing it in a light that supports the narrative or agenda of the media outlet.

(5) One **thorny issue** is access to the ancestral lands of indigenous populations. In America the majority of resources – 97% of nickel, 89% of copper and 79% of lithium – is either on Native American reservations or within 35 miles (56km) of them (Why the world's mining companies..., 2024).

The cliché *thorny issue* refers to a complex and potentially contentious topic. This phrase, frequently employed in research or negotiation contexts, brings to the fore the challenges and complications inherent in such discussions. As a well-established cliché, it retains evaluative quality and invokes images of prickly roses or a crown of thorns, thereby enhancing its manipulative impact through vivid associations.

(6) In business terms, even then Mr Musk **had the upper hand**. He was the richest man on Earth. Tesla's market value, though falling, was higher than Meta's (Musk v Zuckerberg..., 2024).

The expression *have the upper hand* describes holding a dominant position or advantage over others. It is believed to have originated from American children selecting baseball team players, where the child with the *upper hand* in a physical gesture gained the initial advantage. The expression is versatile, used across various scenarios – from negotiations to competitions – highlighting an advantageous position in conflicts or strategic interactions.

(7) Joe Feldman, an analyst at Telsey Advisory Group, a research firm, argues that the membership model creates a **virtuous circle**. The more members the company has, the greater its buying power, leading to better deals with suppliers, most of which are then passed on to its members (Why Costco is so loved..., 2024).

The collocation *virtuous circle* subtly influences the emotional tone of the audience. Combining *virtuous*, suggesting moral excellence, with *circle*, indicating a continuous loop, the term describes a self-perpetuating cycle where positive outcomes lead to further benefits. This concept is widely applied in fields like economics, psychology, and sociology to illustrate how initial minor advantages can escalate into substantial gains.

Evaluative assessment of factual content is particularly pivotal in areas where the media seeks to guide public opinion or investor sentiment, effectively molding the audience's responses to information through the inclusion of value-laden descriptors. The prevalence of this strategy testifies to its effectiveness in directing the narrative flow and engaging the audience emotionally, thereby making the discourse not only informative but also persuasive. This evaluative method serves as an efficient tool in the arsenal of business media, facilitating a more engaged and controlled reception of the presented facts while maintaining the veneer of objectivity.

3. Manipulation by criticism

In the sample studied, 20% of instances ($n = 38$) revealed the use of criticism as a common tactic in business media to disparage or discredit various subjects, ideas, or entities and influence public opinion. It focuses on perceived flaws or raising doubts, and so aligns with agendas or viewpoints, which helps to steer audience reactions toward skepticism or disapproval. The use of critical language thus shapes the narrative, guiding it through negation and faultfinding.

(8) In their bid to win over American shoppers the duo are spending so lavishly on digital ads that their **footprints show up** in big tech companies' earnings (How worried should Amazon..., 2024).

The expression *footprints show up* vividly depicts the significant influence that the actions of two competing companies have on Amazon's earnings. This expression falls under the category

of “manipulation by criticism” because of its derisive tone. When paired with the phrase *spending so lavishly*, it creates an ironic effect to convey a negative connotation.

(9) In September it rolled out an **end-to-end supply-chain service** in which it picks up goods from merchants’ factories and ships them to customers, **mirroring** what its Chinese rivals do (How worried should Amazon..., 2024).

In this case, the author uses the phrase *end-to-end supply-chain service*, with *end-to-end* implying a complete and seamless operation. The term *mirroring* is used to imply that this approach has been copied from competitors, which adds a critical undertone. This choice of words adds to clarity and understanding, despite the subtle critique embedded within.

(10) Shein is reportedly **poaching** supply-chain **specialists** from Amazon (How worried should Amazon..., 2024).

The collocation *to poach specialists* falls under manipulation by criticism. The term *to poach* carries significant negative implications, traditionally associated with illegal hunting on another’s land or unethically appropriating ideas or resources from others. By employing this collocation, the author sharply criticizes the actions of the company *Shein*, likening them to unlawful hunting.

(11) It indicates he wants the company’s shareholders to have even less protection from his capriciousness than usual. If anyone should get into the ring and **hammer some sense into him**, it is them (Musk v Zuckerberg..., 2024).

The phrase *to hammer some sense into someone* means to instill an idea or concept forcefully and repetitively. The word *hammer* is used metaphorically here, evoking the physical act of striking repeatedly with a hammer to underscore the intensity of making a point. This study further highlights how words like *hammer* can elicit varied interpretations based on context. In scenarios involving controversial actions, like those attributed to Elon Musk in this context, such phrases enrich the narrative and achieve manipulation by accentuating criticism through robust semantic processing.

Thus, manipulation by criticism as a tactic involves the selective presentation of negative

aspects, exaggerated shortcomings, or biased critiques that may not necessarily represent a balanced view but are framed to leave a lasting impression on the reader. For example, focusing disproportionately on the setbacks of a competitor or the challenges facing an industry can skew consumer sentiment or investor confidence. The use of this technique reveals its dual function: to influence public opinion directly through the content of the criticism and to indirectly promote or protect alternative interests by discrediting the subject at hand. Leveraging of this form of manipulation not only impacts immediate perception but also creates a broader climate of distrust or caution, which can be instrumental in competitive business environments.

4. Manipulation through antithesis and generalization

Manipulation through antithesis and generalization is evidenced in 4.2% of the instances ($n = 8$) within the sample, indicating its selective but impactful use in business media discourse. This lower frequency reflects a specialized application where contrasting ideas or broad, sweeping statements are employed to simplify complex issues and sharpen distinctions in ways that guide audience interpretation. Such manipulative techniques are particularly effective in polarizing topics, facilitating quick judgments, or enhancing memorability through stark contrasts and overgeneralizations.

In an article titled “How to benefit from the conversations you have at work”, we observe three notable collocations: *to voice disagreements*, *share information* and *hoard information*:

(12) Bosses provide a clear sense of where they want the firm to go; employees feel able to **voice disagreements**; colleagues **share information** rather than **hoarding** it. But being a good communicator is too often conflated with one particular skill: speaking persuasively (How to benefit..., 2024).

This verb *to voice* is noted for its linguistic economy and expressiveness, as it encapsulates a complex message with a negative connotation in a single lexeme. Paired with *disagreements*, it presents a bold assertion, often contrary to a typical work environment where expressing dissent may be discouraged. This collocation

introduces an emotional dynamic and resonates with many readers. Additionally, the collocations *share information* and *hoard information* are employed. While individually straightforward, together they form an antithesis, creating polar impressions in the reader's mind and enhancing the statement's pragmatic effect.

Another example can be found in the article "Can Giorgia Meloni reinvigorate Italia SpA?" which uses the terminological set phrase *corporate behemoths* to describe large, influential corporations:

(13) The bill's advocates argue it would remove a big obstacle to the creation of **corporate behemoths** – Italy's **shallow** capital markets. Critics warn it may have the opposite effect (Can Giorgia Meloni..., 2024).

The term *beheemoth* suggests a creature of enormous size and strength, underscoring the vast influence and dominance of these companies in the business landscape. The term paints corporations not just as inanimate entities but as living, influential beings. The juxtaposition of this phrase with *shallow*, referring to Italy's capital markets, creates a stark contrast and manipulatively influences the reader's perception.

This form of manipulation leverages the rhetorical power of dichotomy and the cognitive ease of general statements to shape public discourse. Although less prevalent, the use of this technique is a testament to its utility in crafting narratives that are easy to digest and resonate strongly with the public's pre-existing biases, thus reinforcing or challenging societal norms and expectations in a profound way.

5. Manipulation through vague or euphemistic language

At 3.2% occurrence rate ($n = 6$) within the sample, manipulation through vague or euphemistic language represents an important aspect of business media discourse. This relatively low percentage indicates a precise and situational deployment of this strategy, reserved for contexts where ambiguity or softening might serve strategic communicative goals. Euphemistic and vague terms are used to mitigate the impact of potentially negative information, to obscure realities that might provoke controversy or resistance, or to paint challenges and setbacks in a less dire light.

(14) That is a problem. Decarbonising the global economy will require 6.5bn tonnes of metal between now and 2050, according to the Energy Transitions Commission, a **think-tank** (Why the world's mining companies..., 2024).

The term *think tank* is commonly used to describe a research institute or organization focused on solving complex problems or strategizing future developments across various domains such as military, political, or social issues. Originally coined in 1905 as a humorous slang term for "brain", its meaning has evolved to predominantly denote a research institute. The author employs *think tank* to introduce a lighter, more playful tone to discussions of intellectual work and research, adding a subtle humorous nuance to the concept. This usage of the idiom may be considered manipulative, falling under the category of "amoeba words", because its denotative meaning might not be immediately clear to all audiences.

(15) Mr Zuckerberg's "volte face" started in 2022 when shareholders recoiled at the way he was blowing their money (and his) on **moonshot projects** like the metaverse, just as Meta's core business was slowing. Instead of ignoring them, he listened (Musk v Zuckerberg..., 2024).

Similarly, the phrase *moonshot project* describes a highly ambitious and innovative initiative pursued without certainty of immediate profit or success. This term, inspired by the groundbreaking Apollo 11 lunar mission, refers to addressing significant challenges that impact millions or billions with bold, seemingly improbable solutions. The idiom *moonshot project* also exemplifies manipulation through the use of "amoeba words", as understanding of and familiarity with the term can vary greatly depending on an individual's social background and knowledge of historical events.

Thus, the use of vague language and euphemisms can significantly alter the reception of information by diluting the clarity or intensity of facts, which enables media outlets to maneuver through sensitive topics without overtly alarming their audience. For instance, referring to job cuts as *staff optimization* or economic downturns as *slow growth periods* reframes these adverse situations in terms that sound less threatening or dire. Such manipulations are not merely stylistic but serve clear strategic purposes: they help maintain corporate or political facades, cushion

the impact of unfavorable news, and guide public perception in subtle yet profound ways. This method's effectiveness lies in its ability to shape discourse without apparent manipulation, making it a sophisticated tool for managing public relations and corporate communications.

Discussion

The study has revealed distinct strategies with varying frequencies of occurrence: manipulation through imagery-based expressions (47.3%), evaluative assessment of factual content (25.3%), manipulation by criticism (20%), manipulation through antithesis and generalization (4.2%), and manipulation through vague or euphemistic language (3.2%) (see Table).

The extensive use of manipulation through imagery-based expressions, found in 47.3% of instances, resonates with the existing research emphasizing the potency of metaphors and idioms in shaping cognitive frames and emotional responses. Lakoff and Johnson [1980] in "Metaphors We Live By" have long argued that metaphors fundamentally structure our perceptions and experiences, making abstract ideas more relatable and memorable. The current findings corroborate this theory within the specific context of business media, having affirmed that metaphors are a primary instrument for simplifying complex economic concepts and making them accessible and persuasive to the audience. The high prevalence of manipulation through imagery-based expressions aligns with broader trends in media manipulation, where figurative language is employed to simplify complex concepts and emotionally engage the

audience. In business media, imagery-based expressions serve to frame abstract economic phenomena in more relatable terms, which parallels the findings of Lakoff and Johnson [1980], who argue that figurative language deeply influences how people conceptualize reality, making them a powerful tool for manipulation across all media.

The use of evaluative assessments (25.3%) aligns with research on media bias and framing effects, where media outlets are known to use evaluative language to influence public opinion [Malyuga, Akopova, 2021; Sobhani et al., 2023]. Assigning positive or negative attributes to factual content, media can guide audience interpretation and judgment, a practice extensively documented in political communication research [Sibul, Vetrinskaya, Grishechko, 2019] but less so in economic journalism, making this study focus particularly relevant. The evaluative assessment of factual content reflects a broader manipulation strategy often seen in media bias, where facts are framed with subjective assessments to influence reader judgment. In business media, the integration of evaluative language allows publications to steer opinion by embedding value judgments within otherwise neutral reporting.

The observed 20% incidence of manipulation by criticism in business media discourse parallels observations from research into media criticism and skepticism. Studies in media and communication suggest that negative framing can profoundly affect public perception by foregrounding the drawbacks or failures of an entity, which ultimately leads to diminished trust and credibility [Lijun, Shchetinina, 2024]. This tactic, extensively studied in the context of political

Summary of manipulative strategies in media discourse

Strategy	Quantity	Percentage, %	Impact of discourse
Manipulation through imagery-based expressions	90	47.3	Enhances relatability, simplifies complex concepts
Evaluative assessment of factual content	48	25.3	Influences perceptions by imbuing facts with values
Manipulation by criticism	38	20	Shapes opinions by pointing out flaws and drawbacks
Manipulation through antithesis and generalization	8	4.2	Clarifies choices by contrasting opposing views
Manipulation through vague or euphemistic language	6	3.2	Obscures harsh realities, softens negative impacts
<i>TOTAL</i>	190	100	–

reporting [Malyuga, Rimmer, 2021], is less frequently analyzed in economic reporting, making this finding particularly significant. In business media, criticism can be a double-edged sword: while it can inform and protect consumers and investors by pointing out potential risks, it can also unfairly bias public perception against companies, industries, or economic policies. In business media, criticism serves a dual purpose: to highlight potential risks or flaws in companies or economic policies, while also shaping public opinion in a way that could impact market behavior. This tactic is instrumental in creating distrust or skepticism.

Manipulation through antithesis and generalization, found in 4.2% of the instances, engages with cognitive processing theories that suggest simplifying complex issues into binary choices, can enhance comprehension and recall but at the cost of depth and accuracy [Grishechko, 2023]. Li's [2017] work on cognitive biases and decision heuristics illustrates how binary oppositions can lead to oversimplified thinking, which reduces the comprehension of complex issues. In business journalism, this strategy frames economic debates in a way that may expedite decision-making but can also lead to polarized public opinions. This selective simplification helps in creating clear, memorable content [Akopova, 2023] but might obscure the complexities inherent in economic issues, thus guiding public perception in a way that may not fully represent the reality of the situations presented. The use of antithesis and generalization in business media follows a broader media trend of simplifying complex issues into binary choices to facilitate audience comprehension and decision-making. This manipulation strategy leverages the cognitive ease of generalizations, a common trend in media manipulation, to reinforce biases and influence decision-making.

The use of vague or euphemistic language (3.2%) extends the findings from studies on linguistic ambiguity and its effects on perception, such as those by Pinker [2007], who discusses how indirect language can serve politeness, conceal intentions, and shift responsibility. This subtler form of manipulation influences how information is received without altering the factual basis of the content, which makes it an efficient tool for shaping public perception without overt bias [Shei, Schnell, 2024]. This aligns with studies

on corporate communication which specify how businesses use language to shape their image and manage stakeholder reactions during crises [Heath, 2020]. Manipulation through vague or euphemistic language reflects a subtle yet widespread media trend where ambiguity is used to soften the impact of potentially negative information. This aligns with broader trends in media manipulation, where euphemistic language is used to mitigate backlash or controversy.

The high prevalence of imagery-based expressions suggests that media outlets might opt for this strategy to enhance engagement and comprehension, yet excessive use might lead to skepticism about the media's intent and reliability. Evaluative language, while less frequent, may significantly color the reader's perception by embedding subjective value judgments within factual reporting, potentially leveling up or undermining the trustworthiness depending on the reader's alignment with the assessment. The impact of criticism and antithesis, although less frequent, can be more polarizing. These strategies, when identified by the audience, may lead to a critical assessment of the media's impartiality and objectivity, thus affecting trust. On the other hand, the subtle use of vague language, though least frequent, could either shield the audience from harsh realities, maintaining a facade of neutrality, or lead to distrust due to perceived manipulation.

Imagery-based expressions profoundly alter audience attitudes and decisions by framing business entities and their actions in a relatable or emotionally charged manner. Evaluative assessments can sway decisions by predisposing the audience towards certain choices, viewed through the lens of the media's positive or negative framing. Criticism, often sharp and pointed, directly influences opinions by diminishing or discrediting the subject. Importantly, while the role of criticism in media has been explored, its specific applications in business journalism have been less emphasized in the literature. This study exposes how criticism not only informs but also shapes consumer and investor perceptions by focusing on the negative aspects of subjects, which can influence market confidence and consumer behavior. Antithesis clarifies choices by presenting stark contrasts, simplifying decision-making processes but potentially oversimplifying complex issues. Vague language, by softening or obscuring facts, may

delay or complicate decision-making processes, as key details might be glossed over or understated. The manipulation through antithesis and generalization has been less covered in existing media studies, which often focus on more overt forms of persuasion. This study highlights how these strategies are used to frame economic debates in binary terms, simplifying complex issues into dichotomous choices, which can significantly impact public understanding and decision-making processes in economic contexts.

This study makes several novel contributions, particularly in specifying the role of vague or euphemistic language, observed in 3.2% of instances. Prior research has often concentrated on more direct forms of manipulation, such as through misinformation or overt bias. Euphemisms and vague language in business media discourse mitigate potential backlash or soften the delivery of unfavorable news, which is an aspect that has received less attention. This study's focus on these strategies within the domain of business media explains how delicate manipulations can affect public perception without overtly appearing manipulative.

Conclusion

The analysis confirmed that collocations, set phrases, clichés, and idioms are extensively leveraged in the English language business media discourse, playing an important role in the deployment of various manipulative strategies by authors. These include manipulation through imagery-based expressions (47.3%), incorporation of evaluative information into factual content (25.3%), manipulation by criticism (20%), manipulation through antithesis and generalization (4.2%), and the use of amoeba words or a system of euphemisms and semantically ambiguous words (3.2%). It was observed that two, and occasionally three, manipulation mechanisms are often employed simultaneously.

Given that a significant majority of these phrases are crafted through metaphorical transfer, this technique is crucial in establishing the manipulative potential of an expression, often combined with additional mechanisms like the introduction of evaluative content or antithesis.

The manipulative potential of these strategies significantly impacts business media discourse,

which puts a focus on the importance of context and communication frameworks. This environment is ripe for manipulation and engagement, but these linguistic elements also play a vital role in building a sense of belonging and identity within professional communities. As markers of experience and shared knowledge, collocations, set phrases, clichés, and idioms contribute to a collective professional identity. They aid in the development of professional jargon, which not only differentiates insiders from outsiders but also strengthens community ties.

For specialists in theoretical and applied linguistics, as well as linguistic pragmatics, this study provides a structured examination of how fixed expressions, such as idioms and clichés, function within manipulative business rhetoric. Practically, these findings assist linguists in identifying recurring patterns in the English language media language that reveal intentional narrative framing, supporting a refined approach to analyzing discourse structures and their impacts across both media and business communication contexts. The research also provides practical guidance for media professionals, business communicators, and policymakers by mapping out specific manipulative strategies in the English language business media. In practice, this approach promotes a more critical engagement with media content, aiding in responsible reporting and supporting transparency in corporate narratives and stakeholder communications.

NOTE

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-2800505 "Manipulative rhetoric in modern English business media discourse: the functional pragmatic analysis".

REFERENCES

- Akopova A.S., 2013. Linguistic Manipulation: Definition and Types. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, vol. 1, no. 2, pp. 78-82.
- Akopova A.S., 2023. English for Specific Purposes: Tailoring English Language Instruction for History Majors. *Training, Language and Culture*, vol. 7, iss. 3, pp. 31-40. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40>

- Grishechko E.G., 2023. Language and Cognition Behind Simile Construction: A Python-Powered Corpus Research. *Training, Language and Culture*, vol. 7, iss. 2, pp. 80-92. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
- Grishechko E.G., 2024. The Linguistic Landscape of “Controversial”: Sentiment and Theme Distribution Insights. *GEMA Online Journal of Language Studies*, vol. 24, no. 1, pp. 79-97. DOI: <https://doi.org/10.17576/gema-2024-2401-05>
- Heath R.L., 2020. *Management of Corporate Communication: From Interpersonal Contacts to External Affairs*. S.I., Routledge. 316 p.
- Hedayat K., Aghagolzadeh F., Shirvan J., 2023. The Role of Language as Well as Power and Persuasion in Economic Discourse (Reasons of Inflation). *Language Related Research*, vol. 13, no. 6, pp. 511-540. DOI: <https://doi.org/10.29252/LRR.13.6.16>
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press. 256 p.
- Lijun G., Shchetinina A.V., 2024. Leksiko-semanticheskoe pole «Novaya iskrennost»: neologizmy v rossiyskom i kitayskom mediadiskurse [Lexical-and-Semantic Field “New Sincerity”: Neologisms in Russian and Chinese Media Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 2, pp. 57-69. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.5>
- Li K.K., 2017. How Does Language Affect Decision-Making in Social Interactions and Decision Biases? *Journal of Economic Psychology*, vol. 61, pp. 15-28. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2017.03.003>
- Malyuga E.N., 2023. A Corpus-Based Approach to Corporate Communication Research. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 152-172. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-008833561>
- Malyuga E.N., Akopova A.S., 2021. Precedence-Setting Tokens: Issues of Classification and Functional Attribution. *Training, Language and Culture*, vol. 5, no. 4, pp. 65-76. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>
- Malyuga E.N., Rimmer W., 2021. Making Sense of “Buzzword” as a Term Through Cooccurrences Analysis. *Heliyon*, vol. 7, no. 6, e07208. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07208>
- Mialkovska L., Kovalchuk O., Tykha L., Redchuk R., Yanovets A., Voitenko I., 2024. Modern English-Language Political Discourse: Means and Techniques of Linguistic Influence. *Multidisciplinary Science Journal*, vol. 6, e2024ss0208. DOI: <https://doi.org/10.31893/multiscience.2024ss0208>
- Minaeva L.V., 2023. Funktsii ekspressivnosti v korporativnoy presse [Functions of Expressivity in Corporate Media]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 2, pp. 140-151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.11>
- Mohamadi K., Weisi H., 2023. Semiotic Manipulation Strategies Employed in Iranian Printed Advertisements. *Pragmatics and Society*, vol. 14, no. 1, pp. 70-89. DOI: <https://doi.org/10.1075/ps.20005.moh>
- Nazemian R., Shadman Y., 2023. Pathology of Morphological and Syntactic Structures of Press Language in Comparison with Standard Arabic Language. *Language Related Research*, vol. 14, no. 2, pp. 493-523. DOI: <https://doi.org/10.29252/LRR.14.2.15>
- Pinker S., 2007. *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. Penguin.
- Shei C., Schnell J., 2024. *The Routledge Handbook of Language and Mind Engineering*. Taylor & Francis. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003289746>
- Sibul V.V., Vetrinskaya V.V., Grishechko E.G., 2019. Study of Precedent Text Pragmatic Function in Modern Economic Discourse. Malyuga E.N., ed. *Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics*. Springer, pp. 131-163. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9103-4_5
- Sobhani S., Gorjian B., Mahmoudi K., Veysi E., 2023. Classification of Interrogating Defendants’ Spoken and Written Discourse Markers in Courts Based on the McMenamin’s Forensic Linguistics Framework. *Language Related Research*, vol. 14, no. 4, pp. 63-93. DOI: <https://doi.org/10.29252/LRR.14.4.3>

SOURCES

- Can Giorgia Meloni Reinvigorate Italia SpA? Why Italian Companies Find It so Hard to Grow. *The Economist*, 2024, February 8. URL: <https://www.economist.com/business/2024/02/08/can-giorgia-meloni-reinvigorateitalia-spa?ysclid=lxrb85xqpv852738550>
- How to Benefit from the Conversations You Have at Work: Stop Thinking About Your Next Point and Listen to the One Being Made. *The Economist*, 2024, February 15. URL: <https://www.economist.com/business/2024/02/15/how-to-benefit-from-the-conversations-you-have-at-work?ysclid=lxrb7ed0nd763177535>

How Worried Should Amazon Be About Shein and Temu? Dirt-Cheap Products and Marketing Splurges Are Catching Clicks. *The Economist*, 2024, February 15. URL: <https://www.economist.com/business/2024/02/15/how-worried-should-amazon-be-about-shein-and-temu?ysclid=lxrbkdm1ly51607683>

Musk v Zuckerberg: Who's Winning? One Burned Billions, the Other Has Earned Them. *The Economist*, 2024, February 6. URL: <https://www.economist.com/business/2024/02/06/musk-v-zuckerberg-whoswinning?ysclid=lxrbgp3xti685654782>

Why Costco Is So Loved: Keeping Customers, Employees and Investors Happy Is No Mean Feat. *The Economist*, 2024, February 15. URL: <https://www.economist.com/business/2024/02/15/why-costco-is-so-loved?ysclid=lxrbn7ivta24444006>

Why the World's Mining Companies Are So Stingy: The Energy Transition Requires Vast Quantities of Metals. But Miners Are Reluctant to Invest. *The Economist*, 2024, February 18. URL: <https://www.economist.com/business/2024/02/18/why-the-worlds-mining-companies-are-so-stingy?ysclid=lxrbijqvsv251080171>

Information About the Authors

Elena N. Malyuga, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, malyuga-en@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6935-0661>

Elena I. Madinyan, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, madinyan-ei@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3901-1260>

Информация об авторах

Елена Николаевна Малюга, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, malyuga-en@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6935-0661>

Елена Игоревна Мадинян, кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, madinyan-ei@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3901-1260>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.14>

UDC 811.111'42
LBC 81.432.1-51

Submitted: 26.03.2024
Accepted: 08.07.2024

LINGUOPRAGMATICS OF INTERACTION IN THE GENRE OF BUSINESS PRESENTATION

Natalya Yu. Sorokoletova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is devoted to the description of the discursive and pragmatic parameters of interaction in the genre of business presentation. As a rhetorical genre of business discourse, the presentation is characterized by its own scenario of communicative behavior and aims at informing the audience about innovations (ideas, projects, brands, goods, services) and providing their commercial promotion by influencing people (potential customers) and encouraging them to take actions beneficial to the company. According to the study the model of business presentation genre includes its obligatory participants (addressees and addressers); the specific interaction between them is determined by informativity and persuasiveness of the communication. The implementation of the interaction between the addresser and addressee is carried out through specific tactics of communicative dialogization, actualized by a number of discursive and pragmatic means (general/special questions, cohesion and coherence techniques, imperatives), as well as etiquette speech acts that organize and maintain contact throughout the communication. The linguistic-and-pragmatic analysis revealed that in the business presentations under study etiquette speech acts of greeting, appeal, gratitude, farewell create polyfunctional speech units (sometimes a sequence of them) producing the illusion of interaction (pseudo-dialogue): the addresser, as an agent of communication, attracts and captures the attention of the addressees and their interest to the topic of the presentation, monitors the process of communication and provides its positive tonality. The choice of linguistic and pragmatic means is determined by the purpose of the presentation and is modelled by the intentions of the addresser.

Key words: business presentation genre, linguopragmatics, persuasiveness, addressee, addresser, interaction, dialogization, etiquette speech act.

Citation. Sorokoletova N. Yu. Linguopragmatics of Interaction in the Genre of Business Presentation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 193-205. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.14>

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 26.03.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ИНТЕРАКТИВНОСТИ В ЖАНРЕ БИЗНЕС-ПРЕЗЕНТАЦИИ

Наталья Юрьевна Сороколетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

© Сороколетова Н.Ю., 2024

Аннотация. Статья посвящена установлению дискурсивно-прагматических параметров интерактивности в жанре бизнес-презентации. Примыкая к риторическим жанрам делового дискурса, данная презентация имеет собственный сценарий речевого поведения участников, направленный на реализацию таких целей, как информирование об инновациях (идеях, проектах, брендах, товарах, услугах) и их коммерческое продвижение через воздействие на аудиторию и побуждение ее к действиям, выгодным представителям компаний. С опорой на сценарную модель жанра бизнес-презентации в статье описаны обязательные участники (адресаты и адресанты), особенности их взаимодействия, которое характеризуется информативностью, персуазивностью и осуществляется через специфические тактики диалогизации общения, реализуемые рядом дискурсивно-прагматических средств (общие / специальные вопросы, средства, обеспечивающие связность текста, императивы), а также этикетными речевыми актами, организующими и поддерживающими контакт

на протяжении коммуникативного события. В результате лингвопрагматического анализа определено, что в бизнес-презентации этикетные речевые акты приветствия, обращения, благодарности, прощания создают полифункциональные речевые цепочки, совместно вызывая иллюзию интеракции, или псевдиалога, в условиях монологической коммуникации, когда выступающий / модератор, являющийся активно коммуницирующим агентом, привлекает и удерживает внимание аудитории, направляя интерес к теме презентации, выступающему, управляет ходом дискуссии и задает позитивную тональность коммуникативного события. Выбор лингвопрагматических средств регламентируется целью презентации, моделируется интенциями адресанта.

Ключевые слова: жанр бизнес-презентации, лингвопрагматика, персуазивность, адресат, адресант, интеракция, диалогизация, этикетный речевой акт.

Цитирование. Сороколетова Н. Ю. Лингвопрагматика интерактивности в жанре бизнес-презентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 193–205. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.14>

Введение

Жанровая организация речи, базирующаяся на представлениях об автоматизированных процессах порождения различных по степени сложности высказываний, определяет эффективность процессов социального взаимодействия. Поддерживаемое ориентацией коммуникантов на распределение социальных и коммуникативных ролей в различных ситуациях представление о жанре как форме речи с очерченной целью и форматом общения оказывает влияние на предвидение развития сценария взаимодействия, следовательно, открывает возможности для адекватного реагирования на коммуникативные действия партнеров и достижения намеченных целей. Указанные аргументы объясняют актуальность коммуникативно-прагматического подхода к изучению жанровых форм речи в разных сферах общения, в том числе в сфере деловой коммуникации.

Проблемы классификации, типологии речевых жанров, поиска эффективных методов их описания, с одной стороны, являются актуальными для современных научных проектов, с другой – относятся к дискуссионным вопросам науки о языке. Во многом это объясняется разнообразием подходов и направлений к изучению жанра, формируемых в дискурсивной лингвистике на протяжении десятилетий – от функционально-стилистического взгляда на речевые акты (М.П. Брандес, М.А. Гвенцадзе, М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, В.П. Москвин, В.И. Провоторов, В.А. Салимовский и др.) и обще-дискурсивного подхода к описанию феномена речевого жанра

(Н.Д. Арутюнова, И.Н. Горелов, В.В. Дементьев, В.И. Карасик, К.Ф. Седов, М.Ю. Федосюк и др.), к формированию социо-, прагма- и психолингвистических направлений (А. Вежбицкая, К.А. Долинин, В.И. Шаховский, Т.В. Шмелева и др.) с последующим обращением к верификации общих признаков и характеристик жанров речи в различных социо- и лингвокультурных условиях, в частности, на материале русского, английского, немецкого и других языков (Я.А. Волкова, Т.В. Ларина, О.А. Леонтович, В.А. Митягина, Р. Ратмайр, И.А. Стернин, К. Фокс, Н.И. Формановская и др.). С точки зрения когнитивной лингвистики и дискурсологии речевой жанр рассматривается в работах Ф.С. Бацевич, А.Г. Бердниковой, В.В. Демьянкова, Е.Ю. Ильиной, О.К. Ирисхановой, В.И. Карасика, Н.К. Кравченко, А.Э. Левицкого, Л.Ф. Марковой, О.М. Орлова, Е.А. Селивановой, В.В. Фенина и других; исследователи изучают жанровые формы публичной или деловой коммуникации в динамике (О.А. Евтушенко, М.В. Косова, Е.Ю. Нестеренко, О.А. Носачева), активно обращаются к описанию жанровых форм, возникающих в новых дискурсивных условиях, в частности, в медиа-цифровых, сетевых (А.В. Болотнов, Н.И. Клушина, Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутвинова, А.О. Стеблецова и др.).

Теория речевых жанров активно развивается: продолжается изучение и систематизация жанров в границах разных типов дискурса, разработка специфического метаязыка для описания речевого жанра, выделение и разносторонний анализ вновь формирующихся речевых жанров, появление которых связано с развитием новых сфер коммуникации

(см., например: [Горбачева и др., 2021; Кленова, 2023; Первухина, 2022]), что свидетельствует о постоянно расширяющейся парадигме речевых жанров.

Интеграция и вовлечение возрастающего количества коммуникантов в процесс делового общения стимулирует всесторонний исследовательский интерес к выявлению особенностей коммуникации в современном бизнес-сообществе. В поле зрения ученых-языковедов уже несколько десятилетий находятся лингвистические, дискурсивные, прагматические аспекты изучения бизнес-коммуникации, в частности, большое внимание уделяется ее дискурсивным практикам, лингвопрагматической специфике и жанровой типологии. В рамках исследований о жанровом многообразии бизнес-коммуникации обсуждаются его причины, зависимость жанрового представления от цели коммуникации, выделяются лингвистические и прагматические особенности отдельных жанров, воплощенных в них коммуникативных ситуаций, реализуемых целей и средств речевого воздействия (см., например: [Анисимова, 2015; Данюшина, 2010; Клушина, Селезнева, Тортюнова, 2015; Оленев, Ширкина 2016; Романова, 2017; Стеблецова, 2016; Храменко, 2014; Gerlinde, Franz, 2017]). Отмечается, что специфика каждого жанра (видеоконференция, деловые переговоры, бизнес-корреспонденция, бизнес-презентация, контракты, пресс-конференции и некоторые другие) формируется различными аспектами общения людей в деловой сфере и параметрами, в первую очередь лингвистическими, способствующими эффективности деловых контактов. Каждый жанр делового общения обладает своими жанровыми конвенциями – типичными устоявшимися представлениями о нормах, правилах и формах взаимодействия между коммуникантами [Храменко, 2014].

Жанр бизнес-презентации появился в российском коммуникативном пространстве относительно недавно (см., например: [Иванова, 2014; Оленев, Ширкина 2016; Нгуен Тхи Занг, 2012; Темкина, Бутыркина, 2019; Швечкова, Кабанова, 2014]) и не получил полного теоретического обоснования. Остается ряд вопросов, требующих дальнейшего и более детального изучения. Среди них – выявление особенностей и роли речевых форм, моделей

коммуникации, стратегий и тактик речевого поведения участников в реализации прагматического потенциала исследуемого жанра.

Настоящая работа опирается на коммуникативно-прагматический подход к изучению жанра, согласно которому жанр, соотносясь с типичной ситуацией делового общения, обладает устойчивой формой речевой деятельности, которая обслуживает специфические коммуникативные нужды носителей языка. Согласно имеющимся исследованиям, жанр бизнес-презентации представляет собой воспроизведение подготовленной речи с целью достижения поставленных целей по информированию аудитории и оказанию определенного вербального и невербального воздействия на нее (см., например: [Темкина, Бутыркина, 2019, с. 151]).

Среди коммуникативных целей жанра бизнес-презентации, представляющей новый продукт на рынке интернет-технологий, можно выделить две основные: информативную и персуазивную (воздействующую). Первая связана с информированием аудитории об основных характеристиках нового продукта, о главных достоинствах и неоспоримых преимуществах перед другими конкурирующими устройствами на мировом рынке. Как отмечено Л.А. Швечковой и О.Н. Кабановой, «основная функция презентации как средства общения заключается в передаче определенной информации партнерам по деловому контакту с учетом конкретных обстоятельств ситуации» [Швечкова, Кабанова, 2014, с. 70]. Персуазивная цель жанра бизнес-презентации состоит в оказании определенного воздействия на аудиторию, убеждении и побуждении слушателей / зрителей к совершению действий в интересах адресанта, следовательно, можно говорить об информативно-персуазивном характере этого речевого жанра. Персуазивность во многом реализуется интерактивностью участников коммуникации (адресата и адресанта), что проявляется в открытой и скрытой диалогизации, представленной лингвопрагматическими средствами.

Диалогизация бизнес-презентации – это специфическая форма лингвопрагматической интерактивности, которую, вслед за Т.В. Матвеевой, рассматриваем как «намеренное наделение монологической речи чертами диалога, экспликация речевого взаимодействия комму-

никантов во время монологического речевого общения» [Матвеева, 2010, с. 89]. Поскольку речь идет о жанре, ориентированном на монологическое общение, можно говорить о псевдодиалогизации, которая в нашем материале реализуется рядом средств, способствующих эмоциональному вовлечению адресатов в процесс общения и достижению адресантами не столько информативной, сколько персуазивной цели бизнес-презентации.

С помощью определенных лингвопрагматических средств (в частности, к ним можно отнести средства связности, вопросительные высказывания, императив, этикетные речевые акты), лица, активирующие бизнес-презентацию, воплощая корпоративные цели и задачи, с помощью своего коммуникативного поведения управляют восприятием слушающих. Именно это наблюдение позволило нам сформулировать гипотезу о псевдодиалогичности как специфике коммуникативной интерактивности адресанта и адресата в ситуации бизнес-презентации, и поставить цель – описать лингвопрагматические средства установления и поддержания интерактивности в ситуации монологической бизнес-презентации.

Материал и методы

Программа проведенного исследования базировалась на определении лингвопрагматических приемов выражения убеждения в ситуации бизнес-презентации и предполагала обращение к дискурс-анализу, который обеспечивает интегральное изучение языкового общения, включающего соотношение формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности [Макаров, 2003, с. 99]. Для анализа собираются микро- и макроконтексты интеракции, фиксирующие время, место, состав участников, цель интеракции, формы, тональность общения, стиль или жанр дискурса [Леонтович, 2011], выделяются типы коммуникативных действий, их содержательная составляющая (тема, экспликация, импликация, референция, пресуппозиция, интертекстуальность и пр.), сценарные и эмоциональные составляющие [Леонтович, 2011].

В основу лингвопрагматического анализа была положена процедура интерпретации

интерактивного потенциала высказывания, реализуемого средствами псевдодиалогизации в жанре бизнес-презентации. За единицу исследования было принято высказывание, реализующее интерактивность коммуникации между адресантом и адресатом презентации, призванное вовлечь адресанта речи в процесс коммуникации.

В качестве материала исследования были собраны скрипты англоязычных бизнес-презентаций инновационных продуктов (смартфонов, умных часов, очков виртуальной реальности и т. д.) компании Apple (Apple Event, September 2016; Apple Event, September 2017; Apple Event, September 2018; Apple Event, September 2019), представленных на сайте <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/apple-events-video/id275834665>. Общая продолжительность проанализированных видеопрезентаций компании составила около 260 минут. Презентации включают описание новых выпускаемых гаджетов и программного обеспечения, информацию об их характеристиках, достоинствах и преимуществах. Оно сопровождается разными коммуникативными тональностями при обмене мнениями.

Особенности взаимодействия адресата и адресанта отражают особый характер отношений между ними, определяемый прагматикой жанра бизнес-презентации. В бизнес-презентации доминирует адресант, основная функция которого не только представить новый продукт, но и продвинуть его на рынке аналогичных товаров, уговорить, убедить зрителя выбрать представляемый продукт. Выступающий включает в свое устное выступление риторические и стилистические приемы установления и поддержания контакта с аудиторией. Интересным представляется определение лингвопрагматического потенциала подобной интеракции участников жанра и средств его реализации через диалогизацию общения. Обобщение полученных данных позволит определить типовые лингвопрагматические инструменты, используемые при реализации персуазивности исследуемого речевого жанра.

Методология изучения лингвистической прагматики жанра бизнес-презентации в этом исследовании опирается на модель речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелевой [1997],

в соответствии с которой адресат и адресант бизнес-презентации считаются обязательными конституентами жанра.

Результаты и обсуждение

Адресантом бизнес-презентации являются основные выступающие, представляющие инновационные продукты компании. Будучи специалистами, они наглядно демонстрируют сведения о программе или устройстве, умело оперируют логическими доводами об утилитарной пользе. У адресатов не должно остаться сомнения в достоверности их слов. В качестве черт коммуникативного поведения «идеально-го» адресанта исследователями выделены следующие: «подготовленность, уверенность в себе, энтузиазм, убежденность, вежливость, энергичность и готовность к диалогу со слушателями» [Нгуен, Тхи Занг, 2012, с. 66].

Адресатом бизнес-презентации являются две группы коммуникантов: целевая аудитория (зрители, присутствующие на презентации онлайн и оффлайн), то есть потенциальные потребители продукта, и группа, состоящая из программистов, разработчиков, инженеров компаний, партнеров по бизнесу, журналистов, блогеров, специалистов PR компаний, которые, являясь потенциальными клиентами, представляют собой медиаторов между адресантом и будущими адресатами потенциальных рекламных кампаний.

Речь адресата бизнес-презентации по своей природе и форме монологична, следовательно, можно говорить о субъектно-объектном типе коммуникации. Субъект коммуникативной ситуации – выступающий, адресант бизнес-презентации – представляет результаты коммерческих проектов компании, делится новостями с адресатами (аудиторией) мероприятия, которые не являются активными агентами события, их роль заключается в восприятии информации, формировании мнения о представляемом продукте и, возможно, в дальнейшем приобретении этого продукта. Таким образом, аудитория (представители прессы, спонсоры, партнеры, приглашенные гости, зрители теле- и интернет трансляций) с этой точки зрения является объектом исследуемого жанра.

Однако, как отмечает Н.Н. Кириллова, «без ориентации на слушателя, без активного

взаимодействия выступающего и аудитории она не может быть эффективной, действенной» [Кириллова, 2013, с. 208]. Следовательно, можно говорить об обязательной интеракции между адресатом и адресантом бизнес-презентации, при которой монолог трансформируется в псевдиалог, где адресантом учтены все пресуппозиции, а отношения между участниками коммуникации становятся субъектно-субъектными. Такой характер интеракции между участниками, условная диалогизация речи адресанта, способствуют реализации персуазивности жанра бизнес-презентации; будучи его прагматической конвенцией, псевдиалогичность воздействия создает эффект сотрудничества и вовлеченности адресата в ситуацию бизнес-презентации.

Проведенный дискурс-анализ позволил установить несколько лингвопрагматических способов и приемов реализации персуазивности, создающих эффект псевдиалогичности в жанре англоязычной бизнес-презентации: наряду с обращением к вопросу-ответным парам, императивно-призывной модели высказываний, активно используются средства связности, а также этикетные речевые акты приветствия, поддержания контакта, обращения, прощания, благодарности. Рассмотрим подробно указанные способы и приемы персуазивности.

Псевдиалогическая интеракция между участниками бизнес-презентации, как правило, реализуется в односторонности диалога, то есть оратор (выступающий, модератор) нацеливает свое выступление на аудиторию, адресант не принимает активного участия в разговоре, но к нему обращены все сигналы и идеи оратора. Исследователи отмечают, что с помощью интеракции через общие или специальные вопросы оратор формулирует проблемное представление темы, предлагает способы решения, «общаясь с аудиторией», делится информацией, приходит к определенным выводам, открытиям, параллельно реализуя прагматическое воздействие на зрителя / слушателя [Темкина, Бутыркина, 2019].

Основная цель вопросов адресанта в жанре бизнес-презентации – создать ложный эффект интеракции: привлечь внимание к своему выступлению, повысив экспрессивность речи, установить контакт, удерживать его,

создавая атмосферу доверия к новой информации и ее источнику (здесь и далее перевод с английского наш. – *H. C.*):

(1) Thank you. Welcome to the Steve Jobs Theater. **Wasn't that a fun video?** / Спасибо. Добро пожаловать в Театр Стива Джобса. Забавное видео, согласны?;

(2) **So why are people buying four-inch iPhones?** / Почему люди покупают 4-х дюймовые iPhones?;

(3) What is that? **Is that a giant baby wearing sunglasses?** / Кто это? Гигантский ребенок в солнечных очках?;

(4) We used machine learning to take this photo in low to medium light, and it's unlike anything possible with an iPhone camera before. **So what is it doing? How do we get an image like this?** All right, ready for this? / Мы используем машинное обучение, чтобы делать эти фотографии при слабом и среднем освещении. Это совсем не похоже на то, что камера iPhone умела раньше. Как она работает? Как получаются такие снимки? Готовы?

В примере (4) выступающий для создания позитивного отношения к описываемому объекту задает ряд специальных вопросов зрителям, активизируя их внимание, побуждая подбирать возможные решения, то есть он интенсифицирует заинтересованность аудитории. Выступающий не просто поддерживает контакт с аудиторией, но, отвечая на свои же вопросы, «делится секретами» работы устройства, предлагая адресанту роль «партнера».

Диалогизации бизнес-презентации, а следовательно, и привлечению внимания зрителя, также способствуют средства, которые охватывают прагматические аспекты смысловой и деятельной (интерактивной) связности речи адресата. В следующем примере такими средствами выступают лексический повтор и синтаксический параллелизм:

(5) That's astonishing **how** this device has changed **the way we live**, from **the way we learn**, to **the way we work**. **To how** we're entertained, **to how** we shop, order our food, get our transportation, and stay in touch with one another / Просто удивительно, как это устройство изменило нашу жизнь, начиная с того, как мы учимся, и, заканчивая тем, как работаем, как развлекаемся, как совершаем покупки, заказываем еду, передвигаемся, общаемся друг с другом.

Воздействующий эффект имплицитного диалога достигается и за счет действительных

местоимений при обращении к аудитории. Такие местоимения, относясь к средствам когезии, содержат отсылку к участникам речевой ситуации, адресату и адресанту речевого жанра. Эти отсылки реализуются личными местоимениями (*I, we, you*), выполняя коммуникативную функцию диалогизации: адресант обращается к онлайн и оффлайн адресату презентации, который, анализируя полученную информацию, воспринимает ее через призму личной эмпатии, эмоциональной вовлеченности. Дейктические местоимения помогают адресанту создать с адресатом единое информативное поле, единый круг интересов:

(6) **You see**, we want to change the world for the better and **we** think there's no greater challenge in the world / Понимаете, мы хотим сделать мир лучше и думаем, это самый достойный вызов;

(7) And iPhone is fantastic for the Portrait mode feature that **we all** love / iPhone – потрясающий благодаря режиму «Портрет», который все мы так любим;

(8) **You** probably have no idea what any of that means, but that's okay because **we** do, and it's allowed us to do something new / Возможно, вы не понимаете, что все это значит. Не переживайте, мы-то понимаем. И благодаря этому создали что-то новое.

Важную роль в реализации диалогичности жанра бизнес-презентации играют императивные высказывания, поскольку с их помощью адресант напрямую обращается к адресату, приглашая принять участие в демонстрации продукта, активизируя речемыслительную деятельность собеседника:

(9) **Look at** the color range on this photo / Посмотрите на диапазон цветов на этой фотографии.

Императив может свидетельствовать и об авторитарности адресанта, который общается с адресатом с позиции более компетентного источника:

(10) **Remember** the area on the background of the photo, the quality of that blur is what the industry calls *bokeh* / Обратите внимание на область на заднем плане фотографии; такой эффект размытости в профессиональной сфере называется *боке*.

Собранный материал демонстрирует и примеры прямой интеракции, которая происходит между разными выступающими, выс-

тупающим и модератором презентации, реже – выступающим и залом. Прямая диалогизация бизнес-презентации как прием воздействия в исследуемом жанре осуществляется во многом посредством этикетных речевых актов, которые, организуя коммуникацию, задают благоприятную тональность на протяжении всей презентации, начиная с приветствия и заканчивая прощанием.

Этикетные речевые акты определяют правила общения. Регламентируя и упорядочивая формы общественного взаимодействия, межличностных отношений, они отражают социальный статус коммуникантов при непосредственном общении, воспроизводятся в речи в соответствии с правилами речевого этикета. В бизнес-презентациях именно этикетные речевые акты способствуют удержанию интеракций между выступающими и аудиторией (потенциальными потребителями товаров и/или услуг), реализуя основные функции этого жанра: информирование и воздействие на аудиторию, побуждение ее к определенным выгодным адресанту действиям, благодаря созданию благоприятной коммуникативной тональности.

В исследуемом материале встречаются этикетные речевые акты *приветствия, обращения, прощания и благодарности*, которые могут реализоваться отдельно или взаимодействовать в процессе коммуникации.

Речевой акт приветствия играет важную роль в установлении контакта между людьми. Как речевой ход стратегии сближения приветствие способствует установлению контакта между собеседниками, формирует первое впечатление, оно «зачастую предопределяет дальнейший ход коммуникации» [Кожухова, 2017, с. 171]. Прагматика данного речевого акта в бизнес-презентации задает благоприятную коммуникативную тональность дальнейшего общения. Так, в нижеприведенных примерах за приветствиями следуют комплиментарные речевые акты, обращенные к коллегам и/или аудитории:

(11) **Good morning**. And **welcome** to Apple Park for our second event / Доброе утро. Добро пожаловать в Apple Park на нашу вторую презентацию;

(12) **Good morning**. It's been such a **great partnership** working with Apple / Доброе утро. Работа с Apple – пример замечательного сотрудничества.

Контактоустанавливающие реплики, как известно, строятся в соответствии с типовой формулой публичного приветствия или представления и предполагают использование речевого этикетного акта обращения [Сороколетова, 2018]. Начиная публичную презентацию, выступающий часто обращается ко всей аудитории, используя обобщающие местоимения *everyone, all, you*:

(13) Good morning **everyone** / Всем доброе утро;

(14) What an exciting day! It's great to be back **with you!** / Какой восхитительный день! Чудесно снова быть с вами!

Однако зрители не являются единственным адресантом речевых актов приветствия и обращения. В ходе бизнес-презентаций в этой роли могут выступать другие ее активные участники, поскольку сценарий мероприятия по представлению инновационного продукта предполагает смену выступающих, которые отвечают за разные аспекты презентации. В таких случаях приветствие и обращение реализуют одновременно контактоустанавливающую и поддерживающую контакт функции, как в следующих примерах, где речевой акт обращения может взаимодействовать с речевым актом представления (15), благодарности и комплимента (16), прощания или повторного привлечения внимания аудитории к выступающему:

(15) So please welcome **Atli Mar, CEO and Co-founder of Directive Games**. Atli? / Давайте поприветствуем Атли Мар, CEO и соучредителя Directive Games. Атли?;

(16) **Thanks Benjamin**. Frogger **looks adorable** / Спасибо, Бенджамин. Frogger выглядит восхитительно;

(17) ...Playing all the incredible games on Apple. **Thanks and back to you, Tim** / ...Играть во все эти невероятные игры от Apple. Спасибо и возвращаемся к тебе, Тим.

В таких интеракциях реализуется открытая диалогизация жанра бизнес-презентации.

Обращения часто выражены не только антропонимом, но и лексемами, обозначающими статус лица, подчеркивающими роль выступающего в создании инновационного продукта, отношении говорящего к нему:

(18) Please welcome **the father of Mario**, Shigeru Miyamoto / Приветствуем создателя Марио – Сигэру Миямото;

(19) Here's **David Lee, CEO of NexTeam**, and **Steve Nash, two-time NBA MVP and a new member of the Basketball Hall of Fame** / С нами Дэвид Ли, CEO компании NexTeam, и Стив Нэш, дважды становившийся самым ценным игроком НБА, новый член Зала славы баскетбола.

Также иногда происходит двойное обращение, которое, с одной стороны, выполняет функцию обращения к аудитории, а, с другой – функцию обращения-представления гостя:

(20) Ladies and gentlemen, Sia! / Леди и джентльмены, Сиа!

В рамках текстов устной бизнес-презентации этикетный речевой акт благодарности может выполнять различные функции: подать сигнал о том, что высказывания или действия собеседника поняты и приняты говорящим, подчеркнуть значимость того хорошего, что было сделано для говорящего, либо важность и ценность партнера по коммуникации, выделить его вклад в прогресс и побудить к нужным презентатору действиям. Кроме того, выступающий благодарит аудиторию за внимание, выражает свою симпатию к ней и предоставляет возможность ознакомиться с продукцией лично.

В большинстве случаев выступающие благодарят коллег за передачу им слова, а аудиторию за то, что посетили данное мероприятие, за приветственные аплодисменты:

(21) Good morning. **Thank you** / Доброе утро. Спасибо;

(22) So I'm very excited to bring up Heather Price, co-founder of This Game Studio. Heather? – **Thanks, Phil** / Счастлив приветствовать Хизер Прайс, соучредителя This Game Studio. Хизер? – Спасибо, Фил.

Помимо функционирования в рамках прямого речевого акта благодарности, данный речевой акт часто выступает в функции конвенционального косвенного речевого акта (подробно см.: [Шафаги, 2016]), представляя собой приветствие или прощание:

(23) So that's our news on iPhone. **Thank you. Thanks, Phil** / Это все наши новости. Спасибо. Спасибо, Фил;

(24) Hans, this is definitely the start of something big. **Thank you** for joining us and **thank you** for all the great work we're doing together. **Thank you** / Ганс, уверен, что это начало чего-то значительного. Спасибо, что ты с нами и спасибо за нашу прекрасную работу.

В таких случаях данный речевой акт вербализуется перформативным глаголом, иллюкутивная сила которого увеличивается различными интенсификаторами:

(25) Thank you **very much** / Большое спасибо;

(26) Thank you **so much** / Очень вам благодарен.

В жанре бизнес-презентации адресат благодарности может быть как индивидуализирован (что реализуется через имена собственные), так и генерализирован (что выражено местоимениями или собирательными существительными):

(27) Back to you, Tim. – **Thank you, Jeff** / Тим, возвращаемся к тебе. – Спасибо, Джефф;

(28) I'd like to **thank everyone** for joining us this morning, including **those watching** us online, and I especially like to **thank all the people at Apple** who've made this magical day possible / Хочу поблагодарить всех, кто присоединился к нам этим утром, включая тех, кто с нами онлайн. Особенно благодарю представителей Apple, которые сделали этот волшебный день возможным.

Проведенный лингвопрагматический анализ этикетных интеракций в жанре бизнес-презентации показал, что этикетный речевой акт благодарности полифункционален: можно говорить о благодарности, открывающей коммуникацию; благодарности, поддерживающей и развивающей коммуникацию, и благодарности, завершающей коммуникацию.

Еще одним значимым для регулирования речевого взаимодействия, как показано М. Шафаги, является этикетный речевой акт прощания. Его цель – выход из контакта и прогнозирование будущих отношений. Речевой акт прощания бывает прямым и косвенным. Прямой представляет собой формулы, фиксирующие значение прощания, то есть передает информацию об уходе говорящего. Косвенный выполняет контактоподдерживающую функцию в сохранении и продолжении отношений между коммуникантами [Шафаги, 2016 с. 125].

В исследуемом материале прощание, как правило, выражается косвенными способами, например, знаком расставания с аудиторией и другими выступающими может быть речевой акт благодарности:

(29) **Thank you** and now back to Phil / Спасибо. Возвращаемся к Филу.

Интенция прощания может передаваться с помощью объединения акта благодарности с приветствием и приглашением следующего выступающего, тем самым подытоживая произошедшее и проектируя будущее событие на презентации:

(30) **Thank you, Atli. Now let's talk** about Wireless. **Phil?** / Спасибо, Атли. Давайте теперь поговорим о беспроводных технологиях. Фил?

Завершая презентацию, ведущий часто прощается с аудиторией посредством цепочки этикетных речевых актов (обращения, благодарности, пожелания, непосредственно прощания), которые реализуют контактно-завершающую функцию:

(31) I'd like to take a moment to **thank everyone** here at Apple for their unbelievable effort this year. And **to everyone watching, thank you** for joining us today / Я бы хотел воспользоваться возможностью и поблагодарить всю команду Apple за ваш невероятный труд в этом году. А также всех, кто смотрел трансляцию. Спасибо за то, что были с нами сегодня.

Прощание отличается ярко выраженной установкой на солидаризацию, подчеркивает совместность усилий адресантов и адресатов презентующего события, которые необходимы для общего благополучия и успеха. Именно такой образ целостного завершенного речевого выступления способствует интенсификации воздействующей функции речевого жанра бизнес-презентации.

Лингвопрагматический анализ функционирования этикетных речевых актов, реализующих интеракцию коммуникации, свидетельствует о случаях стирания границ между основными этикетными речевыми актами в жанре бизнес-презентации. В исследуемом жанре этикетные речевые акты полифункциональны, взаимозаменяемы, часто реализуются в цепочке, соотнесены со стратегией бизнес-коммуникации и связаны с ее персуазивной

интенцией: воздействовать через вовлечение в диалог, создание благоприятной атмосферы, поддержание ритуальности и конвенций общения.

Прагматическая интеракция, по мнению многих исследователей, может быть реализована и через невербальные средства, играющие значимую роль в передаче информации и поддержании интеракции бизнес-коммуникации (см., напр.: [Арнова, 2016; Нгуен, 2012; Фрейдина, 2017; Цибуля, 2018]). Невербальное поведение адресата и адресанта, использование ими различных кинесических, просодических средств в совокупности с вербальными средствами также способствуют установлению и поддержанию контакта, созданию прагматического эффекта:

(32) Well, currently, 93% of our facilities worldwide run on renewable energy / Да, в настоящее время 93 % наших объектов по всему миру работают на возобновляемых источниках энергии.

[Applause] / [Аплодисменты];

(33) This is an issue that impacts all of us, and we will not shrink from this responsibility / Этот вопрос затрагивает каждого, и мы не будем уклоняться от ответственности.

[Applause] / [Аплодисменты]

Thank you. Thank you / Спасибо. Спасибо.

Невербальное поведение адресатов (например, аплодисменты) в таких случаях служит средством обратной связи, демонстрируя успешность попытки адресанта установить контакт, через псевдодиалогичность реализовать интерактивность ситуации бизнес-презентации. Если аудитория поддерживает идеи выступающих, симпатизирует им, то создается эффект единения по эмоциям и целям, что также способствует реализации персуазивности жанра бизнес-презентации.

Заключение

Прагматическая интеракциональность изучаемого жанра опирается на информативность и персуазивность как основные целеустановки бизнес-презентации и реализуется специфическим подбором коммуникативно-дискурсивных средств. Следуя коммерческой ориентированности своего монологического высказывания, адресант (модератор, высту-

пающий), информируя о новинках продуктов или сервисов компании, непременно активизирует контакт с адресатом (аудиторией) и поддерживает его с помощью речевых актов прямой или имплицитной диалогизации, что получает реализацию в системе дискурсивно-риторических тактик и прагмалингвистических приемов установления и поддержания контакта, создающих благоприятную тональность коммуникативного события (вопросительные высказывания, вопросо-ответные пары, императивы, средства когезии и когерентности высказывания).

Специфика персуазивности жанра бизнес-презентации проявляется в особой тактике организации данного коммуникативного события, которую можно определить как псевдодиалогизацию. Прагматическая установка адресанта на псевдодиалогизацию реализуется через прямое использование этикетных речевых актов приветствия, обращения, благодарности, прощания с интенцией установления и поддержания ритуально-этикетных отношений между выступающим и слушающими, или активным агентом и пассивными участниками коммуникативного события. Указанные речевые акты используются комплексно и полифункционально, совместно с активным употреблением личных местоимений *we, I, you, our, your*, которые имитируют тактику субъектно-субъектного общения, создают эффект позитивной тональности, имплицитно вовлекая слушающих в псевдиалог с выступающим. Применение им дискурсивно-прагматических приемов скрытой и прямой интеракции поддерживает эффект благоприятной, доброжелательной и доверительной атмосферы общения, сокращает дистанцию между адресантом и адресатом. Подобное взаимодействие побуждает адресата к включению в перформативный процесс коммуникативного события, апеллирует в первую очередь к эмоционально-интеллектуальной сфере его сознания.

Установленные в ходе исследования проявления псевдодиалогизации в жанре бизнес-презентации на английском языке отражают перспективность изучения прагматического потенциала интеракциональности с учетом дискурсивно-прагматических тактик и перцептивно-акустических характеристик речи адресанта при реализации прагматики исследу-

емого жанра, проведения оценки характера взаимодействия вербального и невербального контента коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Т. В., 2015. Специфика PR-жанров в интернете // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 129–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.16>
- Арнова Н. В., 2016. Анализ и интерпретация интонационных параметров речи ораторов в презентации нового продукта (на материале устных презентаций Стива Джобса, Билла Гейтса и Марка Цукерберга) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 22, № 3. С. 186–191.
- Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., Осадчий М. А., 2021. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 2. С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>
- Данюшина Ю. В., 2010. Бизнес-лингвистика – новое синергетическое направление прикладной лингвистики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 2. С. 133–140.
- Иванова Ю. Е., 2014. Реализация стратегии манипуляции в англоязычной бизнес-презентации // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (13). С. 19–25.
- Кириллова Н. Н., 2013. Проблема изучения диалогизации речи в рамках преподавания речеведческих дисциплин // Вестник Тверского государственного университета. № 4. С. 207–214.
- Кленова Е. А., 2023. Реализация квалификативной категории оценочности в дискурсе англоязычной сетевой кинорецензии // ДИСКУРС. С. 154–166. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-154-166>
- Клушина Н. И., Селезнева Л. В., Тортунова И. А., 2015. Жанровая палитра современного делового дискурса // Наука, образование, общество. № 2 (4). С. 134–143. DOI: [10.17117/no.2015.02.134](https://doi.org/10.17117/no.2015.02.134)
- Кожухова И. В., 2017. Речевой акт «Приветствие» в английском языке // Политическая лингвистика. № 6 (66). С. 171–175.
- Леонтович О. А., 2011. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 224 с.
- Макаров М. Л., 2003. Основы теории дискурса. М. : Гнозис. 280 с.

- Матвеева Т. В., 2010. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс. 576 с.
- Нгуен Тхи Занг, 2012. О некоторых способах речевого воздействия в тексте бизнес-презентации // Русистика. 2012. № 2. С. 125–129.
- Оленев С. В., Ширкина Н. А., 2016. Об исследовании жанра бизнес-презентации в свете актуальных проблем бизнес-лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1 (65). С. 192–195.
- Первухина С. В., 2022. Видеостатья как речевой жанр // Жанры речи. Т. 17, вып. 1 (33). С. 74–81. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81
- Романова И. Д., 2017. Бизнес-коммуникация и ее жанровая репрезентация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 11 (784). С. 77–88.
- Сороколетова Н. Ю., 2018. Вариативность мелодических паттернов обращения в англоязычном интервью // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.7>
- Стеблецова А. О., 2016. Национальный дискурсивный стиль: англоязычный и русскоязычный деловые дискурсы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 76–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>
- Темкина В. Л., Бутыркина И. С., 2019. Диалогизация монолога как средство речевого воздействия в англоязычных текстах бизнес-презентаций // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28). С. 151–154. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0803-0038
- Фрейдина Е. Л., 2017. Индивидуальный стиль оратора и его просодические маркеры // Преподаватель XXI век. № 4-2. С. 373–382.
- Храмченко Д. С., 2014. Английский деловой дискурс в развитии: Функционально-синергетические аспекты. Тула : Гриф и К. 271 с.
- Цибуля Н. Б., 2018. Взаимодействие просодии и невербальных средств в организации публичного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 3 (792). С. 111–131.
- Шафаги М., 2016. Прямое и косвенное выражение речевого акта «прощание» в русской культурной среде // Исследовательский журнал русского языка и литературы. № 7. С. 119–139.
- Швечкова Л. А., Кабанова О. Н., 2014. Презентация как жанр деловой коммуникации и средство формирования междисциплинарных компетенций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 3 (15). С. 69–72.
- Шмелева Т. В., 1997. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. С. 88–98.
- Gerlinde M., Franz R., 2017. Handbook of Business Communication : Linguistic Approaches. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton. 700 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781614514862>

REFERENCES

- Anisimova T.V., 2015. Spetsifika PR-zhanrov v internete [On Specificity of PR-Genres in the Internet]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 14, no. 4 (28), pp. 129-137. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.16>
- Arnova N.V., 2016. Analiz i interpretatsiya intonatsionnykh parametrov rechi oratorov v prezentatsii novogo produkta (na materiale ustnykh prezentatsiy Stiva Dzhobsa, Billa Geysa i Marka Tsukerberga) [Analysis and Interpretation of Melodic Speech Parameters of Speakers in Introducing a New Product (Based on Oral Presentations of American Entrepreneurs Steve Jobs, Bill Gates and Mark Zuckerberg)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 22, no. 3, pp. 186-191.
- Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., Osadchiy M.A., 2021. Slozhnost vospriyatiya demotivatorov i memov: eksperimentalnoe issledovanie [Experimental Study of Demotivators and Memes Perception Complexity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 74-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>
- Danyushina Yu.V., 2010. Biznes-lingvistika – novoe sinergeticheskoe napravlenie prikladnoy lingvistiki [Business Linguistics: New Synergistic Direction of Applied Linguistics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], no. 2, pp. 133-140.
- Ivanova Yu.E., 2014. Realizatsiya strategii manipulyatsii v angloyazychnoy biznes-prezentatsii [Realization of Linguistic Manipulation in the English Business Presentation]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], no. 1 (13), pp. 19-25.

- Kirillova N.N., 2013. Problema izucheniya dialogizatsii rechi v ramkakh prepodavaniya rechevedcheskikh distsiplin [Problem of Studying of Speech Dialogization During Teaching Special Courses]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Tver State University], no. 4, pp. 207-214.
- Klenova E.A., 2023. Realizatsiya kvalifikativnoy kategorii otsenochnosti v diskurse angloyazychnoy setevoy kinoretsenzii [Actualization of Evaluativity as a Qualitative Category in the Discourse of English Internet Film Review]. *DISKURS* [DISCOURSE], vol. 9, no. 1, pp. 154-166. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-154-166>
- Klushina N.I., Selezneva L.V., Tortunova I.A., 2015. Zhanrovaya palitra sovremennogo delovogo diskursa [Genre Palette of Modern Business Discourse]. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo* [Science, Education, Society], no. 2 (4), pp. 134-143. DOI: 10.17117/no.2015.02.134
- Kozhukhova I.V., 2017. Rechevoy akt «Privetstvie» v angliyskom yazyke [Speech Act of Greeting in the English Language]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 6 (66), pp. 171-175.
- Leontovich O.A., 2011. *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of Communicative Studies]. Moscow, Gnozis Publ. 224 p.
- Makarov M.L., 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse]. Moscow, Gnosis Publ. 280 p.
- Matveeva T.V., 2010. *Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov* [Full Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 576 p.
- Nguyen Tkhi Zang, 2012. O nekotorykh sposobakh rechevogo vozdeystviya v tekste biznes-prezentatsii [On Some Techniques of Speech Impact Used in Presentation Text]. *Rusistika* [Russian Language Studies], no. 2, pp. 125-129.
- Olenev S.V., Shirkina N.A., 2016. Ob issledovanii zhanra biznes-prezentatsii v svete aktualnykh problem biznes-lingvistiki [On Researching the Genre of Business Presentation in the Light of Actual Problems of Business Linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 1 (65), pp. 192-195.
- Pervukhina S.V., 2022. Videostatya kak rechevoy zhanr [Video Article as a Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], vol. 17, no. 1 (33), pp. 74-81. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-74-81
- Romanova I.D., 2017. Biznes-kommunikatsiya i ee zhanrovaya reprezentatsiya [Business Communication and Its Genres]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 11 (784), pp. 77-88.
- Sorokoletova N.Yu., 2018. Variativnost melodicheskikh patternov obrashcheniya v angloyazychnom intervyyu [Direct Address in English Interview: Variations of Melodic Patterns]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 70-79. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.7>
- Stebletsova A.O., 2016. Natsionalnyy diskursivnyy stil: angloyazychnyy i russkoyazychnyy delovye diskursy [National Discourse Style: English and Russian Business Discourses]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 76-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.8>
- Temkina V.L., Butyrkina I.S., 2019. Dialogizatsiya monologa kak sredstvo rechevogo vozdeystviya v angloyazychnykh tekstakh biznes-prezentatsiy [Dialogization of the Monologue as a Means of Speech Impact in English Business Presentations Texts]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], no. 3 (28), pp. 151-154. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0803-0038
- Freydina E.L., 2017. Individualnyy stil oratora i ego prosodicheskie markery [Individual Style and Its Prosodic Markers in Public Speech]. *Prepodavatel XXI vek*, no. 4-2, pp. 373-382.
- Khramchenko D.S., 2014. *Angliyskiy delovoy diskurs v razvitii: Funktsionalno-sinergeticheskie aspekty*. [English Business Discourse on the Move: Functional and Synergetic Aspects]. Tula, Grifi K. 271 p.
- Tsibulya N.B., 2018. Vzaimodeystvie prosodii i neverbalnykh sredstv v organizatsii publichnogo diskursa [Interaction of Prosody and Non-Verbal Means in Public Discourse Organization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], no. 3 (792), pp. 111-131.
- Shafagi M., 2016. Pryamoe i kosvennoe vyrazhenie rechevogo akta «proshchanie» v russkoy kulturnoy srede [Direct and Indirect Expression of the Speech Act of Farewell in the Russian Cultural Environment]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*, no. 7, pp. 119-139.
- Shvechkova L.A., Kabanova O.N., 2014. Prezentatsiya kak zhanr delovoy kommunikatsii i sredstvo

formirovaniya mezhdistsiplinarykh kompetentsiy [Presentation as a Genre of Business Communication and the Means of Formation of Interdisciplinary Competencies]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], no. 3 (15), pp. 69-72.

Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [Speech Genre Model]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], iss.1, pp. 88-98.

Gerlinde M., Franz R., 2017. *Handbook of Business Communication: Linguistic Approaches*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton. 700 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781614514862>

Information About the Author

Natalya Yu. Sorokoletova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, sorokoletovanat@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6680-0911>

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Сороколетова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, sorokoletovanat@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6680-0911>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.15>

UDC 81'255.2
LBC 81.18

Submitted: 30.10.2023
Accepted: 08.07.2024

RETRANSLATION OF CULTURAL CODE IN RUSSIAN-PORTUGUESE LITERARY TRANSLATION: TRANSLATION EXPERIMENT

Vasilisa A. Danilova

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The article questions adequacy of retranslation the cultural code in literary text when translated from Russian to Portuguese. The aim of the study is to develop the concept of translation experiment, which allows of identifying adequate ways of relaying realia in the Russian-Portuguese literary translation. The research material consists of translations into Portuguese of A.S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* carried out by D. Alves, N. and F. Guerra. Some inaccurate translation decisions made whilst transferring realia into Portuguese were identified: choosing incorrect translation equivalents, using loan translation, transcription and transliteration of Russian realia without any remarks. The study revealed that implementation of these incorrect translation solutions results in neutralization of national cultural flavour, omission of denotative and/or connotative meaning, provoking ambiguity in culturally-marked units comprehension. The concept of the translation experiment with native Portuguese speakers was proposed to determine adequate ways of translating such groups of realia as domestic, ethnographic, natural, onomastic and phraseological. The results of the experiment revealed that adequacy in the translation of all thematic groups of realia, except for phraseological units, is observed in correlation and calquing. The correlation allows and calquing, which allow the translator to preserve the national and cultural flavour of realia, convey their meanings and recreate the original communicative effect in the translation text. As for phraseological units, the adequate method of translation is the phraseological equivalent, which also ensures the transfer of semantics and national-and-cultural specifics of the analyzed units in Portuguese translations.

Key words: *Eugene Onegin*, translation experiment, Portuguese language, realia, retranslation of cultural code, literary translation, experimental translation studies.

Citation. Danilova V.A. Retranslation of Cultural Code in Russian-Portuguese Literary Translation: Translation Experiment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 206-218. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.15>

УДК 81'255.2
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 30.10.2023
Дата принятия статьи: 08.07.2024

РЕТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА В РУССКО-ПОРТУГАЛЬСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Василиса Андреевна Данилова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье поднимается вопрос об адекватности способов ретрансляции культурного кода художественного текста при переводе с русского на португальский язык. Цель исследования заключается в разработке и апробации концепции переводческого эксперимента, который позволяет определить адекватные способы передачи реалий в русско-португальском художественном переводе. Материалом для изучения стали переводы на португальский язык романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», осуществленные Д. Алвесом, Н. и Ф. Герра. Обнаружены некорректные переводческие решения при передаче реалий на португальский язык: выбор неверных переводческих соответствий, использование уподобляющего перевода, транскрибирование и транслитерация русских реалий без сопроводительного комментария. Показано,

что реализация этих решений приводит к нейтрализации национально-культурного содержания, неполной передаче прямого и/или коннотативного значения, созданию возможности неверной интерпретации значения культурно-маркированных единиц. Для определения адекватных способов перевода бытовых, этнографических, природных, ономастических и фразеологических реалий предложена концепция переводческого эксперимента, в котором приняли участие носители португальского языка. Установлено, что адекватность перевода русских реалий всех тематических групп, кроме фразеологических единиц, обеспечивается такими способами, как корреляция и калькирование: они позволяют переводчику передать значения реалий, их национально-культурный колорит, а также воссоздать коммуникативный эффект оригинала в тексте перевода. При переводе фразеологизмов адекватным способом перевода является подбор фразеологического эквивалента, который обеспечивает передачу семантики и национально-культурного своеобразия анализируемых единиц.

Ключевые слова: Евгений Онегин, переводческий эксперимент, португальский язык, реалия, ретрансляция культурного кода, художественный перевод, экспериментальное переводоведение.

Цитирование. Данилова В. А. Ретрансляция культурного кода в русско-португальском художественном переводе: переводческий эксперимент // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 206–218. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.15>

Введение

По утверждению В.М. Савицкого, стратегии адекватной ретрансляции культурного кода, понимаемой как передача информации о мире, навыков и умений в ту или иную культурную эпоху, во многом определяют эффективность межкультурной коммуникации [Савицкий, 2020]. В данной статье поднимается вопрос о ретрансляции культурного кода художественного текста в переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык.

В современном переводоведении не сформулированы четкие критерии оценки перевода культурно релевантной информации, а также редко предлагаются методы установления адекватности такого перевода. Культурно релевантная информация находит отражение в реалиях – лексических единицах, существующих в языке народа и характеризующих особенности его культуры [Влахов, Флорин, 2009, с. 47]. Корректному переводу реалий, как показано В.В. Сдобниковым, препятствуют отсутствие в языках полных эквивалентов и необходимость передачи всего спектра значений, присущего реалиям [Sdobnikov, 2019]. Для их корректной передачи применяются приемы корреляции, уподобления, перифразического перевода, калькирования, лексико-семантической модификации и контекстуального перевода (см. о них: [Бархударов, 2008; Виноградов, 2004; Влахов, Флорин, 2009; Швейцер, 2019]). При переводе фразеологических единиц с национально-культурным содержанием традиционно используются каль-

кирование, лексический и описательный перевод, подбор фразеологического эквивалента и фразеологического аналога (см., например: [Кунин, 1964; Рецкер, 2006]). Однако по причине отсутствия четких критериев и методов определения адекватности способов перевода реалий переводчик неизбежно сталкивается с рядом трудностей, которые требуют детального изучения и преодоления.

Использование экспериментальных лингвистических методов позволяет решать различные исследовательские задачи в сфере когнитивистики, психолингвистики, лингвокультурологии и теории перевода [Карданова-Бирюкова, 2018]. Область применения экспериментального метода расширяется благодаря междисциплинарным исследованиям [Сулейманова, Демченко, 2018]. В российском переводоведении создается основа для проведения экспериментальных исследований и для разработки стандартов переводческих экспериментов [Андреева, 2019, с. 201–202]. Представляется целесообразным применение экспериментального метода для изучения проблемы ретрансляции культурного кода в португальских переводах, в частности, для определения адекватных способов перевода реалий.

Целью исследования является разработка концепции переводческого эксперимента, позволяющего определить адекватные способы передачи реалий в русско-португальском художественном переводе, и ее апробация. Для ее достижения русские реалии сопоставляются с португальскими соответствиями в переводах; выявляются некорректные переводческие решения; проектируется и проводится

переводческий эксперимент с участием носителей португальского языка; выявляются адекватные способы передачи реалий на основе анализа результатов переводческого эксперимента.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его переводы на португальский язык. В настоящее время существуют два таких перевода. Их авторами являются Д. Алвес, носитель бразильского варианта португальского языка, и Н. и Ф. Герра, носители европейского варианта португальского языка. Оба перевода выбраны в качестве материала данного исследования.

На первом этапе исследования для создания параллельного переводческого корпуса были использованы контекстуальный анализ и метод сплошной выборки. В корпус были включены русские реалии романа «Евгений Онегин», контексты их ретрансляции в переводе и комментарии переводчиков. Общий объем параллельного переводческого корпуса составил 1014 исследовательских единиц.

На втором этапе исследования составленный корпус был систематизирован. С опорой на классификацию, предложенную В.С. Виноградовым [2004], исследуемые единицы были разделены по семантическому признаку на несколько классов: бытовые, этнографические, природные, ономастические и фразеологические.

На третьем этапе русские реалии были сопоставлены с их соответствиями в двух переводах, в результате чего были выявлены способы перевода реалий на португальский язык и определены некорректные решения при передаче культурно релевантной информации (то есть ошибки, обусловленные выбором неадекватных способов перевода реалий) португальскими переводчиками.

Четвертый этап исследования включал проектирование и проведение переводческого эксперимента, направленного на установление адекватных способов передачи реалий в переводах. Участниками эксперимента выступили носители португальского языка. В результате были выявлены адекватные спо-

собы перевода реалий, которые позволяют избежать некорректной ретрансляции русского культурного кода на португальский язык.

На стадии разработки эксперимента были определены гипотеза, экспериментальная база и материал исследования. В ходе эксперимента носителям португальского языка предлагалось установить значения русских реалий в переводах. После обработки полученных данных были выделены способы перевода реалий, являющиеся адекватными.

Подчеркнем, что стремление воссоздать поэтическую форму оригинала не должно вести к утрате культурного своеобразия произведения или, по словам С.Д. Дарбасовой, к его «перенационализации» – замене реалий одной культуры реалиями другой [Дарбасова, 2022, с. 131]. При установлении адекватного способа перевода мы опираемся на концепцию Е.А. Огневой, согласно которой адекватным является способ перевода, в сравнении с остальными способами позволяющий носителям языка более точно и полно определить значение русской реалии, в особенности ее культурную специфику [Огнева, 2012, с. 44]. Следовательно, адекватными способами передачи реалии считаются те, которые способствуют полной передаче ее семантики.

Результаты и обсуждение

1. Некорректные переводческие решения при передаче реалий на португальский язык.

Сопоставительный анализ позволил выявить в португальских переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» переводческие решения, которые привели к некорректной ретрансляции русского культурного кода: выбор некорректных переводческих соответствий, использование уподобляющего перевода, транскрибирование и транслитерация русских реалий без сопроводительного комментария. Реализация этих решений привела к нейтрализации национально-культурного содержания, неполной передаче прямого или коннотативного значения, созданию возможности неверной интерпретации значения культурно-маркированных единиц.

Выбор некорректных переводческих соответствий приводит к *нейтрализации на-*

ационально-культурного содержания, которая представляет собой утрату стилистической и национально-культурной окраски оригинального произведения в тексте перевода [Тимко, 2021]. Следует отметить, что передача национально-культурного колорита реалии при переводе на иностранный язык является одним из наиболее важных критериев адекватного перевода, поскольку именно национально-культурный компонент значения реалии отличает ее от других языковых единиц [Данилова, Тивьяева, 2020].

Рассмотрим способы перевода реалии *хоровод* (табл. 1).

Д. Алвес выбирает в качестве переводческого соответствия аналог *ciranda* – вид танца, основанного на повторяющихся движениях в круге (MDBLP). Несмотря на схожесть предметного значения русской и португальской лексем, *ciranda* принадлежит к реалиям бразильской культуры и имеет ярко выраженное национальное значение. Танец *ciranda*, часто исполняемый под аккомпанемент пандейру или бубна, имеет глубокие корни в африканских и индейских традициях. Следовательно, выбор слова *ciranda* в качестве португальского аналога русской реалии *хоровод* ведет к нейтрализации колорита оригинала: в результате некорректного выбора способа перевода утрачивается национально-культурный компонент исходной лексемы.

В переводе Н. и Ф. Герра реалия *хоровод* передается при помощи слова *roda*, которое

обозначает группу людей, вставших в круг (DPLP). В португальском языке есть выражение *brincar de roda*, которое означает «играть в кругу, веселиться» (DPLP). Следовательно, читатель данного перевода способен корректно интерпретировать предметное значение русской реалии. Однако национально-культурный колорит слова *хоровод* в данном переводе не передан, что тем не менее не влечет замены реалии одной культуры на реалию другой.

Использование уподобляющего перевода приводит к **частичной передаче прямого / коннотативного значения** и часто встречается в португальских переводах. Во многих случаях он является некорректным, поскольку при отсутствии подходящего соответствия исходной реалии в португальском языке переводчики подбирают аналоги со схожим значением, которые нередко искажают семантику исходной единицы либо передают ее значение не полностью (табл. 2).

Рожок представляет собой русский народный духовой инструмент, который не распространен в португальской культуре и не имеет устоявшихся соответствий в португальском языке (ЛСР). По этой причине переводчики передают значение при помощи португальских аналогов: *trompa* – труба, валторна (MDBLP) и *cornu* – рог (DPLP). В обоих случаях уподобляющий перевод без дополнительных переводческих комментариев не позволяет передать значение реалии в полном объеме. По этой причине, читая перевод Д. Алвеса,

Таблица 1. Нейтрализация национально-культурного колорита реалии

Table 1. Neutralization of the national and cultural flavor of realia

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. и Ф. Герра
(1) Заманите молодца К хороводу нашему (ОЕО, с. 25)	(2) Buscai, trazei-nos um jovem Aqui pra nossa ciranda (TDA, p. 32)	(3) pr'a tentar o rapagão aentrar na nossa roda (TNFG, p. 37)

Таблица 2. Частичная передача прямого / коннотативного значения реалии

Table 2. Incomplete transmission of direct/connotative meaning

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. и Ф. Герра
(4) И нас пленяли вдалеке Рожок и песня удалая (ОЕО, с. 65)	(5) E bem ao longe ressoava Da trompa um canto de alegria (TDA, p. 79)	(6) e o som do cornu e uma canção bravia encantavam-nos de longe com uma graça (TNFG, p. 85)

носитель португальского языка отождествляет *рожок* с другим музыкальным инструментом. Читатель перевода Н. и Ф. Герра также может интерпретировать значение реалии *согпо* лишь на основе относительного внешнего сходства рога с русским народным духовым инструментом.

Отсутствие сопроводительного комментария при транскрибировании и транслитерации реалий приводит к **недостаточной экспликации** культурного компонента, то есть, к отсутствию информации, необходимой для верной интерпретации реалии читателями перевода [Тимко, 2021]. Корректное прочтение пушкинского романа невозможно без фоновых знаний о культуре и истории России, которые необходимо эксплицировать для иностранного читателя. Экспликация во многих случаях важна для воссоздания коммуникативного эффекта оригинала в тексте перевода, то есть передачи авторской интенции [Тимко, 2021]. Транскрибирование и транслитерация русских реалий (например, ономастических реалий и фразеологизмов) являются некорректными способами перевода, если они не сопровождаются дополнительными комментариями и не позволяют читателям верно интерпретировать значения культурно-маркированных единиц (табл. 3).

Упомянув *Толстого* в тексте романа, автор оригинала подразумевает художника, иллюстратора и модельера Ф.П. Толстого (1783–1873) [Лотман, 2021, с. 56]. В обоих переводах реалия передана с помощью транскрибирования: *Tolstoi*. Переводчики не приводят дополнительной информации о личности художника, в связи с чем читатель может ошибочно подумать о его однофамильце, русском писателе Л.Н. Толстом.

Таблица 3. Недостаточная экспликация

Table 3. Insufficient explication

А.С. Пушкин	Д. Алвес	Н. и Ф. Герра
(7) Вы, украшенные проворно Толстого кистью чудотворной (ОЕО, с. 53)	(8) Pois vós, ornados vivazmente Por um Tolstoi - pincel florente (TDA, p. 56)	(9) vós, retocados à pressa c’o pincel milagreiro de Tolstói ou, a par dele (TNFG, p. 61)
(10) Лет сорок с ключницей бранился, В окно смотрел и мух давил (ОЕО, с. 28)	(11) Por quarenta anos briguei com a governanta, Ele olhou pela janela e moscas combatera (TDA, p. 36)	(12) por quarenta anos com a empregada estava em desacordo, Ele olhava pela janela, moscas matando (TNFG, p. 42)

Выражение *давить мух* в романе имеет переносное значение «выпивать, принимать алкоголь» [Лотман, 2021, с. 143]. Переводчики передали фразеологизм на португальский язык с помощью калькирования: *moscas combatera / moscas matando* – «убивал мух» (DPLP), без дополнительных комментариев, которые объясняли бы его переносное значение. В данном случае читатели не имеют возможности корректно интерпретировать значение фразеологизма в тексте перевода.

Рассмотренные в этом разделе переводческие решения привели к смысловым и стилистическим нарушениям при передаче реалий в португальских переводах романа А.С. Пушкина, а следовательно, к возможности неверной интерпретации оригинала. Несмотря на бесспорное влияние поэтического фактора на переводческие решения, при выборе переводческих соответствий для ретрансляции реалий именно передача колорита культурно-маркированных единиц представляется приоритетной.

2. Концепция переводческого эксперимента с участием носителей языка.

В рамках исследования была разработана концепция переводческого эксперимента, который предназначен для выявления адекватных способов перевода реалий и способствует преодолению трудностей, возникающих при переводе культурно-маркированных единиц. Результаты сопоставительного анализа реалий и их португальских соответствий легли в основу **экспериментальной гипотезы** о том, что к адекватным следует относить способы перевода реалий, позволяющие передавать национально-культурный колорит исходных единиц средствами языка перевода,

сохраняя их семантику и воспроизводя коммуникативный эффект, которым обладает оригинал. Цель эксперимента состояла в верификации гипотезы путем выявления адекватных способов передачи реалий в анализируемых переводах на основе ответов участников эксперимента.

Экспериментальным материалом послужили анкеты с фрагментами переводов романа, содержащими реалии. Эти анкеты было предложено заполнить носителям португальского языка. Анкеты были представлены в электронном виде на платформе *Google Forms*, что позволило оптимизировать процесс анализа данных.

Анкеты состояли из двух разделов. Первый раздел содержал вопросы, направленные на получение информации о респондентах. Участникам эксперимента было необходимо указать имя, национальность, возраст и уровень образования.

Во втором разделе анкет было представлено **экспериментальное задание**. Респондентам предлагалось прочитать фрагменты из романа на португальском языке и определить значения выделенных реалий. Для установления значения было предложено выбрать верные семантические компоненты из предложенного списка вариантов (рис. 1). Значения реалий были выделены из соответствующих статей русских толковых, лингвострановедческих, лингвокультурологических словарей и переведены на португальский язык.

Например, у реалии *lanmu (alparcas)* были представлены следующие компоненты значения: «традиционная крестьянская обувь» (*calçado camponês tradicional*); «была популярной на Руси в старину» (*que foi usado na Rússia*); «делается из коры березы» (*tecido com casca de tília ou casca de bétula*); «покрывает всю стопу» (*cobrindo o pé*); «не используется в настоящее время» (*não usado atualmente*) (ЛСР; ТСД; ТСО; РКЛС).

Предполагалось, что если носители португальского языка могут корректно определить значения русских реалий в переводах романа на португальский язык, то их перевод является адекватным.

В анкеты были включены 44 фрагмента перевода, которые иллюстрировали различные способы передачи реалий, относящихся к разным тематическим группам (бытовые, этнографические и природные, ономастические реалии и фразеологические единицы).

В эксперименте приняли участие 106 носителей португальского языка в возрасте 18–50 лет, в том числе 60 женского и 46 мужского пола. Все участники эксперимента окончили вуз или находились в процессе получения высшего образования. Они не знали русского языка, не знакомы с русской культурой, не посещали Россию. Участники были разделены на две экспериментальные группы в соответствии с их культурной принадлежностью. Первую группу составили 56 носителей бразильского варианта португальского языка, и ей

"As suas [alparcas] entrançando, Canta o pastor terna canção Do Volga". *

calçado camponês tradicional

que foi usado na Rússia

tecido com casca de tília ou casca de bétula

cobrindo o pé

não usado atualmente

Other...

Рис. 1. Фрагмент экспериментального задания

Fig. 1. Fragment of the experimental task

были предложены фрагменты перевода Д. Алвеса; вторую – 50 носителей европейского варианта, и ей были предложены фрагменты перевода Н. и Ф. Герра.

Интерпретация результатов переводческого эксперимента.

Переводческий эксперимент позволил установить, какие способы передачи культурно значимой информации на португальский язык являются наиболее адекватными. Адекватность перевода была рассчитана в процентах по формуле $N:S*100$ (N – число верных ответов участников, сумевших определить компоненты значения русской реалии в переводе; S – сумма ответов всех респондентов).

Рассмотрим данные об адекватности способов передачи реалий на португальский язык, полученные в каждой группе.

В результате переводческого эксперимента было выявлено, что корреляция является наиболее адекватным способом передачи бытовых реалий (рис. 2). Так, для оценки адекватности применения корреляции носителям португальского языка предлагалось определить значение реалии *квас* в двух переводах. В португальских переводах она была транскрибирована как *kvas* (Д. Алвес) и *kvasse* (Н. и Ф. Герра), что связано с особенностями произношения в Бразилии и Португалии. В анкете, предложенной информантам, у слова

квас были выделены следующие компоненты значения: «напиток с кислым вкусом» (*bebida ácida*); «имеет водную основу» (*à base de água*); «содержит хлеб и солод» (*de pão e malte*); «не содержит алкоголя» (*sem álcool*); «освежающий» (*refrescante*); «когда-то был самым популярным в России напитком» (*tem sido a bebida nacional mais popular na Rússia*).

Результаты эксперимента показали, что реалия *квас* легко интерпретировалась респондентами в обеих экспериментальных группах, в том числе благодаря экспликации ее значения в виде комментариев, данных переводчиками, например: *refresco ácido fermentado de centeio* – «солодосодержащий напиток, который освежает» (Н. и Ф. Герра). Вследствие этого степень адекватности данного способа перевода была высокой и составила 83,9 % в переводе Д. Алвеса и 80 % в переводе Н. и Ф. Герра. Интерпретация бытовых реалий, переведенных иными способами, вызвала у носителей языка трудности, поскольку значения культурно-маркированных единиц не были переданы в полном объеме либо их русский колорит подвергся нейтрализации.

Корреляция является одним из способов адекватной передачи этнографических и природных реалий (см. рис. 3). В ходе эксперимента были использованы фрагменты переводов, в которых реалия *тrepак* была пере-

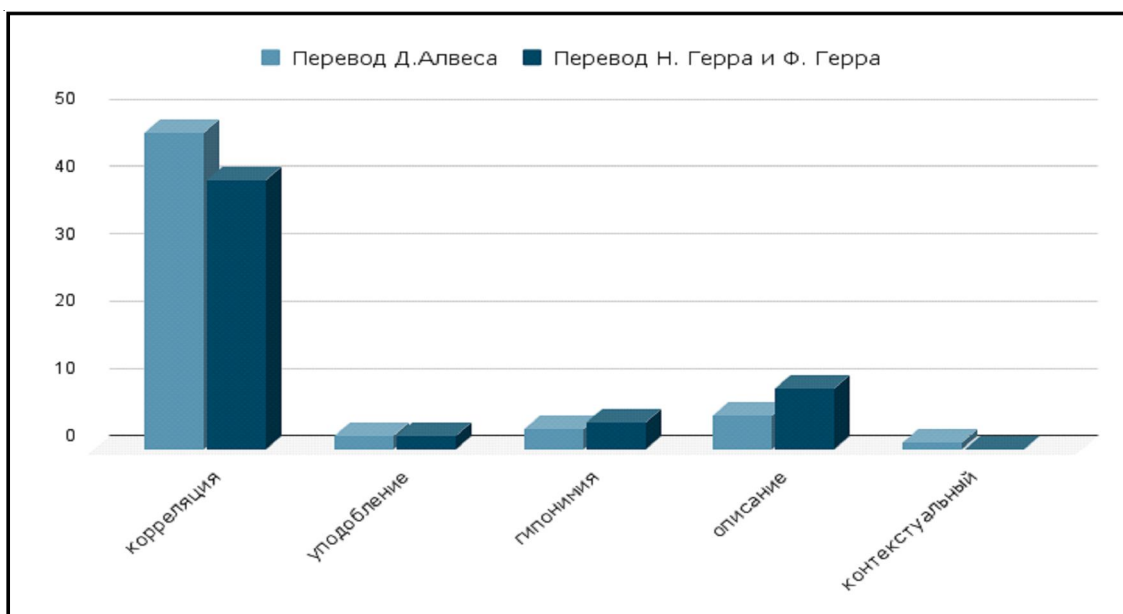

Рис. 2. Оценка адекватности способов перевода бытовых реалий
Fig. 2. Assessing the adequacy of methods for translating domestic realia

дана с помощью корреляции как *trepak*, без каких-либо смысловых, стилистических или графических различий между переводами бразильского и португальских авторов. В экспериментальном материале слово *trepak* было представлено в виде следующих компонентов значений: «старинный танец» (*dança antiga*); «русский народный» (*popular russa*); «исполняется в быстром темпе» (*realizada em ritmo acelerado*); «состоит из дробных шагов и притоptyваний» (*consiste em passos fracionários e tribulações*); «импровизируется исполнителями» (*improvisada por artistas*).

Согласно результатам опроса, этнографические и природные реалии, переведенные посредством корреляции, были интерпретированы носителями португальского языка точнее, чем культурно-маркированные единицы, переданные на португальский язык другими способами перевода. Степень адекватности корреляции составила 85,7 % в переводе Д. Алвеса и 84 % в переводе Н. и Ф. Герра. Данный результат связан с тем, что корреляция позволяет читателям перевода корректно интерпретировать предметное значение реалий и их национально-культурное содержание благодаря подстро-

ным дополнительным комментариям авторов, например: *dança popular russa com inflexão fracionária* – «русский народный танец с дробным притоptyванием» (Д. Алвес). Другие способы передачи культурно значимой информации позволяют интерпретировать лишь отдельные компоненты значений реалий в переводе и нейтрализуют культурную специфику слов.

Адекватная передача онимов на португальский язык в обоих переводах осуществляется посредством корреляции (см. рис. 4). Рассмотрим антропоним *Скотинины* – ироничную отсылку к говорящей фамилии, которую имели персонажи комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». В переводах были использованы формы *Skotinins* (Д. Алвес) и *Skotínin* (Н. и Ф. Герра). Если Д. Алвес транслитерирует антропоним и использует форму множественного числа, то авторы второго перевода транскрибируют реалию и ставят ее в единственное число. Значение реалии в экспериментальном материале включало следующие компоненты: «ист. дворяне» (*hist. nobres*); «герои комедии Д.И. Фонвизина» (*heróis da comédia por D.I. Fonvisin*); «невежественные» (*mal-educados*); «необразованные» (*sem instrução*); «грубые» (*rudes*).

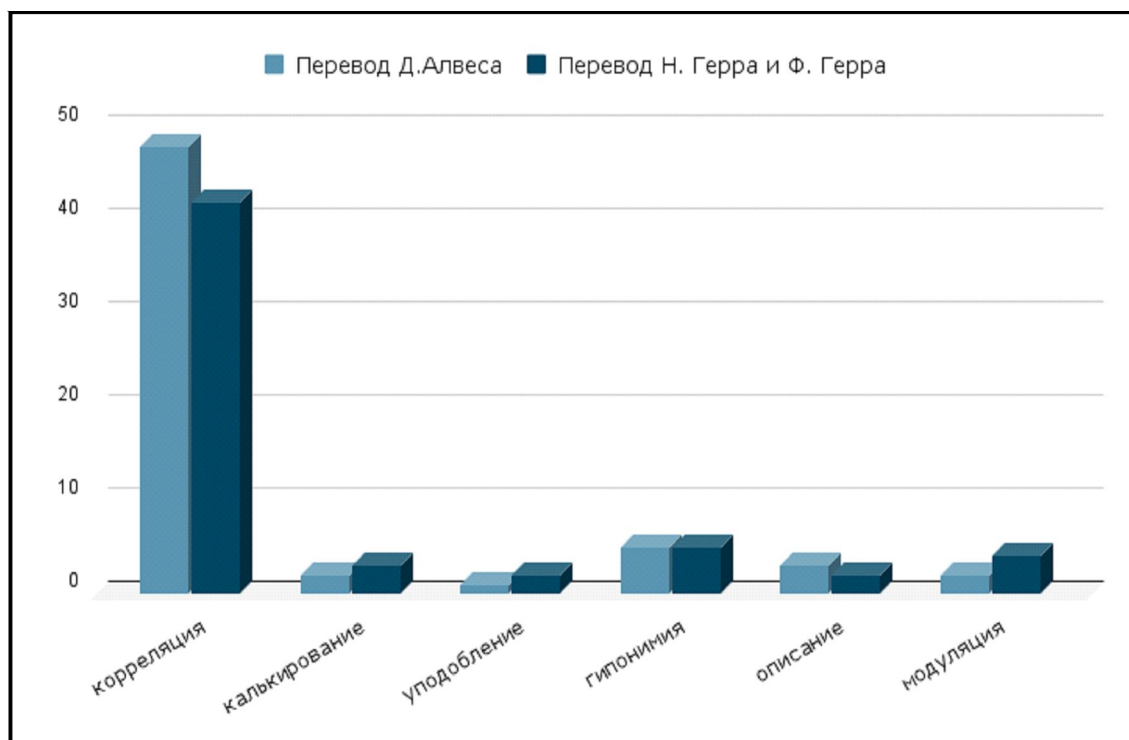

Рис. 3. Оценка адекватности способов перевода этнографических и природных реалий
 Fig. 3. Assessing the adequacy of methods for translating ethnographic and natural realia

Результаты эксперимента с носителями португальского языка показали, что в обоих переводах верная интерпретация онимов возможна в случае их корреляции с указанием лингвокультурного комментария, объясняющего читателям значения реалий, в том числе авторскую интенцию, важную для воссоздания коммуникативного эффекта оригинала в тексте перевода. Такие комментарии были размещены авторами подстрочно или в приложении к переводу, например: *heróis da comédia por D.I. Fonvisin, sem educação e boas maneiras* – «герои комедии Д.И. Фонвизина без образования и хороших манер» (Д. Алвес). Адекватность перевода с использованием корреляции при передаче онимов составляет 83,9 % (Д. Алвес) и 86 % (Н. и Ф. Герра) соответственно.

Высокую степень адекватности также демонстрирует перевод с использованием калькирования. Для оценки адекватности калькирования в экспериментальном материале были размещены фрагменты португальских переводов, содержащие топоним *Летний сад*, который в обоих переводах был передан как *Jardim de Verão*. Эта реалия имеет следующие компоненты значения: «декоративный сад» (*jardim decorativo*); «находится в Санкт-

Петербурге» (*em São Petersburgo*), «создан Петром I» (*criado por Pedro I*).

Результаты анализа ответов респондентов позволяет заключить, что калькирование дает возможность наиболее полно интерпретировать русские реалии в тех случаях, когда они знакомы реципиентам перевода. В бразильском переводе все компоненты значения топонима *Летний сад* верно указали 48,2 % респондентов. Носители европейского варианта португальского языка не смогли корректно интерпретировать значение этой реалии без пояснительных комментариев (верный ответ дали 2 % респондентов). Следовательно, эта реалия русской действительности в большей степени знакома бразильцам, чем португальцам. Другие способы перевода онимов на португальский язык были немногочисленными и не позволяли респондентам определить значения реалий без дополнительной экспликации в виде комментариев.

Адекватным способом передачи фразеологизмов является подбор фразеологического эквивалента (см. рис. 5). Определение адекватности данного способа перевода производилось на примере фрагментов романа, включающих выражение *жажда крови*, переве-

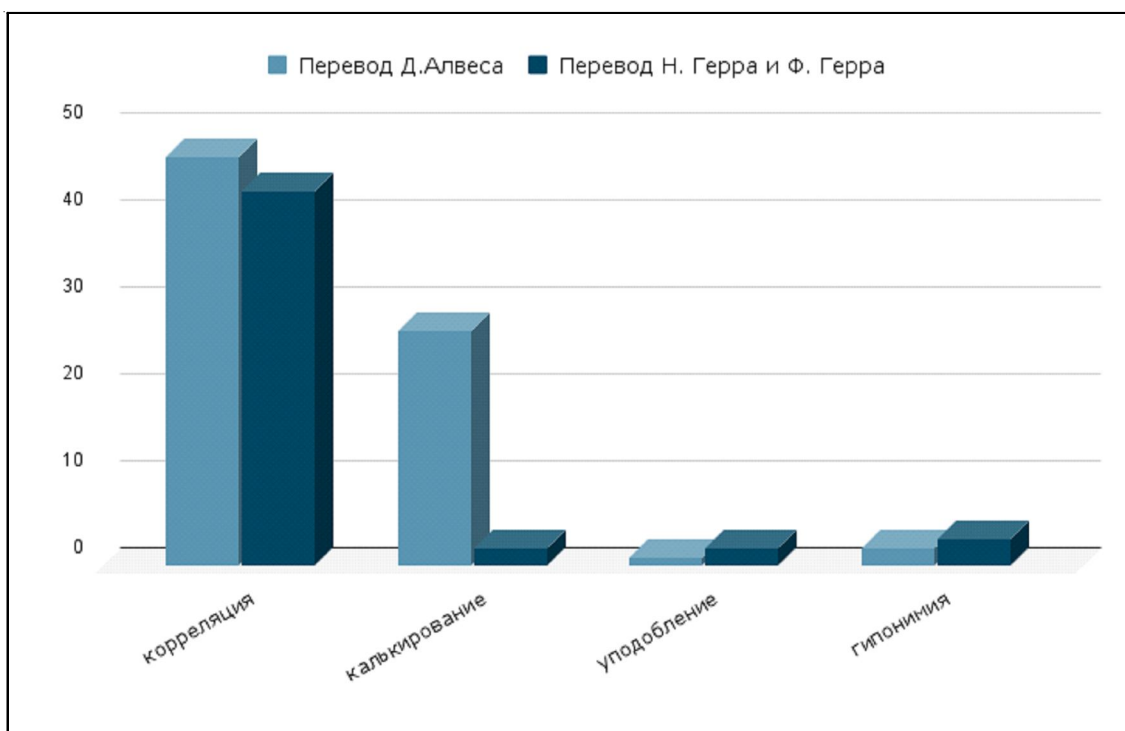

Рис. 4. Оценка адекватности способов перевода ономастических реалий

Fig. 4. Assessing the adequacy of methods for translating onomastic realia

денное как *sede de sangue* – букв. «жажда крови» (Д. Алвес) и как *febre de sangue* – букв. «лихорадка, нестерпимое желание крови» (Н. и Ф. Герра). Оба соответствия являются в португальском языке фразеологизмами, эквивалентными русской идиоме. Различие переводов заключается в выборе первого компонента выражения – *sede* / *febre*. Предпочтения переводчиков могут объясняться разницей в частотности употребления выражений с этими компонентами в бразильском и европейском вариантах португальского языка.

В обоих переводах фразеологизмы, переданные на португальский язык с помощью фразеологических эквивалентов, были интерпретированы носителями языка преимущественно верно (83,9 % – в переводе Д. Алвеса; 88 % – в переводе Н. и Ф. Герра). Использование фразеологических эквивалентов позволило переводчикам ретранслировать все семантические компоненты значений русских фразеологических единиц на португальский язык. Было установлено, что другие способы перевода реалий не передают в полной мере национально-культурного колорита русских устойчивых выражений и потому являются менее адекватными.

Таким образом, результаты переводческого эксперимента показали, что наибольшей сте-

пенью адекватности при переводе всех групп реалий обладают способы перевода, более точно передающие значения исходных реалий, ретранслирующие их национально-культурный колорит и сохраняющие коммуникативный эффект оригинала в тексте перевода. Следовательно, экспериментальная гипотеза подтверждена.

Заключение

Установлено, что реализация некорректных переводческих решений при передаче русских реалий в португальских переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» приводит к нейтрализации национально-культурного колорита, неполной передаче значений исходной реалии и созданию возможности ее неверной интерпретации в тексте перевода. Для выявления способов адекватного перевода реалий в рамках исследования была разработана концепция переводческого эксперимента. Степень понимания носителями европейского и бразильского вариантов португальского языка переведенных русских реалий позволяет определить, какие из использованных способов ретрансляции реалий являются адекватными.

Было обнаружено, что корреляция обеспечивает адекватный перевод бытовых, эт-

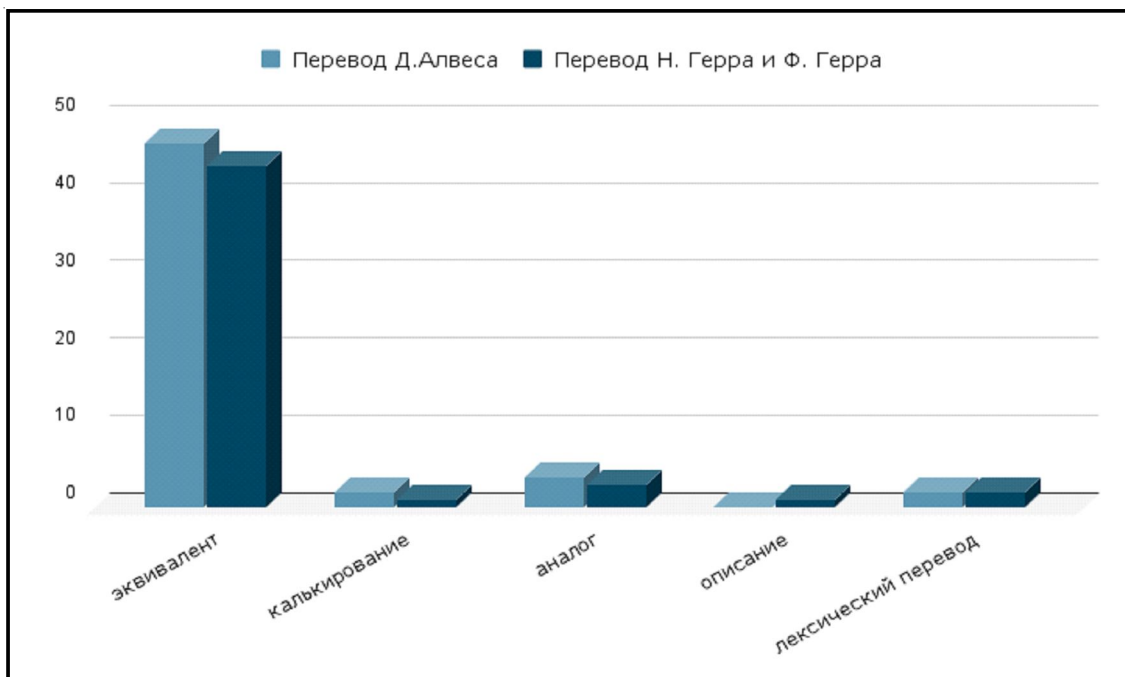

Рис. 5. Оценка адекватности способов перевода фразеологических единиц
 Fig. 5. Assessing the adequacy of methods for translating phraseological units

нокультурных, природных и ономастических реалий. Благодаря сопровождаемой комментариями переводчиков корреляции участники эксперимента преимущественно верно определили семантику реалий в тексте перевода. При переводе ономастических реалий в переводе Д. Алвеса также продемонстрировал адекватность перевод с применением калькирования. Адекватная передача фразеологических единиц на португальский была осуществлена с использованием фразеологического эквивалента, который позволил отразить их национально-культурное своеобразие и передать исходные значения.

Предложенная концепция эксперимента может также быть применена для определения адекватных способов передачи реалий в других переводах русской литературы на португальский язык, а также для анализа ретрансляции культурно значимой информации на другие языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Я. Е., 2019. Преодоление лингвокультурных барьеров в сфере гендерной фразеологии: переводческий эксперимент в китайской аудитории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 1. С. 198–208. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.1.16
- Бархударов Л. С., 2008. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ. 240 с.
- Виноградов В. С., 2004. Перевод. Общие и лексические вопросы. М. : Кн. дом Ун-т. 235 с.
- Влахов С. И., Флорин С. П., 2009. Непереводимое в переводе. М. : Р. Валент. 360 с.
- Данилова В. А., Тивьяева И. В., 2020. «Энциклопедия русской жизни» на португальском языке: лингвокультурная адаптация на лексическом уровне // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 169–179. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179
- Дарбасова С. Д., 2022. Литературно-критические рецепции В.Н. Леонтьева и М.И. Шадрина на изданиях А.Е. Кулаковского 1920-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 4 (41). С. 130–139. DOI: 10.25693/SVGV.2022.41.4.012
- Карданова-Бирюкова К. С., 2018. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 1. С. 85–97. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.9>
- Кунин А. В., 1964. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре // Тетради переводчика. № 2. С. 52–54.
- Лотман Ю. М., 2021. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб. : Азбука. 512 с.
- Огнева Е. А., 2012. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. М. : Эдитус. 232 с.
- Рецкер Я. И., 2006. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент. 244 с.
- Савицкий В. М., 2020. Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. С. 40–44. DOI: 10.31483/t-86172
- Сулейманова О. А., Демченко В. В., 2018. Использование BIGDATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* // Когнитивные исследования языка. № 33. С. 466–472.
- Тимко Н. В., 2021. Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода: подходы, лакуны, перспективы // Научный диалог. № 3. С. 121–138. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-121-138
- Швейцер А. Д., 2019. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : URSS. 216 с.
- Sdobnikov V. V., 2019. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges // Russian Journal of Linguistics. Vol. 23, № 2. P. 295–327. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327

ИСТОЧНИКИ

- OEO* – Пушкин А. С. Евгений Онегин. М. : Азбука, 2021. 448 с.
- TDA* – Pushkin A. S. Eugénio Onéguin. Brasil Edition. Tradução de Dario Moreira de Castro Alves. Rio de Janeiro : Record, 2010. 288 p.
- TNFG* – Púchkin A. S. Eugénio Onéguin. Portuguese Edition. Tradução de Nina Guerra e Filipe Guerra. Lisboa : Relogio, 2016. 231 p.

СЛОВАРИ

- ЛСП* – Лингвострановедческий словарь «Россия». М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2021. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/>
- PKLC* – Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / под ред. И. В. Захаренко [и др.]; сост. И. С. Брилева [и др.]. М. : Гнозис, 2004. 315 с.
- ТСД* – Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. 2009. URL: <http://slovardalya.ru/>

TCO – Толковый словарь Ожегова. 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
 DPLP – Dicionario Priberam da Lingua Portuguesa. Lisboa : Priberam Informática, S. A. URL: <https://www.priberam.pt/>
 MDBLP – Michaelis Dicionario Brasileiro da Lingua Portuguesa: São Paulo : Editora Melhoramentos Ltda. URL: <http://michaelis.uol.com.br/>

REFERENCES

- Andreeva Ya.E., 2019. Preodolenie lingvokulturnykh baryerov v sfere gendernoy frazeologii: perevodcheskiy eksperiment v kitayskoy auditorii [Overcoming Linguocultural Barriers in the Field of Gender Phraseology: Translation Experiment in the Chinese Audience]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], no. 1, pp. 198-208. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.1.16
- Barkhudarov L.S., 2008. *Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and Translation: Issues of General and Particular Theory of Translation]. Moscow, Izd-vo LKI. 240 p.
- Vinogradov V.S., 2004. *Perevod: Obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation: General and Lexical Questions]. Moscow, Kn. dom Un-t. 235 p.
- Vlakhov S.I., Florin S.P., 2009. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow, R. Valent Publ. 360 p.
- Danilova V.A., Tivyayeva I.V., 2020. «Entsiklopediya russkoy zhizni» na portugalskom yazyke: lingvokulturnaya adaptatsiya na leksicheskom urovne [“Encyclopedia of Russian Life” in Portuguese: Linguocultural Adaptation on Lexical Level]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 169-179. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179
- Darbasova S.D., 2022. Literaturno-kriticheskie retseptsii V.N. Leontyeva i M.I. Shadrina na izdaniya A.E. Kulakovskogo 1920-kh gg. [Literary and Critical Receptions of V.N. Leontiev and M.I. Shadrin on the A.E. Kulakovsky's Publications in the 1920s]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities], no. 4 (41), pp. 130-139. DOI: 10.25693/SVGV.2022.41.4.012
- Kardanova-Biryukova K.S., 2018. Osobennosti kommunikativnogo povedeniya nositeley russkogo yazyka v mezhluchnostnom obshchenii (eksperimentalnoe issledovanie) [Specifics of Russian Speakers' Communicative Behavior in Interpersonal Communication (Based on the Findings of Experimental Research)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 1, pp. 85-97. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.9>
- Kunin A.V., 1964. O perevode angliyskikh frazeologizmov v anglo-russkom frazeologicheskom slovare [On the Translation of English Phraseological Units in the English-Russian Phraseological Dictionary]. *Tetrady perevodchika* [Translator's Notebooks], no. 2, pp. 52-54.
- Lotman Yu.M., 2021. *Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»*. *Kommentariy* [Novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”. Commentary]. Saint Petersburg, Azbuka Publ. 512 p.
- Ogneva E.A., 2012. *Khudozhestvennyy perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda* [Literary Translation: Problems of Transferring Components of the Translation Code]. Moscow, Editus Publ. 232 p.
- Retsker Ya.I., 2006. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow, R. Valent Publ. 244 p.
- Savickiy V.M., 2020. Etnospetsifika kulturnykh kodov [Ethnic Specificity of Cultural Codes]. *Etnicheskaya kultura* [Ethnic Culture], pp. 40-44. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-86172>
- Suleymanova O.A., Demchenko V.V., 2018. Ispolzovanie BIGDATA v eksperimentalnykh lingvokognitivnykh issledovaniyakh: analiz semanticheskoy struktury glagola shudder [Using BIGDATA in Experimental Linguo-Cognitive Studies: Analysis of the Semantic Structure of the Verb Shudder]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 33, pp. 466-472.
- Timko N.V., 2021. Sovremennyye dissertatsionnye issledovaniya lingvokulturologicheskikh faktorov v teorii i praktike perevoda: podkhody, lakuny, perspektivy [Modern Thesis Research of Linguoculturological Factors in the Theory and Practice of Translation: Approaches, Gaps, Prospects]. *Nauchnyy dialog*, no. 3, pp. 121-138. DOI 10.24224/2227-1295-2021-3-121-138
- Shveytser A.D., 2019. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, and Aspects]. Moscow, URSS Publ. 216 p.
- Sdobnikov V.V., 2019. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 295-327. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327

SOURCES

- Pushkin A.S. *Evgeniy Onegin* [Eugene Onegin]. Moscow, Azbuka Publ., 2021. 448 p.
- Pushkin A.S. *Eugénio Onéguin. Brasil Edition. Tradução de Dario Moreira de Castro Alves.* Rio de Janeiro, Record Publ., 2010. 288 p.
- Púchkin A.S. *Eugénio Onéguin. Portuguese Edition. Tradução de Nina Guerra e Filipe Guerra.* Lisboa, Relógio Publ., 2016. 231 p.

DICTIONARIES

- Lingvostranovedcheskiy slovar «Rossiya»* [Linguistic and Regional Dictionary “Russia”]. Moscow, Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 2021. URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/>

- Zakharenko I.V., Brileva I.S., Volskaya N.P., Gudkov D.B., eds. *Russkoe kulturnoe prostranstvo: Lingvokulturologicheskiy slovar. Вып. 1* [Russian Cultural Space: Linguistic and Cultural Dictionary. Iss. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 315 p.

- Tolkovy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka V.I. Dalya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl], 2009. URL: <http://slovardalya.ru/>

- Tolkovy slovar Ozhegova* [Explanatory Dictionary by Ozhegov], 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/>

- Dicionario Priberam da Lingua Portuguesa.* Lisboa, Priberam Informática, S.A. URL: <https://www.priberam.pt/>

- Michaelis Dicionario Brasileiro da Lingua Portuguesa.* São Paulo, Editora Melhoramentos Ltda. URL: <http://michaelis.uol.com.br/>

Information About the Author

Vasilisa A. Danilova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Romance Languages and Linguistic Didactics, Moscow City University, 2-y Selskokhozyaystvennyy Proezd, 4, 129226 Moscow, Russia, Danilova-418@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8981-6684>

Информация об авторе

Василиса Андреевна Данилова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков и лингводидактики, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 г. Москва, Россия, Danilova-418@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8981-6684>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.16>

UDC 81'1:612.885
LBC 81.003

Submitted: 28.02.2024
Accepted: 08.07.2024

THE LANGUAGE OF THE “SECRET SENSE”: ON THE LINGUISTIC STUDY OF PROPRIOCEPTION

Alexandra V. Nagornaya

HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper considers the possibility of linguistic research into proprioception – the perception of the body boundaries, its position, balance and movement in space. The study of proprioception is presented as part of the general paradigm of Sensory Linguistics and is regarded as one of its main priorities. Starting from the classical definition of proprioception as a “secret sense” proposed by Ch. Sherrington, the author identifies the factors that impede its cognitive processing, verbalization and scientific analysis. The paper describes the phenomenological properties of proprioception as a pre-reflexive bodily experience, substantiates the need for its differentiation from interoception, demonstrates its role in the formation of subjective experience, analyzes different approaches to its definition within natural sciences and arts. It further looks into the inner form of the term “proprioception” to reveal a link between this type of sensory experience, the formation of identity and the normal mode of human functioning as an integral bodily and spiritual being. The paper proposes a few lines of linguistic research into proprioception. Among them are the inventory of proprioceptive terminology, the analysis of semantic features and functions of perceptonyms, research into metaphor as the key means of conceptualizing proprioceptive experience, and the study of syntactic structures used in verbalizing proprioceptive sensations.

Key words: Sensory Linguistics, proprioceptive sensation, interoceptive sensation, subjective experience, pre-reflexive experience, body schema, body image, metaphor.

Citation. Nagornaya A. V. The Language of the “Secret Sense”: On the Linguistic Study of Proprioception. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 219-231. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.16>

УДК 81'1:612.885
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 28.02.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

ЯЗЫК «ТАЙНОГО ОЩУЩЕНИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОПРИОЦЕПЦИИ

Александра Викторовна Нагорная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается возможность лингвистического исследования проприоцепции – особого вида чувствительности, связанного с восприятием границ тела, его положения, баланса и перемещения в пространстве. Проприоцептивная проблематика вписана в парадигму лингвосенсорики и признана одним из приоритетных направлений ее дальнейшего развития. Отталкиваясь от классического определения

проприоцепции как «тайного ощущения» (Ч. Шеррингтон), автор рассматривает различные факторы, препятствующие ее осмыслению, выводу в речь и научному анализу. В статье охарактеризована феноменологическая специфика проприоцепции как предрефлективного телесного опыта, обоснована необходимость ее отграничения от интероцепции, показана ее роль в формировании субъективного опыта человека, проанализированы различные подходы к ее определению в рамках естественных и гуманитарных наук, уточнены границы понятия с учетом лингвистической перспективы исследования. В результате обращения к внутренней форме термина «проприоцепция» выявлена связь этого вида чувствительности с процессом формирования идентичности и обеспечением нормального режима функционирования человека как целостного телесно-духовного существа. Определены возможные направления исследования проприоцепции в современной лингвистике, включая каталогизацию терминов-перцептонов, уточнение их семантического объема и установление их функциональной нагрузки, изучение метафоры как главного средства осмысления и вывода в речь проприоцептивного опыта, анализ синтаксических структур, используемых для вербализации проприоцептивных ощущений.

Ключевые слова: лингвосенсорика, проприоцептивное ощущение, интероцептивное ощущение, субъективный опыт, предрефлективный опыт, схема тела, образ тела, метафора.

Цитирование. Нагорная А. В. Язык «тайного ощущения»: перспективы лингвистического исследования проприоцепции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 219–231. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.16>

Введение

Одним из наиболее интересных и динамично развивающихся направлений современного языкознания является лингвосенсорика (см.: [Нагорная, 2017]). Изначально она возникла как «область лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [Харченко, 2012, с. 6]. За последнее десятилетие, однако, с появлением отчетливой установки на междисциплинарное взаимодействие все более очевидной становится необходимость расширения исследовательской перспективы с учетом тех представлений о человеческом сенсориуме, которыми руководствуются современные физиологи и психологи, а отчасти и специалисты в области культурной антропологии.

Особую эвристическую ценность имеет базисная для физиологии трехчастная модель сенсориума, которая была предложена в начале XX в. Ч. Шеррингтоном [Sherrington, 1906] и, несмотря на некоторые разночтения в последующих интерпретациях, не утратила актуальности до настоящего времени. Шеррингтон выделил следующие группы ощущений: 1) *экстероцептивные*, которые возникают при воздействии на рецепторы, расположенные на поверхности тела; 2) *интероцептивные*, обусловленные процессами, происходящими

во внутренней среде организма, и 3) *проприоцептивные*, которые возникают при раздражении рецепторов, расположенных в опорно-двигательном аппарате.

Следуя данной классификации, мы вынуждены признать, что до недавнего времени лингвосенсорика действовала в весьма ограниченном диапазоне, фокусируясь исключительно на экстероцептивных ощущениях и оставаясь слепой к двум другим составляющим человеческой чувственности. Лингвистическое освоение интероцепции началось лишь около десяти лет назад [Нагорная, 2014]. Проприоцепция же по-прежнему является исследовательской лакуной. Ее заполнение важно не только для планомерного развития лингвосенсорики, но и для профессионального участия языковедов в решении ряда теоретических и практических задач, которые стоят перед смежными сенсорно ориентированными науками, представители которых так или иначе полагаются в своих изысканиях на словесные описания разных видов опыта. Среди этих задач системное изучение феноменов субъективной реальности в философии и психологии [Дубровский, 2013]; повышение эффективности телесно-ориентированной терапии [Lowen, 1993]; коррекция речевых расстройств [Clinical Management..., 1997]; развитие нейрорепсихологии [Лурия, 1982]; продвижение нарративной медицины [Charon, 2006] и множество других.

Результаты и обсуждение

Проприоцепция как «тайное» ощущение

Признавая важность изучения проприоцепции, мы отнюдь не склонны приуменьшать сложность этой задачи. Еще Ч. Шеррингтон называл проприоцептивные ощущения «тайными» или «секретными» (*secret*) [Sherrington, 1906]. Эта «секретность» имеет множество проявлений и обнаруживается как на первичном экспериенциальном уровне (уровень воспринимающего субъекта), так и на уровне объективного научного анализа.

Сам Шеррингтон под секретностью понимал то, что современные исследователи называют «экспериенциальной прозрачностью» [Ataria, 2018, p. 33]: неосознаваемый характер проприоцептивных ощущений, их скрытость от рефлексирующего разума, роль не замечаемого «феноменологического фона» [Dainton, 2008] для всех видов человеческой деятельности.

Подчеркнем, однако, что «неосознаваемость» не следует понимать как **вне**рефлексивность, принципиальную недоступность сознанию. С позиций феноменологической философии, которая доказала свою состоятельность и перспективность при исследовании сенсорики, «секретность» проприоцептивных ощущений носит до- или предрефлексивный характер [Gallagher, 2019, p. 9].

Определяя сущность предрефлексивности, Ш. Галлахер называет ее «имплицитной осознанностью первого порядка»: формой осознанности, которая возникает до того, как мы начинаем рефлексировать над нашим опытом. Она не связана со специфическим экспериенциальным содержанием, не имеет ни диахронического, ни синхронического измерения, поскольку не предполагает аккумуляции, структурирования и систематизации опыта. Она является по сути знакомством с самим собой, которое носит ненаблюдательный характер (*non-observational self-acquaintance*) [Gallagher, 2019, p. 10]. Это глубинный, базовый, низший слой самосознания, на котором формируется фундамент для освоения грамматики местоимения «я» [The Body and the Self, 1998, p. 153]. Это значит, что проприоцепции принадлежит ведущая роль

в формировании чувства идентичности. Не случайно некоторые исследователи эксплицитно называют проприоцепторы «рецепторами для Я» (*receptors for self*) [Kaya, Yertutanol, Calik, 2018, p. 5]. Более яркий образ предлагает О. Сакс, описывая проприоцепцию как «место органической швартовки идентичности» (*organic mooring of identity*)¹ [Sacks, 2022, p. 56].

В связи с этим обратим внимание на внутреннюю форму термина «проприоцепция». В отличие от «экстероцепции» и «интероцепции», которые отражают скорее формальные, локализационные признаки соответствующих ощущений, термин «проприоцепция» исполнен глубокого, философского смысла. Шеррингтон осознанно заложил в него идею собственности (*property*), подчеркивая, что благодаря этому типу ощущений мы можем воспринимать свое тело как принадлежащее именно нам [Sherrington, 1906].

Заметим, что идея собственности по отношению к своему телу, владения им неоднократно становилась объектом рефлексии в философии и психологии. Исследователи справедливо отмечают, что мы не можем владеть телом в том же смысле, в каком мы владеем приобретенными нами предметами. Термины «владение» и «собственность» предлагается считать метафорами, не отражающими подлинной сути нашего отношения к своему телу [Owning a Body..., 2019, p. 8], за исключением ситуаций, когда обсуждаются соматические права личности, в том числе право на распоряжение биоматериалом. В работах феноменологического толка чаще используется намеренно нейтральный, предельно семантически обобщенный термин *mineness* («принадлежность мне») или *experience of mineness* (опыт принадлежности мне) (см., например: [Guillot, 2017]). Суть *mineness* становится более понятной в противопоставлении двум другим экспериенциальным феноменам: *for-me-ness* (опыт «для меня»), осознание качественных характеристик самого опыта, через который проходит человек, и *me-ness* (опыт «я», или опыт самости), осознание того, что через этот опыт проходит именно сам человек [Guillot, 2017, p. 47].

В отсутствие органических и психических патологий все три эти компонента оказы-

ваются связанными между собой и предполагают друг друга. При этом *mine-ness* является наиболее глубинным, базисным, а два других компонента есть его производные, включающие компонент рефлексии [Gallagher, 2019, p. 8].

В этой «нормальной» ситуации проприоцепция раскрывает еще один свой феноменологический и семантический секрет: в ней обнаруживается смысл «правильности» (*proper*), на который указывает О. Сакс [Sacks, 2012a, p. 50]. Именно проприоцептивная информация, задающая фон нашей повседневной жизни, обеспечивает нам ощущение «нормальности» бытия, гармонии со своим телесным началом и с окружающим миром, «правильности» происходящего.

Есть множество ситуаций, в которых «тайное» проприоцептивное ощущение обретает непривычную и далеко не всегда комфортную для человека «явность». «Явление» проприоцепции сознанию происходит при освоении сложных моторных действий (отработка техники движений в спорте и танцах, при игре на различных музыкальных инструментах, использовании орудий и т. п.); при нарушении привычных автоматизмов в результате травм, неврологических расстройств, послеоперационных ограничений; при возникновении ряда психических нарушений (шизофрения, соматопарафрения, деперсонализация и др.); при обучении популярным ныне медитативным практикам, требующим концентрации на собственных телесных ощущениях и др.

Явным может стать не только присутствие, но и отсутствие проприоцепции. Как пишет О. Сакс, если в не замечаемом нами тайном ощущении возникает нарушение или искажение, мы испытываем чрезвычайно странное, почти невыразимое чувство – перцептивный эквивалент слепоты или глухоты [Sacks, 2022, p. 76].

Упомянутая Саксом «невыразимость» – это еще одна грань секретности проприоцепции, которая особенно актуальна для лингвистического ее исследования. Трудности с выражением этого вида опыта в значительной степени связаны с неочевидной представленностью проприоцепции в языке. Как и в случае с интероцептивными ощущениями, мы сталкиваемся с крайней дефицитностью

словаря, со скудостью готовых, понятных всем и рекомендуемых к употреблению вербальных средств выражения соответствующих переживаний.

Обратим внимание на важную оговорку – «почти» невыразимое. Проприоцепция все же репрезентируется в языке. Однако при попытке обнаружения и систематизации этих языковых средств мы выявляем еще одну грань «секретности» проприоцепции, которая проявляется на уровне научного анализа.

Термин «проприоцепция» обнаруживает крайне неудобную пластичность, меняя свой семантический объем от исследования к исследованию. Несмотря на то, что все авторы так или иначе отталкиваются от классификации Ч. Шеррингтона, они часто предлагают неоправданно узкие или столь же неприемлемо широкие определения проприоцепции. Так, весьма авторитетный психолог А. Фогель определяет проприоцепцию исключительно как «ощущение движения» (*our sense of movement*), эксплицитно противопоставляя ее схеме тела, к которой он относит ощущение размерности, положения и формы тела [Fogel, 2009, p. 15]. Другие исследователи определяют проприоцепцию чуть шире, как ощущение положения тела в пространстве, которое связано с двигательным контролем [Santuz, Zampieri, 2024, p. 20]. Более крупный фокус представлен в статье У. Проске и С. Гандевии, где под проприоцепцией понимается ощущение положения тела (прежде всего конечностей), передвижения, напряжения и усилия, а также баланса [Proske, Gandevia, 2012, p. 1651].

Во всех вышеперечисленных случаях исследователи все же идут за Шеррингтоном, действуя в пределах заданных им феноменологических координат и концептуальных ограничений. Однако в последнее время наметилась тенденция к размыванию границ между предложенными им категориями. Проприоцепция часто объединяется с интероцепцией по сугубо формальному пространственному признаку: оба вида ощущений локализируются *внутри* тела. Весьма показательным в этом отношении определением, данное С. Деллантино и Д. Пасторе: проприоцептивной является перцептивная информация о том, что происходит внутри нас [Dellantonio, Pastore, 2012, p. 14]. К проприоцепции они относят ощущение

движения, положения тела, а также любое ощущение, связанное с общим состоянием тела и отдельных его частей. Этой же позиции придерживается С. Ивасаки при изучении способов вербализации проприоцептивных ощущений в тайском языке [Iwasaki, 2002]. Он использует термин «проприоцептивный» как антоним «экстероцептивного», покрывая им две внутрителесные сферы: собственно проприоцепцию и интероцепцию. В результате в категорию проприоцептивных ощущений попадают головная боль, ощущение усталости и даже эмоциональные состояния, что противоречит не только устоявшимся трактовкам перцепции, но и здравому смыслу.

Известны и попытки полностью нейтрализовать оппозицию внешнетелесное – внутрителесное. Так, Дж. Гибсон утверждает, что общепризнанные пять экстероцептивных ощущений предоставляют человеку как экстероцептивную, так и проприоцептивную информацию. При этом он переосмысливает само понятие проприоцепции, трактуя этот вид ощущений как *эгорецепцию*, ощущение самого себя, а не как специфический канал сенсорной информации либо совокупность каналов. Коль скоро определенная перцептивная система начинает снабжать человека информацией о том, каким видом деятельности он занят, она становится «проприочувствительной» и входит в проприоцепцию [Gibson, 2013, p. 115].

Такой перцептивно-классификационный глобализм отчасти отражает реальную феноменологическую сложность сенсорного опыта. Многочисленные исследования и практические наблюдения над людьми, страдающими различными неврологическими расстройствами, доказывают, что в отсутствие привычных проприоцептивных стимулов они используют зрение и осязание для того, чтобы «прочувствовать» положение собственного тела и обеспечить себе возможность перемещения в пространстве (см., например: [Saulton, 2017, p. 11]). Таким образом, четкое разграничение видов сенсорного опыта возможно лишь в теории, на практике же разные сенсории образуют сложные интегративные комплексы, в которых их традиционная функциональная нагрузка перераспределяется. Упомянем еще одно важное обстоятельство: нарушение *схемы тела* может функционально

компенсироваться активацией *образа тела* – системой осознанных представлений о собственном устройстве [Body Schema..., 2021, p. 24]. Четкое осознание того, где находятся отдельные части тела, позволяет совершать привычные моторные действия, пусть и в несколько редуцированном формате, даже в условиях дефицита перцептивной информации (см.: [Gallagher, 2005, p. 24]). Вспомним в связи с этим предложение Л. Талми о введении в научный обиход понятия «цепция», которое позволило бы не только снять вопрос о разграничении разных видов ощущений, но и нейтрализовать давнюю полемику о целесообразности противопоставления ощущения и восприятия, «перцепции» и «концепции» [Talmy, 2000].

Совершенно очевидно, что такой концептуальной разницей не только мешает изучению проприоцепции в рамках дисциплин, традиционно ориентированных на исследование сенсорики, но и создает серьезные препятствия для реализации междисциплинарных проектов. Особенно контрпродуктивен он для лингвосенсорики, поскольку объем и содержание словаря проприоцепции будет неизбежно определяться тем, какой ее трактовки (узкой или широкой) придерживается исследователь.

Исходя из нашего опыта работы с теоретическими источниками и практическим текстовым материалом, а также значительных наработок в области лингвистического исследования интероцепции [Нагорная, 2014], мы считаем наиболее валидной такую трактовку проприоцепции, при которой в эту категорию включаются ощущения границ тела, его положения в пространстве, перемещения и баланса [McLaren, 2010, p. 47]. Именно она обеспечивает исследовательскую преемственность в междисциплинарной перспективе и отвечает потребностям лингвосенсорики, позволяя более точно и методологически выверенно сфокусироваться на изучении этого качественно своеобразного ощущения.

Заслуживает внимания предложение К. МакЛарен о включении в проприоцепцию ощущения собственных пределов досягаемости в окружающем пространстве [McLaren, 2010, p. 47]. Эта идея коррелирует с чрезвычайно популярными экологическими концепциями телесности (см., например: [Gibson, 2013]). Согласно этим концепциям, проприоцепция

вместе с другими видами ощущений снабжает человека прагматически ориентированным осознанием тела (*pragmatic bodily awareness*) [Gallagher, 2019, p. 13], и основная ее функция заключается в том, чтобы обеспечить ему возможность действовать в условиях наличествующей среды, с учетом актуальных на данный момент аффордансов [The Body and the Self, 1998, p. 155]. Заметим, что и А. Фогель при описании схемы тела говорит о важности координации между нашим телом и окружающей средой [Fogel, 2009, p. 11]. «Пределы досягаемости» представляются проблемой, актуальной для дистантных экстероцептивных (зрение, слух и обоняние) и проприоцептивных ощущений. Здесь, однако, следует соблюдать некоторую осторожность. Нам представляется, что ощущение границ досягаемости несколько выбивается из проприоцептивной парадигмы, поскольку оно возникает в результате направленного перцептивного акта и включает элемент рациональной оценки для принятия более или менее осознанного решения по поводу совершения того или иного действия. На данном этапе мы предпочли бы воздержаться от включения этого компонента в состав проприоцепции.

**Возможные направления
исследования проприоцепции
в рамках лингвосенсорики**

Изучение феномена проприоцепции, безусловно, относится к одним из приоритетных направлений дальнейшего развития лингвосенсорики. Заметим, однако, что проприоцептивная проблематика может оказаться актуальной и для фундаментальной лингвистики с учетом усиления в ней когнитивистских идей, течений и концепций. Так, в настоящее время все бóльший научный вес и методологическую востребованность обретает теория воплощенного значения. Ее центральный постулат заключается в том, что значение формируется под воздействием процессов, происходящих в человеческом теле, и обусловлено, главным образом, его сенсорно-моторными возможностями, а также способностью испытывать чувства и эмоции [Johnson, 2007, p. 9].

Последовательное применение принципов теории воплощенного значения все чаще

приводит исследователей к мысли о том, что многие веками устоявшиеся языковедческие конвенции требуют пересмотра. Приведем лишь один, но весьма показательный, пример, который непосредственно связан с обсуждаемой в статье проблемой: по мнению С. Деллантонио и Л. Пасторе, содержание категории «абстрактные существительные» необходимо подвергнуть ревизии. Из нее нужно исключить те единицы, семантика которых явно коренится в проприоцептивном и интероцептивном опыте, всегда носящем восчувствованный, а следовательно – конкретный, характер. Сюда относятся слова типа *movement* (движение), *pain* (боль), *hunger* (голод), *exhaustion* (изнеможение) и т. п. [Dellantonio, Pastore, 2012, p. 16].

Задача исследователя, работающего в проблемном поле лингвосенсорики, заключается, главным образом, в максимально полной каталогизации языковых средств, используемых для вывода в речь проприоцептивных ощущений, и их последующей систематизации.

Первой в поле зрения лингвиста попадает лексика. На сегодняшний день относительно изученным оказывается лишь один аспект проприоцепции – кинестетический. Его исследованием в основном занимаются когнитивисты, поскольку опыт движения признается важнейшим фактором познавательной и смыслозидующей деятельности человека. Исследуется событийная схема движения [Langacker, 1987; Mani, Pustejovsky, 2012], определяются те его аспекты, которые могут быть положены в основу классификации лексики, репрезентирующей данный вид опыта [Cardini, 2008]. Важно подчеркнуть, однако, что эти исследования проводятся в основном без привязки к собственно сенсорному, восчувствованному опыту движения. Их главная цель заключается в анализе той кинетической динамики, которая может получить объективную оценку и быть закрепленной в семантике слова. В фокусе внимания оказываются такие характеристики движения, как направление, вектор, траектория, скорость, способ перемещения и т. д. Это как бы взгляд на движение «извне», с позиции стороннего наблюдателя, в то время как лингвосенсорика исходит из «внутренней» перспективы субъекта-перцептора. Тем не менее, эти наработки могут

служить полезным ориентиром при изучении словаря проприоцепции. Используя уже созданные классификации, можно ввести дополнительные «сенсорные» параметры для отбраковки лексики, которая не репрезентирует восчувствованный опыт движения. Так, глаголы, обозначающие перемещение с помощью транспортных средств (например, *canoe* – перемещаться на каноэ) и акустические характеристики движения (например, *whistle* – проноситься со свистом), очевидно, не принадлежат проприоцептивному словарю. В то же время предикаты, профилирующие параметры «сила» (*barge* – вламываться), «вес» (*trundle* – тяжело переваливаться), «непрерывность» (*flow* – струиться) и др., вероятно, могут использоваться для обозначения ощущений, локализуемых в опорно-двигательном аппарате. Этот вопрос, однако, требует тщательной проработки на большом массиве текстового материала, поскольку даже при самом поверхностном рассмотрении становится ясно, что выделенные ранее категории лексики «сенсорно» разнородны. Так, среди предикатов, профилирующих траекторию движения, есть как те, которые вряд ли могут обозначать ощущение (например, *orbit* – вращаться вокруг чего-то), так и те, которые прочно коренятся в телесных (проприоцептивных) динамиках. К ним, например, относятся *zigzag* (делать зигзаги) и *arc* (образовывать дугу, вставать дугой) (см.: [Johnson, 2007, p. 26]). Таким образом, даже в этой достаточно хорошо изученной сфере остается множество непроработанных лингвосенсорных аспектов. Заметим, что новый, «сенсорный» ракурс исследования лексики движения полезен и для лингвистики в целом, поскольку он позволит выявить дополнительные семантические и прагматические параметры лексических единиц, что важно для лексикографии.

Что касается остальных аспектов проприоцепции, то здесь скорее можно говорить о некоторых перспективах исследования, чем о каком-либо серьезном научном заделе.

Одной из таких важнейших перспектив является изучение метафоричности проприоцептивных ощущений. Наш опыт работы с языком интероцепции показывает, что отсутствие семантически узких, терминоподобных «перцептонимов» отнюдь не означает, что соответ-

ствующее ощущение не выводится в речь. Дефицитарность словаря *qualia* успешно компенсируется разнообразием метафорических средств выражения.

Чрезвычайно важным представляется нам то обстоятельство, что валидность метафоры как средства вербализации проприоцептивных ощущений подтверждается специалистами-неврологами. Особенно ценными являются наблюдения, которыми делится с нами О. Сакс. Многолетний опыт работы с пациентами, страдающими неврологическими расстройствами, в том числе и различными формами проприоцептивного дефицита, привел его к пониманию того, что наиболее «базовые», «основополагающие» вопросы (*fundamental questions*) – «Как ты?» и «Каково это?» – в принципе не допускают терминологически точных, буквальных ответов. Они могут быть адекватно сформулированы лишь с помощью аналогий, аллюзий, образных сравнений (*as if*), метафор и других средств, обладающих свойством эвокативности [Sacks, 2012b]. Под эвокативностью понимается способность используемой формы порождать в сознании адресата яркий, наглядный образ, вызывающий у него эмпатийный отклик. Такой отклик важен, поскольку проприоцептивные переживания составляют часть субъективной реальности человека, недоступной никому другому. Открыть эту реальность другому и сделать ее понятной можно, лишь адресовав слушателя к тем фрагментам опыта, которые хорошо ему знакомы и вызывают схожую эмоциональную реакцию. Именно эту функцию выполняют перечисленные Саксом средства, которые в рамках современной когнитивной лингвистики часто рассматриваются как разные проявления концептуальной метафоры (см., например: [Steen, 2015]). Говоря словами О. Сакса, только метафора позволяет нам сформулировать почти неформулируемое, чтобы передать почти не передаваемое [Sacks, 2012b, p. 8]; только метафора способна дотянуться до непередаваемого [Sacks, 2012b, p. 226].

Метафора позволяет не просто передать проприоцептивный опыт, но и максимально индивидуализировать его описание, сосредоточившись на наиболее значимых его нюансах и оттенках. При этом человек может использовать те ассоциативные связи, которые

соответствуют его интеллектуальным и эмоциональным возможностям и потребностям, а также коррелировать с его общим жизненным опытом. Приведем здесь лишь два примера из известной книги О. Сакса «Человек, который принял жену за шляпу» [Sacks, 2022]. Одна из его пациенток полностью утратила ощущение собственного тела и могла управлять им только в том случае, если видела свои конечности. Если наблюдение за телом было невозможно, она испытывала ощущение полной бестелесности. Выявив эту закономерность, женщина пришла к очень интересной метафорической трактовке проприоцепции, назвав ее «глазами тела». Развивая эту метафору, она пришла к пониманию проприоцептивного дефицита как «слепоты тела» [Sacks, 2012b, p. 47–58]. Заметим, что несмотря на идиосинкразический характер этой метафоры, она была признана Саксом не просто удачной, но и коммуникативно универсальной, подходящей не только для описания этого конкретного случая, но и для объяснения сущности проприоцепции в целом. Другой пациент использовал ассоциацию, навеянную его профессиональной деятельностью. Плотник по профессии, он описывает нарушение чувства баланса как неисправность установленного в мозгу ватерпаса – прибора, используемого для определения степени соответствия поверхности горизонтальной или вертикальной плоскости [Sacks, 2012b, p. 77]. Примечательно, что Сакс вновь оказывается впечатлен не только яркостью образа, но и его соответствием «физиологической истине»: орган баланса, действительно, работает именно по такому принципу. Оба эти примера наглядно доказывают, что проприоцепция является пусть и «скрытой», но все же интеллигибельной реальностью, которая может репрезентироваться в речи, причем метафора является наиболее эффективным инструментом передачи именно восчувствованного изнутри опыта.

Принципиально важно то, что при широком разнообразии потенциально возможных личностно значимых ассоциаций наблюдается выраженная системность в метафоризации проприоцепции, устойчивое употребление одних и тех же образов разными пациентами. Подчеркнем, что речь идет не только о базовых ориентационных метафорах (человек

«опускается» в болезнь и «поднимается» к здоровью), но и более сложных формах (человек устремляется из «тьмы» заболевания к «ясному свету» здоровья) [Sacks, 2012b, p. 241]. Значимо и то, что способность к метафоризации обнаруживается практически у всех больных с минимально сохранным интеллектом [Sacks, 2012b, p. 8], что свидетельствует об универсальности метафорической стратегии коммуникации перцептивного опыта и необходимости учета метафорических номинаций при составлении номенклатуры терминов-перцептонимов.

Некоторые паттерны метафоризации проприоцепции можно выявить на основе анализа текстов самого О. Сакса. Он не только приводит многочисленные метафоры из коммуникативного репертуара своих пациентов, но и делится собственными, описывая ситуацию тяжелого проприоцептивного дефицита, с которой столкнулся он сам в результате травмы ноги [Sacks, 2012a].

Обращает на себя внимание многократное использование музыкальной метафоры при описании проприоцептивных ощущений. Знакомство со специальной литературой позволяет выяснить, что Сакс не является создателем этой образности (первичным концептуализатором) и лишь продолжает давнюю метафорическую традицию, сложившуюся в неврологии. О «тихой музыке тела» (*the silent music of the body*) писал еще У. Гарвей [Harvey, 1959]. Метафора «кинетические мелодии» была ключевой в текстах А.Р. Лурии, который использовал ее для описания неврологического базиса высоко автоматизированных моторных действий [Лурия, 1979]. Сакс развивает эту традицию, предлагая собственную метафору «оркестра мышц» (*my muscle-orchestra playing*) [Sacks, 2012a, p. 14]. Он же вводит понятие «музыкальности движения» (*musicality of motion*) [Sacks, 2012a, p. 119], а также описывает способность музыки запускать поврежденные болезнью моторные автоматизмы: *I was musicked along* [Sacks, 2012a, p. 13] (Музыка толкала меня вперед, букв.: Меня музицировало вперед). Мышечная «гишина» в этой системе метафорических координат становится свидетельством серьезной патологии.

Заметим, что аудиальные (звуковые) образы употребляются и при описании интеле-

роцептивных ощущений. Однако они подчиняются другой метафорической логике. Во-первых, нормой считается состояние «органической тишины»; любой звук – это сигнал физического неблагополучия. Во-вторых, для обозначения interoцептивных ощущений практически всегда используются лексические единицы, обозначающие единичные, разрозненные и качественно однородные звуки, не образующие протяженных и органичных последовательностей (*thump* – стучать, наносить тяжелые удары, *shriek* – визжать, *scream* – вопить, *yell* – орать, *buzz* – жужжать, *roar* – рычать и т. п.) (см.: [Нагорная, 2015]). Таким образом, мы можем говорить о концептуальном своеобразии звуковых метафор в языке проприоцепции. Это является дополнительным подтверждением того, что широкие трактовки проприоцепции в духе С. Ивасаки несостоятельны.

Своеобразием отличаются и метафоры «потери», «утраты» конечности, которые типичны для описания проприоцептивного дефицита. Ср.: *I had lost my leg. Again and again I came back to these five words: words which expressed a central truth for me, however preposterous they might sound to anyone else. In some sense, then, I had lost my leg. It had vanished; it had gone; it had been cut off at the top* [Sacks, 2012a, p. 53] (Я потерял ногу. Снова и снова я возвращался к этим трем словам: словам, которые выражали для меня истину, как бы нелепо они ни звучали для всех других. В некотором смысле я потерял ногу. Она исчезла; она пропала; ее отрезали у самого верха.) Их драматизм заключается в хорошо осознаваемой абсурдности самой идеи отсутствия конечности, в остром конфликте между схемой и образом тела, с одной стороны, и противоречием между внутренним ощущением и наблюдаемой реальностью, с другой. Примечательно, что в профессиональном дискурсе неврологов это ощущение метафорически именуется «внутренней ампутацией» [Sacks, 2012a, p. 53].

Высокая частотность таких метафор заставляет нас усомниться в правильности одного из основных постулатов телесных штудий, согласно которому «отсутствие» тела в сознании есть признак физического благополучия [Leder, 1990]. «Мы чувствуем себя хо-

рошо, если мы не чувствуем своего тела» [Body Schema..., 2021, p. 13]. Мы вновь убеждаемся в том, что проприоцептивный опыт носит не вне-, а предрефлективный характер, и его присутствие в сознании, пусть и в качестве слабо различимого фона, обязательно.

В текстах Сакса попытка обнаружить «потерянное» приводит к максимальной объективации утратившей чувствительность конечности, в результате чего появляется очень специфический вид концептуализации, который сам автор называет «метафорами ничтожности», или «небытия» (*metaphors of non-entity*) [Sacks, 2012a, p. 200]. Нога превращается в «ничто», «пустоту», «вещь», которая не имеет к нему никакого отношения: *that thing, that featureless cylinder of chalk which served as my leg* [Sacks, 2012a, p. 111] (та вещь, тот безликий цилиндр из мела, который служил мне ногой); *a foreign, inconceivable thing* [Sacks, 2012a, p. 53] (чуждая мне, непостижимая вещь), *an unrelated “thing”* [Sacks, 2012a, p. 196] (никак не связанная со мной «вещь»), *a nothing which hung loosely from my hip* [Sacks, 2012a, p. 110] (ничто, свободно свисающее с моего бедра), *a nothingness, a void* [Sacks, 2012a, p. 71] (ничто, пустота). Метафорический характер подобного рода номинаций Сакс подчеркивает использованием кавычек, которые оказываются особенно полезны в качестве метаязыковых помет при введении в текст экстремальной формы этой метафоры – местоимения *it*: *I still refer to my injured ankle as “it” and I don’t trust it yet* [Sacks, 2012a, p. 186] (Я все еще называю свою поврежденную ногу «это» и по-прежнему ей не доверяю).

Подобные случаи мы можем квалифицировать как грамматическую метафору, когда формальная по своей сути единица нагружается глубоким смыслом. Этот смысл в данном случае двояк. С одной стороны, он заключается в неприятии конечности самим перцептором, отказе считать ее частью себя: *It seemed to bear no relation whatever to me. It was absolutely not-me* [Sacks, 2012a, p. 51] (Казалось, что она не имеет никакого отношения ко мне. Это был абсолютно не-я). С другой стороны, *it* передает значение чужеродности, инаковости, принадлежности другой, незнакомой человеку, реальности. Сакс при-

водит весьма любопытный список определенных, которые используют его пациенты для описания этого ощущения: “‘*queer*’, ‘*wrong*’, ‘*strange*’, ‘*unreal*’, ‘*uncanny*’, ‘*detached*’, and ‘*cut off*’ – and, again and again, the phrase ‘*like nothing on earth*’” [Sacks, 2012a, p. 132–133] («“чудной”, “неправильный”, “странный”, “нереальный”, “жуткий”, “отделенный” и “отрезанный” – и, снова и снова, фраза “непохожий ни на что на свете”»). Эта отчужденность подчеркивается и неоднократным использованием дистантного указательного местоимения *that – that thing* [Sacks, 2012a, p. 111] (та – та вещь). Восстановление чувствительности в ноге Сакс также метафоризирует скорее грамматически, используя максимально обобщенный дескриптор *thereness* (присутствие, букв. «тамость»): *It seemed radiant in its overwhelming and immediate thereness – that thereness now given, which no thinking could reach* [Sacks, 2012a, p. 124] (Казалось, что она сияет в своем ошеломляющем и непосредственном присутствии – том присутствии, которое было теперь дано и до которого невозможно было дотянуться сознанием). Только такая метафора, по его мнению, может адекватно передать этот не похожий ни на что, онтологически уникальный опыт.

Разумеется, проприоцепция концептуализируется и с помощью других, куда более ярких метафор (см.: [Нагорная, 2023]). Однако именно такие семантически обобщенные, грамматические метафоры заслуживают особого внимания, поскольку они обеспечивают концептуальное своеобразие дискурса проприоцептивных ощущений.

Значимость грамматики подсказывает нам еще один возможный ракурс лингвистического исследования проприоцепции: анализ синтаксической структуры «проприоцептивных высказываний» с целью дополнительного подтверждения валидности тех теоретических выкладок относительно упомянутого выше чувства собственности по отношению к своему телу, которые мы встречаем в теоретических работах по философии и психологии. Перспективной представляется здесь идея Й. Атарии о разграничении трех уровней владения телом: (1) «не я и не мое» – полное отсутствие чувства собственности по отношению к телу (ср.: *that thing is not moving* –

та вещь не движется, как у Сакса); (2) «мое, но не я» – слабое чувство собственности (ср.: *my leg / this leg of mine is not moving* – моя нога / эта моя нога не движется); и (3) «я» – ярко выраженное чувство собственности (ср.: *I am moving* – я двигаюсь) [Ataria, 2018, p. 36]. Распознавание этих конструкций в речи человека и выявление паттернов в их употреблении может оказаться важным в клинической и психотерапевтической практике, поскольку выбор в пользу той или иной из них может свидетельствовать об улучшении либо ухудшении состояния пациента.

Что касается выбора материала для лингвистического исследования, то мы хотели бы отметить чрезвычайную ценность нарративов от первого лица, о которой писал еще У. Джеймс в 1887 г. [James, 2009]. В настоящее время этот нарративный формат представлен множеством вариантов: автобиографическая проза, в том числе автопатография; авторские блоги в интернете и специализированные форумы в соцсетях, в которых обсуждаются различные виды проприоцептивного дефицита либо, напротив, проприоцептивной избыточности как в случае с фантомными конечностями; видеоблоги и др.

Заключение

Важнейшим условием для дальнейшего развития лингвосенсорики является расширение исследовательских границ с целью максимально полного охвата всех видов ощущений и учета тех их номенклатур, которые сложились в естественных и гуманитарных науках. «Зоной ближайшего развития» лингвосенсорики должно стать изучение проприоцепции как важнейшего ощущения, формирующего основу для всех видов телесного опыта и играющего ключевую роль в формировании человеческой идентичности. При создании лингвистической модели проприоцепции важно учитывать возможность передачи релевантных смыслов не только лексическими, но и синтаксическими средствами. Кроме того, при изучении языка проприоцепции необходимо каталогизировать не только перцептивы-универбы, но и метафоры, которые во многих отношениях являются более точным средством передачи перцептивных смыслов.

Лингвистическое исследование проприоцепции может оказаться полезным вкладом в изучение этого сложнейшего феномена в других науках. Оно позволит получить дополнительные данные, касающиеся феноменологии интеро- и проприоцепции, внести ясность в принципы их разграничения, уточнить объем соответствующих понятий, а также определить их значимость в структуре субъективного опыта человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее перевод наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубровский Д. И., 2013. Субъективная реальность и мозг: опыт теоретического решения проблемы. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing. 284 p.
- Лурия А. Р., 1979. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М. : Изд-во Моск. ун-та. 320 с.
- Лурия А. Р., 1982. Этапы пройденного пути : науч. автобиография / под ред. Е. Д. Хомской. М. : Изд-во Моск. ун-та. 184 с.
- Нагорная А. В., 2014. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М. : ЛЕНАНД. 320 с.
- Нагорная А. В., 2015. Образы зрительной и слуховой модальности в когнитивном пространстве интероцепции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 81–88.
- Нагорная А. В., 2017. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. М. : ИНИОН РАН. 86 с.
- Нагорная А.В., 2023. Метафоры, которыми мы ощущаем // Нагорная А. В., Смирнова А. Г., Цыгунова М. М., Чермошнцева К. А. Метафорика субъективного опыта в современной англоязычной культуре. М. : ЛЕНАНД. С. 34–102.
- Харченко В. К., 2012. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : ЛИБРОКОМ. 216 с.
- Ataria Y., 2018. Body Ownership in Complex Posttraumatic Stress Disorder. N. Y. : Palgrave Macmillan. 200 p.
- Body Schema and Body Image: New Directions, 2021. / ed. by Y. Ataria, Sh. Tanaka, Sh. Gallagher. Oxford : Oxford University Press. 384 p.
- Cardini F.-E., 2008. Manner of Motion Saliency: An inquiry into Italian // Cognitive Linguistics. Vol. 19, iss. 4. P. 533–569.
- Charon R., 2006. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness. Oxford : Oxford University Press. 304 p.
- Clinical Management of Sensorimotor Speech Disorders, 1997 / ed. by A. McNeil, R. R. Malcom. N. Y. : Thieme. 448 p.
- Dainton B., 2008. The Experience of Time and Change // Philosophy Compass. Vol. 3, iss. 4. P. 619–638.
- Dellantonio S., Pastore L., 2012. Internal Perception: The Role of Body Information in Concepts and Word Mastery. Berlin : Springer. 382 p.
- Fogel A., 2009. The Psychophysiology of Self-Awareness: Rediscovering the Lost Art of Body Sense. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Company. 416 p.
- Gallagher Sh., 2005. How the Body Shapes the Mind. N. Y. : Oxford University Press. 294 p.
- Gallagher Sh., 2019. Self-Defense: Deflecting Deflationary and Eliminativist Critiques Off the Sense of Ownership // Owning A Body + Moving a Body = Me. Lausanne : Frontiers. P. 7–16.
- Gibson J., 2013. The Ecological Approach to Visual Perception. N. Y. ; L. : Routledge. 346 p.
- Guillot M., 2017. I Me Mine: On a Confusion Concerning the Subjective Character of Experience // Review of Philosophy and Psychology. Vol. 8, iss. 1. P. 23–53.
- Harvey W., 1959. De Motu Locali Animalium (1627). Cambridge : Cambridge University Press. 163 p.
- Iwasaki Sh., 2002. Proprioceptive-State Expressions in Thai // Studies in Language. International J. Sponsored by the Foundation “Foundations of Language”. Amsterdam : John Benjamins e-platform. Vol. 26, iss. 1. P. 33–66.
- James W., 2009. The Consciousness of Lost Limbs (1887) // Proceedings of the American Society for Psychical Research. № 1. P. 249–258.
- Johnson M., 2007. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago : The Univ. of Chicago Press. 328 p.
- Kaya D., Yertutanol F. D. K., Calik M., 2018. Neurophysiology and Assessment of the Proprioception // Proprioception in Orthopaedics, Sports Medicine and Rehabilitation. Cham : Springer. P. 3–11.
- Langacker R.W., 1987. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford University Press. 540 p.
- Leder D., 1990. The Absent Body. Chicago : The University of Chicago Press. 229 p.
- Lowen A., 1993. Depression and the Body: The Biological Basis of Faith and Reality. N. Y. : Penguin Books. 320 p.
- Mani I., Pustejovski J., 2012. Interpreting Motion: Grounded Representations for Spatial Language. N. Y. : Oxford University Press. 166 p.
- McLaren K., 2010. The Language of Emotions: What Your Feelings Are Trying to Tell You. Toronto : Sounds True, Inc. 432 p.

- Owning A Body + Moving a Body = Me, 2019 / ed. by L. Pia, F. Garbarini [et al.]. Lausanne : Frontiers. 122 p.
- Proske U., Gandevia S. C., 2012. The Proprioceptive Senses: Their Roles in Signaling Body Shape, Body Position and Movement, and Muscle Force // *Physiological Review*. № 92. P. 1651–1697.
- Sacks O., 2012a. *A Leg to Stand On*. L. : Picador. 206 p.
- Sacks O., 2012b. *Awakenings*. L. : Picador. 408 p.
- Sacks O., 2022. *The Man Who Mistook His Wife for a Hat*. L. : Picador. 257 p.
- Santuz Z., Zampieri N., 2024. Making Sense of Proprioception // *Trends in Genetics*. Vol. 40, № 1. P. 20–23. DOI: 10.1016/j.tig.2023.10.006
- Saulton A., 2017. *Understanding the Nature of the Body Model Underlying Position Sense* : diss. Moutiers-au-Perche. 99 p.
- Sherrington Ch., 1906. *The Integrative Action of the Nervous System*. Liverpool ; N. Y. : Charles Scribner's Sons. 412 p.
- Steen G. J., 2015. Developing, Testing and Interpreting Deliberate Metaphor Theory // *Journal of Pragmatics*. Vol. 90. P. 67–72.
- Talmy L., 2000. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge ; L. : The MIT Press. Vol. 2. Typology and Process in Concept Structuring. 569 p.
- The Body and the Self*, 1998 / ed. by J. L. Bermúdez, N. Eilan, A. Marcel. Denver : Bradford Books. 384 p.
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy* [Sensory Studies as a New Line of Research in Contemporary Linguistics]. Moscow, INION RAN Publ. 86 p.
- Nagornaya A.V., 2023. *Metafori, kotorymi my oshchushchaem* [Metaphors We Feel By]. Nagornaya A.V., Smirnova A.G., Tsygunova M.M., Chermoshentseva K.A. *Metaforika subyektivnogo opyta v sovremennoy angloyazychnoy culture* [Metaphors of Subjective Experience in the Contemporary English Culture]. Moscow, LENAND Publ., pp. 34-102.
- Kharchenko V.K., 2012. *Lingvosensorika: Fundamentalnye i prikladnye aspekty* [Sensory Linguistics: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, LIBROKOM Publ. 216 p.
- Ataria Y., 2018. *Body Ownership in Complex Posttraumatic Stress Disorder*. New York, Palgrave Macmillan. 200 p.
- Ataria Y., Tanaka Sh., Gallagher Sh., eds., 2021. *Body Schema and Body Image: New Directions*. Oxford, Oxford University Press. 384 p.
- Cardini F.-E., 2008. Manner of Motion Saliency: An Inquiry Into Italian. *Cognitive Linguistics*, vol. 19, iss. 4, pp. 533-569.
- Charon R., 2006. *Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness*. Oxford, Oxford University Press. 304 p.
- McNeil A., Malcom R.R., eds., 1997. *Clinical Management of Sensorimotor Speech Disorders*. New York, Thieme. 448 p.
- Dainton B., 2008. The Experience of Time and Change. *Philosophy Compass*, vol. 3, iss. 4, pp. 619-638.
- Dellantonio S., Pastore L., 2012. *Internal Perception: The Role of Body Information in Concepts and Word Mastery*. Berlin, Springer. 382 p.
- Fogel A., 2009. *The Psychophysiology of Self-Awareness: Rediscovering the Lost Art of Body Sense*. New York, London, W. W. Norton & Company. 416 p.
- Gallagher Sh., 2005. *How the Body Shapes the Mind*. New York, Oxford University Press. 294 p.
- Gallagher Sh., 2019. Self-Defense: Deflecting Deflationary and Eliminativist Critiques Off the Sense of Ownership. *Owning A Body + Moving a Body = Me*. Lausanne, Frontiers, pp. 7-16.
- Gibson J., 2013. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York, London, Routledge. 346 p.
- Guillot M., 2017. I Me Mine: On a Confusion Concerning the Subjective Character of Experience. *Review of Philosophy and Psychology*, vol. 8, iss. 1, pp. 23-53.
- Harvey W., 1959. *De Motu Locali Animalium (1627)*. Cambridge, Cambridge University Press. 163 p.

REFERENCES

- Dubrovskiy D.I., 2013. *Subyektivnaya realnost i mozg: opyt teoreticheskogo resheniya problem* [Subjective Reality and the Brain: Theoretical Solution to the Problem]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. 284 p.
- Luriya A.R., 1979. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 320 p.
- Luriya A.R., 1982. *Etapy proydennogo puti: nauch. avtobiografiya* [Stages of My Life Journey. Scientific Autobiography]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 184 p.
- Nagornaya A.V., 2014. *Diskurs nevyrazimogo: Verbalika vnutritelesnykh oshchushcheniy* [Discourse of the Inexplicable: Language of Inner-Body Sensations]. Moscow, LENAND Publ. 320 p.
- Nagornaya A.V., 2015. *Obrazy zritelnoy i slukhovoy modalnosti v kognitivnom prostranstve interotseptsii* [Visual and Auditory Images in the Mental Space of Interoception]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the North (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], no. 3, pp. 81-88.

- Iwasaki Sh., 2002. Proprioceptive-State Expressions in Thai. *Studies in Language. International J. Sponsored by the Foundation "Foundations of Language"*. Amsterdam, John Benjamins e-platform, vol. 26, iss. 1, pp. 33-66.
- James W., 2009. The Consciousness of Lost Limbs (1887). *Proceedings of the American Society for Psychical Research*, no. 1, pp. 249-258.
- Johnson M., 2007. *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. Chicago, The Univ. of Chicago Press. 328 p.
- Kaya D., Yertutanol F.D.K., Calik M., 2018. Neurophysiology and Assessment of the Proprioception. *Proprioception in Orthopaedics, Sports Medicine and Rehabilitation*. Cham, Springer, pp. 3-11.
- Langacker R.W., 1987. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol I. Theoretical Prerequisites*. Stanford, Stanford University Press. 540 p.
- Leder D., 1990. *The Absent Body*. Chicago, The University of Chicago Press. 229 p.
- Lowen A., 1993. *Depression and the Body: The Biological Basis of Faith and Reality*. New York, Penguin Books. 320 p.
- Mani I., Pustejovski J., 2012. *Interpreting Motion: Grounded Representations for Spatial Language*. New York, Oxford University Press. 166 p.
- McLaren K., 2010. *The Language of Emotions: What Your Feelings are Trying to Tell You*. Toronto, Sounds True, Inc. 432 p.
- Pia L., Garbarini F. et al., eds., 2019. *Owning A Body + Moving a Body = Me*. Lausanne, Frontiers. 122 p.
- Proske U., Gandevia S.C., 2012. The Proprioceptive Senses: Their Roles in Signaling Body Shape, Body Position and Movement, and Muscle Force. *Physiological Review*, no. 92, pp. 1651-1697.
- Sacks O., 2012a. *A Leg to Stand On*. London, Picador. 206 p.
- Sacks O., 2012b. *Awakenings*. London, Picador. 408 p.
- Sacks O., 2022. *The Man Who Mistook His Wife for a Hat*. London, Picador. 257 p.
- Santuz Z., Zampieri N., 2024. Making Sense of Proprioception. *Trends in Genetics*, vol. 40, no. 1, pp. 20-23. DOI: 10.1016/j.tig.2023.10.006
- Saulton A., 2017. *Understanding the Nature of the Body Model Underlying Position Sense: diss.* Moutiers-au-Perche. 99 p.
- Sherrington Ch., 1906. *The Integrative Action of the Nervous System*. Liverpool, New York, Charles Scribner's Sons. 412 p.
- Steen G.J., 2015. Developing, Testing and Interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*, vol. 90, pp. 67-72.
- Talmy L., 2000. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, London, The MIT Press, vol. 2. Typology and Process in Concept Structuring. 569 p.
- Bermúdez J.L., Eilan N., Marcel A., eds., 1998. *The Body and the Self*. Denver, Bradford Books. 384 p.

Information About the Author

Alexandra V. Nagornaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, School of Foreign Languages, HSE University, Staraya Basmannaya St, 21/4, 105006 Moscow, Russia, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-0835>

Информация об авторе

Александра Викторовна Нагорная, доктор филологических наук, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, 105006 г. Москва, Россия, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-0835>

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

